

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.Н. РАДИЩЕВ
И ЛИТЕРАТУРА
ЕГО
ВРЕМЕНИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

В Е К

СБОРНИК

12

А. Н. РАДИЩЕВ
И ЛИТЕРАТУРА
ЕГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1977

Под редакцией
Г. П. МАКОГОНЕНКО

А. Н. РАДИЩЕВ И ЛИТЕРАТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *М. И. Разуевич*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Э. В. Коваленко* и *Э. Н. Литва*

Сдано в набор 21/X 1976 г. Подписано к печати 7/IV 1977 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 1. Печ. л. 16^{1/4}=16.25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20.75. Изд. № 6547. Тип.
зак. № 1633. М-24050. Тираж 6600. Цена 1 р. 67 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Мецделевская линия, д.

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 1

Р $\frac{70202-521}{042(02)-77}$ -319-77

© Издательство «Наука» 1977 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Четыре десятилетия тому назад группа по изучению русской литературы XVIII в. вслед за первым сборником «XVIII век» обратилась к наследию А. Н. Радищева и выпустила хорошо известный сборник,¹ которым было положено начало широкому и многообразному изучению творческого наследия великого писателя-революционера. С тех пор исследование литературного наследия Радищева стало одной из важнейших задач советской науки о русской литературе XVIII в. Вслед за советскими учеными к изучению Радищева обратились зарубежные слависты; во многих случаях они вносят свой вклад в разработку существенных проблем творчества писателя-революционера.²

Данный сборник не является итоговым. Наука о Радищеве и сегодня находится в пути. За последнее десятилетие, в частности, сделано очень много в разработке проблем текстологии и творческой истории основных произведений Радищева.

Поэтому мы сочли наиболее целесообразным на современном этапе наших знаний и представлений о Радищеве сосредоточить внимание участников сборника, исследователей разных поколений, на широком круге проблем литературного наследия писателя, «деятельность и творчество» которого, по определению Г. А. Гуковского, «были итогом накопления сил демократической мысли XVIII столетия».³

Когда подводились итоги изучения русской литературы XVIII в. за пятьдесят лет существования советской науки, то констатировалось, что «Радищевым стали заниматься не только литературоведы, но и историки, философы, экономисты, юристы. Совместными усилиями всех этих специалистов, часто противоречивших друг другу в своих исходных положениях и в особен-

¹ А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936.

² См.: Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом. (Обзор).— Рус. лит., 1975, № 1, с. 179—187.

³ Гуковский Г. А. Проблемы изучения русской литературы XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 15.

ности в конечных выводах, „проблема Радищева“ была во многом прояснена. <...> Главное значение вклада Радищева в русскую литературу заключается в его последовательном демократизме и революционных выводах его философии. Однако характер этой революционности — демократическая она или дворянская — продолжает оставаться предметом спора, так же как и вопрос об отношении его к просветительству и к литературным направлениям эпохи».⁴

Участников данного сборника объединило стремление изучать демократизм Радищева не умозрительно и теоретически, а в его живом литературном, художественном выражении.

Такой подход к радищевскому наследию, для нас уже самоочевидный и не нуждающийся в какой-либо особой аргументации, является одним из существенных достижений именно советской историко-литературной науки. Долгое время даже «Путешествие из Петербурга в Москву» рассматривалось многими, если не всеми его исследователями, — а иногда с таким отношением мы встречаемся и сейчас, — как политический трактат или «рассуждение» — так назывались в XVIII в. такого рода сочинения. Из «Путешествия» смело извлекали нужную сумму идей, не считаясь с тем, что, если бы Радищев хотел написать специальное «сочинение» на социально-политическую тему или философский трактат, то он легко мог это сделать, и такая работа потребовала бы у него гораздо меньше времени и сил. Сейчас наша наука выяснила и художественное своеобразие «Путешествия из Петербурга в Москву», и глубоко новаторский характер работы писателя над жанром, композицией и стилем своей книги.

К сожалению, архаическое и, казалось бы, давно отброшенное представление о «Путешествии из Петербурга в Москву» иногда воскресает и получает право гражданства в учебных пособиях; некоторые авторы пренебрегают тем, что сделано было нашей наукой по исследованию структуры и внутреннего единства главного произведения Радищева.⁵

Последовательный демократизм Радищева-писателя — если мы хотим его понять во всем его богатстве и сложности — может и должен изучаться в исторической динамике, в его становлении и развитии, в его связях и взаимоотношениях с современной ему демократической мыслью литературы Просвещения последней четверти XVIII в.

Исторически вопросы демократического развития общества в литературном сознании эпохи, на которую приходится и формирование Радищева-писателя, и создание его важнейших литературных произведений — «Путешествия из Петербурга в Москву»,

⁴ Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968, с. 76.

⁵ О. В. Орлов считает, что «Путешествие» — «сборник социологических очерков» (Орлов О. В., Федоров В. И. Русская литература XVIII века. М., 1973, с. 259)

оды «Вольность» и «Жития Федора Васильевича Ушакова», — на континенте Европы понимали как защиту и выражение интересов «третьего сословия» в целом. Противоречия внутри этого сословия не всегда замечались, а когда они становились очевидны, то объяснялись неразумной природой феодально-абсолютистского государства. Драмы Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь» потому и воспринимаются как художественная форма демократического протеста литературы XVIII в.

Просветительская мысль Европы до конца 1770-х гг., т. е. до победы американской революции, хотя и проявляла беспокойство о положении и судьбах крестьянства, подчиняла решение этой социальной проблемы общим задачам разумного переустройства общества.

Сочувствие жалкому и угнетенному положению крестьянства у французских просветителей, да и не только у них, сопровождалось признанием темноты и невежества масс, их неспособности, как казалось просветителям, осознать свои истинные сословные интересы. Отсюда, по их мнению, легковерие и готовность крестьянства поддаться любой социальной демагогии, особенно если она облекается в привычную религиозную форму. Поэтому общественная активность крестьянства, как правило, отрицательна. Наиболее значительные крестьянские войны — высшая форма крестьянской исторической инициативы — в оценке просветительской мысли XVIII в. предстают как достойное сожаления массовое заблуждение.

Словом, народные массы, плебеи, чернь, как называли их просветители 1750—1770-х гг., не входили ни в историческую, ни в социальную концепцию просветителей; проблема «народ и его роль в истории» не получила серьезной разработки ни в одной из философских или социологических систем эпохи, равно как и в собственно исторических концепциях, даже у Руссо.

Во французской литературе середины века выразилось все то же осторожное и скорее презрительное, чем сочувственное отношение к крестьянину. Крестьянство как социальная категория в романе XVIII в. не является носителем какого-либо нравственного идеала. В народе обнаруживают только самые примитивные социальные инстинкты, и в этом отношении крестьянин представляет собой социальный балласт для той борьбы, которую вели идеологи Просвещения.

Комедия со времен Мольера отвела крестьянину третьестепенное место в иерархии действующих лиц, изображая его дураком или полудиотом.

Радищев-писатель формируется в ту эпоху, когда крестьянство заявило о себе как о важной силе исторического движения. Крестьянская война в России 1773—1774 гг., американская революция 1776—1787 гг., осуществленная свободными крестьянами, — главные вехи исторического развития, под воздействием которых формировался демократизм Радищева-писателя. В статьях

нашего сборника прослеживается, какими средствами и каким образом в художественном творчестве Радищева происходит внутренняя перестройка уже существующих литературных форм, как преодолеваются некоторые литературные традиции. Участники сборника стремились показать, как художественное новаторство Радищева подчинило жанры литературного путешествия, ораторской речи, мемуаров или дневника новым художественным заданиям, демократизируя не только тематику, но и самые формы его искусства.

Жанровое и тематическое новаторство, — это убедительно показала наша наука, — всегда было подчинено у Радищева освоению и осмыслению нового исторического опыта.

Как составную часть этого исторического опыта своего времени Радищев рассматривал демократическую по своей устремленности литературу. Поэтому мы сочли необходимым продолжить разработку проблемы, которая в нашей науке рассматривается систематически, — проблемы взаимодействия творчества Радищева с творчеством просветителей-демократов русских, французских, американских.

Требуют дальнейшего и более углубленного изучения вопросы преемственности литератур XVIII и XIX вв. вообще и освоения и развития идейного и литературного наследия Радищева русскими писателями и общественными деятелями в частности. В этом отношении особое внимание заслуживают эстетические и исторические взгляды Радищева.

На протяжении многих лет высказываются противоречивые взгляды о литературной позиции писателя: одни исследователи называют его сентименталистом, другие — реалистом. Давно наступила пора от определений перейти к развернутому исследованию характера и своеобразия эстетических воззрений Радищева, чье учение о человеке, о социальной среде, о народе и его роли в жизни общества и в историческом процессе было обусловлено революционными воззрениями писателя. Программное сочинение Радищева эпохи сибирской ссылки «О человеке, о его смертности и бессмертии» по традиции рассматривается лишь как философский трактат, в то время как в нем поставлены и решены важнейшие эстетические проблемы. Тщательное их рассмотрение — дело ближайшего будущего. Статья Л. Н. Лузяниной, публикуемая в настоящем сборнике, как бы начинает новую традицию изучения этого глубоко содержательного и в известной мере итогового произведения Радищева.

Еще в 1930-е гг. началось изучение путей формирования исторического мышления в русской литературе последних двух десятилетий XVIII в. Г. А. Гуковский убедительно показал, что истоки историзма в России берут свое начало в творчестве Радищева. С тех пор эта тема не получила дальнейшего развития. Вот почему перед наукой стоит задача изучения радищевского понимания и изображения истории, радищевской философии истории;

должны быть исследованы пути преодоления механистического, просветительского взгляда на историю и влияние революционных идей писателя на формирование основ его историзма. Особое внимание нужно уделить выяснению роли его трудов в выработке исторического мышления в русской литературе допушкинского периода.

Должны появиться работы по собиранию творческого наследия Радищева и материалов его биографии. Факты свидетельствуют, что находки еще возможны (см. некоторые новые материалы, публикуемые в настоящем сборнике). К сожалению, в последние годы прекращены поиски студенческих сочинений Радищева — их не нашли ни в ЦГАДА, ни в архиве Лейпцигского университета. Но еще остался необследованным архив МИДа, где в делах русского посланника в Дрездене Белосельского, сообщавшего подробные сведения о жизни и занятиях русских студентов в Лейпцигском университете, могли сохраниться и их сочинения как свидетельство учебных успехов; не изучены многие областные архивы и библиотека Воронцовых в Одессе, в которой могут быть обнаружены интересные сведения о Радищеве, о его жизни и творчестве.

Готовя данный сборник к изданию, мы стремились к тому, чтобы он не только давал представление о современном уровне и проблематике советского радищеведения, но и намечал некоторые пути дальнейшего плодотворного исследования деятельности и литературного наследия писателя-революционера.

Цитаты из произведений Радищева даются по изданию: *А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений*, т. 1—3. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938—1952.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

РАДИЩЕВ И ПРОБЛЕМА КРАСНОРЕЧИЯ
В ТЕОРИИ XVIII ВЕКА

Свое представление об ораторе Радищев передает в следующих словах: «Человек, рожденный с нежными чувствами, одаренный сильным воображением, побуждаемый любочестием, изторгается из среды народных. Восходит на лобное место. Все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его произречения. Его же ожидает плескание рук или посмеяние, горшее самая смерти. Как можно быть ему посредственным? Таков был Демосфен, таков был Цицерон; таков был Пит; таковы ныне Бурк, Фокс, Мирабо и другие. Правила их речи дочерпаемы в обстоятельствах, сладость изречения в их чувствах, сила доводов в их остроумии» (I, 387). Этот небольшой отрывок из «Слова о Ломоносове», завершающего «Путешествие из Петербурга в Москву», во многом помогает понять отношение писателя к проблеме красноречия. Прежде всего очевидно, что такая проблема для Радищева существовала. Просветительская вера в могущество и действенность слова делала эту проблему чрезвычайно насущной. Восхищаясь красноречием Ломоносова, Радищев замечает, что ораторский дар дает ему «право неограниченное действовать на своих современников» (I, 388). Перечень имен в приведенном выше отрывке показывает также, что автор «Путешествия» проявляет живой интерес к современным ему ораторам — они названы рядом с «хрестоматийными» Цицероном и Демосфеном.

Говоря о заслугах Ломоносова в области красноречия, Радищев вспоминает своего соотечественника и современника — митрополита Платона Левшина. Здесь же писатель размышляет и о дальнейшей судьбе русского ораторского искусства. Не находя еще достойного преемника Ломоносова, Радищев высказывает надежду на его появление в будущем: «И кто? он же, пресытившись обильным велеречием похвальных твоих слов, возгремит не твоим хотя слогом, но будет твой воспитанник» (I, 389). Характерное для Радищева отношение к красноречию как к литературному делу было связано с целой традицией, сложившейся в России в течение XVIII в.

Выступая со статьей «О российском духовном красноречии», А. П. Сумароков заявлял: «Во проповедниках вижу собратий моих по единому их риторству, а не по священству».¹ Этим писатель утверждал свое право судить о характере и качестве проповеди с литературной точки зрения. Формирование новой литературы было одним из следствий секуляризации всей русской культуры. Однако духовная литература в XVIII в. продолжает существовать наряду со светской, сохраняя свою специфику и вместе с тем являясь важным компонентом, частью общего литературного движения. Проповедь уже со времен Феофана Прокоповича приобретает публицистические черты, и в дальнейшем русское духовное красноречие развивается в постоянном взаимодействии с красноречием гражданским. Ораторская проза занимает одно из самых почетных мест в жанровой системе русского классицизма, и теоретические труды Ломоносова («Краткое руководство к риторике» 1743 г. и «Краткое руководство к красноречию» 1748 г.) представляют собой не столько итог, сколько программу на будущее — программу, принятую несколькими последующими поколениями.

Почти все крупнейшие русские писатели XVIII в. от Ломоносова до Фонвизина и Карамзина обращаются к ораторской прозе в своей литературной практике. «Слово» или речь становится так же «показательно», как ода: чем традиционнее жанр, тем ярче проявляется оригинальность писателя, выступающего в этом жанре. Вместе с тем в отличие от оды ораторская проза привлекала к себе внимание и тех, кого нельзя назвать писателем в собственном смысле слова. Учиться искусству красноречия заставляла прежде всего общественная жизнь России XVIII в.: основание Московского университета, работа Комиссии по составлению проекта нового Уложения, образование политических группировок, оппозиционных по отношению к правительству. Замечательные ораторы выдвигались из среды университетских профессоров, участников Комиссии, государственных деятелей. Их речи и выступления — тоже часть литературы, и именно так они воспринимались в начале XIX в. «Издание профессорских речей, — говорилось в «Уведомлении» к собранию речей профессоров Московского университета, — лучших своего времени прозаических сочинений, может служить дополнением к истории отечественной словесности».²

К 1780—1790-м гг. сформировалась определенная культура русского гражданского красноречия. Эта культура опиралась и на национальную традицию, включавшую и духовное красноречие, и на опыт европейских стран, прежде всего Франции, выдвинувшей замечательных ораторов в годы революции.

¹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч., т. VI. М., 1781, с. 295.

² Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями, ч. I. М., 1819, с. 2.

Таким образом, проблема красноречия, стоявшая перед Радищевым, была проблемой эпохи, проблемой, приобретавшей в России особенно большую остроту в связи с ростом национального самосознания. Фонвизин, к сочинениям которого Радищев, как известно, относился с живейшим вниманием и интересом, устами Стародума высказывает несколько принципиально важных соображений по этому поводу: «Размышлял я, отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою хвалою, но претурою, архонциями и консульствами награждается».³ Фонвизин убежден, что отечественное красноречие могло бы обнаружить свою силу, «если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».⁴

Эти идеи Фонвизина были, по-видимому, достаточно близки и Радищеву. Оба писателя подходили к проблеме красноречия с позиций публициста, с позиций политического борца. Для автора «Путешествия» вопрос о свободе слова имел исключительно важное значение. Несколько перефразируя Тацита, Радищев писал: «Если свободно всякому мыслить, и мысли свои объявлять всем безпрекословно, то естественно, что все, что будет придумано, изобретено, то будет известно; великое будет велико, истина не затмится. Не дерзнут правители народов, — переходил писатель к смелому выводу, как бы продолжающему мысль Фонвизина, — удалиться от стези правды, и убоятся; ибо пути их, злость и ухищрение обнажатся» (I, 335). Видя в слове не только моральную силу, но и политическую, Радищев стремится овладеть этой силой, чтобы «соучастником быть во благодействии себе подобных».

На первый взгляд кажется странным скептическое отношение писателя к любого рода руководствам по красноречию и риторическим правилам. В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев весьма иронически отзывался о духовном наставнике русских студентов в Лейпциге: «Отец Павел был в своем роде человек полуученый, знал по Латыне, по Гречески и несколько по Еврейски. В семинарии прошел все нижние и верхние философские и богословские классы и был учителем Риторики. Но если ему известны были правила красноречия, древними Авторами преподаванного, если знал он что есть Метафора, Антитезис и прочия риторическия фигуры, то никто столь мало не был красноречив, как наш отец Павел» (I, 164). Знакомство с этим

³ Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1959, с. 64.

⁴ Там же, с. 65.

знатоком ораторских приемов подтверждало для Радищева общее правило, его убежденности в бесполезности и ненужности риторики. «...хладнокровные критики думали, что можно начертать правила остроумию и воображению, думали, что путь к прелестям проложить можно томными предписаниями. Сие есть начало риторики» (I, 387), — писал Радищев в «Слове о Ломоносове», с присущей ему решительностью отвергая нормативную эстетику. Писатель высказывает сомнение даже по поводу «Риторики» Ломоносова: «...тщетной его был труд в преподавании правил тому, что более чувствовать должно, нежели твердить» (I, 387).

Отвергает ли Радищев в принципе необходимость учиться искусству слова? Как всегда, он предлагает нетрадиционный путь. По его мнению, учиться необходимо, но для этого нужно обращаться не к теоретическим пособиям, а к живым примерам — лучшим образцам красноречия. Поэтому, считая напрасным трудом работу Ломоносова над «Риторикой», Радищев делает уступку: «...но примеры, приводимые им для подкрепления и объяснения его правил, могут несомненно руководствовать пускающемуся в след славы, словесными науками стяжаемой» (I, 387).

Мнение Радищева было высказано в ту пору, когда красноречие преподавалось в академиях и университетах Европы, когда незнание правил риторики воспринималось как невежество, в ту пору, наконец, когда Ломоносов был уже канонизирован и это накладывало неизбежный отпечаток на оценку всей его деятельности.⁵ Широко распространенный взгляд на значение риторики был высказан русскими переводчиками книги Х. Блэра «Опыт риторики», которые писали: «Всяк должен признаться, что познание риторики составляет весьма существенную часть воспитания каждого благонравного юноши».⁶

Свою концепцию ораторского искусства предложил современник Радищева, профессор Лейпцигского университета Иоганн Август Эрнести, которого за превосходное знание латинского языка называли «немецким Цицероном». И. А. Эрнести (1707—1781) учился в Виттенберге и Лейпциге, серьезно занимался античной литературой, издавал ее классиков: Гомера, Цицерона, Тацита и др. С 1742 г. Эрнести был в Лейпцигском университете профессором древней литературы, с 1756 г. — профессором красноречия; сделавшись еще в 1759 г. профессором теологии, он вначале совмещал две специальности, а затем, с 1770 г., всецело занялся теологией. Эрнести называли «одним из самых знамени-

⁵ См.: Кулакова Л. И. А. Н. Радищев о М. В. Ломоносове. — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., 1962, с. 219—247.

⁶ Опыт риторики, сокращенный большею частью из наставлений доктором Блером в сей науке преподаваемых. С английского языка на российский преложен А. К. и В. С. СПб., 1791, с. 4 (ненум.). «Лекции по риторике и изящной словесности» («Lectures on Rhetoric and Belles Lettres») профессора Эдинбургского университета Хью Блэра (Hugh Blair, 1718—1800) были опубликованы в 1783 г.

тых критиков, которых породила Германия», его научные заслуги были высоко оценены еще при жизни, все ученые общества стремились сделать его своим членом. Личные качества этого профессора, обыгрывая его фамилию, характеризовали следующим образом: «Эрнести был, разумеется, серьезен, мягкость его лица умеряла суровость, он был великодушен, благоразумен, хороший друг, терпим по отношению к другим; упрекнуть его можно только в чрезмерном самолюбии».⁷ Как богослов Эрнести стоял на позициях «неологов», т. е. стремился дать историческое и филологическое прочтение Библии, примыкая таким образом к деистическому просветительскому направлению в теологии.⁸

Эрнести не упоминается среди лейпцигских учителей Радищева,⁹ однако, как мы видим, в годы пребывания русского писателя в Лейпциге Эрнести преподает красноречие и теологию. В это время он уже один из маститых и авторитетных профессоров Лейпцигского университета. Написанное Эрнести руководство по риторике «*Initia rhetorica*», напечатанное в Лейпциге в 1750 г., приобретает широкую популярность, переиздается и становится на долгие годы общепризнанным пособием во всей Европе. В 1760-е гг. выходят два издания собрания речей Эрнести «*Opuscula oratoria, orationes, prolusiones et elogia*» (Leiden, 1762, 1767).

Трудно предположить, что русские студенты, учившиеся в это же время в Лейпциге, ничего не знали об Эрнести и его сочинениях. Представляется, например, вполне вероятным, что Ф. В. Ушаков посещал лекции Эрнести, и можно с почти полной уверенностью сказать, что он ознакомился с сочинениями латинских классиков по изданиям Эрнести. Радищев вспоминал: «Между разными упражнениями, к приобретению знаний относящимися, Федор Васильевич отменно прилежал к Латинскому языку. Сверх обыкновенных лекций имел он особья. Солнце, восходя на освещение трудов земнородных, нередко заставало его беседующего с Римлянами. Наиболее всего привлекала его в Латинском языке сила выражений. Исполненные духа вольности, сии властители Царей упругость своя души изъявили в своем речении» (I, 179). Может быть, и Радищев слушал знаменитого Эрнести или, во всяком случае, был знаком с его трудами? Может быть, эти труды навели Радищева на скептические размышления относи-

⁷ *Biographie universelle*, vol. 12. Paris, 1855, p. 563—565. Об Эрнести см. также: *Meusel J. G. Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller*, Bd 3. Leipzig, 1804, S. 156—166; *Allgemeine deutsche Biographie*, Bd 6. Leipzig, 1877, S. 235—241.

⁸ См.: *Aufklärung*. Berlin, 1963, S. 44, 45, 390 (Erläuterungen zur deutschen Literatur).

⁹ См.: *Старцев А. И. Университетские годы Радищева*. М., 1956; *Макогоненко Г. П. Радищев и его время*. М., 1956, с. 34—39; *Hoffmann P.* 1) *Russische Studenten in Leipzig. 1767—1771*. — In: *Deutsch-slavische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten*, Berlin, 1956, S. 337—348; 2) *Radišev in Leipzig*. — In: *Karl-Marx-Universität, Leipzig. 1409—1959. Beiträge zur Universitätsgeschichte*, Bd I. Leipzig, 1959, S. 193—207.

тельно пользы риторик? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо познакомиться с идеями самого Эрнести, проследить, как они воспринимались в России.

Имя и сочинения немецкого профессора были известны в России еще задолго до отъезда Радищева в Германию. В 1756 г. Н. Н. Поповский был определен профессором красноречия в Московском университете и, по сообщению С. П. Шевырева, «основания слога излагал он по Гейнекцию, риторикку по Эрнестию. Правда сей последней он объяснял частью примерами, почерпнутыми из писателей, частью своими практическими опытами».¹⁰ Эти сведения подтверждаются и печатным «Объявлением, какие лекции и в которые дни и часы читаны быть имеют публично в императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года».¹¹ Лекции Поповского, а затем сменившего его на кафедре красноречия в 1761 г. А. А. Барсова оказались школой, через которую прошли многие русские писатели и общественные деятели XVIII в. В частности, велика была роль этих профессоров в формировании эстетических взглядов и вкусов Д. И. Фонвизина.¹²

Интерес к трудам И. А. Эрнести сохраняется довольно долго. В 1793 г. в Москве появляется книга «Дар любителям наук, состоящий в пяти речах Ио. Августа Эрнести, которые с латинского на российский пережил М...С...А...П...I. П.». Книга посвящена митрополиту Платону, который в это время был директором московской Славяно-греко-латинской академии. Предположительно можно расшифровать буквы, скрывающие сведения о переводчике, так: «Московской Славяно-греко-латинской академии проповедник», или «переводчик», или «преподаватель»; буквы «I. П.» обозначают, очевидно, имя переводчика. Сопоставляя все имеющиеся данные о преподавателях Славяно-греко-латинской академии, можно предположить, что автором перевода был иеромонах Павел.¹³

Книге предпослано любопытное обращение переводчика «К благородному читателю» в стихах. Здесь содержится настолько

¹⁰ Шевырев С. П. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, ч. II. М., 1855, с. 318.

¹¹ См.: Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский. (О литературной преемственности). — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 161—162.

¹² См.: там же, с. 157.

¹³ Имена других преподавателей этого времени не подходят для зашифровки инициалами «I. П.». Вместе с тем сведения об иеромонахе Павле не противоречат гипотезе о принадлежности перевода именно ему. Павел учился в Ярославской семинарии, с 1783 г. преподавал там риторикку. В 1786 г. он пострижен в монашество; с 1789 г. — учитель элоквиенции в Тверской семинарии и, наконец, в сентябре 1792 г. — иеромонах-проповедник Московской академии, в 1795 г. здесь же он определен префектом. Занимаясь преподаванием риторики и красноречия, Павел, естественно, мог заинтересоваться трудами Эрнести. О Павле см.: Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 364, 367.

интересная характеристика Эрнести, что приведем этот текст полностью:

Иоган Август Эрнест, кой слов сих автор был,
Единым жизнь свою наукам посвятил.
Рекой его словес весь Лейпциг напойлся.
Оратор... Философ... так всяк об нем ручался!
Мне мысль пришла его пять слов переложить,
Отечеству любовь и музам чтоб явить.
Не может перевод быть подлиннику равен,
А посему нельзя, чтоб он и был всем правен.
Хотел, однако, я, когда переводил,
Понятнее Эрнест учащимся чтоб был.
А вы, которым нет в сем нужды переводе,
Вы сами знаете, колик Эрнест в том роде,
Един кой мудрыми витиями творит.
Любезно вам, что так и росс его ныне чтит.¹⁴

Обращает на себя внимание, что заслуги Эрнести связываются прежде всего именно с областью красноречия, а не теологии. При этом восхищение переводчика вызывает Эрнести-оратор, а не Эрнести — автор риторики. Возможно, что такой подход подсказан самим содержанием речей Эрнести. Особенно замечательна в этом отношении «Речь II, говоренная пред вступлением в должность профессора риторики, 4 августа 1756 года», носящая подзаголовок «О том, что сердце делает нас красноречивыми».

Делясь со слушателями своими размышлениями о «правилах красноречия, начертанных великими мужами, и о причинах, силу и употребление их в сказывании речей», немецкий профессор признает справедливым высказывание Квинтилиана о том, что «прямое красноречие рождается от святости и великости духа и что сердечное чувство делает нас обильными в слове».¹⁵ Это положение Эрнести развивает очень подробно: он предпочитает, чтобы речь «не была украшена пышными и отборными словами», но чтобы она имела «естественную красоту». На первом плане для этого теоретика красноречия — содержание, смысл, говоря его собственными словами, — «дух» речи. «Лучше мне желательно иметь в речи Цицеронов дух без его слов, нежели все слова без его духа»,¹⁶ — вот кредо немецкого профессора.

Подобные идеи оказываются во многом чрезвычайно близки Радищеву. Сомневаясь в том, что можно научить искусству красноречия с помощью риторик, Радищев считает, что важно усвоить не внешние приемы, а самый дух речей выдающихся ораторов. Вспоминая о слове Платона Левшина на победу под Чесмою в 1770 г., писатель заявляет: «... тогда бы и я вещал к Ломоносову, зри, зри и здесь твое насаждение. Но если он слову мог тебя научить... В Платоне душа Платона, и да восхитит и увидит нас, тому учило его сердце» (I, 390).

¹⁴ Эрнести И. А. Дар любителям наук. М., 1793, с 7 (ненум.).

¹⁵ Там же, с. 51—52.

¹⁶ Там же, с. 58—59.

Сердце оратора, его нравственные качества — вот что в первую очередь определяет достоинства выступления, по мнению Эрнести, вот что решает в конечном счете успех или неуспех речи. Такой взгляд на ораторское искусство отчасти был выражением тех новых веяний, которые постепенно появлялись в европейской литературе XVIII в. в связи со становлением и развитием сентиментализма и преромантизма. Характерный для этих направлений интерес к личности писателя, его внутреннему миру, его душевному складу — все это по-своему отразилось даже в такой регламентированной области, как теория красноречия. В частности, упоминавшийся выше профессор риторики Х. Блэр порицал сухость и рассудочность английских проповедей, в которых, по его мнению, недостаточно участвует сердце.¹⁷ Подобные же высказывания Блэра привлекли и внимание русских переводчиков, «преложивших» его сочинения на русский язык. «Чтобы сделаться убедительным оратором в народном собрании, — указывалось в разделе «Красноречие народных собраний», — главное правило, кажется, в том состоит, что человек должен быть всегда уверен в том, в чем он других уверить намерен».¹⁸ В разделе «Церковное красноречие» говорилось: «Никакое познание для проповедника столько не нужно, как познание жизни и сердца человеческого».¹⁹

У немецких теоретиков XVIII в., несмотря на длительную приверженность большинства из них к «упорядоченности» в ораторской прозе,²⁰ также постепенно возникают новые критерии при оценке достоинств речи или проповеди. Позднее преромантические тенденции наиболее ярко обнаружатся в высказываниях И. Г. Гердера, касающихся ораторского искусства, в веймарский период его жизни (1776—1803).²¹ Тем более интересны предваряющие эти тенденции суждения Эрнести, относящиеся к 1750-м гг. и сохранившие свою актуальность в течение нескольких последующих десятилетий.

Эрнести полагает, что «в каждом толковании ораторов, историков и самих даже пнит все надобно относить к доброму сердцу; его надобно возбуждать, питать, укреплять, сколько возможно».²² Личные качества самого оратора приобретают первостепенное значение в глазах новых теоретиков красноречия. Эрнести считает необходимым посвятить целый пассаж рассмотрению «сердца оратора»: «Оно в несчастиях чужих и общественных несказан-

¹⁷ Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres, vol. II. Edinburgh, 1820, p. 13.

¹⁸ Опыт риторики, сокращенный... из наставлений доктором Блэром... преподаваемых, с. 230.

¹⁹ Там же, с. 253.

²⁰ См.: Stötzer U. Deutsche Redekunst im 17. und 18. Jahrhundert. Halle (Saale), 1962, S. 112.

²¹ Там же, с. 92.

²² Там же, с. 77.

ным терзается соболезнованием; а собственные злоключения меньше его поражают. Оно сдается ревностью споспешествовать чужому счастью, особливо же общественному». ²³ Эта характеристика, казалось бы, очень напоминает идеал писателя-гражданина, нашедший воплощение и в творчестве, и в самой жизни Радищева. Способность «уязвляться страданиями человечества», готовность жертвовать личным благополучием во имя общественных интересов — черты, наиболее ярко характеризующие автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Однако в этом случае речь может идти не о сходстве, не о соответствии точек зрения, а только об их довольно неожиданном соприкосновении. Эрнести никогда не изменял своей основной позиции — позиции вполне благонамеренного университетского профессора, почтительно склоняющегося перед авторитетом церкви и гражданской власти. Благочестие — самая главная добродетель в представлении Эрнести. Ревностный богослов, он даже считал, что «всех авторов сочинения, сколько возможно, должно сравнивать с священным писанием и показывать, сколько все то, что в нем ни содержится, преимуществует пред теми». ²⁴

Как профессору красноречия Эрнести часто предлагали выступать с похвальными речами, и он всегда находил лестные слова для прославления заслуг знатных людей города, получая за свои выступления щедрое вознаграждение. Это было вполне в порядке вещей, но именно такой обычай славословия вызывал решительное неприятие Радищева. Говоря об увлечении Ушакова латинскими классиками, писатель подчеркивал: «Не льстец Августов и не лизорук Меценатов прельщали его, по Цицерон, гремящий против Катилины, и колкой Сатирик, нещадящий Нерона» (I, 179). Очевидно, что и сам Радищев отдает предпочтение политическому красноречию и ценит в ораторской прозе прежде всего ее гражданственность.

Между тем в немецкой литературе XVIII в. трудно найти такие образцы красноречия. Исследовательница немецкой ораторской прозы XVII—XVIII вв. приходит к следующему выводу: «Обзор задач ораторского искусства в общественной жизни в течение XVII и XVIII столетий по сравнению с греческими и римскими риториками обнаруживает, что судебная и политическая речь не имела никакой действенной силы в раздробленной, феодально-абсолютистской Германии. Как во времена падения республиканских форм правления в Афинах и Риме, в Германии существует только юбилейная или надгробная речь, содержание которой преимущественно сводится к похвале». ²⁵

Дух немецкой ораторской прозы, дух, о котором так много говорил Эрнести, оказывался глубоко чужд и даже враждебен Ра-

²³ Эрнести И. А. Дар любителям наук, с. 56.

²⁴ Там же, с. 78.

²⁵ Stötzer U. Deutsche Redekunst im 17. und 18. Jahrhundert, S. 92—93.

дищеву. Его интерес к красноречию имел иной характер. Это отчетливо проявилось в отношении писателя к самому жанру похвального слова.

Первоначально «Слово о Ломоносове» было задумано как самостоятельное произведение, причем оно было озаглавлено вполне в духе традиции: «Слово похвальное Ломоносову». Затем, решив включить это сочинение в состав «Путешествия», писатель внес целый ряд изменений в текст «Слова». Сопоставляя разные редакции и анализируя характер правки, А. Г. Татаринцев замечает, что «Слово» «было выдержано вначале в умиротворяюще-патетическом духе, несколько диссонировавшем с общим тревожно-призывным, беспокойно-будоражающим пафосом книги».²⁶ Вместе с тем объединение «Слова» с другими главами «Путешествия» — факт, замечательный в нескольких отношениях. С одной стороны, это свидетельство гибкости избранного Радищевым жанра: в ткань основного произведения влетают довольно разные по характеру главы. При этом «Слово», так же как и ода «Вольность», сохраняет известную самостоятельность: оно может быть рассмотрено отдельно, взятое вне контекста других глав. С другой стороны, этот контекст существенно обогащает содержание «Слова», так же как и оно в свою очередь играет важную роль в композиции всего «Путешествия». Возможность такого органичного объединения предопределена общим характером и стилем радищевской книги, конкретнее — ее общей ораторской установкой. На эту особенность «Путешествия» обратил внимание Г. А. Гуковский, верно заметив об авторе: «...он проповедует больше, чем показывает <...> „Путешествие“, — пишет далее исследователь, — это страстный монолог, проповедь, а не сборник очерков. Автор не комплектует материал, а формирует его; наоборот, сюжетные куски, вставные новеллы — это или примеры, введенные в проповедь, или же орнамент».²⁷ При всем разнообразии отдельных глав книга выдержана в одном ключе: ораторские интонации явно преобладают. Поэтому в отличие от большинства других «путешествий» сочинение Радищева тяготеет к высоким жанрам. То, что было бы совершенно неуместно, например, в «Сентиментальном путешествии» Стерна, в книге Радищева оказывается вполне оправданным и даже закономерным: в текст включается ода и похвальное слово.

Знакомясь с теорией красноречия, писатель, как мы видели, мог принять некоторые общие принципы, пропагандировавшиеся лейпцигским профессором Эрнести. Однако на практике, при обращении к ораторской прозе, Радищев сталкивался с целым рядом проблем, которые можно было решить, опираясь только на отече-

²⁶ Татаринцев А. Г. «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева. (К проблеме творческой истории «Путешествия»). — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974, с. 30.

²⁷ Гуковский Г. А. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 171—172.

ственные традиции. Прежде всего это важнейшая проблема языка. «Немецкий Цицерон» Эрнести в речи 1754 г. доказывал, что «философия и на латинском изящном языке может сделаться народною и что нет никакого различия в том, излагать ли ее по-латыни или на своем родном языке».²⁸ Тем более важно было выступление Н. Н. Поповского в 1755 г. с «Речью, говоренной в начатии философических лекций при Московском университете», произнесенной на русском языке. Поповский тем самым продолжал начинание Ломоносова, ратовавшего за создание отечественной культуры на родном языке.²⁹

П. Н. Берков очень точно определил общее отношение Радищева к той части наследия Ломоносова, которая связана с историей русской ораторской прозы: «Внося существенные ограничения в оценку риторики и похвальных речей Ломоносова, Радищев все же высоко оценивает его роль как зачинателя русского светского красноречия, как создателя русского ораторского стиля».³⁰ Рассмотрим этот круг вопросов несколько подробнее.

Радищев видит в Ломоносове прежде всего «насадителя Российского слова»: «... доколе слово Российское, ударить будет слух, ты жив будешь и не умрешь» (I, 380). Эта одна из важнейших идей «Слова о Ломоносове» раскрывается при последовательном рассмотрении всех трудов Ломоносова. Радищев, казалось бы, признает значение ломоносовской «Риторике» лишь в одном смысле: «Твоя грамматика есть преддверие чтения твоея риторики, а та и другая руководительницы, для осияния красот изречения творений твоих» (I, 387). Эта фраза очень существенна для понимания радищевского отношения к наследию Ломоносова. Отказываясь от непосредственных рекомендаций, содержащихся в «Риторике», Радищев внимательно вчитывается в нее, видя в ней своего рода авторский комментарий к художественным произведениям Ломоносова. Таким образом и осуществлялось обучение риторике — с помощью живого примера, в действительность которого Радищев верил. Пользуясь «Риторикой» для более углубленного понимания ломоносовских сочинений, автор «Путешествия» усваивал и самые принципы теории красноречия. Такой путь овладения ораторским искусством признавал по существу и сам Ломоносов, замечая в одном из первых параграфов «Риторике»: «Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва ли не больше нужно, нежели самые лучшие правила».³¹

²⁸ См.: *Шевырев С. П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, ч. II, с. 310.

²⁹ См.: *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский, с. 155.

³⁰ *Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве.* — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сборник статей. М., 1956, с. 72.

³¹ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1952, с. 94. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Л., с указанием соответствующего тома и страниц.

Эту рекомендацию Радищев, однако, припымал по-своему: он не столько подражал, сколько действовал от противного, полемизировал со своими предшественниками, вместе с тем опираясь на их опыт. Приступая к работе над «Словом о Ломоносове», писатель мог ориентироваться на определенный жанровый канон, созданный в русской литературе XVIII в. в соответствии с теоретической программой Ломоносова. Первый вариант его «Риторика» — «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1743) — оставался в рукописи вплоть до 1895 г. и едва ли мог быть известен Радищеву. Во втором, расширенном, варианте, опубликованном в 1748 г., — «Кратком руководстве к красноречию» — была закончена только первая книга; «оратории», т. е. ораторской прозе, Ломоносов предполагал посвятить целиком вторую книгу, и потому в печатную «Риторику» не вошли материалы, посвященные интересующему нас жанру. Вместе с тем, как совершенно справедливо замечает П. Н. Берков, «нельзя рассматривать Риторику Ломоносова вне связи с его собственным ораторским искусством».³² «Слова» Ломоносова, вполне доступные Радищеву и высоко им оцененные, могли служить иллюстрацией к правилам, сформулированным как в первом, так и во втором варианте «Риторика».

Выделяя четыре вида «публичных слов», Ломоносов называл «проповедь, панегирик, надгробную и академическую речь» (Л., VII, 69). «Слово» Радищева по этой классификации можно отнести к панегирикам. Как было отмечено исследователями, Радищев объединяет «свойства, присущие двум разным типам панегириков, — „слову похвальному высокой особе“ и „слову похвальному действия достохвального“».³³ Между тем подобное объединение было довольно естественно, и Ломоносов допускал его в собственной практике. Так, например, «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому» (1755) содержит описание «похвальных жизненных свойств» Петра, как это и предусмотрено в «Риторике», и рассказ о его важнейших делах и о «преодоленных в них сильных препятствиях» (Л., VIII, 591). Все это в свою очередь относится уже к «похвале действия», где «исчисляются все трудности и препятствия, от места и от времени происходящие; представляется великость, польза и необходимая пужда оного» (Л., VII, 70).

Радищев сам подчеркивает новаторство своего «слова»: «Пускай, другие раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы, воспоем песнь заслуге к обществу» (I, 380). Писатель сознательно противопоставляет свое сочинение традиции, сложившейся в литературе XVIII в., решительно отвергая сервиллизм, казалось бы, узаконенный в таких жанрах, как ода

³² Берков П. Н. М. В. Ломоносов об ораторском искусстве, с. 80.

³³ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 237.

и похвальное слово. Комплиментарная часть в произведениях такого рода становилась необходимым общим местом: кому и чему бы ни посвящалось слово, важно было высказать традиционные похвалы в адрес царствовавшей особы. Выступая с похвальным словом Петру Великому, Ломоносов вынужден был говорить и о «достоинствах» Елизаветы: этого требовал литературно-бытовой этикет. Свою «Речь о пользе учреждения императорского Московского университета при открытии оного 1755 г. апреля 26 дня» А. А. Барсов начал с перечисления щедрот императрицы.³⁴ Подобные примеры легко можно было бы умножить.

Радищев не только отказывается от этого приема, но в свою очередь упрекает Ломоносова за следование «общему обычаю ласкати царям» (I, 388). Новое отношение автора к жанру похвального слова определяет и его необычную структуру. Особенно замечательна вступительная часть «Слова о Ломоносове». Оно начинается с лирического описания прогулки автора по Петербургу в белую ночь: «Приятность вечера после жаркого летнего дня, выгнала меня из моей кельи. Стопы мои направил я за Невский монастырь, и долго гулял в роще позади его лежащей. Солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи, едва, едва ли на синем своде была чувствительна» (I, 379). Включая в текст реминисценцию из Ломоносова («лице свое скрывает день»), Радищев строит вступление вовсе не по тем правилам, которыми считал нужным руководствоваться сам Ломоносов. В § 116 первого варианта «Риторике» предусматривалось до восьми способов сочинить вступление к речи (Л., VII, 66). Ни с одним из них не совпадает радищевский зачин. Писатель неожиданно начинает «Слово» с темы, характерной для преромантической литературы XVIII в.: уединенная прогулка, посещение кладбища, размышления о тленности, о смерти.³⁵ Однако в развитии этой темы у Радищева очень скоро появляются ораторские интонации, и за первым следует второе вступление к «Слову», причем оно строится уже по тем правилам, которые в свое время рекомендовал Ломоносов. Так, в «Риторике» самым первым указывался способ начать речь «от места или времени, предлагая, что ему (ритору, — Н. К.) в рассуждении оных говорить должно, прилично, нужно, полезно, трудно и пр.». Поводом для произнесения Ломоносовым речи Петру I было празднование дня коронации Елизаветы, и об этом говорится в первых же фразах «Слова». Соответственно посещение могилы Ломоносова служит толчком к созданию радищевского «Слова», о чем писатель и сообщает, приступая к теме. Принцип сохраняется тот же

³⁴ См.: Барсов А. А. Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях. М., 1788, с. 5—6.

³⁵ Возможно, это был своеобразный отклик на переводы «Ночей» Э. Юнга, сделанные А. М. Кутузовым и напечатанные им в журнале «Утренний свет» в 1778—1780 гг.

самый, хотя обстоятельства различны и самый выбор обстоятельств отражает литературно-общественную позицию каждого автора. Для Ломоносова важно событие придворной жизни постольку, поскольку оно имеет общегосударственное значение, поскольку с ним связаны интересы всей страны. Так же, как и в одах, Ломоносов обращается к нации и говорит от ее имени. Современные исследователи показали, что в «высокой» поэзии Ломоносова присутствует индивидуальное начало, но основное внимание поэта сосредоточено на изображении не частного, личного, а общезначимого, общенационального.³⁶ Эти наблюдения вполне применимы и к ораторской прозе Ломоносова.

Между тем для Радищева личный момент имеет принципиальное значение, отсюда и камерный характер первого вступления, отсюда и неожиданное обращение во втором вступлении к своему другу: «Где ты, о! возлюбленный мой! где ты? Приди беседовати со мною о великом муже» (I, 380). Это не только риторический прием, но и одно из звеньев, связывающих «Слово о Ломоносове» с текстом всего «Путешествия», посвященного тому же «любезнейшему другу» А. М. Кутузову. Авторское «я» оказывается у Радищева более индивидуальным, более конкретным, чем у Ломоносова. Но Радищеву во многом было близко представление Ломоносова о том, какими качествами должен обладать автор. «Что до состояния самого ратора надлежит, — говорилось в печатном издании «Риторики», — то много способствует к возбуждению и утолению страстей: 1) когда слушатели знают, что он добросердечный и совестливый человек, а не легкомысленный ласкатель и лукавец; 2) ежели его народ любит за его заслуги; 3) ежели он сам ту же страсть имеет, которую в слушателях возбудить хочет, а не притворно их страстными учинить намерен; 4) ежели он знатен породю или чином; 5) с важностию знатного чина и породы купно немало помогает старость, которой честь и повелительство некоторых образом дает сама натура» (Л., VII, 168). Кроме двух последних пунктов, все остальные, очевидно, могли быть приняты Радищевым. Иногда он даже прямо следует за Ломоносовым, декларативно заявляя о своих чувствах, которые он стремится передать слушателям: «Сие изрек я в восторге» (I, 380). В соответствующем пункте «Риторики» шла речь о такой фигуре, как «восхищение»: «Восхищение есть когда сочинитель представляет себя как изумленна в мечтании, происходящем от весьма великого, нечаянного или страшного и чрезвычайного дела» (Л., VII, 284). Тут же приведены многочисленные примеры из од самого Ломоносова. В «Слове» Радищев не пренебрегает даже таким ораторским приемом, как намеренное умаление своих возможностей: «Если бы

³⁶ Эта проблема, поставленная в нашей науке в последнее десятилетие, получила новое освещение в кн.: *Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976.

силы мои достаточны были, представил бы я, как постепенно великий муж водворял в понятие свое понятия чуждыя» (1, 382). Одновременно писатель применяет здесь прием, названный в «Риторике» «прохождением»: «Прохождение есть когда притворяемся, якобы мы говорить о чем не хотели, однако тем самым оное живо представляем» (Л., VII, 276).

В «Слове о Ломоносове» с наибольшей полнотой отразилась зависимость Радищева от традиций ораторского искусства, утвердившихся в русской литературе со времен появления «Риторики». Но особенность радищевского творчества состояла в том, что эти традиции оказывались действенны не только в жанре «слова».

И в «Письме к другу, жительствующему в Тобольске», и в «Беседе о том, что есть сын отечества», и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», и, наконец, во всех главах «Путешествия из Петербурга в Москву» присутствует тот же ораторский элемент. Проявляется он в основном двойным образом. Прежде всего можно выделить в тексте этих произведений отрывки, представляющие собой вставные речи, произносимые отдельными персонажами. Так, например, друзья Ушакова, отговаривающие его от поездки в Лейпцигский университет, выдвигают целую группу аргументов, расположенных очень стройно и подкрепленных многочисленными риторическими фигурами, соответствия которым можно найти в ломоносовской «Риторике». Характерно, что именно этот отрывок, передающий речь друзей Ушакова, особенно славянизирован по сравнению с остальным текстом «Жития» («поженут тебя да оставишь ристание им свободно» и др.).

Помимо такого проникновения ораторской прозы в текст радищевских сочинений, был и другой путь: независимо от избранного жанра сам автор, подобно Мирабо, превращался в страстного трибуна, говорящего перед широкой аудиторией. В этом отношении таким примером может служить «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске». Назвав свое сочинение письмом, Радищев хорошо воспользовался той свободой, которую мог представить ему этот жанр, приобретший большую популярность во второй половине XVIII в. (романы в письмах, стихотворные послания и т. д.). Здесь есть драгоценный для Радищева личный, даже автобиографический мотив: воспоминание о днях юности, проведенных вместе с другом, к которому обращено письмо.³⁷ За лирическим вступлением следует собственно повествовательная часть: описание открытия памятника Петру I. В это описание вторгается страстный авторский монолог, насыщенный ораторскими приемами. Писатель начинает с обращения, «сея вели-

³⁷ Как установил А. И. Старцев, «Письмо» адресовано товарищу Радищева по Лейпцигскому университету С. Н. Янову; см.: *Старцев А. И. Университетские годы Радищева*, с. 170—189.

колепные, сильные и слово оживляющие фигуры», по выражению Ломоносова (Л., VII, 266). Радищев как бы выступает со своей речью о Петре, продолжая тему Ломоносова и в то же время полемизируя с ним. Особое внимание писателя, очевидно, привлекла заключительная часть ломоносовского «Слова похвального». «С кем сравню Великого Государя?», — спрашивает оратор, развивая свою мысль в развернутом ответе: «Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы» (Л., VIII, 611). Ломоносов перечисляет заслуги и добродетели разных государей, чтобы подчеркнуть превосходство Петра, который уподобляется в конце концов божеству. «За великие к отечеству заслуги назван Он Отцем Отечества, — продолжает Ломоносов. — Однако мал ему титул. Скажите, как Его назовем за то, что Он родил Дщерь все милостивейшую, Государыню нашу?» (Л., VIII, 611). Таким образом, превознося Петра, оратор очень искусно переходит к традиционной славословию царствующего дома.

Радищев отчасти повторяет Ломоносова: «Петр по общему признанию наречен Великим, а Сенатом — Отцем Отечества. Но за что он может Великим назваться» (I, 150). Далее следует перечень правителей, которые «изступили из числа людей обыкновенных услугами к Отечеству». Однако в отличие от своего предшественника Радищев использует это сопоставление совершенно по-другому. Он замечает, что упомянутых им властителей «ласкательство великими называет», в то время как Петр «мертв, а мертвому льстити невозможно!» (I, 151). Выделение Петра из ряда других государей происходит не по количественному принципу, как у Ломоносова (Петр сделал больше, чем все другие), а по качественному: посмертная слава Петра — доказательство его истинного величия. Верный своим радикальным убеждениям, Радищев завершает свое сочинение не хвалой «преемнице престола», а совершенно противоречащим ломоносовской концовке смелым заявлением о том, что нет примера, «чтобы Царь упустил добровольно что либо из своей власти, седей на Престоле» (I, 151).

Так же, как и в других сочинениях Радищева, в «Путешествии» можно выделить и речи персонажей, и ораторские страницы, написанные от лица автора.

Самый принцип включения речей в рамки повествовательного произведения был не нов. В частности, этот прием был применен в романе Ж. Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского», переведенного Д. И. Фонвизиным. В оригинальном творчестве Фонвизина, в его драматургии этот прием получил дальнейшее применение.

Остановившись на жанре путешествия, Радищев самостоятельно решал композиционно-стилистические проблемы, связанные с введением ораторской прозы в ткань повествования. Стремясь охватить самые разнообразные сферы общественной жизни,

автор «Путешествия» как бы распределяет отдельные темы между несколькими персонажами. Крестьянкин произносит речь о правосудии, крестикский дворянин — о воспитании, автор «Проекта в будущем» — о необходимости государственных реформ; наконец, «Слово о Ломоносове» выдается за сочинение тверского стихотворца. Каждый из этих персонажей «Путешествия» во многом близок самому Радищеву и, подобно фонвизинскому Стародуму, как правило, высказывает авторские идеи. Почти все ораторы только говорят, но не действуют, и представление о них складывается в основном по их выступлениям и довольно скупым авторским характеристикам. Знакомя читателя с Крестьянкиным, своим «давнишним приятелем», автор замечает: «Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое» (I, 269). Этот краткий отзыв дополняется словами самого Крестьянкина. Рассказывая о тщетных попытках «сотоварищей» разубедить его, он поясняет: «Сердце мое им было неизвестно. Незнали они, что нетрепетен всегда предстою, собственному моему суду, что ланиды мои нердели багровым румянцем совести» (I, 276). Более бегло обрисован крестикский дворянин. Автор упоминает, однако, о его внешности, отражающей нравственный облик этого человека: «Правильныя черты лица его, знаменовали души его спокойствие, страстям неприступное. Нежная улыбка безмятежнаго удовольствия, незлобием раждаемаго, изрыла ланиты его ямками <...>. Очи его, очи благотвореннаго разсудка, казались подернуты легкою пленною печали; но искры твердости и упования пролетали оную быстротечно» (I, 283). Наконец, об авторе «Проекта в будущем» читатель узнает, что этот «гражданин будущих времен» — «искренний друг» Путешественника, что во всех его сочинениях обнаруживаются «расположения человеколюбивого сердца».

Можно заметить интересную закономерность: как ни кратки эти характеристики, неизменное внимание уделяется «сердцу оратора». При этом между всеми ораторами оказывается очень много общего: это люди одного типа, они человеколюбивы, тверды в своих убеждениях; с Путешественником их связывает дружба или чувство взаимной симпатии. Даже возраст их примерно одинаков: «около пятидесяти» и крестикскому дворянину, и «гражданину будущих времен»; к тому же поколению принадлежит, по всей видимости, и Крестьянкин, который «долго находился в военной службе», затем перешел в штатскую, а в момент рассказа уходит в отставку (во всяком случае, он не молодой человек: его недоброжелатели припоминают, что «он сам в молодости своей изволил ходить за сохою»). Самому Радищеву, как известно, было около сорока лет, когда он завершал работу над «Путешествием», и возрастная «надбавка» близким автору героям — довольно любопытный штрих, невольно возвращающий к ломоносовской характеристике оратора.

Значительный интерес представляет и вопрос о том, к кому обращены речи радищевских персонажей. Проблема слушателя

в современной писателю ораторской прозе становилась все более животрепещущей. С одной стороны, становилась очевидной необходимость ориентироваться на ту аудиторию, перед которой выступал автор со своим «словом». С другой — задача ратора состояла в том, чтобы завоевать внимание и доверие слушателя, привлечь его на свою сторону.

Большинство радищевских героев обращается к своим друзьям, «сочувственникам». В качестве такого слушателя очень часто оказывается и сам автор: он вспоминает, например, речь Крестьянкина, произнесенную им при вступлении в гражданскую службу. Это именно речь, хотя произносится она не перед широкой аудиторией, а в личной беседе двух друзей. Монолог Крестьянкина приобретает черты публичной речи, предназначенной для многих, и самое обращение «мой друг» становится чисто риторическим.

Аналогичная ситуация и в главе «Крестьяцы», где любящий отец произносит свою речь о воспитании в присутствии троих слушателей: двух его сыновей, которых он также называет «друзья мои», и «чувствительного путешественника», безмолвного свидетеля сцены.

Иногда Радищев сталкивает разные точки зрения, приводя речи про и contra. Так, в главе «Зайцово» можно проследить целый ораторский поединок. Служивцы Крестьянкина выступают с доводами, опровергающими его «крамольные» мнения. Далее упоминается о речи Наместника, который «избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеялся, что тем разительнее убедит» непокорного подданного. Крестьянкин выступает с ответной речью, страстной и полемически заостренной. Этот эпизод можно рассматривать как осуществление принципа, предусмотренного в «Риторике» Ломоносова и названного им «расположение по разговору». «В прекословных разговорах, — писал Ломоносов, — предлагаются два спорные между собой мнения, которые двое каждый свое защищают» (Л., VII, 333). В качестве примера приводится назидательный «Разговор Эразма Роттердамского». Спокойный, размеренный тон, свойственный этому жанру, решительно не подходил Радищеву: он сталкивает не собеседников, а ораторов, спор которых приобретает широкий общественный резонанс. Несмотря на внешнее поражение, Крестьянкин выигрывает словесный поединок, причем именно потому, что его речь идет от «содрогавшегося сердца». О речи Наместника дает представление следующая фраза: «...надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство» (I, 277). Крестьянкин же, начав говорить хладнокровно, постепенно увлекается, речь его становится порывистее, и в конце концов он уже не говорит, а «вопит».

«Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, — указывалось в той же ломоносовской «Риторике», — и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними со-

единить, чтобы он в страсти воспламенился» (Л., VII, 170). Едва ли это замечание могло пройти мимо внимания Радищева, который неизменно стремился апеллировать к чувству читателя или слушателя. Из всех страстей, о которых упоминает Ломоносов, в «Путешествии» преобладает гнев — отсюда и обличительный пафос книги.

Вместе с тем, как справедливо указал А. П. Скафтымов, «пафос „Путешествия“ не в риторическом обнаружении чувства, а в риторическом, эмоционально насыщенном *доказательстве*».³⁸ Анализируя стиль радищевской книги, исследователь замечает, что вопросительные и восклицательные предложения имеют здесь преимущественно логическое значение. А. П. Скафтымов подтверждает свои наблюдения сопоставлениями с соответствующими параграфами ломоносовской «Риторики».

Радищев весьма традиционен и в использовании риторических фигур, которыми в равной мере насыщены и речи персонажей, и монологи автора. По существу стилистических различий между ними не существует, и ни одному оратору невозможно дать индивидуальной характеристики, основанной на анализе его языка и стиля. Все речи в «Путешествии», как правило, выдержаны в одном ключе, все они ориентированы на высокий жанр. «Ораторские страницы Путешествия Радищева, — писал Г. А. Гуковский, — славянизированы гуще, чем это было даже в высоком штиле у Ломоносова. При этом они славянизированы нарочито, подчеркнуто».³⁹ Автор «Путешествия» по существу следует теоретической программе, намеченной Ломоносовым во второй части «Риторики», — «О украшении». «Что до чтения книг надлежит, — высказывал Ломоносов свои рекомендации, — то перед прочими советую держаться книг церковных (для изобилия речений, не для чистоты), от которых чувствую себе немалую пользу» (Л., VII, 237). К тем же источникам обращался спустя несколько десятилетий и Радищев. По воспоминаниям Н. А. Радищева, писатель «прилежал к изучению русского языка, руководствуясь священными книгами, почему и во всех своих сочинениях придерживался славянских оборотов и даже употреблял много славянских слов».⁴⁰

Такие ломоносовские понятия, как «великолепие» и «сила» слога, были немаловажны для автора «Путешествия». Ораторские страницы книги изобилуют «тропами речений и предложений», которыми, по мысли Ломоносова, украшается слово. Употребляя риторические фигуры, Радищев, разумеется, был далек от того, чтобы изобретать их по готовым рецептам, преподносимым «Ри-

³⁸ Скафтымов А. П. О стиле «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 102.

³⁹ Гуковский Г. А. Радищев как писатель, с. 187.

⁴⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. Подгот. текста, статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.—Л., 1959, с. 41.

торикой». Процесс усвоения ломоносовского трактата был гораздо сложнее: определения отдельных фигур и тропов создавали в своей совокупности общее представление о богатстве и разнообразии ораторских приемов. Внимательно вчитываясь в тексты речей самого Ломоносова и переведенных им античных авторов, Радищев улавливал основные теоретические принципы красноречия и творчески применял их в своей литературной практике.

Нередко Радищев употреблял риторические фигуры, предусмотренные в теории Ломоносова, но с новыми смысловыми оттенками. Так, в разделе о «фигурах предложений» много места уделялось обращению. «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелевать, сказывать, толковать, поздравлять и проч.» (Л., VII, 267). Многочисленные примеры давали образцы разных типов обращения. У Радищева эта фигура нередко приобретает функцию, не упомянутую в странном перечне Ломоносова. Радищевское обращение обличает, клеймит: «Варвар! недостоин ты носить имя гражданина» (I, 325); «Должность ли твоя людей убивать, скаредной человек?» (I, 240); «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем?» (I, 378); «Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных» (I, 378). В таких обращениях, как бы ведущих лобовую атаку, проявляется тираноборческий пафос радищевского красноречия, и прием этот стал впоследствии одним из самых популярных в декабристской публицистике и поэзии.

Радищев решительно расходился с Ломоносовым, считая некоторые его рекомендации не вполне приемлемыми. В главе «О течении слова» автор «Риторики» советовал «обегать непристойного и слуху противного стечения согласных», которые «язык весьма запинают» (Л., VII, 240). Радищев считал большим достоинством «благогласие речи», отличающее «слова» Ломоносова. Однако сам писатель не стремился к этому «благогласию», напротив, он даже защищал «шероховатость» речи. В главе «Спасская Полесь» Истина предостерегает монарха от нравственного ослепления: «Все в веселом являться тебе будет виде. Уши твои невозмутятся стенами; но усладится слух сладкопением жгучасно. Жертвенный курения обыдут на лесь отверстую душу. Зязанию твоему подлежать будет всегда гладкость. Никогда пераздерет благотворная шероховатость в тебе нервов осязательности. Возтрепещи теперь за таковое состояние» (I, 253). Известное разъяснение автора по поводу «негладкости» стиха из оды «Вольность» подтверждает приведенное выше высказывание Радищева. «Шероховатость» речи отстаивается им как принцип, противостоящий традиционному стремлению к «благогласию». Участи с этим связана и чрезмерная славянизация языка «Пучешества», его затрудненный синтаксис.

Очевидно, таким образом, что в каком бы аспекте мы ни стали рассматривать ораторскую прозу Радищева, неизменно обнаруживается ее соприкосновение с ломоносовской практикой красноречия. Имея в виду прежде всего Ломоносова, Г. А. Гуковский верно заметил о Радищеве: «Он крепко связан с традициями русского искусства даже тогда, когда он борется с ними».⁴¹ Эти традиции во многом определяли и отношение писателя к литературе и эстетике современной ему Европы. Критически переосмысливая труды по теории красноречия, созданные авторами риторик XVIII в., Радищев выдвигал свою собственную, оригинальную концепцию ораторского искусства, нашедшую непосредственное отражение в его художественной практике.

⁴¹ *Гуковский Г. А. Радищев как писатель*, с. 161.

Ю. М. ЛОТМАН

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ
К „ПУТЕШЕСТВИЮ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“

«Путешествие из Петербурга в Москву» комментировалось неоднократно.¹ Прделанная в этом направлении работа прояснила многие скрытые смыслы произведения Радищева. Однако нельзя не отметить, что полного научного комментария к тексту «Путешествия» все еще не имеется. И многочисленные бытовые реалии, и не оговоренные Радищевым прямо, но понятные современникам цитаты и реминисценции, обильно встречающиеся в тексте книги, все еще остаются нераскрытыми. Вопрос этот шире, чем потребность объяснить то или иное темное место «Путешествия», — в результате перед нами не раскрывается до конца *мир Радищева*.

Мы все еще не можем составить исчерпывающий список книг и авторов, которые находились в его поле зрения. А в этом кругу мы не можем точно, а не «на глазок», сказать, чьи имена ему чаще приходили на перо, на чьи авторитеты он любил ссылаться, какие тексты цитировал наизусть, а что по книгам, когда пользовался подлинниками иностранных произведений, а когда — переводами.

Настоящая статья не может претендовать на решение этой задачи. Цель ее — лишь привлечь внимание к некоторым нераскрытым цитатам и реминисценциям в тексте «Путешествия».

В ранних редакциях главы «Крестьяцы» после слов: «...отравлять и резать людей, не своими всегда боярскими руками но посредством лап своих любимцев» — следовало: «...и отходя от века сего дает в наследие внукам твоим село, зовомое село крови» (I, 422). Место это комментировалось лишь Л. И. Кулаковой и В. А. Западным, которые название села сочли изобретением

¹ См.: Барсков Я. Л. 1) Комментарий. — В кн.: *Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву*. Т. II. Материалы к изучению «Путешествия». М.—Л., 1935; 2) Примечания. — В кн.: *Радищев А. Н. Полн. собр. соч.*, т. I. М.—Л., 1938; *Кулакова Л. И., Западое В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву»*. Комментарий. Л., 1974, а также ряд одноименных и отдельных изданий.

Радищева и пояснили его следующим образом: «Значимое название деревни впервые появилось в „Отрывке путешествия в *** И *** Т ***“, который был напечатан в 1772 году в журнале Н. И. Новикова „Живописец“, но, по мнению многих исследователей, принадлежит Радищеву <...>. В „Отрывке“ говорилось о деревне Разоренной. „Село Крови“ звучит еще сильнее».²

К сожалению, с предложенной интерпретацией согласиться никак нельзя. «Село Крови» — простая цитата. Название это не сочинено Радищевым, а взято из Евангелия: в гл. 27 (ст. 5—8) Евангелия от Матфея читаем рассказ о том, как Иуда «повергъ сребреники въ церкви, и отиде, и шедъ оудавися. Архїерее же прїемше сребреники, рѣша, недостойно есть вложити ихъ в корвапу, понеже цѣна крове есть. Совѣтъ же сотворше, купиша ими село скуделниче, в погребанїе страннымъ. Тѣмъ же наречеса село то, село Крове, до сего дне». Это же название повторено в Деяниях Апостолов гл. 1, ст. 19, где говорится, что место то было названо «Акелдама — село Крове».

Следовательно, у нас нет оснований в данном случае для сопоставления с «Отрывком путешествия в *** И *** Т ***». Зато мы можем сделать некоторые наблюдения над сущностью мысли Радищева. Речь идет о, казалось бы, вполне законной операции — покупке имения. Однако для Радищева это равносильно приобретению села на деньги, оплаченные кровью Христа. Это объясняется тем, что из контекста понятно, что покупатель приобрел средства к покупке ценой фавора или близости к фавориту, давших ему возможность «с приятной улыбкою отнимать <...> имение, честь, отравлять и резать людей». Здесь мы сталкиваемся с перефразировкой часто встречающейся у Радищева триады «имение — честь — жизнь» как суммы неотъемлемых прав человека. «Отъявйй единое из сих прав у гражданина, государь разрушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу» (III, 15).

Соединение евангельской цитаты с просветительской формулой прав человека служит у Радищева идее беззаконности деспотического порядка и ответственности государя за обогащение фаворита «ценой крови».

Радищев несколько раз подчеркивал, что в момент свержения деспотизма убийство гражданами тирана становится коллективным поступком, в котором *все и каждый* принимают личное участие:

В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж *всяк* спешит.³

(I, 5)

В «Путешествии из Петербурга в Москву» эта мысль выска-

² Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев... с. 149

³ Курсив мой. — Ю. Д.

зана в связи с описанием убийства асессора: «Они окружили всех четверых господ, и коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ценовидели они их, что ни один нехотел миповать, чтобы небыть участником в сем убийстве» (I, 274).

Напомним, что именно этот мотив встречается в описании смерти Цезаря у Плутарха: «Было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут панес Цезарю удар в пах<...> Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, пауравляя столько ударов в одно тело».⁴

Цитата из Плутарха интересна во многих отношениях. Она не только объясняет идею многократности убийства тирана («Умри! умри же ты сто крат!») и приводит очевидную параллель к мысли о тираноубийстве как коллективном акте всех граждан — вспомним, что смерть Цезаря была для всей европейской культуры своеобразной моделью гибели тирана, — но и воскрешает древний мифологический образ причастия жертвенной кровью.

Отождествление тираноборческого акта с кровавым жертвоприношением включало эту политическую категорию в более широкий культурный контекст и подсказывало ряд прочно сложившихся вековых ассоциаций. Задавалась исходная возможность двоякой интерпретации: просветительская культура XVIII в. с ее отталкиванием от христианской морали и ориентацией на античную языческую традицию воспринимала идею жертвоприношения как *ритуальное заклятие тирана*. Романтическая традиция, отмеченная противоречивым сочетанием субъективизма и возрождения ориентации на христианское средневековье, истолковывала жертву как «кровавое причастие» — *ритуальное самозаклятие героя*:

Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?⁵

Причем в обоих случаях был ощутим момент ритуальности этого акта.

С этими представлениями связана, с одной стороны, процедура поименного и персонального голосования в Конвенте вотума казни Людовику XVI. Перед лицом Франции депутаты Конвента совершали публичный обряд личной причастности к смерти короля.

С другой стороны, именно этой связью понятий объясняется отождествление в кишиневской поэзии Пушкина тираноубийства и причастия, кровавой эвхаристии («как бы вкусят жертвенной крови», по словам Плутарха).

⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 490.

⁵ Рылеев К. Ф. Поли. собр. стихотворений. Л., 1971, с. 233—234.

Вот эвхаристия [другая]. . .
... мы счастьем насладимся,
Кровавой чашкой причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.⁶

Следует отметить, что восходящая к Плутарху идея Радищева рисовала героическое тираноубийство в совершенно ином виде, чем тот, который оно приняло позже в сознании романтиков. Здесь акт этот мыслился как общенародный и исключал разделение граждан на активное меньшинство и пассивную массу. В романтическом сознании декабристов тираноубийство мыслилось как героико-индивидуалистический поступок, совершающийся на глазах пассивного народа, а иногда — и вопреки его рабскому противодействию:

Несмотря на хлад убийственный
Сограждан к правам своим,
Их от бед спасти насильственно
Хочет пламенный Вадим.⁷

Противопоставление одного героя, погибающего в борьбе, и пассивной массы, наслаждающейся плодами его поступка, отчетливо проявилось в словах А. Бестужева по поводу убийства Настасьи Минкиной (сохранились в пересказе Батенькова): «Решительный поступок одной молодой девки производит такую важную перемену в судьбе 50 миллионов».⁸ В связи с этим принципиально по-разному решалось Радищевым и декабристами соотношение тираноубийственного акта и революции — активности одного и активности всех.

Для декабристов выступление русского Брута могло оцениваться двояко: до возникновения идеи военной революции оно было ее заменой; убийство тирана само по себе означало переворот и делало революцию излишней. В дальнейшем тираноубийство стало осмысляться как поступок героический, но чуждый народной этике. Поэтому покушение на императора хотя и должно было послужить сигналом к началу военной революции, но организационно выводилось за ее пределы. Оно поручалось группе обреченных, *une cohorte perdue*, связь которых с революционной организацией должна была быть скрыта не только от народа, но и от потомства.

Для Радищева казнь тирана не является начальным сигналом к народному выступлению. Роль инициатора играет мыслитель, который провозгласит слово истины: «Он молвит, вольность пропекая». Казнь же царя не начинается, а венчает революцию, представляя ее вершину и общенародное действие.

В этом смысле пушкинская эвхаристия кровавой чашей связывается с концепцией, далекой от общих настроений декабристов

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. II, кн. 1. М.—Л., 1947, с. 179.

⁷ Рылеев К. Ф. Полн. собр. стихотворений, с. 329.

⁸ Цит. по: Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936, с. 215.

(сочетание «кровавой чаши» и формулы «мы жизнью насладимся») очевидно свидетельствует, что речь идет о причастии не своей кровью, а кровью деспота). В сопоставлении с тираноубийственными размышлениями Пушкина в Петербурге 1819—1820 гг. это существенный и резкий сдвиг.

В главе «Хотиллов» имеется фраза: «Везде я обретал расположения человеколюбиваго сердца, везде видел гражданина будущих времен» (I, 322). Выражение «гражданин будущих времен» не прошло незамеченным. Содержательная емкость его привлекала внимание, его применяли как характеристику и к самому Радищеву.⁹ Не было, однако, отмечено, что выражение это встречается и в других текстах. Грибоедов в наброске плана трагедии «Родамист и Зенобия» характеризует римского гражданина Касперия: «В самовластной империи, — опасен правительству, и сам себе бремя, ибо иного века гражданин». В обоих высказываниях — Радищева и Грибоедова — явно ощущается автобиографический оттенок. Но это не отменяет их очевидной цитатности. Возможно, Грибоедов цитировал «Путешествие», однако он, бесспорно, знал и источник — трагедию Шиллера «Дон Карлос».

В знаменитой сцене свидания короля и маркиза Позы есть реплика последнего, которая в русском переводе В. Левика звучит так:

... для моих священных идеалов
Наш век еще покуда не созрел.
Я гражданин грядущих поколений.¹⁰

Однако немецкий оригинал еще ближе к выражению Грибоедова, поскольку упоминает не «поколения», а «век»:

... Das Jahrhundert
Ist meinem Ideal nicht reif. Ich lebe
Ein Bürger derer, welche kommen werden.¹¹

Указание на источник цитаты влечет за собой ряд существенных последствий. Это не только первый в России отклик на «Дона Карлоса», но и единственное свидетельство интереса Радищева к Шиллеру. До сих пор предполагалось, что «Письма русского путешественника» и кружок Дружеского литературного общества — единственный документально засвидетельствованный путь «Дона Карлоса» в Россию.¹² Цитата эта имеет и другое значение, поскольку позволяет внести уточнения в сложный вопрос датировки «Хотилова».¹³

⁹ См.: Берков П. Н. «Гражданин будущих времен». — Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1949, т. VIII, вып. 5, с. 401—416.

¹⁰ Шиллер Ф. Собр. соч. в 7-ми т. т. II. М., 1955, с. 148.

¹¹ Schiller F. Gesammelte Werke, Bd III. Berlin, 1954, S. 130.

¹² См.: Harder H.-B. Schiller in Rußland. Materialien zu einer Wirkungsgeschichte (1789—1814). Berlin—Zürich, 1969, S. 21—23, passim.

¹³ Вопрос о путях проникновения цитаты в текст Грибоедова требует специального исследования. Кроме бесспорно известных Грибоедову «Путе-

Однако значение обнаружения источника не сводится к сказанному. То, что автор «проекта в будущем», составляющего содержание главы «Хотилов», в сознании Радищева ассоциировался с маркизом Позой, проясняет многое в авторском замысле этой вызывающей столь значительные споры главы.

Формула «гражданин будущих времен» могла привлечь внимание Радищева еще и поскольку она была очевидной антитезой известного выражения Руссо в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» — «человек времен уже минувших» («l'homme d'un temps qui n'était plus»¹⁴). Руссо говорил о том, что попытка Диогена найти человека была безнадежной, поскольку, живя в эпоху порока, он искал добродетельного человека времен минувших. В формуле Радищева (и Шиллера) — двойная антитеза: «человек» — «гражданин» и «миновавшее» — «будущее». Оба противопоставления исполнены смысла: идеал Руссо в этом трактате именно «человек», а не «гражданин», — существо Природы, а не Общества. Лежит этот идеал в прошедшем. Радищев, в отличие от Руссо считавший, что понятие «гражданина» не исключает, а включает в себя «человека», полагал также, что антитезой рабскому настоящему является будущее. В свете расхождений с Руссо цитата из Шиллера приобрела особый смысл.

В главе «Чудово» Радищев процитировал эпизод из «Истории обеих Индий» Рейналя о гибели пленных англичан в калькутской «черной яме». Эпизод этот привлек специальное внимание Екатерины II, которая заметила: «... il cite un fait atroce».¹⁵ Последующие комментаторы отмечали, идя за ссылкой Радищева, значение Рейналя для антидеспотической концепции «Путешествия». Однако для понимания этого места не лишено значения то, что процитированный Радищевым эпизод фактически принадлежит не Рейналю. Во втором томе книги Гельвеция «О человеке, его умственных способностях и воспитании» этот эпизод включен автором в рассуждение о природе деспотизма: «Англичане, посаженные в форту Вильгельма войсками вице-короля Бенгалии Суба, были захвачены в плен. Запертые в калькутской черной яме, они были в количестве 146 человек стиснуты на пространстве в 18 квадратных футов. Эти несчастные

шествия и немецкого текста «Дона Карлоса» в поле его внимания мог быть также французский перевод пьесы Шиллера, где интересующая нас реплика звучит так:

Je suis un citoyen de l'avenir.

(Don Carlos, Infant d'Espagne, par Frédéric Schiller, traduit de l'allemand par Andrieu Lezay. A Paris, [1799—1800], p. 209).

¹⁴ См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 96; Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau, vol. I. A Paris, 1825, p. 324.

¹⁵ Цит. по: Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Т. II. Материалы к изучению «Путешествия». М.—Л., 1935, с. 366.

в наиболее жарком климате мира и в самый жаркий сезон этого климата получали воздух лишь через одно, наполовину заткнутое прутьями окно. Только вступив туда, они сделались жертвами жажды и начали обливаться потом. Они задыхались, испускали ужасные вопли, умоляя, чтобы их перевели в более обширную темницу. Их жалобы были напрасны. Они пробовали вызвать движение воздуха, обмахиваясь шляпами, — бесполезно. Они теряли сознание и умирали. Те, кто были еще живы, пили свой пот, снова умоляли о воздухе и о том, чтобы их разместили в двух камерах. С этой просьбой они обратились к Еман-даару — одному из стражей тюрьмы. Сердце стража смягчилось жалостью и жадностью. За большую сумму он согласился известить Суба об их состоянии. Когда он вернулся, еще живые англичане, окруженные трупами, умоляли, чтобы им дали воздуха, чтобы им отворили темницу. „Несчастные, — сказал страж, — умирайте. Суба почивает. Какой раб осмелится прервать его сон?“. Таков деспотизм». ¹⁶

Рейналь, который был в значительно большей мере компилятором, чем оригинальным автором, перенес этот эпизод в свою книгу.

Радищев, конечно, хорошо знал эту работу Гельвеция — автора, неизменно привлекавшего его внимание. С этим, возможно, связано то, что на месте этого эпизода первоначально была фраза: «Чем же мы можем преимуществовать перед непросвещенными азийскими правлениями?» (I, 415). Высказывание это непосредственно связано с той же работой Гельвеция. Здесь, полемизируя с Руссо, автор доказывал, что невежество и непросвещенность рождают не свободу, а рабство. При этом он ссылался на «восточный деспотизм», связывая его не с климатом и величиной территорий, а именно с «непросвещенностью правлений».

Весьма существенно то, что эпизод этот появляется у Гельвеция не как простая иллюстрация к идее деспотизма, а в связи с развернутой полемикой против культурпессимизма Руссо: «„Знание развращает нравы“. Но на чем основывается это утверждение? Чтобы добросовестно придерживаться этого парадокса, следует никогда не обращать взоров к империям Константинополя, Исфгани, Дели, Марокко и, наконец, к любой из этих стран, где невежество в равной мере царит и в хижинах, и во дворцах». ¹⁷

Пolemика Гельвеция против Руссо, бесспорно, интересовала Радищева. Прямые ее следы мы видим в главе «Крестыцы». Все это делает вероятным предположение, что эпизод с «черной ямой» в Калькутте потому привлек внимание Радищева при чтении книги Рейналя, что он запомнился ему еще по книге Гельвеция.

Однако в радищевской реминисценции содержалась и скрытая полемика с Гельвецием: относя Индию к странам непросве-

¹⁶ Oeuvres complètes de M. Helvétius, vol. IV. A Liège, 1774, p. 75—76.

¹⁷ Там же.

щения и деспотизма, французский философ, правда в сдержанной и осторожной форме, намекнул, что Россия, которую просветил Петр I, должна быть исключена из этого ряда. Радищев прямо отождествил Россию с «азиатским правлением».

Цитируя полемические выпады Гельвеция против Руссо, Радищев одновременно использовал в «Путешествии» цитаты и из произведения женева мыслителя. Нам уже приходилось указывать на использование в главе «Новгород» положений из трактата «Об общественном договоре».¹⁸ Однако в данной связи более интересны ссылки на ранние трактаты как непосредственную причину нападок Гельвеция.

В главе «Крестыцы», изложив свойственную материалистам XVIII в. концепцию отношений между родителями и детьми как основанных на выгоде и собственном интересе каждой стороны, Радищев переходит к теории подвига. Здесь он утверждает, что последование закону — первый долг человека в гражданском состоянии. Последование это не представляет трудностей в странах, где добродетель и закон не противоречат друг другу взаимно. «Но где таковое общество существует?». В случае же, когда закон «отлучает <...> от добродетели», последование ей остается неукоснительным правилом вплоть до того крайнего случая, когда добродетель предписывает гибель: «Умри.— В наследие вам оставляю слово умирающего Катона» (I, 292—295).

В трактовке героизма как особой проблемы социальной педагогики Радищев решительно разошелся с Гельвецием, и здесь ему потребовался такой союзник, как Руссо: весь приведенный выше ход рассуждения тесно связан с полемикой между Руссо и Бурдесом. Оппонент Руссо, засвидетельствовав свое уважение добродетелям Брута, Лукреции и Сцеволы (о Катоне он отозвался как о плохом гражданине), высказался в пользу государства, отличающегося твердым управлением, в котором граждане не имеют нужды в столь жестоких добродетелях. Руссо отвечал ему: «„Государство мощное и хорошо управляемое!“ — Что ж, я не против. — „Где граждане не были бы вынуждены прибегать к столь жестоким добродетелям“. — Согласен. Конечно, более удобно жить при таком порядке вещей, когда каждый избавлен от необходимости проявлять душевное благородство. Но если граждане этого вызывающего восхищение государства в результате некоего бедствия окажутся перед выбором: отказаться от добродетели или прибегнуть к этим жестоким доблестям, разве меньше будет оснований для восхищения, если они найдут в себе силы выполнить свой долг».¹⁹ Как пример и образец приводится Катон. Антитеза — подчинение закону, влекущее за собой раб-

¹⁸ Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 565. Ср.: Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев... с. 122.

¹⁹ Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau. vol. I, p. 163.

ство, или следование добродетели и гибель, равно как и пример Катона, оказались близки Радищеву и повлияли на речь крестницкого дворянина.

Крайне интересно, что в поисках отправной точки для рассуждений Радищев обратился не к «Общественному договору», с известной долей догматизма излагающему нормы идеального общественного порядка, а к более ранней полемической брошюре, где внимание было обращено на разрыв между идеальным царством добродетели и политической реальностью XVIII в. и как следствие этого на то, что нормой поведения гражданина является не покой и счастье, а героизм и гибель.

В главе «Едрово» путешественник предлагает матери крестьянской девки Анюты сто рублей приданого, без чего свадьба не может состояться. Крестьянка отвечает ему суровой отповедью: «И на том спасибо. Приданова бояре девкам даром недают. Если ты над моей Анютой что сделал, и за то даешь ей приданое, то Бог тебя накажет за твое безпутство; а денег я не возьму. Если же ты доброй человек и неругаешься над бедными, то взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают» (I, 307). Далее автор рассуждает о бескорыстии крестьян, сопоставляя его с нравственным падением жителей городов, в особенности дворян.

Эпизод этот производит в достаточной мере литературное впечатление: противопоставление нравственности и душевной чистоты поселян разврату городских жителей, дворян или придворных стало общим местом массовой французской литературы середины XVIII в., перекочевав со страниц памфлетов Руссо и сочинений энциклопедистов на листы многочисленных брошюр и на подмостки театров, ставивших популярные однодневки Бонуара, Шарля Саблье, Мерсье и др.²⁰

Тем более интересно сопоставить его с отрывком из «Записок» И. В. Лопухина. Эпизод, который мы цитируем ниже, имел место во время сенатской ревизии 1800 г. и, следовательно, никакого воздействия на автора «Едрова» оказать не мог. Он интересен как свидетельство того, что книжность и жизненность отнюдь не обязательно являются взаимоисключающими началами. В «Записках» Лопухина читаем:

В городе Вятке, который тогда по крайней мере похож был больше на богатое село, нежели на губернский город, обычай у поселянских девок торговать калачами, булками, пряниками и всякой мелочью. Они сидят все рядом в лубочных своих лавочках, которые называются балаганами, и их несколько десятков, может быть и под сотню. В пених своих прогулках часто я покупал у них калачи или булки, давая им всегда по несколько копеек лишних. Однажды, покупая у одной из них, девки лет восемнадцати, не красавицы, однако лица приятного, и приметив из раз-

²⁰ См. подбор пьес этого рода в кн.: *Иванов Ив.* Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. — Учен. зап. имп. Моск. ун-та, отдел историко-филологич., 1895, вып. XXII, с. 453 и др.

говора с нею, что она отменно не глупа, подарил я ей на расторжку пятирублевую бумажку. Девка очень обрадовалась. Пять рублей калашнице капитал.

На другой день поутру сказывают мне, что пришел мужик, имеющий нужду говорить со мною. Я его к себе позвал. Мужик в слезах мне в ноги: «Помилуй батюшка, спаси дочь мою; ты погубил ее — она хочет удавиться или в Вятку (реку) броситься. Вчера ты ей пожаловал пять рублей, так все девки товарки ее целый день ей житья не давали: „Ты была у сенатора, да и только, за что ж бы ему пожаловать тебе пять рублей?“. Дочь моя воеет, в удавку лезет, не можем уговорить ее, мать от нее не отходит».

Смешно, правда, было подозрение меня в таком молодечестве, однако тревога мужика с его семейством была для меня еще чувствительнее. «Неужель ты этому веришь? — говорил я ему. — Да если б дочь твоя была у меня, так я бы ей пять рублей или больше дал у себя, а не в балаганах при всех! — Родимый, — говорит мне мужик, — да кто этому поверит! Мы знаем, что неправда, — да проклятые-то завистницы ее с ума сводят, а она девчонка молодая, глупая; помилуй батюшка!» — кричит мой мужик, валяясь в ногах.

Даю ему деньги — не берет. Давал ему уж столько, что по состоянию его дочери могло бы составить изрядную часть ей приданого: мужик все не берет, а только кричит: «Помилуй, спаси дочь мою; не быть ей живой: она удавится, не век сидеть над ней; а хоть и сидеть, то все она сойдет с ума от печали».

«Что ж мне делать? — я говорю ему, — не жениться же на ней. Я подарил ей от доброй души — а уж это несчастье, что с нею случилось. Дай мне подумать, авось как-нибудь поправим: приходи ко мне завтра». И на силу уговорил я его отойти от меня до завтра.

Между тем, видя такое беспритворное огорчение и находя себя, хотя и невинного, однако причиною тому, был я очень неравнодушен. Думал и не знал, чем поправить. Денег не пожалел бы я, и много, да целомудренной калашнице с отцом ее ничего было не надобно. Вдруг пришла мне мысль, которой исполнение все дело исправило.

Послал я в казенную палату несколько сот рублей разменять на пятирублевые ассигнации и, пошед разгуливаться, всякой девке-торговке подарил по пятирублевой бумажке на расторжку же. Отец отчаянной калашницы пришел ко мне на другой день не с тем уже, чтоб толковать о том, как уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоил я дочь его. «Бог тебя надоумил, родимый, — говорил он мне, однако со слезами радости. — Теперь уж ее не дразнят; все девки веселы и с нею ватажатся; и никто уж на нее не думает, а всяк говорит, что ты это жалуешь только из милости».

Признаться, что и мне весело стало. Хотел я, однако, отдать мужику то, что прежде давал ему на приданое дочери его, такой честной девушке, но он никак не соглашался принять, кланяясь и говоря очень искренним голосом: «Помилуй, батюшка, уволь: ведь опять то же баить (говорить) станут».²¹

Эпизоды из «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Записок» Лопухина красноречиво дополняют друг друга, показывая, как сложно переплетаются книжно-теоретические конструкции и реально-бытовые наблюдения и какую осторожность должен проявлять историк, пытаясь отделить первые от вторых.

Мы не умножаем дальнейших примеров, поскольку для того, чтобы исчерпать перечень непрокомментированных мест «Путе-

²¹ Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим, с предисловием Искандера. Лондон, 1860, с. 98—100

шествия», потребовался бы значительно больший объем, чем тот, которым мы располагаем, а для демонстрации актуальности создания отвечающего научным требованиям полного комментария к книге Радищева, кажется, довольно сказанного.

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность приведенных выше наблюдений.

В отнюдь не исчерпывающем списке текстов, цитируемых Радищевым, нам сразу же попались Евангелие и Плутарх, Гельвеций, Руссо и Шиллер. Если бы мы задались специальной целью собрать контрастные и взаимоисключающие имена, трудно было бы предложить более яркий список. Одни цитаты ведут нас к выступлениям Гельвеция против Руссо, а другие — к текстам самого Руссо. В этой противоречивости набора имен, видимо, следует видеть не случайность, а некоторую сознательную установку. Показательно, что первая строка — эпитафия «Путешествия» — отсылает нас к Тредиаковскому, а последняя глава — к Ломоносову. То, что Радищев ясно осознавал противоположность традиций, идущих от этих писателей, явствует из «Памятника дактилохорейческому витязю».

Раскрытие цитат и реминисценций не только способствует пониманию отдельных мест текста, оно раскрывает также сознательную или бессознательную ориентацию автора на ту или иную культурную традицию. Если взглянуть на вопрос с этой точки зрения, то перед нами окажется картина, способная вызвать замешательство: Радищев обращается к именам, ориентации на которые, казалось бы, должны были взаимно исключать друг друга. Это было бы объяснимо, если бы собственная позиция Радищева отличалась эклектичностью и неопределенностью. Однако такое утверждение было бы прямо противоположно истине: собственная система Радищева органична и скорее отличается рационалистической жесткостью, чем диффузностью. Для писателя характерна принципиальная установка на синтетический подход к традиции предшествующей культуры. Синтетизм этот заключается в стремлении в разнообразных завоеваниях европейской и мировой культуры выделить общее и плодотворное ядро, не разделить, а синтезировать различные течения культуры. Те философы, которые в контексте западной культуры выглядели как противники (например, Гельвеций и Руссо), в русской радищевской версии оказывались глубоко родственными проявлениями единого культурного архетипа. Причем принципиальность такого подхода проявлялась в том, что взгляд этот включал полную осведомленность в расхождениях, полемике или даже враждебности этих течений в их «естественных» контекстах и тонкое понимание различий и оттенков мысли.

Установка на синтетическое восприятие культурной традиции делает Радищева одним из зачинателей исключительно важной тенденции в истории русской общественной мысли.

Г. Н. МОИСЕЕВА

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ РАДИЩЕВА
1780-х ГОДОВ

В начале «Путешествия из Петербурга в Москву» есть фраза, которая составляет как бы лейтмотив всего произведения: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала» (I, 227).

Сочувствие к этим страданиям побудило А. Н. Радищева написать «Путешествие из Петербурга в Москву», сконцентрировав в этом произведении весь запас накопленных знаний и наблюдений, всю силу негодования, которое было вызвано в нем российской действительностью.

Своей задачей Радищев считал не только «отнять завесу с очей природного чувствования», показать жизнь без прикрас, но и понять причины, порождающие страдания народа, чтобы устранить их. Отсюда его интерес к истории и особенно к истории России на протяжении всего ее многовекового развития; отсюда же его внимание к происхождению правовых институтов, определивших социально-экономическое устройство государства.

Интерес к истории у Радищева неразрывно связан с его общественно-политическими идеями. Поэтому целесообразным представляется, в связи с проблематикой настоящей работы, сделать попытку рассмотреть, какое отражение нашли занятия Радищева русской историей в его произведениях.

Выявленные Д. С. Бабкиным выписки Радищева из древнерусских летописей и законодательных памятников («Русской Правды», «Уложения»), из сочинений В. Н. Татищева и Г.-Ф. Миллера, сохранившиеся в Архиве Воронцовых, датируются по водяным знакам бумаги 80-ми гг. XVIII в. (III, 569). Следовательно, Радищев делал эти выписки и изучал «Летопись Нестора» по изданию «Библиотеки российской исторической» 1767 г. (о чем свидетельствуют его многочисленные пометки в тексте)¹

¹ Экземпляр издания «Библиотеки российской исторической», сохранившийся в библиотеке М. Н. Лонгинова в ИРЛИ АН СССР (Шифр: ЛО.58.7), обнаружен Д. С. Бабкиным. Ю. М. Лотман издал текст, отмеченный пометками А. Н. Радищева; см.: Радищев — читатель летописи. Публи-

в те же самые годы, когда работал над «Путешествием из Петербурга в Москву», «Житием Федора Васильевича Ушакова» и «Письмом к другу, жительствовавшему в Тобольске». Кроме того, в 80-х гг. XVIII в. Радищев одновременно работал и над юридическим трактатом, не оконченным им из-за ареста, — «Опытом о законодательстве», в который также включены исторические экскурсы. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть, как соотносятся сочинения Радищева в области проблем русской истории.²

«Опыт о законодательстве» начинается мыслью, близкой к идеям «Путешествия из Петербурга в Москву». Радищев пишет: «Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан <...> Мы не можем лучше делать наших размышлений о сей столь важной и столь достойной всего нашего внимания вещи, как рассуждая с достойными им благоговением и тщанием и со всевозможною по силам нашим точностию, сперва о предметах, потом о существе и совершенстве, о издателе, а наконец и о исполнении законов. Истинна и блаженство ближнего будут при оном наша единственная цель» (III, 5). Радищев-юрист хочет составить единый свод законов, основанный на исторически сложившихся в каждой стране «законоположениях». «С издания в России уложения, — пишет он, — в России состоялися законы, коих число нещетно, и неудобства здесь таковы же, как и везде. Сему намерена была пособить ныне царствующая императрица, изданием нового уложения. Но важнейшия может быть дела отвратили ее до сих пор от того внимание» (III, 8).

Радищев говорит о том, что «в России <...> два члена общества: государь и народ». Государь обладает самодержавной властью. «Мы возрим царя, на престоле сидящего, и скажем нечто о праве государя и о его обязанностях» (III, 9).

«В России народ разделяется на три главных состояния: духовенство, воинство и гражданство.

Духовенство есть двойное, белое и черное, или монашество. Воинство сухопутное и морское.

Гражданство на многие звания разделяется. 1-е дворянство. 2-е купечество, мещанство и цехи. 3-е дворцовые и государственные крестьяне и другие в ведомстве экономии директора находящиеся. 4-е крепостные. 5-е вольные <...> люди» (III, 9).

Приведя этот большой отрывок из «Опыта о законодательстве», мы должны сказать о том, что при издании этого сочинения по автографу, хранящемуся в Архиве Воронцовых,³ примечания

какия и вступительная заметка Ю. М. Лотмана. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии. Вып. VIII. Литературоведение. Тарту, 1965, с. 213—234.

² Вопрос об изучении «Путешествия из Петербурга в Москву» в связи с другими его произведениями поставил И. Я. Шипанов (см.: Еще раз о А. И. Радищеве. — Вopr. истории, 1957, № 6, с. 127). Мы рассматриваем произведения, над которыми Радищев работал одновременно.

³ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. I, № 398, л. 126—152.

Радищева, помещенные им на боковом поле, по неясным причинам перенесены в варианты. Между тем в примечаниях Радищева содержатся ссылки на источники, что является важным компонентом сочинения.

Приведем некоторые примеры.

Формулируя законоположение о дворянстве, Радищев помещает примечание:

«О дворянстве вообще. I. Дворянство^а есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены.

^а Наказ. Гл. XV, § 360».⁴

Открываем «Наказ ея имп. величества Екатерины Вторя, данный Комиссии о сочинении нового Уложения», гл. XV, § 360: «Дворянство есть нарицание в чести различающее от прочих тех, кои оным украшены».⁵

В «Опыте о законодательстве» Радищева: «Дворянство имеет разныя права, которые люди другого состояния иметь не могут, яко то иметь деревни и крестьян. Будучи в нижних военных чинах, не быть биту палками, из службы выходить по желанию, носить пшпагу и пр.» (III, 19—20). В рукописи добавлено на боковом поле: «Герольдмейстерской инструкции <1>722 года февр<аля> 5 дня, пункт 785».⁶

Обратим внимание на член III, озаглавленный «Как право дворянства приобретается и как показывается».

«Дослужившиеся не из дворян до обер-офицерства в воинской службе суть дворяне и дети их, родившиеся в обер-офицерстве. А из тех, кои родились прежде, если отец будет бить челом, давать дворянство только одному, о коем отец просить будет. Гражданская и придворная служба сего титла не дает, также дослужившимся по мастерствам» (III, 22).

К словам «сего титла не дает» Радищевым сделано следующее примечание: «Указ <1>760 ноября 23. Сии не могут пользоваться и правом дворянства».⁷ Эта ссылка на указ Елизаветы Петровны, в котором введены дополнения к «Табели о рангах» 1722 г. Приведенный Радищевым указ 1760 г. не случаен. Мы располагаем рядом наблюдений над размышлениями Радищева о «Табели о рангах» — документе, дающем права на получение дворянства за личные заслуги. Так, в «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев объясняет происхождение в России правила, по которому «противоречие власти начальника есть оскорбление верховной власти», именно петровской «Табелью о рангах». В примечании к приведенным словам Радищев пишет: «С вероятностию корень сего правила о непрекословном повиновении

⁴ Там же, л. 145.

⁵ Наказ ея имп. величества Екатерины Вторя, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб, 1770, с. 250.

⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 398, л. 142.

⁷ Там же.

найти можем в воинских законоположениях и в смешении гражданских чиновников с военными. Большая часть у нас начальников в гражданском звании, начали обращение свое в службе Отечеству с военного состояния и, привыкнув давать подчиненным своим приказы, на которые возражения не терпит воинское повиновение, вступают в гражданскую службу, с приобретенными в военной мысли. Им кажется везде строй; кричит в суде на караул, и определение не редко подписывает палкою» (I, 161, примеч. «а»).

В «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Хотиллов» автор «Проекта в будущем» пишет: «Между многими постановлениями, относящимися к возстановлению по возможности равенства во гражданах, нашел я табель о рангах. Сколь она была не к стати нынешним временам, и оным несоразмерна, всяк сам может вообразить» (I, 322—323).

Пожалуй, самым сильным подтверждением этих слов автора «Проекта в будущем» служит глава «Зайцово». Рассказчик, господин Крестьянкин, поведал Путешественнику трагическую историю, происшедшую в деревне одного из таких «новых дворян»: «В губернии нашей жил один дворянин, которой за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камерлакеем, потом мундшендком; какие достоинства надобны для прохождения сих степеней придворной службы, мне неизвестно ... Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в Герольдию, для определения по его чину. Но он чувствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку, и награжден чином Коллежского Ассессора; с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию лет шесть тому назад ... Там скоро Ассессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалую своею семьею ... Г. Ассессор, произошед из самого низкаго состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову <...> Он себя почел вышшаго чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва недумал ли он, что власть его над ними, от бога произтекает) да употребляет их в работу по произволению» (I, 271). Далее Крестьянкин рассказал, как надругательство Ассессора над крепостными довело их до убийства своего господина.

Радицев, можно думать, не случайно назвал время, когда Ассессор приехал в деревню — «лет шесть назад», следовательно, в конце 70-х—начале 80-х гг. XVIII в. Служил он при дворе, начиная с истопников, 15 лет. Поэтому очевидно, что его «движение к дворянству» происходило при дворе Екатерины II и чин и дворянское звание он получил в Герольдмейстерской конторе по соизволению царствующей императрицы.

Не менее выразителен и рассказ (глава «Спасская Полесьть»), услышанный Путешественником, о курьере, посылаемом «государственным Наместником» в Петербург с якобы важным доне-

сением, на самом же деле «за устерсами <...> к лавочнику Корзинкину». Курьер Н. Н., исправно привозящий «устерсы», также по «Табели о рангах» получает повышение в чине.

Эти рассказы об Ассессоре и о курьере Н. Н. являются художественным комментарием к размышлениям Радищева о новых формах использования петровской «Табели о рангах» в условиях изменившейся исторической действительности второй половины XVIII в.

Новейший исследователь становления русского абсолютизма С. М. Троицкий отмечает эволюцию «Табели о рангах» в 20—60-х гг. XVIII в. Исследователь пишет, что уже при первых преобразованиях Петра I в «Табель о рангах» были внесены некоторые изменения. Особенно серьезные поправки характеризуют период «после издания Манифеста о вольности дворянства 1762 г. до конца 60-х годов XVIII в., когда правительство Екатерины II издало ряд законов, направленных на дальнейшую бюрократизацию аппарата управления».⁸ В реализации Манифеста 1762 г., как указывает С. М. Троицкий, «сыграла роль придворная группировка братьев М. И. и Р. И. Воронцовых, отстаивавших политику дворянских привилегий, в частности освобождение дворян от обязательной государственной службы».

В 70-х гг. XVIII в. Екатерина II ввела в «Табель о рангах» новые чины; были увеличены должности канцелярского штата, что «отражало растущую бюрократизацию государственного аппарата».⁹ Было произведено наделение обер-офицерскими рангами художников и архитекторов — профессоров Академии художеств, включены в «Табель о рангах» низшие придворные должности. Мы помним, что это обстоятельство вызвало резко сатирические вопросы Д. И. Фонвизина к журналу «Собеседник любителей российского слова». Четырнадцатый вопрос «из могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание» был сформулирован так: «Отчего, — спрашивал Фонвизин, — в прежние времена шуты, шпыны и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?».

Это был очевидный намек на многочисленных «ласкателей» и фаворитов императрицы. Екатерина II резко ответила через журнал: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».¹⁰

Таким образом, протест Радищева направлен не непосредственно против «Табели о рангах», а против награждения дворянством, и, следовательно, правом владения крестьянами, необразованных выходцев из низших сословий, возвысившихся не заслугами перед отечеством (как было в петровское время),

⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 119—143.

⁹ Там же, с. 150—151.

¹⁰ См.: Русская литература XVIII века. Сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970, с. 349.

а «выслугою» и чаще «ласкательством». Судьбы зайцовского Ассессора и курьера Н. Н. были яркими образцами использования петровской «Табели о рангах» в условиях бюрократизации государственного аппарата и развития фаворитизма при Екатерине II.

Еще акад. М. И. Сухомлинов отмечал пародийные приемы, примененные Радищевым в некоторых главах «Путешествия из Петербурга в Москву»: в «Спасской Полести», «Хотилове» и «Выдропуске». При этом ученый не назвал конкретного адресата пародии. Он писал: «Речи странницы-истины, снимающей бельма, звучали диссонансом в общем хоре торжественных восхвалений, а „проект в будущем“ представляется пародией на хвалебную лирику и на некоторые официальные акты».¹¹

В настоящее время в комментариях к «Путешествию из Петербурга в Москву» Л. И. Кулаковой и В. А. Западава показано, как в различных главах этого произведения «просвечивает» пародийное использование Радищевым официальных выступлений и речей Екатерины II.¹² Наши наблюдения полностью подтверждают и расширяют эти выводы.

Главным объектом сатирического использования оказывается «Наказ» Екатерины II, наполненный просветительской фразеологией. Русская императрица писала о равенстве всех граждан перед законами (гл. V, § 34), о государственной вольности, порождающей наслаждение «безопасностью»; «чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один гражданин не мог бояться другого, а боялися бы все одних законов» (гл. V, § 39).¹³ Екатерина II говорила о естественных законах, которые «повелевают нам по силе нашей и благополучию всех людей пещися» (гл. XI, § 253). В следующем параграфе она писала: «Следовательно, и избегаи случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость в учинении того приведет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (гл. XI, § 253).¹⁴ Заканчивается «Наказ» весьма красноречиво: «... мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны».¹⁵

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев показывает реальные результаты царствования «просвещенного монарха», каким постоянно представляла себя Екатерина II.

Обездоленные, «мертвые в законе» земледельцы с их суровой долей, самоуправство и необузданный разврат помещиков, нищета

¹¹ Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, с. 574—575.

¹² Кулакова Л. И., Западава В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 55, 71, 80—81.

¹³ Наказ..., с. 20, 22.

¹⁴ Там же, с. 176, 178.

¹⁵ Там же, с. 338.

большей части населения — все это совсем не похоже на картины процветающей России, нарисованные в манифестах и в «Наказе» императрицы. И это — более чем через 25 лет после ее восшествия на престол и через 20 лет после торжественной публикации «Наказа».¹⁶

Безусловно, именно «Наказ» как официальный документ царствования Екатерины II стал в первую очередь объектом анализа Радищева-юриста, что нашло отражение в его трактате «Опыт о законодательстве», и Радищева-писателя, ярко раскрывшего в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подлинную жизнь русского народа, коснувшись самых важных общественно-политических вопросов. И прежде всего — вопроса о происхождении самодержавия.

Еще в 1773 г., вскоре после возвращения из Лейпцига в Петербург, Радищев перевел книгу французского политического мыслителя, историка и публициста, оказавшего огромное влияние на развитие просветительских идей предреволюционной Европы, Габриэля Бонно де Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастья Греков». Книгу Мабли Радищев изучал еще в годы учения в Лейпциге, о чем свидетельствуют материалы, впервые введенные в науку Я. Л. Барсковым.¹⁷

Точно передавая содержание книги Мабли, Радищев прибавил к ее тексту семь примечаний, которые позволяют исследователям понять не только причины, побудившие молодого ученого юриста осуществить перевод книги, во многом созвучной его идеям, но и более глубоко воспринять его собственные общественно-политические взгляды, характеризующие Радищева как передового мыслителя, близкого к Гердеру, Монтескье и Руссо.

Так, рассказывая о демократическом, «вольном» устройстве древнегреческих республик, Радищев пишет: «Тогда любовь к безподданству стала отличающим Греков качеством: даже царское имя им стало ненавистно <...> Самодержавно управляемая Греция не произвела бы ни законов, ни художеств, ни добродетелей, вольностию и соревнованием в ней произращенных» (II, 232). Говоря о законах Ликурга, Радищев высказывает мнение о том, что «политика должна конечно повиноваться расположению умов и не оскорблять народные нравы, когда она дает законы великому государству, для того что *народный разум необходимо сильнее разума законодателя*» (II, 235; курсив мой, — Г. М.). И особенно важно отметить примечание к слову «самодержавство, отъемлющее у души все ея пружины». Радищев пишет: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние.

¹⁶ В 1787 г. Екатерина II торжественно отмечала 25-летие своего царствования.

¹⁷ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М., 1935, с. 89—90.

Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников опричь права собственные сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать должныствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы она употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народнаго общества*» (II, 282).

Спустя 15 лет в «Опыте о законодавстве» Радищев пишет: «В России находим два члена общества: государь и народ». Государь — не «первый гражданин общества»: он отделен непроходимой стеной неограниченной власти, его поступки диктуются исключительно его волею, «которая в России является законом».

Радищев обращается к древней русской истории, чтобы понять, как произошла эта узурпация власти, отобранной у народа, как значительная часть населения страны потеряла личную свободу и стала собственностью других людей.

Анализ выписок Радищева из древнерусских памятников и исторических трудов XVIII в. дает возможность представить часть источников. Но, по-видимому, он их знал значительно больше. Сохранилась изданная в 1767 г. «Летопись Несторова», внимательно прочтенная им, с многочисленными замечками на полях и выписками. «История российская» Татищева по изданию Г.-Ф. Миллера 1768 г., «Русская Правда» с примечаниями В. Н. Татищева, «История Сибири» Г.-Ф. Миллера, изданная в 1750 г., статья Г.-Ф. Миллера «Краткое повествование о начале Новгорода и о происхождении Российского народа, о новгородских князьях и знатных онаго периода случаях», опубликованные в журнале «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие» в 1761 г. (с июля по октябрь), — представлены выписками Радищева.¹⁸

Но очевидно, что Радищеву были известны и другие печатные книги, относящиеся к древней русской истории: издание новгородской летописи 1786 г., сочинения по истории России Ломоносова — «Краткий российский летописец с родословием» (1760) и «Древняя российская история» (1766), «Записки касательно российской истории» Екатерины II, впервые изданные в 1783—1784 гг. в журнале «Собеседник любителей российского слова», а в 1787—1794 гг. вышедшие отдельным изданием (ч. 1—6).

Выписки из древнерусских исторических источников дают возможность Радищеву, исходя из договорной теории происхожде-

¹⁸ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, с. 30—40 и др.

ния общества, находить обоснование этой теории. Он полагает, что исконной формой государственного устройства древних славян была вечевая республика, управляемая народом. По решению веча князья приглашались и изгонялись «со стола». Наиболее ярко такое политическое устройство проявилось в Новгородской республике. Следы вечевого устройства Радищев видит и в других древнейших городах: Киеве, Пскове, Полоцке, Суздале и Владимире.

С «вечевой» теорией Радищева связано и его представление о роли варягов на Руси. Если сторонники «норманской» теории происхождения Русского государства полагали варягов, призванных союзом славянских племен для княжения, законными правителями, а их наследников — естественными наследниками царской династии, то Радищев считает варягов завоевателями, силою отнявшими власть и права народа. Отсюда проистекает его теория незаконности и противоестественности самодержавной власти начиная с древнейшей поры до современности. Отсюда и особое отношение Радищева к периоду феодальной раздробленности на Руси XI—XV вв. Радищев полагает, что в это время не было одного великого князя, а каждый из удельных князей совместно с вечем мог самостоятельно решать важные политические вопросы, и князья неоднократно вынуждены были подчиняться решениям, принятым на съездах. Особенно отмечает Радищев черты «договорного» начала в крестоцеловании князя, своего рода клятве, данной народу на сохранение его прав. Не феодальная раздробленность Руси и удельные междоусобицы являются причиной ослабления государства, а самодержавное правление великих князей послужило началом экономической и культурной отсталости России: так трактует Радищев выписку из летописи о «мнозих» философах, бывших при дворе Ярослава Мудрого. Окончательное падение вольности на Руси Радищев связывает с периодом правления Ивана Калиты, впервые утвердившим «наследие единого сына по себе». В связи с этим он рассматривает присоединение Новгорода к Москве в результате походов Ивана III (в 1478 г.) и его внука Ивана Грозного (в 1572 г.) как одно из наиболее ярких черт своеволия самодержавных владык, подчинивших себе свободный город, увезших в Москву вечевой колокол — «палладиум новгородской вольности» и отменивших права, данные новгородцам Ярославом Мудрым, — «Русскую Правду».

С исследованием «Русской Правды» — древнейшего законодательного памятника, определявшего юридические нормы Русского государства, связан интерес Радищева к вопросу о происхождении крепостного права. Он изучает «Судебник» Ивана Грозного (1550), узаконение Федора Иоанновича и Бориса Годунова, «Уложение» Алексея Михайловича 1649 г. и «Табель о рангах» 1722 г., окончательно закрепивших крестьян за землей и уравнявших вотчину с поместьем. Радищев обвиняет Петра I в том,

что этим указом он «изтребил последние признаки дикой вольности своего отечества» (I, 150—151).

Изучение Радищевым памятников древнерусской литературы имеет и еще один аспект: оно полемически направлено на опровержение исторической концепции императрицы Екатерины II. И хотя Радищев прямо нигде не ссылается на «Записки касательно российской истории», сопоставление его исторических взглядов с положениями, декларированными «венценосным историком», наглядно свидетельствует об этом.

Обратимся к тем экскурсам в русскую историю, к попыткам понять русский национальный характер, которые нашли свое отражение в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Уже в первой главе «София» Радищев, размышляя о русской песне, говорит о том, что в ней отражается характер народа: «Посмотри на рускаго человека; найдеш его задумчива. Если захочет разогнать скуку, или как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. — Бурлак идущий в кабак повеса голову и возвращающейя обогренной кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в Истории Российской» (I, 230).

Вопрос о русском национальном характере обсуждался в 80-е гг. XVIII в. на страницах журналов. В 1783 г. на вопрос Д. И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?», Екатерина II отвечала в журнале «Собеседник любителей российского слова»: «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Ответ Радищева прямо противоположен мнению Екатерины II: «В веселии своем порывист, отважен, сварлив». Более того, заключительные слова «многое может решить доселе гадательное в Истории Российской» свидетельствуют о том, что мнение Радищева распространяется не только на современные события, но и на историческое прошлое.

Известно, что в «Записках касательно российской истории» Екатерина II изложила древнейший период новгородской истории в соответствии со своими политическими взглядами (используя в качестве источника Иоакимовскую летопись в изложении В. Н. Татищева).¹⁹

Новгородский князь Гостомysl, умирая, оставил завещание своим подданным, чтобы по смерти его был призван владеть в Новгород Рюрик с братьями. Услышав о несогласии, своеволии, прихоти и беспорядке новгородцев, Рюрик с трудом согласился на это предложение.

¹⁹ См.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусские памятники в драмах Екатерины II. — ТОДРЛ, т. 28. Л., 1974. с. 289—292

Сюжет о призвании Рюрика был представлен Екатериной II не только в историческом сочинении, но и в драматическом произведении «Историческое представление из жизни Рюрика», изданном в 1786 г. Драма начинается речью умирающего Гостомысла, обращенной к старейшинам «славен, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович: „Я вижу между вами несогласие, всяк из вас по своей мысли и прихоти правит и судит <...> сами собою править не можете: и для того по кончине моей надобно вам князя, который бы над вами владел“». ²⁰ Выступивший против Рюрика молодой новгородский князь Вадим (внук Гостомысла от младшей дочери) показан дерзким, неумным, честолюбивым юношей, которого Рюрик посрамляет и заставляет превозносить добродетели своего врага. В «Записках касательно российской истории» Екатерина II неоднократно подчеркивала своеволие и упрямство новгородцев.

В полемику с императрицей-историком вступил Я. Б. Княжнин. В 1789 г. он закончил трагедию «Вадим Новгородский», в которой показал героизм и отвагу защитника новгородской вольности. Вадим Княжнина предпочитает смерть рабству.

Но, как уже справедливо отметил В. Н. Бернадский, Радищев в своей борьбе с Екатериной II пошел значительно дальше Княжнина. ²¹

Первая часть главы «Новгород» является глубоко продуманным и аргументированным опровержением суждений Екатерины II о древнем Новгороде и новгородцах. «Новгород имел народное правление, — пишет Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву». — Народ в собрании своем на вече, был истинный Государь <...> В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для разсуждения о вещах общественных» (I, 262, 264). Экономический и политический расцвет Новгорода — результат благотворного влияния народовластия. Радищев пишет: «Укрепляясь в вольности, расширяя свою торговлю, Новгород распространил свое владычество на все северные страны России, куда власть татарская не досязала» (II, 145).

После того как царь московский Иван Васильевич (Радищев дает как бы обобщенный образ Ивана Васильевича III и его внука Ивана IV) увез в Москву вечевой колокол, отдал грамоту о новгородских вольностях и разорил Новгород «до основания», история прекратила свое развитие: «Потом. В 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте» (I, 264).

²⁰ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. 2. СПб., 1901, с. 221.

²¹ Бернадский В. Н. А. Н. Радищев об истории Великого Новгорода. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, Кафедра русской литературы, 1958, т. 170, с. 75.

Историческая концепция Радищева, изложенная в главе «Новгород», была отмечена в замечаниях при чтении Екатериной II «Путешествия из Петербурга в Москву»: «99.100.101. Говоря о Новгороде, о вольном его правлении и о суровости царя Ивана Васильевича, не говорит о причине сей казни, а причина была, что Новгород, приняв унию, предался Полской республике, следовательно, царь казнил отступников и изменников, в чем, по истине сказать, меру не нашел».²² Во втором замечании на главу «Новгород» Екатерина II написала: «...сей вопрос тут делается, дабы отвергать власть».²³

В ряде замечаний при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» Екатерина II правильно отметила общую направленность книги Радищева. Она уловила свободомыслие автора, его гневное обличение самодержавия как политической системы и увидела, что автор поразительно ярко нарисовал ее портрет, полемически направленный на опровержение идеализированного образа просвещенной монархии, создаваемого как ею самой (в «Наказе»), так и описцами и художниками, придворными льстецами и фаворитами.

Русская история — древняя и современная — оказалась в сочинениях Радищева 80-х гг. XVIII в. неопровержимым доказательством противоестественности и пагубности самодержавного строя России, порождающего безмерные «страдания человечества».

²² *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 158.

²³ Там же, с. 158.

Л. Н. ЛУЗЯНИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ТРАКТАТА РАДИЩЕВА
„О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЕГО СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИИ“

Трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный в годы илимской ссылки, занимает особое место в творчестве А. Н. Радищева. Это сочинение представляет важнейшее звено в развитии идейно-философских, этических и эстетических взглядов писателя. Вместе с тем перед нами образец философской публицистики конца XVIII в. с характернейшей для нее эмоциональной напряженностью, природа которой еще, может быть, не вполне уяснена. Это проза, несомненно имеющая свое внутреннее задание, реконструировать которое было бы весьма любопытно, ибо не случайно в первых же строках трактата, в самом его названии мы сразу узнаем интонацию автора «Дневника одной недели», «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву». Нам известна психологическая ситуация, в которой создавался трактат, понятно, почему мысль о смерти особенно остро возникла в сознании писателя именно в эту пору, но явилось ли это произведение исповедью смятенной души или своеобразной формой убеждения в заранее известной мысли — ответить необычайно трудно.

Между тем внимание историков литературы это произведение Радищева привлекало сравнительно мало: его изучали, и весьма интенсивно, исследователи общественной и философской мысли, которых интересовали преимущественно два аспекта. Во-первых, проблема источников трактата, круг философской и естественнонаучной литературы, нашедшей в нем свое отражение; а во-вторых, интерпретация философских взглядов писателя, проблема его мировоззрения. Так, исследователи конца XIX—начала XX в. доказывали, что третья и четвертая книги трактата свидетельствуют о приверженности Радищева к идеализму лейбнизианского толка.¹

¹ См. примечания Г. А. Гуковского в кн.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II. М.—Л., 1941, с. 370—372; *Masaryk Th. G. Russland und Europa, I Folge*, Bd 1. Jena, 1913, S. 66.

Высказывалась в этой связи и мысль о незаконченности трактата, о колебании Радищева между материализмом и идеализмом.²

Советские исследователи поставили вопрос о философских взглядах Радищева более глубоко: каковы были объективные источники противоречий в мировоззрении писателя, в чем заключалась «трагедия русского материализма XVIII в.», какова природа взаимосвязей европейской просветительской философии и русской культурной традиции.³ Была отмечена сложность, неоднозначность философских исканий Радищева, выяснена природа противоречий его идейных посылок, объясняемая, с одной стороны, зарождением элементов диалектики мышления, а с другой — неразработанностью в материализме XVIII в. некоторых аспектов гносеологического характера.

Примечательно, что в последние десятилетия трактат начал привлекать все более серьезное внимание и историков литературы.⁴ Наиболее значительной работой, посвященной анализу трактата Радищева, поваторской с методологической точки зрения представляется работа Ю. М. Лотмана «Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века».⁵

Прежде всего исследователь поставил вопрос о том, как надо понимать «противоречие» в контексте той или иной идеологической системы. «Следует помнить, — отмечал Ю. М. Лотман, — что одна и та же идеологическая система может выступать как противоречивая с точки зрения современного исследователя и монистическая, непротиворечивая с точки зрения ее создателей ... Противоречия идеологической системы присутствуют в ней не как элементарное несведение концов с концами (к сожалению, во многих историко-литературных исследованиях дело представляется именно так), а как переосмысление того, что казалось единым, в свете последующего исторического или современного, но

² См.: *Радлов Э.* Очерк истории русской философии. Пб., 1920, с. 11—12.

³ См.: *Луппол И. К.* Трагедия русского материализма. (Философские взгляды А. Н. Радищева). Историко-философские этюды. М.—Л., 1935, с. 194—218; *Плимак Е. Г., Покровский С. А.* Связи А. Н. Радищева с западным Просвещением. — Вестн. истории мировой культуры, 1957, № 4, с. 70—85; *Рогов И. М.* Трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии» и философская позиция А. Н. Радищева. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1957, № 17. Серия экономики, философии и права, вып. 3, с. 100—113; *Филиппов Л. А., Шинкарук В. И., Спектор М. М.* Философская позиция А. Н. Радищева в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии». — Вопр. философии, 1958, № 5, с. 160—169; *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* История русской философии. М., 1961, с. 123—134; *Каменский З. А.* Философские идеи русского Просвещения. М., 1971, с. 283—287.

⁴ См.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956, с. 508—510; *Кулакова Л. И.* Очерки эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 266—270, 274; *Grasshoff A. N.* Radišev und Moses Mendelssohn. — In: *Slavisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur.* Berlin, 1969, S. 333—336.

⁵ Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1965, вып. 167, с. 3—32.

социально неоднородного опыта».⁶ Среди подобных внутренне противоречивых идеологических систем — идеологическая система трактата Радищева. Предстоящий перед нами спор о бессмертии души связан, по мысли исследователя, с вопросами революционной тактики. Идея бессмертия, будучи совершенно излишней в непосредственных этических построениях Радищева, была органически связана с проблемой реального действия в новой исторической ситуации. По мысли Ю. М. Лотмана, Радищев подошел к осознанию противоречия между сложностью реальных этических конфликтов и прямолинейностью их решений из арсенала философии Просвещения, прежде всего из арсенала гелвецианской этики, предложенной материализмом XVIII в.⁷ Вот почему для него идея бессмертия души оказалась неразрывно связанной с проблемой революционного подвига, самопожертвования. Эта идея призвана была «укрепить человека, сознательно идущего навстречу собственной гибели».⁸ Истоки этой практической философии, ее основные положения в общем виде сложились ранее в этических учениях просветителей. Общественное бытие человека, его отношение к государству, к людям и к самому себе формулировалось прежде всего в категориях морали. В этой системе идея бессмертия души становилась неким нравственным идеалом, и к ней охотно обращались как к своеобразной философии жизни еще предшественники Радищева, прежде всего Н. Новиков. Позиция последнего была принципиально отлична от позиции масонов, трактовавших идею бессмертия прежде всего в плане нравственно-религиозного квиетизма. Весьма примечательна в этом отношении философская направленность журнала «Утренний свет», немалое число статей в котором принадлежало, по-видимому, перу Новикова, для которого главное в утверждаемой идее бессмертия души — общая польза подобного допущения.⁹ Не случайно позиция Новикова в этом вопросе сразу же вызвала полемику со стороны масонства. «Кульминацией именно этой философской борьбы в России, — отмечает Г. П. Макогоненко, — явился радищевский трактат „О человеке, о его смертности и бессмертии“». Вне учета того, что этому трактату предшествовала долгая философская борьба, и прежде всего борьба новиковской, *практической* точки зрения со шварцевской масонско-мистической и церковно-религиозной, нельзя правильно понять политическую направленность философского выступления Радищева».¹⁰ Таким образом, идея бессмертия души как выражение революционной этики и тактики Радищева была в основе своей подготовлена практической философией XVIII в., и в частности предшествующим этапом русского Просвещения.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Там же, с. 16.

⁹ См.: Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское Просвещение XVIII в. М.—Л., 1951, с. 304, 331.

¹⁰ Там же, с. 333.

Но, как справедливо отметил Ю. М. Лотман, «это была заявка на более высокий тип философской системы».¹¹ И все же возникает вопрос: только ли с революционной практикой, с этической концепцией подвига была связана эта новая система?

По-видимому, здесь существовал еще один аспект — гносеологический, связанный уже не столько с политической проблематикой трактата, сколько с его философско-художественной концепцией.

Остановимся прежде на некоторых особенностях теории познания, выработанной материализмом XVIII в.

Философская мысль века Просвещения, на которую опирался Радищев, разумеется, не была однозначна. Но в основе ее лежало выработанное рационализмом XVII в. представление об универсальности человеческого разума и неизменности человеческой природы. Опираясь на эти представления, французский материализм XVIII в. разрабатывает учение о мыслящей материи, в котором важнейшее место заняла философия сенсуализма, позволившая связать категории материи и мышления. Однако принципы философии сенсуализма, разработанные Джоном Локком, получили у его французских последователей специфическое преломление. Уже Этьенн Кондильяк в «Трактате об ощущениях» по существу сводил рациональные формы знания к ощущениям, устанавливая прямую и непосредственную связь явлений внешнего мира с человеческим сознанием.¹² По этому же пути шли в разработке материалистического сенсуализма П. А. Гольбах и К. А. Гельвеций. Последний, осваивая учение Локка, стремился преодолеть то, что казалось в системе английского философа противоречием: а именно его теорию внутреннего опыта. Известно, что наряду с исходным принципом о чувственном происхождении всех идей и понятий Локк допускал некоторую автономность душевного мира, определяемую внутренним опытом — рефлексией. Это было подспудное понимание сложности процесса познания, понимание того, что принцип сенсуализма не есть универсальный ключ познания мира.¹³ Но и для самого Локка некоторые аспекты его теории познания оставались неясны, приводили порой к идеалистическим выводам. В столкновении двух типов познания — рационалистического и эмпирического, сенсуалистского, рождалась драма идей, отвлеченная философская мысль обращалась к конкретному индивидуальному человеку, пытаясь понять и объяснить сущность его взаимосвязей с внешним миром. В этом плане учение Гельвеция было чрезвычайно последовательно.

«У человека, — пишет Гельвеций, — все сводится к ощущению, <...> физическая чувствительность есть первоисточник его потребностей, его страстей, его общительности, его идей, его суждений,

¹¹ Лотман Ю. М. Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века, с. 17.

¹² См.: Кондильяк Э. Трактат об ощущениях. М., 1935, с. 62.

¹³ См.: Заиченко Г. А. Джон Локк. М., 1973, с. 54.

его желаний, его поступков». ¹⁴ Если сенсуализм Локка допускал возможность как материалистической, так и субъективно-идеалистической интерпретации, то Гельвеций категорически исключал в своих философских построениях какие бы то ни было элементы, чуждые, по его мнению, материалистическому пониманию природы человеческого разума. Но по типу мышления Гельвеций, как и все материалисты XVIII в., оставался в пределах механического понимания человека. Именно эту, методологическую сторону философской мысли XVII—XVIII вв. имел в виду Ф. Энгельс, характеризуя материализм этой поры в целом как материализм метафизический. ¹⁵

Однако в недрах самой просветительской мысли на определенной стадии ее развития материалистическая философия начинала тяготеть к преодолению той жесткости причинно-следственного ряда, которая с особенной последовательностью выразилась в учении Гельвеция. ¹⁶ Элементы диалектического понимания мира и человека проявились, в частности, в полемике Дидро с Гельвецием и в критике последнего со стороны Руссо, хотя оба оппонента стояли на разных философских позициях: Руссо в данном случае склонялся к идеализму, а Дидро отстаивал последовательно материалистические принципы.

Такова была в общих чертах ситуация, в которой Радищеву надлежало ориентироваться, вырабатывая свое собственное миропонимание, свою философскую концепцию человека. Главным фактором на этом пути стало учение французских материалистов, прежде всего Гельвеция.

В сознание Радищева Гельвеций вошел еще в годы учения в Лейпцигском университете, когда русские студенты, впервые познакомившись с сочинением французского мыслителя «Об уме», читали книгу с большим вниманием «и в одной мысли научались» (I, 177). И хотя один из студентов, к мнению которого Радищев всегда прислушивался, Ф. В. Ушаков не во всем был согласен с автором, основы материалистического сенсуализма Гельвеция были достаточно глубоко усвоены Радищевым.

Уже в «Дневнике одной недели» ¹⁷ точно воспроизведен основ-

¹⁴ Гельвеций К. А. О человеке. — Соч. в 2-х т., т. II. М., 1973, с. 103. Ср. там же: «Если все можно объяснить физической чувствительностью, то бесполезно допускать наличие у нас еще других способностей».

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 20. Изд. 2-е, с. 19—21.

¹⁶ Новейшие исследователи убедительно показали, что, например, Дидро в очень значительной степени преодолел механистичность общетеоретических положений Гельвеция; см.: Момджян Х. Н. Диалектика в мировоззрении Дидро. — В кн.: Век Просвещения. Москва—Париж, 1970, с. 149—170.

¹⁷ Вопрос о датировке «Дневника» носит дискуссионный характер, см.: Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 149 и далее. Ср.: Берков П. Н. Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества Радищева. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 199—204; Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 149—157. См. также в настоящем сборнике, с. 67—71.

ной тезис Гельвеция, согласно которому все в человеческой психике определяется ощущением. «О гордое насекомое! — говорит автор, обращаясь не только к самому себе, но к человеку вообще, — дотронись до себя и познай, что ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе. Гордись своим рассудком, но прежде восприими, чтобы острие тебя не извило и сладость тебе не была приятна» (I, 140). В анализе художественной структуры «Дневника» исследователи выделяют различные стороны. В данном случае нас интересует «гносеологический» аспект «Дневника», отмеченный в свое время Ю. М. Лотманом. «У Радищева, — пишет исследователь, — психологический анализ строится по схеме: внешние обстоятельства — чувство — мысль. <...> Радищева интересует не „мир души“, а изображение механизма отражения окружающей действительности в психике человека».¹⁸ Однако в психологических переживаниях «Дневника одной недели» как раз и обнаруживается несоответствие «механизма отражения» жесткой гельвецианской схеме. Именно в художественной сфере произведения механистичность причинно-следственного ряда разрушается, психологический анализ чрезвычайно усложняет схему. Оказывается, что единственные источники нашего познания мира — чувства и ощущения — весьма противоречиво и неоднозначно соотносятся с тем психологическим комплексом, которым определяется душевное состояние человека. «Я убоялся сам себя — и пошел искать мгновенного хотя спокойствия вне моего существа, — говорит автор «Дневника». — Ужели человек толико раб своей чувствительности, что и разум его едва сверкает, когда она сильно востревожится?» (I, 140).¹⁹ Состояние души героя таково, что, кажется, никакие факторы внешнего мира не могут смягчить остроту его внутренних переживаний. Однако в анализе своих ощущений герой доходит до предельного самообнаружения, и оказывается, что «скорбь и ад» души есть в известной мере результат рефлектирующего сознания, раздраженной чувствительности. Саморазоблачение героя поистине беспощадно: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! — нет — оставь меня чувствовать всю тяжесть разлуки — оставь меня. Я хочу поститься. Я им принесу в жертву ... *почто ты лжешь сам себе?* Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пици не

¹⁸ Лотман Ю. М. О некоторых вопросах эстетики А. Н. Радищева. — Научные труды, посвященные 150-летию Тартуского государственного университета. Таллин, 1952, с. 177.

¹⁹ Ср. рассуждение Гельвеция: «... физической чувствительностью объясняются слезы, которые я проливаю над урной друга. <...> Я оплакиваю в нем человека, беседа с которым избавляла бы меня от скуки — этого душевного недомогания, являющегося в действительности физическим страданием. <...> Если погрузиться в глубины своей души и покопаться в них, то во всех этих чувствах можно заметить лишь дальнейшее развитие физического удовольствия или страдания» («О человеке», с. 89—90).

требует» (I, 141; курсив мой, — Л. Л.). Есть еще и другой предел, перед которым душевные страдания героя теряют свой самоудовлетворяющий характер: это физическое небытие, смерть.

В горестном расположении духа герой приходит на кладбище, «где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний». «...я сел на надгробном камне, вынул свой запасной обед и ел с совершенным души спокойствием; — приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть, — нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. — Се конец страданию, — готов...» (I, 142).

Но тут же все естество человека в едином порыве и чувства и мысли взрывается страстным протестом: «...мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни! <...> Нет, обманчивое чувство, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив» (I, 142). Как бы ни были мучительны душевные переживания героя, перед лицом смерти они — благо, как благо сам дар жизни — способность чувствовать и мыслить. Так художественная проблематика «Дневника» при всей ее внешней камерности выходит на уровень серьезных философских обобщений, неизбежно подводит к постановке философско-гносеологических вопросов о сущности взаимодействия человеческого бытия и сознания. И хотя Радищев очень далек от решительного, механистического тезиса Гельвеция: «Человек есть машина»,²⁰ в основах понимания природы человека здесь он близок к французским материалистам.²¹

Проблема жизни и смерти волнует Радищева не в отвлеченно-философском плане, но прежде всего как некоторое противоречие между хорошо усвоенной им материалистической, сенсуалистской концепцией человека и сложностью его субъективного, индивидуального мироощущения. Радищевский герой, поглощенный своими душевными переживаниями, лишь на секунду прикасается к «загадке бытия». Но уже в «Житии Федора Васильевича Ушакова» эта тема получает новое преломление. Врач извещает Ушакова о скорой смерти, и он мужественно ждет своего часа: «Умереть нам должно; днем ранее или днем позже, какая соразмерность с вечностью!» (I, 183). Но, вспоминая о физических страданиях друга, Радищев приходит к мысли, что, как бы ни был силен духом человек, его жизнь может стать «несносной», мучительной и «ее возненавидевшему» смерть станет избавлением. Трагедия бытия включает в себя уже как бы два аспекта: непостижимость физического уничтожения человека: «Он был и

²⁰ Гельвеций К. А. О человеке, с. 103.

²¹ Подробное сопоставление «Дневника одной недели» с соответствующими разделами книги Гельвеция «О человеке» могло бы, вероятно, дать дополнительные соображения и относительно датировки «Дневника». Книга, вышедшая в 1773 г., могла произвести на Радищева весьма сильное впечатление.

его не стало» — и неприметность этой трагедии в масштабах Вселенной: «Из миллионов единый изторгнутый, не приметен в обращении миров» (I, 186). Из сферы индивидуального переживания мотив жизни и смерти переходит в сферу философского осмысления зла и страдания, которым подвержен человек в мире.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» поставлена проблема трагического несоответствия высоты духа человека и несовершенства его физической природы. В «Путешествии из Петербурга в Москву» и в оде «Вольность» несовершенства социального мира станут предметом не только политического, но и философского осмысления жизни. Радищевский герой — человек, необычайно остро воспринимающий мир; его индивидуальное ощущение — эмоциональный перв пovesтования, первая ступень в своеобразной иерархии: личность — окружающая социальная действительность — мироздание. Так тема индивидуального мироощущения органически вошла в социально-политический и философский контекст «Путешествия». «Я взглянул окрест меня — душа моя, страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы» (I, 227). В центре всей системы мировоззрения Радищева — человек с его «горестями житейскими», с его безграничными возможностями к познанию мира и самого себя. «Я человеку нашел утешителя в нем самом», — говорит Радищев, утверждая этим пафос активности человеческой личности, утверждая богатство и полноту душевного мира человека. «... мысли мои, — говорит Путешественник, — обращены были в неизмеримость мира. <...> Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают» (I, 232). Здесь понятие «телесности» иронично и двусмысленно: это и физическое ощущение, и тот нравственный толчок, который получает Путешественник после беседы с любанским крестьянином. Далее философский подтекст социального зла углубляется. В главе «Чудово» типичнейшее для России явление, казенщина и формализм, получает такое острое, трагедийное выражение именно благодаря соединению с темой индивидуального сознания. Бездушие «начальника» в пересказе кажется явлением чуть ли не обиденным: «... в должности ему непредписано вас спасать, сказал некто» (I, 241). Но это же бездушие выглядит преступлением, когда оно сопряжено с сознанием гибнущего человека: «В последний час, когда свет от нас преходить начинает и отвергается вечность, низпадают тогда все степени, мнением между человекoв воздвигнутые. Человек тогда становится просто человек. <...> Ужас последнего часа прободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану. Но что я буду? Не знаю. Страшная неизвестность» (I, 236, 239; курсив мой, — Л. Л.). Тема «последнего часа» в художественной системе «Путешествия» призвана оттенить жестокость человеческих отношений, выступает своеобразно

разным психологическим и нравственным критерием оценки социального зла.²²

Но философская проблематика «Путешествия» — это не только «подтекст» в художественном изображении жизни, она проявляется и непосредственно как раздумья о мире, его законах, о человеческом познании. В главе «Подберезье» перед нами своеобразный философский трактат — сочинение семинариста, в котором многие мысли предвосхищают трактат «О человеке...». «Поступая в познании естества, — пишет семинарист, — откроют может быть смертные тайную связь, веществ духовных или нравственных, с веществами телесными или естественными» (I, 259—260). Несомненно, многие положения этой главы «Путешествия» близки пафосу будущего философского труда Радищева. Главное, что роднит их, — апофеоз человеческой мысли.²³ И эта мысль на страницах «Путешествия» тоже стремится разгадать тайну бытия. И здесь на помощь ей приходит интуиция. Устами разных героев, но очень настойчиво Радищев говорит о «страшной неизвестности», которая заключена в идее небытия. И эту неизвестность нельзя постичь рассудком, который «жаждущь <...> убедительных и чувственных доводов. — И все, что зрим, преидет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто во веки живо» (I, 269). Чуждый какому бы то ни было духу мистицизма, Радищев интуитивно подходил к проблеме индивидуального, единичного, и всеобщего, разрешить которую можно было только с позиций диалектического мышления, точно так же как и проблему единства и различия чувственного и логического моментов познания. Постепенно понятие «мысль» приобрело для Радищева самоценный характер. Позднее, обращаясь к «безумному и мудрому» XVIII столетию, он скажет:

Смертной что зиждет, все то рушится, будет все прах,
Но ты творец было мысли; они ж суть творения бога;
И не погибнут они, хотя бы гибла земля.

(I, 127)

²² Не случайно этот эпизод «Путешествия» вызвал особое негодование Екатерины, уловившей его обобщающий смысл; см.: Кулакова Л. И., Зандов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 63.

²³ Ср. «Путешествие»: «... весьма полезной был бы труд писателя, показавшего нам из прежних деяний, шествие разума человеческого <...> Труд сего писателя бесполезен не будет: ибо облажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранил хотя некоторых от нагубных стези и заградит полет невежества» (I, 261); «О человеке...»: «... рассматривая и удивляясь величественности его (человека, — Л. Л.) разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричающееся, <...> нередко уродствует, заблуждает; да и столь заблуждение ему почти сродно, что прежде нежели истины достигнуть может, бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. <...> Все однакоже заблуждения человека и нелепости суть доказательство мыслящего его существа, и что мысль его наисвойственнейшее качество его» (II, 59).

И эта же тема ясно просматривается в трактате «О человеке...»: «...то истинно, когда мысль, нами уловленная, мысль всю душу исполнившая, всю ее объемлющая, отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают пред ним; он сокрушает все пределы и, занесшему погу в вечность вселенная уже тесна (II, 124).

Таким образом, проблематика трактата «О человеке...» связана как с предшествующим, так и с последующим периодами творчества Радищева и может быть понята в общем контексте тех философско-гносеологических вопросов, которые волновали писателя в течение всей его деятельности. Из них в трактате локализовался преимущественно один аспект: материальная природа человеческого сознания и его беспредельность, способность постигать время и пространство, тайнства природы, собственную человеческую сущность.

«Личный» тон повествования определяется прежде всего тем огромным эмоциональным напряжением, которое пронизывает любое рассуждение писателя, ибо в уяснении неких философско-гносеологических проблем скрыт внутренний драматический пафос решаемого Радищевым вопроса: смертен ли человек, или душа его неподвластна общему закону разрушения материи? Даже там, где Радищев, используя обширный круг источников, излагает те или иные философские и естественнонаучные теории, эмоциональная напряженность тона не пропадет, ибо всякий раз эти теории приходят в соприкосновение с собственной трагически обостренной мыслью Радищева, переключаются в область «сердечных», психологически окрашенных размышлений. Но по существу такова же была структура художественного сознания и в «Дневнике одной недели», и в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Поводом к тому, чтобы «обратить мысль на состояние человека, когда разрушится его состав, прервется жизнь и чувствование», оказывается в трактате разлука с друзьями: «В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай не ясность и не очевидность, но хотя правдоподобие, или же токмо единую возможность, что некогда, и где — не ведаю, облобызаю паки друзей моих, и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): *люблю вас по прежнему!*» (II, 39).²⁴

²⁴ Ср. его «Эпитафию» жене:

О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,

Сознание неизменности своих чувств по отношению к близким по сложной системе ассоциаций рождает мысль о вечности. Но эта мысль взрывается страшным, диссонирующим мотивом: человек смертен, а вместе с его «телесностью» гибнет мысль, чувство, сознание.

Это противоречие становится для Радищева источником душевного страдания, рождает желание допустить, хотя бы в воображении, что полного уничтожения человека нет, что беспредельность мироздания родственна и его природе. Вот почему, завершая систему материалистических, естественнонаучных доказательств смертности души, Радищев «вооружается», по меткому слову Пушкина, против самой неопровержимости приведенных им аргументов.

«О, ты, доселе гласом моим вещавший, тиран лютейший, варвар неистовый, хладнокровный человеконенавидец, изыскательнее паче всех мучителей на терзание! Жестокости твоею и зверством ты превышаешь Тиверия, Нерона, Калигулу, всех древних и новых терзателей человечества! Чем свирепствовать могли они над беззащитною слабостию? Могущество их простиралось на мгновение токмо едино; владычество их за жизнь не заgrabляло. Терзанию, болезням, изгнанию, заточению, всему есть предел непреборимый, за которым земная власть есть ничто. <...> Конец дней несчастного есть предел злобе мучителей и варварству осмеяние. Но ты, простирая алчнотерзательную твою десницу за кончину дней моих, не мгновенного лишаешь меня блаженства, не скоропретекающего радования, не веселия брэнного и скоролетящего. Подавляющая меня твоя рука тяжелее гнетет увядающее сердце, нежели все тяжести земные, свинец и золото и чугун» (II, 96). Так в сознании Радищева отрицание бессмертия души ассоциируется с образом «тирана ненавидца». Начало третьей книги, спокойное по тону, исполнено не меньшего драматизма: «Доселе, возлюбленные мои, я, собирая все возможные и употребительные доводы, смертность души утверждающие, старался дать им возможную ясность и поставить их во всей их блистательности и прелестности, дабы тем явнее могла быть их слабая сторона, если она есть, и оказалось неправильное суждение, если где оно возгнездилось» (II, 97).

«Слабая сторона» материалистических аргументов заключается, по мнению Радищева, в том, что они основаны всецело на доводах разума, тогда как в суждениях о жизни и смерти человек должен руководствоваться внутренним своим «чувствова-

Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит маяя,
И ненавистный рок отъял тебя на веки,
Тогда отрады нет, да льются слезы реки.

(I, 123)

нием», «ибо верьте, — говорит Радищев, — в касающемся до жизни и смерти, чувствование наше может быть безобманчивее разума» (II, 97).

Очевидно, что перед нами не кратковременный кризис духа, не сомнения, порожденные трагическими обстоятельствами, ожиданием приговора, мучительного пути, разлуки с «друзьями», но по-своему концептуальный ход: «Теперь возвратимся паки по протекшему пути и соберем все, что найти можем на подкрепление противного мнения и постараемся восстановить человечество в ту истинную лучезарность, для коей оно кажется быть создано» (II, 97). Речь идет, собственно, не о бессмертии души, как может показаться на первый взгляд; Радищев подходит здесь к иной и важнейшей для себя проблеме: «О истина! непреложный орган всевышнего! спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждание, и тебя да узрю» (II, 97). Истина — вот чего мучительно ищет мысль Радищева, ибо в «блистательности» и «прелестности», в соблазняющей убедительности посылок и следствий естественно-научного материализма она уже не находит достаточных оснований для воплощения всей концепции человеческого бытия, всей сложности диалектических противоречий познающего разума. Смерть и бессмертие в сознании Радищева — и закономерность природы, и в то же время протест всего человеческого естества против идеи конца, остановки движения, которое присуще всей материи.²⁵ Почему же человек оказывается исключенным из этого всеобщего движения материального мира? Так принцип движения и всеобщей связи приходил в противоречие с формулами механистического материализма. В эти формулы укладывались простые, элементарные «частички бытия». Радищевская же концепция человека с его разумом, которому оказывались тесны пределы Вселенной, не могла не прийти в столкновение с жестким детерминизмом просветительского материализма. В сознании Радищева рождалось новое понимание движения и всеобщей связи, всеобщей изменяемости мира: «... что может воспятить стремлению перемены? Кто может? Разве тот, кто дал природе силу, кто действие ей дал, движение и жизнь. <...> Катится время беспрерывно, усталости не знает, шлет грядущее во след претекшему, и все переменяющееся является нам в новый образ облеченно. О, мера течения, шествия премен в жизни! о, время! помедли, помедли на мгновение хотя едино! — — Се безрассудное желание многих, се желание внимающих гласу своих страстей и при-

²⁵ В настоящей статье не рассматривается вопрос об усвоении Радищевым философских идей И. Г. Гердера, так как эта проблема достаточно освещена в ряде специальных работ, см.: *Лапшин И. И.* Философские взгляды А. Н. Радищева. Пг., 1922; *Барсков Я. Л.* А. Н. Радищев — «Торжок». — В кн.: XVIII век, сб. 2. М.—Л., 1940, с. 54—59; *Bittner K. I. G. Herder und A. N. Radiščev.* — *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1956, Bd 25, Hf. 1, S. 8—53.

хотей и отвращающих рассудок свой от познания вещей. Но время, не внемля глаголу безумия, течет в порядке непрерывном» (II, 99).²⁶ Этот же образ времени и вечности — основа лучшего, по мнению Пупкина, поэтического произведения Радищева — «Осмнадцатого столетия»:

Урна времян часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов.

(I, 127)

В эту концепцию времени Радищев включает и человека.

Не случайно эпиграф к трактату «Настоящее чревато будущим», взятый из Лейбница, как бы концентрирует мысль о непрерывной связи времени. Тем самым понятие непрерывного совершенствования оказывалось несовместимым с идеей абсолютного уничтожения человека, гибели его сознания. Величие человеческой мысли становилось залогом ее бессмертия, ее божественной природы. «Возри на разум свой всеобъемлющий, — алтарь тебе готовлю: ты бог еси!» (I, 111), — восклицает Радищев, веря, что высшее проявление совершенства природы человека есть бессмертие его духа.

Радищеву оказываются чуждыми какие бы то ни были «формулы жизни», ибо он стремится постичь самую идею бытия, исходя из антитезы жизни и смерти, но не полагая эти категории антиномичными по природе. Как мыслитель, Радищев брал на себя задачу громадной сложности — преодолеть механистичность и метафизичность материалистического сознания, усвоенного им с юности. Но это преодоление стало для Радищева необходимостью, хотя, преломленное в его индивидуальном, личном мироощущении, оно выразилось в трагическом тоне трактата, в его эмоциональной насыщенности, в нотах глубокого отчаяния и в жажде обретения веры в бессмертие. Как и во всем своем творчестве, мерой ценности жизни и трагизма смерти Радищев делает человека, но не человека вообще, а индивидуализированное сознание личности. Именно в этом индивидуальном сознании Радищев раскрывает глубинный процесс «сцепления многих истин», показывает зарождение диалектики мысли и победы над трагически неразрешимой загадкой бытия. В заключительных строках трактата Радищев снова обращается к мысли, выраженной в эпиграфе, но уже не в общем ее содержании, а в личностном, индивидуальном: «Шествуй во стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих, и разрушение мысленности не будет

²⁶ Ср. публицистические очерки Н. М. Карамзина «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору», созданные почти одновременно с трактатом Радищева. Образ времени определяет здесь философию истории человечества: «Всякий век имеет свой особый, нравственный характер, — погружается в недра вечности и никогда уже не является на земле в другой раз» (Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1964, с. 258).

твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию <...>. Ты будущее твое определяешь настоящим; и верь, скажу наки, верь, вечность не есть мечта» (II, 144).

Исследователи философской мысли Радищева справедливо отмечали: «Трактат „О человеке...“ представляет собой едва ли не единственное в своем роде философское сочинение в мировой литературе. Он очень богат в идейном отношении и, очень сложен с точки зрения логики и конечных выводов автора».²⁷ Следует добавить и еще одно существенное обстоятельство: он создан писателем, художником, и потому, хотя, может быть, и в трансформированном виде, но сохраняет структуру, характерную для Радищева-художника.

С противоречиями в своих философских построениях, в конечных выводах сталкивались многие: и Локк, и Кант, но только для Радищева неразрешимость противоречия сама по себе стала определять эмоциональный пафос, тон повествования, его стилистическую природу. Исследователи-философы констатируют: язык трактата труден.²⁸ И в этой связи нельзя не вспомнить, как объяснял Радищев труднопроизносимость одной своей строки в оде «Вольность» — «Во свет рабства тьму претвори»: «...в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия» (I, 354). В этом плане язык трактата предельно выразителен. То, что, например, Кант формулировал в устойчивых философских категориях своего времени,²⁹ в трактате Радищева предстает как противоборство двух начал, как «голоса», спорящие друг с другом. Отсюда не только композиционный принцип трактата, его «pro» и «contra», но и диалогическая структура повествования в целом, которая мало учитывается исследователями, но без уяснения которой невозможно до конца осознать своеобразие мысли Радищева. Так, например, в первой книге, где подробно развернута аргументация, опровергающая идею бессмертия, читаем: «...ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опроч телесности!» (II, 43) — слова, часто приводимые как доказательство последовательности материалистического взгляда Радищева на природу человека. Но эти слова надо читать в контексте той тирады, которая обращена

²⁷ Галактионов А. А., Никандров П. Ф. История русской философии, с. 123.

²⁸ Там же, с. 123.

²⁹ См., например, его определение «бессмертия души»: «Бесконечный прогресс возможен, только если допустить продолжающееся до бесконечности существование и личность разумного существа (такое существование и называют бессмертием души). Следовательно, высшее благо практически возможно только при допущении бессмертия души, стало быть, это бессмертие, как неразрывно связанное с моральным законом, есть постулат чистого практического разума (под ним, — писал Кант, — я понимаю теоретическое, но, как таковое, недоказуемое положение, поскольку оно неотъемлемо присуще практическому закону, имеющему a priori безусловную силу)» (*Кант И. Соч. в 6-ти т., т. 4, ч. 1. М., 1965, с. 455*).

к некому «безумцу», захотевшему познать, «что есть человек, и где он есть до произведения семени, из коего родиться имеет?». «Дерзновенный, ты хочешь взойти до бесконечности; но воззри на свое сложение; ты едва от земли отделен, и если бы око твое не водило тебя до пределов, солнечной системе смежных, и мысль твоя не летала в преддверие вечности, мог ли бы ты чем-либо отличен быть от пресмыкающихся? Вооружай зрение свое телескопами, за дальнейшие неподвижные звезды достигающими; вооружай его микроскопами, в миллионы миллионов раз увеличивающими; что узришь ты? что ты ни на единую черту от данного тебе пребывания отделиться не можешь, не взирая на недавнее твое и столь величественное воскресение. <...> какое стекло даст узреть тебе твое чувствование? Безумный! оно ему не подлежит. Устремляй мысль свою; воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности?» (II, 42—43). «Безумец» тот, кто стремится выйти за пределы телесной природы человека, материальности мира. Но если в сознании человека уже возникла мысль о бессмертии духа, о бесконечности жизни, то, может быть, он имеет право на «безумную» и дерзкую мечту? «...ты человек, есть в тебе надежда, и се степень к восхождению; ты совершенствуешь и можешь совершенствовати паче и паче, и что тебе быть определено, гадай!» (II, 111).

В свою очередь каждый из «голосов» трактата предстает как микродиалог: человека вопрошает мир во всем многообразии его феноменов, во всей сложности его связей. Поэтому гносеологическая по своему заданию тема трактата оборачивается картиной динамического, многообразно предстающего перед нами мира и воспринимающей его личности. Причем личности не отвлеченной. «Я своего примера дать по толиких не дерзаю», — говорит Радищев, приведя факты разных времен и народов, свидетельствующие о торжестве человеческого духа над трагическими обстоятельствами. Но весь трактат в глубочайшей степени запечатлел судьбу самого Радищева, своеобразие его как выдающегося мыслителя своей эпохи и талантливейшего писателя. И хотя трактат «О человеке...» стоит вне магистральных, жанрово определенных направлений литературного развития, он не в меньшей, а, может быть, в большей степени предвосхищает будущее русской прозы.

Г. Я. ГАЛАГАН

**ГЕРОЙ И СЮЖЕТ „ДНЕВНИКА ОДНОЙ НЕДЕЛИ“ РАДИЦЕВА.
ВОПРОС О ДАТИРОВКЕ**

Самоанализ героя в «Дневнике одной недели» (как явления литературы просветительской) необычен: хронологически замкнут, сюжетно однотемный, композиционно рационалистически задан и завершен. Г. А. Гуковский называет «Дневник» «психологическим очерком»,¹ Г. П. Макогоненко — «исповедью духовно потрясенной личности».²

Побудительная причина пристального анализа собственной души героем «Дневника» — неожиданное разрушение привычной (или с трудом обретенной) ситуации: его на неделю покинули друзья. С первой минуты разлуки начинается мучительное ожидание их возвращения. Драматизм состояния героя — в постоянном столкновении двух начал — веры и сомнения.

События каждого дня излагаются в их временной последовательности. Но важны они автору лишь как моменты, фиксирующие отдельные состояния героя, вернее, его расщепленного сознания, в котором степень веры и сомнения постоянно колеблется. Соотношение этих начал резко нарушает конец недели — время ожидаемой, но несостоявшейся встречи с друзьями.

Уже в записи первого дня — сомнение в искренности друзей: «О, возлюбленные мои! вы меня оставили» (I, 139). О том, что это не простая констатация факта одиночества, а именно сомнение в друзьях, свидетельствует запись второго дня: «Друзей моих нет со мною, где они? Почто уехали? Конечно, жар дружбы их и любви столь мал был, что могли меня оставить!» (I, 140). Сомнение растет, и на третий день герой отмечает: «...беспокойствие мое усугубляется» (I, 140). В тот же день герой «Дневника» смотрит драму Сорена «Беверлей», герой которой гибнет из-за предательства друга. Сюжет драмы уже давно известен герою Радицева: «...играют Беверлея, — войдем. Пролием слезы над несчастным. Может быть моя скорбь умалится» (I, 140). Именно

¹ Гуковский Г. А. Предисловие. — В кн.: Радицев А. Н. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938, с. XVI.

² Макогоненко Г. П. Радицев и его время. М., 1956, с. 159.

судьба Беверлея — причина интереса к драме Сорена. Закономерна и реакция героя «Дневника»: «... о! koliko тяжко быть обманути теми, в которых полагаем всю надежду!» (I, 140). Ассоциативные параллели с личной судьбой продолжаются, и обращенное на себя сознание вдруг задает вопрос: «... кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду? Исчислил ли кто, сколько в мире западней? Измерил ли кто пропасти хитрости и пронырства?» (I, 140—141). Коллизия сореновской драмы делает личное сомнение героя «Дневника» все более тревожным. Надежды на возвращение друзей почти не остается. Сознание дезорганизуется, и в этот катастрофический для состояния героя момент автор неожиданным вмешательством меняет русло его размышлений: «По счастью моему запутавшиеся лошади среди улицы принудили меня оставить тропинку, по которой я шел, *разбили мои мысли*» (I, 141; курсив мой, — Г. Г.).

Последствия этих ассоциативных связей были настолько велики, что на следующий, 4-й, день герой не смог поехать на службу. 5-й день ожидания — среда. Сюжет читанной в этот день книги напоминает герою счастливое прошлое, и на какое-то мгновение надежда одерживает явное преимущество над сомнением. Но сознание незамедлительно отмечает: «О мечта, о очарование! почто ты не продолжительно?». И вечер оправдывает этот страх. Герой вновь «казнится». В четверг он отправляется на Волково кладбище. Причина — желание обрести внутреннее равновесие в атмосфере, «где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний» (I, 142—143). Искомое равновесие обретается, но ненадолго. Возвратившись домой, он замечает: «... никто меня не ждет. Лучше бы я там остался, там бы препроводил ночь» (I, 142). Днем в пятницу герою кажется, что оснований для веры в возвращение друзей почти нет, хотя до истечения срока их отсутствия остается еще два дня: «Ничто не помогает, — уныние, беспокойствие, скорбь, о как близко отчаяние!» (I, 142). Наступает ночь, и во сне дневное тревожное сомнение вдруг оказывается реальностью, — друзья предают героя: «... вы меня отталкиваете! вы удаляетесь, отворачивая взоры ваши! о пагуба, о гибель! се смерть жизни, се смерть души. — Куда идете, куда спешите? или не узнаете меня, меня, друга вашего? друга... Пойдите... мучители удалились». Здесь сон прерывается. Но реальность сна продолжает восприниматься как реальность действительности: «... пробудился. Вон беги, удаляйся, — се разверста пропасть, — они, они меня в нее ввергают, — оставили» (I, 142—143). Наступает суббота — последний день мучительно трудной недели ожидания, единственный, когда сомнение крадывается лишь на минуту. В воскресенье герой выезжает навстречу друзьям. Их нет, и ощущение недавнего сна становится действительностью: «Чьим верить словам возможно, когда возлюбленные мои мне данного слова не сдержали? Кому верить на свете? Все мишадось, виспад обадательный покров утех и весе-

лий; — оставлен. Кем? Друзьями <...> Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обман? <...> забыли меня» (I, 143—144). В понедельник и вторник надежды уже нет, и в тот момент, когда герой мысленно прощается с «вероломными» и «бесчувственными» друзьями, они возвращаются. Тема исчерпана. Дневник кончается.

Такой детальный анализ каждого дня «Дневника» под одним углом зрения сделан сознательно: важно было показать, что герой постоянно думает не о том моменте, когда вернутся друзья и кончится его одиночество, а о том — вернутся ли они вообще. Иными словами, у героя с первого момента разлуки рождается мысль о способности друзей предать его, т. е. он допускает наличие страшного порока у других. И вместе с тем не есть ли сама возможность родившегося в нем и непрестанно растущего сомнения в честности и искренности друзей — авторское обвинение самого героя? Авторскому обвинению сопутствуют неоднократные самообвинения героя. Два деятельных начала — вера и сомнение, обуславливающие двуслойность его сознания, сосуществуют. Часть сознания, питающаяся верой, стремится оборвать деятельность воображения, дающего пищу сомнению: «Несчастной! что ты произрек? Страхись!» (I, 140). Она обрывает на полуфразе стремление героя противопоставить слабостям друзей собственную добродетель и вскрывает истинную природу ее. Вот один из любопытнейших примеров: «Зовут обедать — мне обедать? С кем? одному! нет <...> Я хочу поститься. Я им принесу в жертву...». И вдруг: «...почто ты лжешь сам себе? Нет никакого в том достоинства. Желудок твой ослабел с твоими силами и пищи не требует» (I, 141). Этот пристальный и беспощадный анализ мельчайших движений чувства и сознания, внимание к совокупности всех качеств личности героя свидетельствуют о том, что в «Дневнике одной недели» Радищева «история души» — предмет художественного исследования. И метод этого исследования во многом превосходит толстовскую «диалектику души».

Представляется, что проделанный анализ «Дневника» дает возможность говорить об ощутимой связи этого очерка с эстетикой Руссо,³ и в частности с его «Исповедью». Непосредственные свидетельства о знакомстве Радищева с «Исповедью» неизвестны. Тем не менее из «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву» явствует, что Радищев не

³ О внимании Радищева к творчеству Руссо см.: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время (по именному указателю); *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века. — В кн.: *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы.* Л., 1967, с. 564—578; *A. McConnell A.* 1) *Rousseau and Radišev.* — *The Slavic and East European Journal*, 1964, vol. 111, № 3, p. 253—272; 2) *A Russian philosopher Alexander Radishchev.* Hague, 1964; *Witkowski T.* *Radišev und Rousseau.* — In: *Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts.* Berlin, 1963, S. 124—139.

только знал «Исповедь», но и разделял позицию Руссо — быть искренним не только в достоинствах, но и в слабостях.⁴ Целенаправленное внимание автора «Дневника» к слабостям героя тем более интересно, что датировка этого очерка до настоящего времени остается проблематичной. Любопытен, например, казус, допущенный в работе Г. Г. Елизаветиной «Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен».⁵ Исследовательница, относя «Дневник одной недели» к 1773 г., рассматривает его как свидетельство знакомства с «Исповедью» Руссо, которая частично была опубликована в 1782 и 1789 гг., а полностью — в 1790 г.

1773-й год как дата написания «Дневника» был выдвинут Г. П. Макогоненко.⁶ Полемизируя с П. Н. Берковым, датирующим «Дневник» началом 1790-х гг.,⁷ и Л. И. Кулаковой, относящей «Дневник» к 1790 г.,⁸ Г. П. Макогоненко упрекает их в пренебрежении реальной биографией героя повести. Непосредственным поводом для написания «Дневника», по мнению Макогоненко, послужила первая разлука Радищева с друзьями — А. Рубановским и А. Кутузовым после 11-летней совместной жизни с ними. Следуя логике атрибутов внешнего автобиографизма, Макогоненко исключает из поля зрения внутренний автобиографизм, природу драматического мировосприятия героя. Духовный опыт автора и его героя в художественной структуре «Дневника» не учитывается. Этот внутренний автобиографизм как раз и лежит в основе концепций Беркова и Кулаковой. В их системе доказательств играет существенную роль и столь важный аргумент, как стиль повести Радищева, который Берковым соотносится со стилем первого письма из печатавшихся на страницах карамзинского «Московского журнала» в 1791 г. «Писем русского путешественника», а Кулаковой — с письмами Радищева 1790 г., написанными по дороге в Илимск. По мнению Макогоненко, герой «Дневника» — «духовно потрясенная личность» и в то же время человек, не знающий своего общественного призвания, не предполагающий, в чем он осуществит себя как личность, ненавидящий одиночество, страдание, смерть. В повести, по мнению Макогоненко, Радищев стремился дать «психологическое обоснование несостоятельности теории уединения» и, полемизируя с Руссо, противопоставил уединение принципу «общезительства». Так ли это? Обратимся к тексту. Оказывается, что у героя позади горестные обстоятельства «печали и уныния», время, когда он искал убежища в одиноче-

⁴ О соотносении «Путешествия из Петербурга в Москву» с «Исповедью» Руссо см.: *Witkowski T. Radišev und Rousseau*, S. 128—129.

⁵ Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1967, т. XXVI, вып. 1, с. 45.

⁶ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время, с. 159—163.

⁷ *Берков П. Н.* «Гражданин будущих времен». — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, т. VIII, вып. 5, с. 401—416.

⁸ *Кулакова Л. И.* О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: *Радищев. Статьи и материалы*. Л., 1950, с. 148—157.

стве; в настоящий момент в душе у него «скорбь» и «ад», он уже давно думает о смерти: «... не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине?» (1, 142). Дважды на протяжении недели у героя мелькает мысль о самоубийстве. Только ли это следствие разлуки с друзьями? Выше уже говорилось, что героя занимает не столько мысль о том, когда вернутся друзья, сколько о том, вернутся ли они вообще. И одновременно это сомнение становится объектом самообличения. Драматизм ситуации в том и состоит, что страх духовного одиночества (не следствие ли это насильственного отъединения от людей в прошлом?) и вера в силу человеческого духа сосуществуют в каждом мгновении жизни героя. Мог ли такой герой быть героем молодого Радищева? В биографии Радищева есть такой период, когда и этот внутренний трагизм героя «Дневника», и большая часть внешних фактов его жизни автобиографичны. Имеются в виду последние полтора года жизни Радищева в Петербурге — с марта 1801 по сентябрь 1802 г. Позади — заключение, ссылка, опала. В настоящем — служба в Комиссии по составлению законов; от этой службы Радищева действительно зависели «благосостояние или вред его сограждан». Живя в Петербурге, он мог быть на Волковом кладбище и посетить очередное представление драмы Сорена. В сезоне 1801 г. «Беверлей» неоднократно ставился на сцене Каменного театра. В книге В. П. Погожева, А. Е. Молчанова и К. А. Петрова «Архив дирекции императорских театров» (вып. 3, СПб., 1891, с. 151), дающей обзор репертуара по 3 февраля 1801 г., указаны две постановки «Беверлея», состоявшиеся 7 и 23 января 1801 г. Аналогичное предположение о дате написания «Дневника» высказывает и В. П. Гурьянов, которому в фондах Центрального государственного исторического архива удалось обнаружить и третью дату постановки «Беверлея» — 16 июля 1802 г.⁹

⁹ Гурьянов В. П. Еще раз о дате «Дневника одной недели» Радищева. — Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия VII, 1960, № 1, с. 57—60. Одним из существенных аргументов в системе его доказательств в пользу поздней датировки (после 1780-х гг.) является указание на то, что в «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева» (1807—1811), где впервые опубликован «Дневник», были включены только печатные произведения писателя (или неопубликованные) периода 1791—1802 гг. (за исключением «Эпитафии» — стихов, посвященных памяти первой жены писателя А. В. Рубановской, умершей в 1783 г.).

Р. М. ЛАЗАРЧУК

ПРОЗА РАДИЩЕВА И ТРАДИЦИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

Во второй половине XVIII в. развитие жанров все чаще определяется не только их внутренними ресурсами, но и вторжением в литературу явлений внехудожественных. Порожденный бытом и в то же время оторвавшийся от него, документ активно вмешивается в литературный процесс, направляя и ускоряя его, преобразовывая традиционную жанровую систему и создавая новые формы. Именно такую художественно-революционную роль сыграло во второй половине XVIII в. дружеское письмо.¹ Его воздействие на литературу проявляется прежде всего в возрастании значимости эпистолярного жанра, обнаружившего и вынесшего в большое искусство результаты длительных процессов, протекавших скрыто, совершавшихся подспудно. Так, «Письма русского путешественника» Карамзина возвели в литературный принцип добытые частным письмом непринужденность интонаций, свободу и естественность разговора; они «воспроизвели» не только стилистику дружеского письма, его структуру, но и столь свойственное эпистолярному жанру ощущение личности его творца, индивидуальность восприятия и осмысления действительности. Они узаконили письмо как литературный жанр, органическую форму прозы, вместившую в себя исповедь чувствительного сердца и документальный очерк, портрет и пейзаж, раздумья философа, публициста и описание, жанровые сцены и новеллы — все то разнообразное содержание, которым жила частная переписка XVIII в.

Однако воздействие письма на литературу вызывает и более сложные, глубокие изменения: происходит перестройка самих форм общения писателя с читателем. Свойственный письму культ сентиментальной дружбы неизбежно ведет к замене господствующего в литературе классицизма «деспотического» монолога, где писатель неизменно выступал в роли учителя, наставника, а чи-

¹ См. об этом: *Лазарчук Р. М.* Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. канд. дис. Л., 1972.

татель оставался только пассивным слушателем, диалогом собеседников. Этот диалог принесет в литературу особые, доверительные интонации, интимное «ты», особое слово — слово-обращение;² создаст особый тип мышления, трансформировавший структуру «неэпистолярных» жанров. В сферу подобных преобразований вовлечена проза А. Н. Радищева, занятого напряженными поисками формы с «острым ощущением собеседника, адресата».³ Направление этих экспериментов определено названием первого опубликованного произведения писателя — «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске, по долгу звания своего».

Рассматривая «Письмо к другу» как частное письмо С. Янову, А. И. Старцев отмечает интересный парадокс. Современники Радищева, которым просто невозможно отказать в «чувстве» письма, соотносили это произведение скорее с публицистикой, где эпистолярная форма — чистая условность, дань традиции и, может быть, моде,⁴ чем с собственно эпистолярной культурой своего времени. Противоречие тем более любопытное, что та самая всегда свойственная письму «домашняя семантика» (Ю. Тынянов), к которой оказались глухи Екатерина II и Шешковский,⁵ была «проявлена» почти двести лет спустя А. И. Старцевым, установившим адресата «Письма к другу». Разрешение «загадки» неизбежно связано с исследованием жанровой структуры «Письма к другу». При этом особую значимость приобретают не столько имеющиеся, сколько отсутствующие в нем «признаки действительно написанного частного письма»;⁶ несомненно, что в сознании современников писателя, не воспринимавших радищевский текст как факт реальной переписки, работало прежде всего негативное начало: отступления от привычной формы, несовпадения с ней.

Канонический тип письма, сложившийся в русской эпистолярной культуре к концу XVIII в., — мозаика, где «пестрота разных тем, пластов материала и стили», их «беспорядок» и «неожиданное сталкивание»⁷ мотивированы открытой непреднамеренностью, свободой, незапрограммированностью разговора, «болтливостью небрежной, и ветреной, и нежной». Чистота видовых форм вообще не свойственна дружескому письму как жанру. Мозаичность,

² Термин, введенный М. М. Бахтиным для обозначения слова, вовлеченного в диалог, см.: *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 318.

³ Там же, с. 275.

⁴ О форме письма и причинах ее своеобразной универсальности в XVIII в. см.: *Steinhausen G.* Geschichte des deutschen Briefes. Zur Kulturgeschichte des deutschen Volkes, Bd II. Berlin, 1891, S. 383—404.

⁵ «Сложись иначе, они постарались бы установить адресата письма, и он был бы, без сомнения, заподозрен в сообщничестве с Радищевым» (*Старцев А. И.* Друг Радищева. — В кн.: Старцев А. И. *Университетские годы Радищева* М., 1956, с. 176).

⁶ Там же.

⁷ *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: *Степанов Н. Л.* Поэты и прозаики. М., 1966, с. 76.

пестрота сплавливаемых материалов — конструктивные особенности жанра письма.

На этом фоне структура «Письма к другу» предстает как система, реализующая свое содержание в иных и прямо противоположных категориях: некая несвобода, запрограммированность, «беседование» на определенную тему (примечательно, что с формулировки ее начинается текст⁸), повествование логически строгое и последовательное, а не дружеская *causerie* о многом, обо всем, узаконившая «болтовню», свободный переход от одной темы к другой, «перерывы» в развитии темы.

В контексте современной эпистолярной культуры «Письмо к другу» могло показаться архаичным, ассоциирующимся не с живой практикой, а с рекомендациями безнадежно отставших от нее писемников,⁹ и поэтому «неузнаваемым», не воспринимаемым как письмо. «Неузнаванию» способствовало и еще одно чисто формальное обстоятельство. По некоторым внешним признакам: подчеркнутая ориентация на новости, немедленный отклик на события — радицевский текст невольно подключался к популярной в XVIII в. традиции письма-хроники, письма-газеты и попал в явно неблагоприятный для себя контекст, не проявлявший, а затемнявший его «сопряженность» с письмом (переписка Рейналя с герцогиней Саксен-Готской, письма мадам де Севинье, «*Correspondance litteraire, philosophique et critique*» Фридриха Мельхиора Гримма, где собственно информационный момент существовал в оправе той же светской *causerie*). С другой стороны, серьезность и важность тематики, документальная основа и публицистический пафос неизбежно сближали «Письмо к другу» с очерком. Таким образом, непроясненность жанровой структуры «Письма к другу» есть не что иное, как следствие стандартизации мышления XVIII в., подвластного некоему стереотипу формы и еще не способного уловить отклонения от него.

Сложность и новаторская сущность жанровой природы «Письма к другу» определяются тенденцией к взаимодействию и взаимопроникновению двух «противоборствующих» начал: документально-повествовательного, очеркового, и исповедально-субъективного, эпистолярного. Тот синтез, к созданию которого стремился Радицев, должен был одновременно возвести частное письмо к недостижимой для него тогда высокой гражданской, революционной тематике и превратить бесстрастный очерк в «излияние страждущей души».

⁸ «Вчера происходило здесь, с великолепием посвящение Монумента Петру Первому в честь воздвигнутого; то-есть открытие его, Статуи, работы Г. Фальконета. Любезной друг побеседуем осем в отсуствии» (I, 147).

⁹ См., например: «От отца к сыну, находящемуся в отлучке, увещание к трудам и учению»; «Совет без требования едущему в чужие края»; «Обещает писать новизны»; «Каким образом должно наживать друга и как с ним жить, ежели он найдется»; «Что называется красота, и что называется приятность» и др. — Наставление, как сочинять и писать всякие письма... [М.], 1769.

«Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске...» — «частное письмо» С. Янову и одновременно «открытое письмо»;¹⁰ сокровенное «беседование с делившим некогда <...> горести и радовавшимся о <...> радости» (I, 147) и слово публициста, проповедь гражданина, революционера. Адресованное тому, с кем «юношеский провел дни свои» (I, 147), оно «вероятно, с самого начала предназначалось к опубликованию»,¹¹ и тем не менее, рассчитанное на многих (при полном и, на первый взгляд, странном умолчании о них), «Письмо» не мыслилось Радищевым вне его конкретного адресата — лейпцигского товарища Янова. Без него «Письмо» не могло состояться. Он был необходим как своего рода мотивация, психологически объясняющая и облегчающая диалог, криминальность которого отчетливо осознается в контексте панегирических откликов на открытие памятника Петру I.¹² Обстоятельства напечатания этого произведения и его судьба (экземпляр «Письма к другу» был приобщен к следственному делу Радищева) — доказательства тому.

Но уже в «Житии Ф. В. Ушакова» функция адресата усложняется. Теперь он необходим как незримый свидетель событий восемнадцатилетней давности, стоящий на страже истины: «Если инные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тровут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166), поверяющий память и совесть автора.

В «Письме к другу» собеседник — явно единомышленник. В «Житии Ф. В. Ушакова» (оно посвящено А. М. Кутузову) между друзьями существуют разногласия, в которых они как будто бояться признаться сами.¹³ И не для того ли понадобились эти воспоминания в присутствии друга «дней юности», чтобы решить давний спор и у тени умершего «учителя <...> в твердости» испросить порицания или одобрения своей сегодняшней жизни? Остались ли они верны юношеским идеалам, дружбе, «блаженному сему союзу душ» (I, 155), помнят ли и сообразуют ли со своим «я» сейчас, сегодня, спустя восемнадцать лет, «пример мужества», поданный некогда Ф. Ушаковым? Радищеву явно хотелось получить положительный ответ: «... а ты если можешь днесь внимать гласу стенащаго, приинкии о возлюбленный к душе моей, ты в ней увидишь себя живаго» (I, 186).

Радищев отвергает безличностную, объективную форму повествования от третьего лица, хотя именно ее требовала традиция житийной литературы. Но он и не решается вести рассказ в от-

¹⁰ Старцев А. И. Университетские годы Радищева, с. 186.

¹¹ Там же.

¹² См. об этом: Татаринцев А. Г. «Письмо к другу» А. Н. Радищева. — Рус. лит., 1966, № 1, с. 116—125.

¹³ См.: «... не удивляйся, мой друг <...>, если найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в тогдашнее время. Ибо забыть того не лзя, колико единомыслие между нами царствовало» (I, 160).

крытой, свободной форме *Ich-Erzählung* так, как говорит о себе в «Исповеди» Руссо. Радищев как будто боится остаться наедине с незнакомым читателем, «своими собратьями», «неисчислимой толпой подобных» себе.¹⁴ «Я ищу в том собственного моего удовольствия»; «Сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего», — спешит заявить Радищев, отгораживаясь от мнения равнодушной публики (I, 156, 178). Как будто не решаясь довериться всем, он ищет посредника между собою и людьми (в этом сущность избранного Радищевым приема) — и находит его: «... тебе, любезнейшему моему другу, хочу отверзти последняя излучины моего сердца» (I, 156). «Житие Ф. В. Ушакова» — страстный и сокровенный «разговор с отсутствующим». Но ведь именно эту скрытую диалогичность улавливает и выдвигает в качестве основного жанрового признака русская «учебная» литература XVIII в., которая вслед за античными¹⁵ и западноевропейскими теориями эпистолярного стиля¹⁶ определяет письмо как «разговор»,¹⁷ «разговор с отсутствующим»,¹⁸ «беседу отсутствующих»,¹⁹ как промежуточный вид между монологом и диалогом.

Постоянные обращения к другу торопят, будоражат, подчас взрывают внешне спокойное, эпическое повествование, окутывая воспоминания неповторимой теплотой, делая их интимными, как письмо («Если вспомнишь, мой друг, сколь нестройной, несогласной и шумной у нас был всегда концерт, то и теперь еще улыбнешься» — I, 164). Создавая «Житие Ф. В. Ушакова» (а люди, подобные вождю его юности (I, 185), требовали «не биографий, а житий»²⁰), Радищев писал его как письмо к другу. И хотя он не раз упрямо и с вызовом скажет, что это только его, Радищева, дело, что только другу расскажет он о восторге их, когда они «узрели между, Россию от Курляндии отделяющую», и только ему признается в том, чего не может простить себе и восемнадцать лет спустя: по слабости здоровья, нетвердости духа или по какой другой причине, но он не был «свидетелем последнего

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. в 3-х т., т. 3. М., 1961, с. 9, 10.

¹⁵ Античная эпистолография. Очерки. М., 1967, с. 7.

¹⁶ Der Brief «...ist eine freie Nachahmung des guten Gesprächs», — пишет Геллерт (см.: Gellert Chr. F. Praktische Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen. — Gellert Chr. F. Sämmtliche Schriften, Bd IV. Berlin, 1772, S. 2.

¹⁷ Наставление, как сочинять и писать всякие письма к разным особам, с приобщением примеров из разных авторов. [М.], 1769, с. 2.

¹⁸ Подшивалов В. С. Сокращенный курс русского слога, изданный А. Скворцовым. М., 1796, с. 107.

¹⁹ Краткое руководство к российской словесности И. Борна. СПб., 1808, с. 105.

²⁰ Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени. — В кн.: Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913, с. 270.

вздымания <...> груди» умирающего Ушакова,²¹ — он писал не просто письмо другу, а повесть, «пропитанную мыслями о политике, о воспитании, о современной культуре, повесть психологическую и правоописательную»,²² и писал не для одного Кутузова.

Перегородки, как будто сознательно воздвигаемые писателем между собой, другом — и всяким иным, чрезвычайно зыбки. За этим барьером — не равнодушие и действительная отгороженность, а сомнение, боязнь оказаться непонятым, отражающие мучительный путь, которым пробивался Радищев к читателю. Отношения писателя и читателя в «Житии Ф. В. Ушакова» исполнены подлинного драматизма, и потому так не случайны постоянные колебания Радищева в оценках «его» — этого постороннего, способного вмешаться в диалог с другом, в самой манере обращения к «нему», названия «его». Первое упоминание о читателе в «Житии» неожиданно и полемически заострено: «Если иные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166). Чужой (примечательна категория множественности, усиливающая степень отчужденности) — «иные» — читатель воспринимается как своеобразная оппозиция все понимающему другу. Но уже следующая реплика сглаживает наметившиеся разногласия, звучит как свидетельство признания (пусть еще негласного, неоткрытого) права читателя на участие в диалоге двух лейпцигских друзей: «Первое, чем Бокум по приезде в Лейпциг начал правление свое, было сокращение издержек относительно нас, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что он отчислял от нашего содержания, то удвоая во своем» (I, 167). Тенденция к некоему сближению ощущается в самой форме обращения: «не воображай» — еще обобщенной и потому безликой, но уже не отчужденно враждебной. Наконец незримый собеседник назван: «Приятнее может быть будет читателю, приятнее тебе, мой любезной друг» (I, 171). Читатель и друг не просто объединены, уравниены в своих правах на исповедь автора, читателю как будто отдано явное предпочтение. Но установившееся взаимопонимание неустойчиво, за ним следует эмоциональный взрыв — результат предчувствия новых разногласий: «Если бы государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего казалось не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящих его сынов. Буде кто захочет на сие доказательства, то не дам никакого; но тебе только, мой

²¹ «О мой друг! в минуты благоденствия, когда разум ни чем не упрекает сердцу, мысль сия тягчит меня, и я мал становлюся перед собою» (I, 185).

²² *Гуковский Г. А.* Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 168.

друг» (I, 173). Имена друга и читателя разъединены, поставлены в их изначальные и непримиримо враждебные отношения. Самый характер этого «кто» («если кто безстрастный...»), его читательский вкус (Радищев пишет об «ищущих блестящих подвигов в повествованиях и с равным вкусом читающих Квинта Курция и Серванта»), его нравственное кредо и политическая позиция («если кто <...> скажет <...> что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества») предельно четко мотивируют природу конфликта. Но разрыв с «кто» не означает полного разрыва с читателем. Напротив, резкое размежевание с «иным» помогает писателю определить тот тип читателя, «сочувственника» и друга, к диалогу с которым так настойчиво стремился Радищев, — «те, коих души отверсты на любление юности» (I, 178).

И все же эпистолярная природа «Жития» еще в значительной мере связана только с его основным адресатом — другом юности. «Житие Ф. В. Ушакова» фиксирует лишь самый момент возникновения неудовлетворенности найденной формой и необходимости новых экспериментов. Они привели к созданию «Путешествия из Петербурга в Москву», путешествия, «сатирического воззвания к возмущению» (А. С. Пушкин), прозы ораторской, публицистической, — и, как это ни парадоксально, произведения, ставшего результатом самого глубокого, самого сознательного овладения структурой письма.

Внешние признаки письма, совершенно очевидные в «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова», здесь не только не проявлены, но и как будто намеренно стерты: в «Путешествии» нет ощущения одного постоянного адресата. Радищев то несет свою взволнованную речь другу — «сочувственнику» («О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною» — гл. «Клин», I, 374), то вступает в длительные словопроприятия, почти всегда небрежно-иронические, с «любезным читателем» («Но любезный читатель ты уже зеваеш. Полно видно мне снимать силуеты» — гл. «Новгород», I, 265), то говорит с неким безличным «вы» («Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно» — гл. «Любани», I, 232). Эта произвольность обращений кажущаяся, самая система называния читателя вовсе не случайная, не стихийная: она регулируется проблематикой глав, типом рассказчика, спецификой сказа. И потому непосредственный адресат «Спасской Полести» — «властитель мира»,²³ «Крестьянцев» — «отец чадолюбивый», «истинный гражданин» (I, 282). Вот почему в «Хотилове» закономерно появляется имя «возлюбленных <...> сограждан», «истинных сынов отечества» (I, 313), а упоминание о читателе, «любезном читателе», неизбежно возни-

²³ «Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбнешся с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257).

кает как сигнал полемики, иронического срыва или стилистического диссонанса.²⁴ Но за видимой пестротой определений скрывается важный процесс — движение от конкретного адресата (Янов, Кутузов) к адресату — человечеству.

В «Письме к другу» и «Житии Ф. В. Ушакова» исповедь и проповедь имеют вполне определенный адрес, не случайно имя друга возникает здесь в самые напряженные моменты: «Да уничижуся в мысли твоей любезной друг превознося хвалами столь властнаго Самодержавца» (I, 150); «Оснадцать лет уже совершилося, как мы лишилися Федора Васильевича, но мой друг, сколь скоро вспомню о нем, то последнее его с нами свидание столь живо существует в моем воображении, что то же и днесь чувствую, что чувствовал тогда» (I, 184), и др.

Эта опосредованная форма связи (через друга — к читателю) была совершенно необходима, была нужна как этап. Через нее (преодолевая ее и отталкиваясь от нее) Радищев пришел к тому открытому и свободному диалогу с согражданами, каким явилось его «Путешествие». Но теперь он создает диалог принципиально нового свойства. В «Путешествии» происходит утрата связанной с повествователем своеобразной монополии ведения диалога, вне которой нет письма как жанра, а самый голос повествователя перестает быть единственным («Письмо к другу, жительствующему в Тобольске») или почти единственным («Житие Ф. В. Ушакова»). Неизмеримо усложняется функция героя «Путешествия». Он не только «говорит с отсутствующим»,²⁵ но и «слушает» его; он адресат («Зайцово»),²⁶ невольный читатель чужих бумаг,²⁷ участник «бесед <...> откровенных» (I, 269). Наконец, Радищев населил свою книгу множеством героев («приятель мой Ч...» — «Чудово», «человек закутанной в большую япанчу» — «Спасская Полесь», Крестынкин — «Зайцово», крестидкий дворянин — «Крестыцы»), заставив их рассказывать Путешественнику «повести» своей жизни, раскрывать «терзания души» и, «обращая <...> свое слово» (I, 245) к другому, страстно убеждать, воздействовать, проповедовать. Он превратил «Путешествие» в бесконечные потоки монологов. Вливаясь в исповедь Путешественника и объединяясь, они создают единое целое — исповедь и проповедь, адресованные человечеству.

Отказавшись от прямого использования эпистолярной формы, Радищев сохранил ее сущность — могучую силу слова-обращения.

²⁴ «Я поднял упавшее, и неотдал ему. Необличи, меня любезной читатель в моем воровстве <...> Признаюсь, я на руку нечист; где что немного похожее на рассудительное увижу, то тот час стяну; смотри, ты неклады мыслей плохо» (I, 259).

²⁵ «Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, О! сочувственник мой, посвящено да будет» (I, 227).

²⁶ «Да вот к тебе письмо... Читай на досуге <...> Письмо было от моего приятеля. Охотник до всяких новостей, он обещал меня в отсутствии снабжать оными, и сдержал слово» (I, 280).

²⁷ См. главы «Подберезье», «Выдропуск», «Медное» и др.

«Он выступает как человек перед людьми — ничего больше <...> Радищев хотел быть страшно откровенен с читателем<...> надеялся на то, что откровенность, т. е. сила личного убеждения, сила душевного напряжения, вылившегося в слове, найдет пути к чужим душам»,²⁸ ко всем.

Посвятив «Путешествие» А. М. Кутузову, Радищев сразу же заявил о своих разногласиях с ним, и довольно резко: «...мнения мои о многих вещах различествуют с твоими» (I, 227). Постоянное ощущение оппонента, его скептически-недоверчивого взгляда, тревожное ожидание возражений, полемика скрытая и явная рождали напряженную ответственность за каждое слово: оно произносилось в расчете на присутствие инакомыслящего. Самое обращение к А. М. Кутузову — «любезнейшему другу» — не единственное и даже не определяющее, а лишь одно из многих и довольно редкое в книге Радищева. Однако, почти исчезнув из диалога с Кутузовым, это высокое и священное для писателя понятие — «друг» — не ушло из «Путешествия» вовсе. Будучи синонимом понятия «политический единомышленник», оно оказалось связанным с другими героями. Парадоксально, по в пути, на почтовом тракте Петербург—Москва, герой Радищева неожиданно сталкивается с людьми, уже ему известными, гораздо чаще, чем с незнакомцами. Поразительна настойчивость, с которой писатель повторяет мотив «случайной встречи» Путешественника с «давнишними приятелями», «искренними друзьями»²⁹ — или с их мыслью, словом.³⁰ Эта «случайность» нарочита. Но именно она обнаруживает, что в «Путешествии», как и в «Письме к другу», дружба является необходимой предпосылкой, главным условием диалога на общественно-политические темы. Вне этой столь свойственной письму атмосферы интимного признания нет революционной проповеди писателя.

И когда в «бесчувственных стенах» Петропавловской крепости, ожидая смертной казни, мучимый страхом, что его не поймут («лишенный утешения загладить мой против их (детей, — Р. Л.) проступок»), прежде чем уйти из жизни, он предпримет попытку рассказать о себе правду, его «томящееся воображение» выведет «горящим перстом» «на сердце» его детей и всех честных людей «последнее <...> к ним слово» (III, 341) опять-таки в форме письма — незавершенную повесть [«Положив непреодолимую преграду...»]. Поистине его литература была его письмами.

Найденная Радищевым форма, отражающая характер мышления писателя, оказывается для него универсальной: в той же манере письма создаются политико-экономический ([«Письмо о Китайском торге»]) и философский («О человеке, о его смертности и бессмертии») трактаты, серьезная экономическая работа

²⁸ Гуковский Г. А. Радищев как писатель, с. 164—165.

²⁹ См. главы «Чудово», «Зайцово».

³⁰ См. главы «Хотиллов», «Выдропуск», «Медное».

(«Описание моего владения»). Обращение к подобной форме диктовалось разными причинами, точно так же, как по-разному сказывалось в этих произведениях ощущение адресата, или «учет отсутствующего собеседника», по терминологии М. Бахтина.

[«Письмо о Китайском торге»] с самого начала мыслилось Радищевым как письмо к А. Р. Воронцову.³¹ О китайской торговле Радищев не имел определенного мнения («Противовеса все выгоды и неудобства, случающиеся при торге Кяхтинском <...> не возьму на себя сделать заключение в ту и другую сторону» — II, 35), знал он и то, что позиция его корреспондента четкая, ясная (см. письмо от 17 февраля 1792 г.: «Илимск не оживится от торга с китайцами, как ваше сиятельство склонны были полагать» — III, 430). Избранная им форма всего более отвечала характеру «мимоходящих <...> рассуждений», а не «достоверных следствий верных посылок» (II, 35), ибо она позволяла взвесить все «за» и «против», ввести собеседника в свои сомнения, заставить его следить за движением своей мысли («Обратимся теперь к китайским товарам» — II, 30), сделать его участником спокойного, деликатного разговора («Простите мои заключения, я не за очевидности их выдаю, но за догадки» — II, 18).

Страстные, взволнованные обращения к «друзьям», «возлюбленным», с кем «нечаянное <...> преселение в страну отдаленную» разлучило (II, 39), вторгаются и в философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», являясь «функцией определенного художественного замысла: Радищев построил свою книгу не как сухую академическую диссертацию, а как живую речь, беседу с читателем».³² Истоки этой манеры Г. А. Гуковский справедливо связывает и с традицией «философских писем», и с осуществлением давнего «намерения поучать своих детей на расстоянии» (см. письмо А. Р. Воронцову от 8 марта 1791 г.).

³¹ Вызывает недоумение комментарий Н. А. Финкельштейн: «... форма письма придана этому трактату условно» (II, 360). Но ведь сам Радищев свидетельствует: «Я все более и более укрепляюсь во мнении, что кяхтинский торг поднимает цену на некоторые товары только случайно, и это могло бы также явиться подтверждением моего суждения, противного общепринятому, которое я высказал в одном из писем к вашему сиятельству <...> (см. письмо А. Р. Воронцову от 17 февраля 1792 г., — Р. Л.). Я обещал прислать пояснение, и вот уже более полугодом, как письмо мною написано; но, поскольку оно значительно превосходит размеры обычного письма, я полагаю, что не должен затруднять ваше внимание кучей подробностей <...> Тем не менее, желая выполнить свое обязательство, пусть с опозданием <...> я прилагаю к сему краткое содержание моего длинного и скучного письма» (III, 471—472 — письмо А. Р. Воронцову, конец 1794 г.). Это признание Радищева позволяет выразить некоторые сомнения в существующей датировке [«Письма о Китайском торге»]. Действительно ли оно было написано в 1792 г.? Ведь говорит же сам Радищев: «... и вот уже более полугодом, как письмо мною написано». Не правильнее ли отнести дату создания трактата к 1794 г., поверив самому автору?

³² См. комментарий Г. А. Гуковского к трактату в кн.: *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. II, с. 375.

В «Описании моего владения» введение корреспондента, «очевидно, предполагаемого»,³³ и редкие обращения к нему — в значительной мере формальный прием, призванный объяснить бесконечные, иногда мелочные подробности рассказа («Для другого я бы здесь окончил мое описание, но я знаю, ты сказанным удовлетворен не будешь; тебе нужны всякие подробности» — II, 172) и оживить повествование; прием, осуществляемый непоследовательно: в 1-й и во 2-й главах Радищев фактически забывает о своем собеседнике.

Но была и одна общая причина — неистребимая потребность человека, заброшенного в «безлюдные пространства», за 6000 верст, так далеко, что, «прежде чем голос его может быть услышан, его останки станут добычей червей» (III, 401),³⁴ обрести собеседника и слушателя, у которого Радищев искал «санкции, подтверждения <...> правоте»,³⁵ в общении с которым он надеялся восстановить прерванные связи с миром.

«Сопряженность» с письмом, его «качество» несут в себе все сложные жанровые образования, созданные писателем. Эпистолярность — отличительная особенность стиля Радищева, устойчивая и постоянная, — продиктована необходимостью контактов с читателем, уже ставшим собеседником, но еще не сделавшимся единомышленником.

³³ Любомиров П. Г. «Описание моего владения». — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 196

³⁴ Из письма А. Р. Воронцову от 14 ноября 1791 г.

³⁵ Мандельштам О. О собеседнике. — В кн.: Мандельштам О. О поэзии. Л., 1928, с. 21.

А. Г. ТАТАРИНЦЕВ

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ОДЫ „ВОЛЬНОСТЬ“ РАДИЩЕВА

Ода «Вольность» существует в трех редакциях, включающих:
1) 50 строф — в первопечатном издании «Путешествия»,
2) 28 строф — в цензурной рукописи и 3) 54 строфы — в «лонгиновском» списке. В такой последовательности она и становилась известной исследователям. Предстояло решить, в какой очередности появлялись эти редакции из-под пера А. Н. Радищева.

До недавнего времени существовало твердое убеждение, что в 1781—1783 гг. были написаны все 54 строфы, из которых для цензурной рукописи были избраны 28, а уже при печатании книги ода была расширена до 50 строф.¹ Следовательно, очередность появления редакций представлялась в такой схеме: 54—28—50. Г. Шторм предложил другую, совпадающую с последовательностью, в какой исследователи открывали разные составы оды, а именно: 50—28—54.² Третье решение дал Д. С. Бабкин: 28—50—54.³ Эти схемы (50—28—54, 54—28—50, 28—50—54) отражают разное понимание важнейших проблем творчества А. Н. Радищева. Ясно, что правильной может быть лишь одна из них.

Прежде всего, какой из этих составов оды должен быть принят как проявление последней «авторской воли» — из 50 или 54 строф (состав из 28 строф цензурной рукописи отпадает сам собой, так как автор в книге дал более полную редакцию)? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Если речь идет об идейной и композиционной роли оды в «Путешествии», то она и должна браться в составе тех строф, которые здесь даны и пронумерованы. Четыре исключенные строфы при этом могут учитываться лишь в том отношении, в каком это исключение придавало особый смысл оставленным строфам, акцентировало какие-то нюансы, которые затемнялись в их присутствии. Если же ставится задача раскрытия творческой эволюции писателя, то, во-первых, оду сле-

¹ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 400—411.

² Шторм Г. Потаенный Радищев. М., 1968, с. 304—324.

³ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, с. 100—102.

дует рассматривать как самостоятельное произведение и, во-вторых, в ее полном составе. Как раз здесь исследователя и ожидает важный и сложный вопрос: какой из двух составов (в 50 или в 54 строфы) является первоначальным? От ответа на него зависит и решение проблемы творческой истории «Путешествия», и представление о творческой эволюции писателя вообще.

Содержание трудов Г. Шторма и Д. С. Бабкина, выдвинувших гипотезу о позднейшем (после возвращения Радищева из Сибири) создании четырех строф (сверх 50) общеизвестно, как общеизвестны и различия точек зрения обоих исследователей. Хотя по времени книга Г. Шторма предшествует работе Д. С. Бабкина, пачать будет целесообразнее с последней.

На том основании, что в разных источниках (цензурной рукописи, печатном издании 1790 г. и подготовленной сыновьями Радищева к печати рукописи 1806 г.) ода «Вольность» дана в разных редакциях, Д. С. Бабкин сделал вывод, что эти редакции соответствуют трем этапам работы Радищева над стихотворением. Первым из них он считает работу до сдачи рукописи книги в цензуру, когда объем оды якобы «не превышал 28 строф». Это доказывается следующим расчетом: «В рукописи, сданной в цензуру, текст оды занимал семь листов: 186—192. Из них сохранилось четыре листа: 186—189. Вслед за ними следует лист 194, на котором продолжается текст главы „Городня“, начинающейся словами: „Кто напоит меня и накормит“. Глава „Городня“ началась на 193-м листе, а на листах 190—192 были продолжение и конец оды. Если учесть, что на каждом из предыдущих четырех листов написано по 4 строфы, то на утраченных трех листах было не больше 12 строф. Следовательно, общий объем оды в момент сдачи рукописи в цензуру не превышал 28 строф».⁴

В этом расчете верно лишь то, что в рукописи сохранилось 4 листа с текстом оды и что 28 строф могли занять 7 листов. Все остальное, из чего делается заключение о «первом этапе», — сплошное недоразумение. Д. С. Бабкин полагает, что сохранившиеся листы пронумерованы: 186, 187, 188, 189. Так должно бы быть. Но должное выдается за существующее без всякого на то основания. На самом деле пагинация этих листов иная, а именно: 186, 186bis, 187, 188. Лист 189 исследователем «придуман»: его в рукописи нет. Именно с него и начинаются утраченные листы. Отсюда следует, что остальная часть (кроме сохранившейся) 28-строфного состава оды должна разместиться не на 190—192, а на 189—191 листах. Таким образом, оказывается (если принять расчет Д. С. Бабкина), что л. 192—193 рукописи были чистыми, ничем не заполненными. Ошибка очевидная. Но она не единственная и не самая странная. Исследователь почему-то считает, что первый из сохранившихся листов с текстом главы «Городня» имеет номер

⁴ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность. М.—Л., 1966, с. 100.

194. В действительности здесь проставлен номер 197. Можно было бы найти оправдание этой ошибки в том, что цифры 4 и 7 в радищевском написании трудноразличимы. Но Д. С. Бабкину достаточно было бы взглянуть на следующие сохранившиеся листы, чтобы увидеть на них номера: 198, 199 и т. д.

Следовательно, в рукописи утрачены не 3 (как показалось Д. С. Бабкину), а 7 листов. Из них, как уже отмечено, лишь 3 (189—191) могли быть заняты остальными 12 (точнее — 11 с половиною, потому что половина строфы 17-й первоначальной нумерации помещена на л. 188 об.) из 28 строф. Чем были заняты остальные 4 листа (192, 193, 194, 196) — этот вопрос перед исследователем, понятно, не возник. Таким образом, концепция «трех этапов» рушится при самой элементарной проверке предложенных расчетов. Теперь Д. С. Бабкин либо должен принять традиционное решение вопроса (закрепленное к середине 1950-х гг. Г. П. Макогоненко), либо согласиться с Г. Штурмом. С последним его сближает гипотеза о позднейшем написании 4 строф (хотя в отношении того, какие именно строфы были «дописаны», единства между ними нет).

Для установления количества строф, которые Радищев намеревался первоначально изложить, обратимся к цензурной рукописи. На сохранившихся ее листах (186, 186bis, 187, 188) находятся строфы, вначале (полагаем, до представления рукописи в цензуру) пронумерованные последовательно цифрами от 1 до 17. Затем (после получения рукописи из цензуры) Радищев дал им новую — прерывистую — нумерацию: 1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23. Она, как отмечают все исследователи, совпадает с перечнем «избранных» строф, данных в послесловии к оде в «доггиновском» списке. Здесь сказано: «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав, я ему («новомодному стихотворцу», — 4. Т.) сказал...». В этом перечне не указана лишь 1-я строфа, так как она была прочтена и прокомментирована самим стихотворцем, а Путешественник просто прослушал ее и затем начал нам читать оду со строфы 3-й. Вот эту сохранившуюся часть состава оды из 28 строф Г. П. Макогоненко и Д. С. Бабкин считают первоначальной, и окончательной (т. е. не подвергавшейся никаким изменениям) ее редакцией в составе цензурной рукописи — с той только разницей, что первый исходит из предположения о существовании 54 строф к моменту представления рукописи в цензуру, тогда как второй ошибочно считает, будто этому времени и написано всего 28 строф. С ними не согласен Г. Штурм. О его построениях приходится говорить вновь особо, так как и после научного опровержения его гипотезы и сам автор, и сотрудники ЦГАДА (где хранится цензурная рукопись «Путешествия»), и редакции ряда журналов и газет продолжают убеждать широкие круги читателей, будто «открытие» состоялось.

Г. Шторм утверждает, что Радищев вначале дал в рукописи 50 строф, так как (будто бы) к моменту представления ее в цензуру ода насчитывала именно такое количество строф; получив же цензурное разрешение, автор изъял те листы, на которых ода давалась в составе 50 строф, и вставил другие с новой редакцией стихотворения (из 28 строф).

Здесь перед Г. Штормом должен был сразу возникнуть вопрос, зачем Радищев подменил листы. В самом деле: если, как говорит автор «Потаенного Радищева», ода была включена вначале в цензурную рукопись в составе 50 строф, то подменять листы понадобилось бы лишь в том случае, если бы в печатном тексте произведение было дано в ином составе. Но оно и в книге представлено 50 строфами (только в сокращении, что не могло быть поставлено автору в вину; напротив, в какой-то мере даже оправдывало бы его). К чему же бы Радищеву, ожидавшему ареста и знавшему, что у него прежде всего потребуют рукопись для сверки с текстом книги (так и случилось), создавать столь разительное, бросающееся в глаза и со всей очевидностью уличающее его расхождение, давая в первой только 28 строф, тогда как в книге их — 50? Для того чтобы дать следствию бесспорное подтверждение пренебрежительного отношения к цензуре? Если так, то это было лишенное всякого здравого смысла решение. Но мы далеки от того, чтобы приписать его Радищеву.

Как же и с какой целью Г. Шторм доказывает подмену листов рукописи? Он рассуждает: на л. 186—196 (т. е. в той части где располагалась ода) могло разместиться 500 стихотворных строк плюс прозаические «окрестности». Значит, к моменту печатания книги ода и насчитывала только 50 строф, а не 54. Для 4 строф (сверх 50), говорит автор «Потаенного Радищева», на этих листах не нашлось бы места, а о «Творении мира» и говорить нечего. Следовательно, и 4 строфы оды, и эта поэма написаны в 1800 г. Вот из таких расчетов и рождается главная гипотеза Г. Шторма; на тезисе о подмене листов держится все «открытие». Именно здесь — самое уязвимое место его сложных построений, и автор хорошо знает об этом: не желая привлечь к этому месту внимание читателей, он в первом издании своей книги писал о подмене мимоходом. Когда же были высказаны критические замечания, во втором издании книги Г. Шторм счел необходимым «подкрепить» именно это место, понимая, что в противном случае «открытие» рухнет. О том, как он это делает, будет сказано далее.

Вернемся к заявлению о подмене листов. Оно голословно очень легко опровергается.

Выдвигая эту версию, автор должен был подтвердить (хотя бы сравнением л. 186—188 (якобы подмененных) с листами прилегающими к ним с обеих сторон, и по каким-нибудь признакам, приметам показать неоднородность рукописи в этом месте. И автор, верный себе, опять-таки ограничивается предположением

(тут же «забывая», что это предположение, и оперируя им далее как доказанным фактом), которое уместно было бы лишь в том случае, если бы он вообще не видел рукописи, не листал ее: «Листы эти (те, о которых говорится, что они подменены, — А. Т.), очевидно, переписаны в большой спешке».⁵ Вот так: «...очевидно ... в большой спешке»! Откуда же такие сомнения? Разве так трудно наглядно показать (хотя бы с помощью фотокопий, которые в других не столь ответственных случаях в книге воспроизведены) и доказать, что текст так называемых подмененных листов писался в «большой спешке»? Показывается же и доказывается это в отношении вновь открытого списка «Г»! Нет ничего проще доказать это и в отношении многих других листов рукописи, действительно подмененных или вновь включенных в нее после цензуры. В данном же случае невозможно доказать недоказуемое (почему автор и не дает соответствующих фотокопий). Очевидно — при внимательном изучении рукописи — другое: л. 186—188, их формат, цвет, степень загрязненности, цвет чернил, почерк, характер исправлений — буквально все в этой части рукописи (которую Г. Шторм считает подмененной) идентично, однородно с примыкающими к ней с обеих сторон листами, 185-м с одной стороны, 197-м — с другой (л. 189—196, как уже сказано, в рукописи утрачены). Но для гипотезы автора «Потаенного Радищева» мысль о подмене листов имеет решающее значение. В противном случае, если эту подмену не декларировать, придется считать вариантом оды, включавшимся в цензурную рукопись, именно тот, который сохранился в ней и поныне, т. е. в составе 28 избранных строф. В этом случае Г. Шторму придется отказать и от версии о позднейшем написании поэмы «Творение мира», ибо она вместе с 28 избранными строфами оды и прозаическими «окрестностями» свободно размещается на указанных 186—196) листах, целиком заполняя их. Не касаясь иной аргументации Г. Шторма в пользу позднейшего создания поэмы (она провергнута достаточно убедительно и литературоведами, и музыковедами),⁶ привожу расчет, показывающий, как именно эти листы могли быть заполнены.

Последний из сохранившихся листов главы «Тверь» — 188-й. На его обороте даны 24 стихотворные строки. На предшествующих же (186, 186bis, 187) изложено 140 строк, а всего, следовательно, на сохранившихся листах главы «Тверь» дано 164 строки. По плану «избранных» строф Радищев должен был дать 30 строк. Таким образом, остальные 116 строк (280—164—116) занимали, принимая расчеты самого Г. Шторма, л. 189, 189 об., 190, 190 об., 191. Далее следовало прозаическое послесловие к оде (около 600 знаков), которое требовало для размещения не менее

⁵ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 306.

⁶ См.: Рус. лит., 1966, № 1, с. 244—257; Штейнпресс Б. Радищев и йдн. — Сов. музыка, 1968, № 8, с. 131—137.

25 рукописных строк: ⁷ оно занимало нижнюю часть л. 191 и всю его оборотную сторону. Прозаическое вступление к поэме «Творение мира» вместе с заголовком, подзаголовками и его первой строкой (состоящей из 39 знаков) должны были занять объем не менее 18 рукописных строк л. 192. Оставшаяся его часть (6 строк) и л. 192 об. — 195 об. составляли тот объем, который необходим для размещения самого «Творения мира»: оно состояло из 99 коротких (от 5 до 29 знаков), 14 длинных (от 29 до 41 знака) стихотворных строк и 14 интервалов между строфами; каждый интервал вместе с размещавшимися в нем названиями действующих лиц занимал по ширине и длине листов то же пространство, что и три сплошь написанные строки; длинные стихотворные строки занимали каждая в отдельности по две строки в рукописи — так же, как и некоторые строки оды «Вольность» в ее сохранившейся части (например, стихи: «В нем сильных мышь твоих ударом» и «В различных видах смерть летает» — по 31 знаку — занимают каждый на л. 186 и 187 по две строки в рукописи). В целом «песнословие» требовало для своего размещения 169 строк или 7 страниц (по 24 строки на каждой). И, наконец последний из утраченных листов (196-й) был заполнен прозаическим послесловием к «Творению мира» (около 450 знаков, или 20 строк) и началом главы «Городня» (около 640 знаков, или 28 строк). Далее идет л. 197 (сохранившийся), содержащий продолжение главы «Городня» («Кто напоит меня и накормит...»).

В расчетах же, которые приводит Г. Шторм, игнорируется одна деталь, на которую ему уже было указано, а именно: из тех 50 строф, которые он считает первоначальным составом оды в цензурной рукописи, на л. 186—196 должно бы размещаться лишь 46, потому что 4 строфы Радищев выбросил (это признается автором: «Потаенного Радищева»), а еще 4 будто бы не были написаны. И 46 строф с прозаическим текстом заняли полностью л. 186—195. На лицевой стороне л. 196 в этом случае разместилось бы лишь прозаическое послесловие к оде (примерно третья часть листа). Остальное пространство этой лицевой и всей оборотной стороны л. 196 оказывается, по расчетам Г. Шторма, не заполненным. Это как и в случае с расчетом Д. С. Бабкина, ошибка очевидная.

Г. Шторм оставил без внимания и другие детали, противоречащие его гипотезе. В рукописи, в ее сохранившейся части, в печатном тексте книги (соответствующем не сохранившемуся в рукописи началу главы «Городня») остались следы первоначального «присутствия» поэмы «Творение мира». В рассуждении о стихотворстве, предшествующем оде «Вольность», «товарищ... трактирного обеда» Путешественника порицает современную поэзию за засилье ямбов: «Парнасс окружен ямбами, рифмы стоят везде на карауле» (I, 353). Казалось бы, после т

⁷ В рукописи каждая прозаическая строка включает от 18 до 31, редко — до 26 знаков.

кого неодобрения не совсем уместно чтение ямбической «Вольности». Но стихотворец далее разъясняет свою позицию: он не против ямба вообще, а считает, что и другими размерами не следует пренебрегать: «Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то было бы неизлишнее, если бы я мог дать *примеры в разных родах достаточные*» (I, 353; курсив мой, — А. Т.). Это рассуждение отражает поиски Радищевым новых, не традиционных принципов стихосложения, его тяготение к безрифменному стиху. Его опыты в этом направлении и их оценка современниками и позже Пушкиным общеизвестны. «Творение мира» (как и некоторые другие стихотворения Радищева 1780-х гг.) как раз и являло собой образец «разных родов» стиха — наряду с написанной ямбами «Вольностью». Именно поэтому в прозаическом послесловии к оде и непосредственно перед поэмой Радищев писал: «Да будет оно («песнословие», — А. Т.) пример, как можно писать не одними ямбами» (I, 431). Таким образом, в начале главы «Тверь» Радищев делал теоретическую «заявку» и обоснование «употребления в одном сочинении разного рода стихов», а затем демонстрировал и сами эти образцы.

О том, что в цензурную рукопись была включена не только ода, но и поэма «Творение мира», говорит первая же фраза из главы «Городня», которая логически вытекала из предшествовавшей демонстрации разного рода стихов, точнее — из послесловия к поэме. Радищев здесь пишет: «Въезжая в сию деревню, *не стихотворческим пением* слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев» (I, 362; курсив мой, — А. Т.). Как возникла эта антитеза и как она оказалась в печатном тексте книги, не содержащем «стихотворческого пения»?

Мы знаем (из «лонгиновского» списка), что «новомодный стихотворец» заключал послесловие к поэме «Творение мира» словами: «Что ж вы скажете о употреблении в одном сочинении разного рода стихов? Но сие смешение не только прилично *малому и для пения определенному стихотворению*, то удачно будет и в епопеи» (I, 431, курсив мой, — А. Т.). Это резюме связано с мыслями, высказанными в начале главы «Тверь». Из него же становится ясно, что «малое и для пения определенное стихотворение» и есть «Творение мира». Под это определение невозможно подвести оду «Вольность». Было бы абсурдом считать, что в качестве первого «члена» противопоставления в данной антитезе выступает произведение («Вольность»), совсем не рассчитанное для пения, как бы указывающее путь освобождения тем самым крестьянам, вопли которых автор слышит. Когда Радищев в первой же фразе главы «Городня» говорит, что слух «был ударяем» не «стихотворческим пением», то он, конечно же, имеет в виду только что отзвучавшее «песнословие». И именно потому, что после главы «Тверь» следовала глава «Городня», содержавшая призыв «разбить железом... главы господ», в окончательной ре-

дакции книги и была оставлена только ода «Вольность», призывавшая к тому же. Поэма «Творение мира» исключена была, надо полагать, потому, что реальная действительность, открывавшаяся перед читателем в следующей главе, обязывала «мужественного писателя» показывать соотечественникам перспективы революционной борьбы, а не услаждать слух «великопостным» «стихотворческим пением».

Песнословие «Творение мира», долженствующее явиться «примером, как можно писать не одними ямбами», исключается из книги как не вполне созвучное общей тональности, направленности произведения стихотворение. Но при исключении его из книги предшествующий прозаический текст, где давались теоретические рассуждения о стихотворстве, и последующий текст (начало главы «Городня») был оставлен без изменения.

В заключение заметим, что «следы» первоначального включения в рукопись «Творения мира» обнаруживаются в тексте, который, и по Г. Шторму, не является подменным. Таковы факты.

Понимая, насколько шатка его позиция именно здесь, где гипотезами ограничиться уже нельзя и где сами эти многочисленные гипотезы могли бы получить единственное документальное подтверждение, Г. Шторм был вынужден вступить в полемику с оппонентом, заметившим это. На с. 307—308 второго издания своей книги он пишет: «...Татаринцев ... предпринял попытку доказать, что ода „Вольность“ была представлена в цензуру Радищевым в объеме 28 строф. Для этого ему нужно было оспорить мое утверждение, что автор „Путешествия“, получив разрешение цензуры, сократил полный (в 50 строф) текст оды и подменил соответствующие листы. Никакой подмены листов не было, возразил Татаринцев и в качестве доказательства этого сослался на открытый им в цензурной рукописи — „в верхних левых углах листов“ — особый ряд цифр. На всех уцелевших листах, содержащих текст оды (186—191), заявил он, сохранились следы первоначальной пагинации, перенесенной с протографа; эта пагинация — последовательная и непрерывная — проставлена, „судя по почерку“, Радищевым. Значит, ни о какой подмене листов речи быть не может». «Исследователи, — добавил Татаринцев, — обратили внимания на этот цифровой ряд».

Здесь необходимы некоторые уточнения. При обсуждении книги Г. Шторма в ИРЛИ в 1965 г. отмечалось, что следы первоначальной пагинации, перенесенной в рукопись с «протографа», содержатся «слева вверху на каждом четвертом», а не на всех уцелевших листах, как передает Г. Шторм. Вношу небольшую поправку: «протографные» номера даны в рукописи через каждые четыре листа. Но это не меняет сути дела. Г. Шторм должен был обратить внимание хотя бы на саму эту особую пагинацию и объяснить ее значение в связи с гипотезой о подмене листов. Но, как явствует из второго издания книги, он опять не заметил (или не захотел заметить?) «протографных» номеров. Это, на-

конец, становится странным, если не сказать — смешным. В смешное положение попал, полагает Г. Шторм, оппонент. Так ли это? Приходится, для установления истины, повторяться. Что это за вновь открытая пагинация?

Цензурная рукопись имеет, как указывал еще Я. Л. Барсков, три пагинации: первоначальную (для цензуры — «П»), измененную (во время печатания книги или перед арестом — «И») и архивную («А»). Последняя нас меньше всего интересует сейчас. Нумерация же, названная Я. Л. Барсковым первоначальной, была проставлена в верхних правых углах лицевой стороны листов. Затем, в связи с сокращениями и дополнениями рукописи, эта нумерация во многих случаях была переправлена, позже — зачеркнута. А чуть ниже зачеркнутых номеров были проставлены новые номера листов. По этой последней пагинации в рукописи учтено (до «Слова о Ломоносове») 187 листов, тогда как по «первоначальной» их было 227. Разница эта говорит о примерном объеме утраченной части рукописи. Об этом известно давно. Не обращалось же до сих пор внимания на весьма важную деталь: через каждые четыре листа и на всем протяжении рукопись пронумерована (исключая листы, появившиеся после цензуры!), начиная с 1-го и кончая 227-м листом, еще раз — в верхних левых углах той же лицевой их стороны цифрами от 1 до 52, т. е. вся рукопись как бы состояла из 52 счетверенных листов.

Известно, что книга набиралась по «тетрадам, писанным в пол-листа», которые Радищев «присылал» наборщику в «верхние покои» (где находился станок) и которые «по отпечатании... возвращались Радищеву».⁸ Известно и другое: недавно найденный Г. Штормом список «Г» воспроизводит одну из самых ранних редакций «Путешествия», состоящую из отдельных тетрадей. В ней, кроме общей для всех листов и непрерывной пагинации, в нижней части листов находим следы какой-то другой нумерации. Так, например, л. 8—11 имеют снизу номера: 1, 2, 3, 4. Вероятно, эта нумерация, как и счетверение листов цензурной рукописи, связана с теми самыми «тетрадами, писанными в пол-листа», о которых говорил на допросе наборщик Ефим Богомолов.⁹

Для внесения необходимой ясности воспроизводим здесь нумерацию листов с главы «Тверь» и до конца рукописи по схеме: слева — пагинация верхних левых углов («протографная»), через тире — соответствующие ей номера листов «первоначальной» пагинации, их правых верхних углов. В скобках, рядом с этими номерами, другие цифры с буквой «И» даются в тех случаях, когда на листах дана только позднейшая, измененная пагинация (т. е. когда листы были подменены или включены вновь). Знаком «*» обозначаем утраченные листы:

⁸ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 225.

⁹ То, что список «Г» воспроизводит одну из самых ранних редакций книги, доказано В. А. Западковым в статье «Работа А. Н. Радищева над „Путешествием“» (Рус лит., 1970, № 2, с. 161—173).

- 40 — 181, 182, 183*, 184
 41 — 185, 186, 186bis, 187
 42 — 188, 189*, 190*, 191*
 43* — 192*, 193*, 194*, 195*
 44* — 196*, 197, 198, 199
 45 — 200, 201, 202, 203
 46 — 204, 205, 206, 207
 47 — 208, 209*, 210, 211
 48 — 212, 213*, 214*, 215
 49* — 216*, 217, 218*, 219
 50 — 220, 221, 222, 223* (181 «И»)
 51* — 224* (182 «И»), 224bis, 225* (184 «И»), 226
 52 — 226bis, 227* (187 «И»)...

Итак, особый цифровой ряд или особая («протографная», первая по времени проставления) пагинация — реально существующий факт, который может быть игнорирован при анализе рукописи лишь преднамеренно. В том, что эта пагинация проставлена еще до напечатания книги, убедиться очень легко: она дана только на тех листах, которые составляют первоначальную (доцензурную) основу рукописи. Но ее нет ни на одном из тех листов, относительно которых мы совершенно точно знаем (со слов самого Радищева и по почеркам, принадлежащим не А. А. Царевскому), что они включены в рукопись после цензуры, например, в послецензурных дополнениях — рассказе о свадьбе Дурындина или «Кратком повествовании о происхождении цензуры». Вывод отсюда очевиден: те листы рукописи, на которых имеются номера «первоначальной», «измененной» и «протографной» пагинации в верхних углах лицевой стороны, являются не изменявшейся и не подменявшейся ни на какой стадии работы Радищева над рукописью ее основой (переписанной рукой А. А. Царевского). Но все эти номера — «первоначальный», «измененный» и «протографный» — имеются и на двух (из пяти) сохранившихся листах рукописи, на которых дается предварительное рассуждение о стихотворстве и размещены избранные строфы оды «Вольность», а именно — на л. 185 и 188. На первом из них слева сверху проставлен номер 41, а на втором (через четыре листа) — номер 42.

Вот об этом шла речь при обсуждении книги Г. Шторма в ИРЛИ. Какой же вывод сделал автор «Потаенного Радищева»? Цитируем соответствующее место его книги: «В присутствии В. Н. Шумилова, директора Центрального государственного архива древних актов, сообщение Татаринцева было проверено. Оказалось, что исследователи действительно не заметили этот цифровой ряд; но их невнимание простительно: дело в том, что на лицевой стороне названных листов, в их верхних левых углах, нет вообще никакой пагинации; она имеется на оборотной их стороне, но проставлена отнюдь не рукой Радищева, а рукою одного из технических сотрудников архива, вполне современным карандашом».¹⁰

¹⁰ Шторм Г. Потаенный Радищев, с. 312.

Вполне согласимся с Г. Штормом лишь в одном: невнимание исследователей, которые не выдвигали гипотез о позднейшем происхождении «лонгиновского» списка и, следовательно, не испытывали необходимости изучать систему пагинаций рукописи, действительно простительно. Но вовсе непростительно для автора, занимающегося изучением творческой истории «Путешествия», быть столь «невнимательным» после того, как ему указаны его упущения.¹¹

Имея в виду странное нежелание Г. Шторма увидеть особую пагинацию рукописи и его утверждение, что ее «нет вообще», В. А. Западов был вынужден заметить: «Тем не менее она есть — и в этом, не заглядывая в рукопись, легко может убедиться любой, кто возьмет „Материалы к изучению «Путешествия»“ и прочтет, например, на стр. 244: „... на поле 84а — «25»; на поле 88а — «26»; ... 91а — 125ц, на поле — «27»“. Вот эти цифры — 25, 26, 27 (Я. Л. Барсков привел не все имеющиеся в рукописи цифры данного ряда) и есть та четвертичная, „протографная“

¹¹ Весьма странную позицию в этом принципиально важном вопросе радищевской текстологии заняла редакция «Литературной газеты», которая трижды (в 1965, 1969 и в 1974 гг.) отклоняла отклики на книгу Г. Шторма, в которых содержались изложенные здесь соображения, подкрепленные фотокопиями соответствующих листов. В первый раз — под тем предлогом, что редакция не намерена что-либо публиковать о книге Г. Шторма после выступления В. А. Западова и Г. П. Макогоненко (хотя В. А. Западову такая возможность была предоставлена еще раз). Во второй раз после консультации у заинтересованных лиц (В. Н. Шумилова и, по-видимому, Г. Шторма и В. А. Западова) был составлен такой ответ: «Мы попросили проконсультировать Вашу статью по поводу книги Г. Шторма работников Центрального государственного архива древних актов. Внимательно просмотрев цензурный экземпляр „Путешествия...“, работники пришли к выводу, что Ваши возражения Г. П. Шторму несостоятельны. Нам были представлены убедительные доказательства, что предложенные Вами в качестве „протографных“ номера листов „Путешествия“ таковыми не являются. Номера эти имеют скорее всего специальное чисто служебное значение» (Письмо редакции от 7 апреля 1969 г. за № 1935).

Нетрудно заметить, во-первых, что данное письмо в его сущности является не чем иным, как повторением уже цитированного отрывка из книги Г. Шторма. Во-вторых, оно свидетельствует, что и редакция пришла к пониманию важности этой нумерации для системы доказательств Г. Шторма. После того как в том же году появилась статья В. А. Западова с разъяснениями по поводу данной пагинации, редакция должна бы была усомниться в том, что «открытие» состоялось. Однако последняя публикация Г. Шторма в той же «Литературной газете» (1973, 22 августа, № 34) была дана под знаком все того же «открытия». Сообщаются здесь и новые, столь же бесосновательные. Утверждается, например, что И. И. Вальц был сослан в Пензу за хранение «Путешествия» (а не за шпионаж, как об этом говорится в секретном указе, давно известном исследователям); и что будто бы Радищев подарил И. И. Вальцу экземпляр книги (а не передал ему через шурина Девиленава для пересылки в Берлин А. М. Кутузову, о чем тоже давно известно). Публикация сопровождается рисунком Илимска, который почему-то приписан самому А. Н. Радищеву (хотя до сих пор он был известен как принадлежавший П. А. Радищеву).

пагинация, которую Г. П. Шторм объявил несуществующей».¹² Эта нумерация проставлена чернилами того же цвета, что и текст соответствующих листов, и видна невооруженным глазом даже на фотокопиях, в несколько раз уменьшенных сравнительно с оригиналом.¹³

Так обстоит дело со схемой «50—28—54». Она, как и схема Д. С. Бабкина (28—50—54), не выдерживает критики. Остается внести необходимые уточнения в схему Г. П. Макогоненко (54—28—50) по вопросу о том, из какого состава (54- или 50-строфного) «избирал» Радищев 28 строф для цензурной рукописи.

Сопоставляя цензурную рукопись с печатным текстом, мы устанавливаем, что все 16 $\frac{1}{2}$ строф, изложенных на сохранившихся листах рукописи, под теми же номерами перешли и в книгу. Но сюда вошли, кроме того, и не названные в перечне «лонгиновского» списка строфы 2, 5, 8, 9, 12, 21 и т. д. Следовательно, после получения цензурного разрешения Радищев пересмотрел свой первоначальный замысел и изложил в книге не 28, а 50 строф. Важно заметить, что все *полностью* приведенные в книге строфы (1, 3, 4, 6, 7, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 22, 23) взяты как раз из цензурного состава оды (т. е. из 28 «избранных» строф). В книге нет ни одной полной строфы, которой не было бы в цензурной рукописи. И другое замечание: сокращенный и пересказанный текст 36 строф по количеству знаков равен объему остальных 11 $\frac{1}{2}$ строф цензурного варианта, которые оказались утраченными. А это значит, что Радищев, давая оду в расширенном составе, для ее размещения отводил столько же листов, сколько их требовалось для изложения 28 полных строф. Такое совпадение объема редакции оды в составе 50 строф (14 — полностью, 36 — в сокращении и пересказе) с вариантом оды из 28 полных строф является лишним подтверждением того, что именно эти 28 строф были в рукописи первоначальными. А тот

¹² Западов В. А. Работа А. Н. Радищева над «Путешествием», с. 163.

¹³ В 1974 г. появилось третье издание книги Г. Шторма «Потаенный Радищев». Если в 1968 г. он категорически утверждал, что в «верхних левых углах нет вообще никакой пагинации», то теперь г. Шторм вынужден признать существование особой нумерации XVIII в. Однако он и на этот раз пытается отрицать ее значение для решения вопроса о текстологии оды «Вольность». «Там, — пишет он, — находятся микроскопические, образующие последовательный ряд цифры, не имеющие никакого отношения к авторской пагинации, это — служебная, так называемая охранная нумерация Тайной экспедиции» (с. 272). Словом «микроскопические» Г. Шторм «оправдывается» перед читателем, которого он ранее убеждал в отсутствии данной пагинации, давая понять, будто эти цифры не сразу и заметишь. На самом деле нумерация в левых верхних углах листов видна и читается так же легко, как и весь текст цензурной рукописи. Что касается «так называемой охранной нумерации Тайной экспедиции», то эта формула может произвести впечатление лишь на неосведомленного читателя. Спрашивается, почему же эта «охранная нумерация» проставлена не на каждом листе, а через каждые четыре листа, и почему ее нет как раз на тех листах, послецензурное происхождение которых ни у кого не вызывает сомнения?

факт, что в книге *полностью* приведены только строфы, которые были даны в цензурной рукописи, диктует другой вывод: план «избранного» изложения строф, первоначально принятый для цензурной рукописи, продолжал играть свою роль и на стадии подготовки книги к печати. В соответствии с этим планом готовилась цензурная рукопись, на него автор ориентировался и при окончательной редакции оды. Эти наблюдения и выводы помогают ответить на вопрос, имеет ли данный план — перечень «избранных» строф — прямое отношение к полному (в 54 строфы) составу оды.

Г. П. Макогоненко конкретно этого вопроса не ставит и не рассматривает. Но из того, что он доказывает тождественность редакций оды «лонгиновского» списка и цензурной рукописи, их «равноправность», с одной стороны, и заявляет, что печатный текст (в составе 50 строф) «резко отличается от первоначального (списки цензурный и «лонгиновский») — с другой,¹⁴ следует: план изложения «избранных» строф оды возник на основе полного (в 54 строфы) состава, а к окончательной редакции (в составе 50 строф) он не имеет будто бы никакого отношения. К этому варианту Радищев пришел, по мысли исследователя, из самой последней стадии работы, а именно — когда отказался от плана изложения избранных строф. Но это не подтверждается сопоставлением нумерации строф разных составов оды.

Из первых 17 названных в перечне и изложенных в цензурной рукописи строф только 1, 3, 4, 6 и 7 точно совпадают (своими номерами и содержанием) с «лонгиновским» текстом. Строф этого списка под номерами 10, 13, 22 и 23 вообще нет в цензурной рукописи, хотя к изложению они запланированы. Зато оказались прочтенными 12 и 21 строфы, тогда как в перечне о них не было даже упомянуто. Вообще начиная с 10-й строфы между планом и общей нумерацией строф «лонгиновского» списка нет соответствия: строфе 10-й цензурного состава соответствует 11-я «лонгиновского», 11-й — 12-я, и т. д. Именно это несовпадение позволило Г. П. Макогоненко определить номера двух исключенных строф — 9-й и 24-й. Но оно же говорит и о том, что к «лонгиновскому» списку и (что то же самое) к тому варианту, с которого он воспроизведен, план-перечень не имеет ровно никакого отношения. Перечисляя избранные строфы, Радищев имел в виду другую редакцию стихотворения — в составе 50 строф. *Ко времени составления цензурной рукописи у него под руками была именно эта редакция*: из нее избирались строфы и перечислялись под соответствующими номерами, а не из той редакции, с которой был снят «лонгиновский» список.

Как уже было отмечено, сохранившиеся листы цензурной рукописи дают все указанные в перечне (с 1 по 23) строфы. 9 и 24 в этот перечень не вошли потому, что *они были изъяты (как и еще две другие между 24 и 38 строфами «лонгиновского» спи-*

¹⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 400—404.

ска) до составления цензурного варианта оды. Все же составленные строфы в своей нумерации точно совпадают с окончательной редакцией. Из сказанного следует вывод: наиболее ранняя (54 строфы) редакция оды, воспроизведенная в «лонгиновском» списке, первоначально была сокращена до 50 строф, из которых в цензурный список вошло только 28 избранных. После того как рукопись была сдана в цензуру, Радищев решает (возможно, по ее получению) изложить всю оду в составе 50 строф (без четырех, «забракованных» ранее), не увеличивая при этом общего объема книги. Т. е. цензурный список в составе 28 избранных строф частично воспроизводил не первоначальную (в составе 54 строф) редакцию, а ее измененный (сокращенный на 4 строфы) вариант. Таким образом, последовательность работы Радищева над текстом оды сводится к очередности вариантов: 54—50—28—50.

Зная, что план изложения оды относился к ее варианту в составе 50 строф, легко установить заключительную (42-ю по перечню, 28-ю по порядку изложения) строфу цензурного списка. Это — 46-я строфа «лонгиновского» текста:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность поправа;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!...
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой цепл хотя мой скрыл!

Очевидно, мотивы, побудившие Радищева дать в окончательной редакции иную, оптимистическую концовку, были те же, что и при замене первоначальной редакции последней главы «Путешествия» (рассказ о встрече с самоубийцей) «Словом о Ломоносове».¹⁵ По этим же соображениям были исключены 4 строфы оды. Г. П. Макогоненко пишет, что «Радищев не мог оставить в революционном стихотворении строфы, где в сознательные действия народа, самоотверженно сражающегося с самодержавием, вмешивался бог».¹⁶ То же самое следует сказать и о поэме «Творение мира». Исключение ее не означает, однако, что Радищев вообще отказался от «песнословия». Позднее в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» он вновь возвращается к философской проблеме слова-деяния (раскрывавшейся и в поэме). Рассуждая о всемогуществе слова, о значении речи в усовершенствовании рода человеческого, Радищев писал: «Мне

¹⁵ См. об этом статью: *Татарлицев В. А.* «Слово о Ломоносове» А. Н. Радищева — В кн.: Вопросы русской и зарубежной литературы. Пермь, 1974, с. 17—36.

¹⁶ *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время, с. 406.

кажутся аллегорией тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произведшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило» (II, 131). В сущности, здесь в сокращенном прозаическом пересказе (напоминающем пересказ некоторых строф оды «Вольность») изложена радищевская концепция акта творения, о котором шла речь в «песнословии». Вообще сопоставление «Путешествия из Петербурга в Москву» с трактатом показывает, что в сибирский период Радищев как бы восстанавливал некоторые отрывки, исключенные при печатании книги в 1790 г. В отличие от «песнословия» в трактате «слово» уже не столь прямо отождествляется с «богом». В «Творении мира» оно трактовалось как выражение самой сущности бога, его творящей субстанции.

Возлюбленное слово,
О, первенец меня;
Ты искони готово
Во мне, я ты, ты я.

Тобою я прославлюсь,
Бездействия избавлюсь
Ты то явишь, что я возмог,
А я в себе почию бог.

(I, 19)

Трудно не заметить, что Радищев в своем стихотворении развивает ту же тему, что и Державин в оде «Бог», словно бы полемизируя с ним. Для подтверждения приведем один пример:

Текст Державина

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.¹⁷

Текст Радищева

Един повсюду и предвечен,
Всесилен бог и бесконечен;
Всегда я буду, есмь и был,
Един везде все исполняя,
Себя в себе я заключаю,
Днесь все во мне, во всем я жил.
Но неужель всегда пребуду
Всесилен мыслью, мыслью бог? . .

(I, 18)

Совпадения, как видим, разительные и вряд ли случайные: у Державина — «Кто все собою наполняет», у Радищева — «Един везде все исполняя»; у первого — «Ты был, ты есмь, ты будешь век!» (3-я строфа), у второго — «Всегда я буду, есмь и был», и т. п. Как державинский, так и радищевский бог упорядочивает «хаосы бытности довременной», «упругое древнее нечто», пробуждает к жизни «первенственные семена». Но тема бога раскрывается все же у них по-разному. Державин славит божество,

¹⁷ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957, с. 114.

сотворившее мир, поражается необъемлемостью субстанции бога, Радищева же привлекает сам акт творения, всемогущество творящей мысли. У первого — лирическое воспевание сотворенного мира и человека в нем, у второго — эпическое описание творческого процесса, рождающего «жизнь, силу, вещество». Ода Державина (как и многочисленные подражания ей в литературе 1780-х гг.) вся написана ямбом; поэма Радищева демонстрировала, *«как можно писать не одними ямбами»*. Она и в этом плане (по форме) полемична, причем полемична не безадресно, а совершенно конкретно. Неприязненные отношения между Радищевым и Державиным зафиксированы свидетельствами современников. В общефилософском, социально-политическом, литературно-эстетическом плане эти отношения могут и должны стать темой специального исследования. В связи с этим и проблема творческой истории оды «Вольность», рассмотренная здесь в текстологическом аспекте, исчерпывающее освещение может получить лишь с учетом конкретных фактов историко-литературного развития, в «контексте» которых она возникла.

А. А. АЛЕКСЕЕВ

СТАРОЕ И НОВОЕ В ЯЗЫКЕ РАДИЩЕВА

Произведения Радищева заметно возвышаются надо всем, что было создано в России XVIII в., отличаясь ясностью и мощностью критической мысли, решительностью политического мировоззрения, безукоризненной нравственной позицией. Всего этого достаточно, чтобы обратить внимание на их язык, явившийся материальной основой большого духовного богатства. В частности, несомненно полезно будет рассмотреть, как и из чего складывался этот язык, в какой степени языковое развитие XVIII в. обеспечивало возможность успешного изложения содержания произведений Радищева, какие черты носило его языковое поваторство, короче говоря, что в его языке было новое и что старое. Настоящие заметки стремятся внести посильный вклад в изучение языка Радищева, прежде всего имея в виду названную задачу.

1. Отношение к иноязычным лексическим элементам характеризовалось у Радищева известным пуризмом. Новые заимствования из европейских языков у него немногочисленны и зачастую снабжены собственно русскими или славяно-русскими словами-аналогами, глоссами, словарными переводами. В «Путешествии» 75 гречизмов с 22 русскими дериватами, 73 латинизма с 15 производными, 35 галлицизмов с 10 производными, 29 германизмов с 8 производными, заимствования из других языков единичны.¹ Ср. примеры глосс: *амбицио* — *снискание, обхождение, любочестие*; *канал* — *водовод, река рукодельная*; *афеист* — *безбожник, вольнодумец*. Без соответствий остались слова *республика, цензура, ценсор*.² В трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии» заимствований гораздо больше, что связано с содержанием философского трактата. Так, без каких-либо соответствий встречаются слова *аллегория, анализис, гипотеза, машинально, организация, полип, призма, сплин, фибры, флогистон*,

¹ См.: *Литовченко Е. И.* Замены заимствованных слов в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: *Язык художественных произведений*. Омск, 1966, с. 87.

² Там же, с. 89—92.

хартя, элаборация (как кажется, единственное употребление на весь XVIII в.), *эфир, ферментация* и др.³ В переводе «Рассуждения» Мабли встречаем: *диверсия, контрибуция, нация, негоциация* и др., в «Письме о китайском торге» — *проблемма*. Отметим также причастия, образованные от заимствованных корней: *электризуем, минерализованный*. Такие образования не получали одобрения в «Грамматике» Ломоносова. Любопытны глоссы в рассуждении «О человеке...»: *единословие или монолог, кристаллизация или руденение, кристаллизация или стеклование, сила или энергия*. К слову образование дается иноязычное соответствие, проясняющее его семантику, — *modification*. Ср. глоссы в «Житии Ф. В. Ушакова»: *порошинка* (атом), *экзамен, или испытание о приобретениях наших в учении*.⁴

Среди иноязычно-русских соответствий отметим употребленное в переводе Мабли слово *перемена* как перевод франц. *revolution* в его социальном применении, употребление это повторяется и в «Путешествии»: «Книгопечатание, до перемены 1789 года, во Франции последовавшей». Необычным кажется перевод политического термина в следующей фразе «Размышления» Мабли: «Различие введенное градоначальством (*monarchie*) между гражданами исчезло; не было уже более благородных преимуществами гордящихся; и общее народа собрание имело в каждом городе верховную власть». Обычное французское соответствие для слова *градоначальство* было *magistrature*.

2. Все, что связано в «Путешествии» с просторечной и народной лексикой в языке персонажей, а также и в авторском повествовании, заслуживало большей частью похвалы, хотя и не часто привлекало к себе внимание исследователей. В содержательной статье В. Н. Айдаровой⁵ выделены следующие разряды народных и просторечных языковых элементов «Путешествия»: лексические просторечия (*отбойрил, подцепил, призарился*), многократные формы глаголов (*бывали, прохаживал, говаривала*), уменьшительные суффиксы (*нянюшка, годок, паренек*), использование притяжательных прилагательных (*женын, женихов*),

³ Очевидно, пуризм «Путешествия» имеет в основе определенные представления о художественности. Тредиаковский, первым из русских авторов, сформулировал этот принцип: «Сверх того, я смею изнестъ, что почитай ни одного от меня в сего Автора токмо переводе не употреблено чужеземнаго слова, сколькоб которыя у нас ныне в употреблении ни-были; но все возможные изобразил нарочно, кроме митологических, славенно-российскими речами: ибо род и важность повести сея того требует» (см.: Барклай Дж. Аргенида, т. I. СПб., с. 61, предисловие).

⁴ Последний случай представляет, возможно, образец сентименталистского перифраза, вообще нечастый у Радищева. Ср. там же: *светило дневное; зрел он отроковицу почти, сидящую подле одра его, тщательно отгоняющую крылатых насекомых (мух, — А. А.) с лица его*. В «Ангеле тьмы»: *шаровидный чугуун (пупечное ядро), громоражающее смешение (взрыв, выстрел)*.

⁵ Айдарова В. Н. Элементы народной речи в «Путешествии» А. Н. Радищева. — Труды Сталинир. пед. ин-та, 1952, т. 1, с. 160—168.

выражения с грубоватой экспрессией (*нагрел бы тебе шею*). Кроме того, отмечены случаи народной фразеологии в авторской речи (*куда глаза глядят, пялить глаза*).⁶

По мнению А. Скафтымова, однако, крестьянская речь в «Путешествии» «всегда мало удачна». В ней слышится и «пасторальная подслащенность», и «искусственность, надуманность, фальшивого просторечия», и «диссонансы искусственных вторжений песенной интонации в общий разговорный тон», и, наконец, «явная, откровенная литературность: славянизмы, запутанность синтаксиса, закругленность, законченность фразеологии».⁷ Здесь, как это ни странно, делается оценка языка персонажей едва ли не применительно к позициям натуральной школы. Между тем опыты Радищева следовали по времени за непоследовательными и натуралистическими приемами комедиографии 60—70-х гг.,⁸ держась в русле умеренных и со вкусом выполненных стилизаций Фонвизина.⁹ Впрочем, народным языком у Радищева впервые говорят не отрицательные персонажи, а герои, выводимые с очевидной симпатией, так что народная речь уже ни в коей мере не служит комическим эффектам, но выражает существенное жизненное содержание.

Подмеченные А. Скафтымовым стилистические приемы пасторального, народно-песенного, возвышенно славянского характера, служащие созданию языка крестьянских персонажей, нужно интерпретировать как проявление осознанной художественности. Пасторальный оттенок лежит на речи Анюты («Едрова»), народно-песенный встречаем в сцене рекрутского набора («Городня»), возвышенно славянский — там же, в скорбных словах прощающейся с сыном матери, — все это представляется чрезвы-

⁶ Пользоваться морфологическим критерием необходимо с большой осторожностью. Действительно, суффиксы уменьшительности зачастую оценивались в Словаре Академии российской (далее сокращенно: САР) как носители сниженной стилистики, однако составители словаря не дают указаний на стилистическую сниженность многократных глаголов (см.: *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии российской». — В кн.: *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. т. I. М., 1949, с. 121—127).

⁷ *Скафтымов А.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 93—94.

⁸ «Авторы, пытавшиеся передать язык крестьян, не имели точных представлений об особенностях какого-либо определенного говора, но „создавали“ условный „крестьянский“ язык, механически соединяя все, что им было известно об отличиях языка деревни от литературной или, по крайней мере, от городской нормы» (*Берков П. Н.* О языке русской комедии XVIII века. — Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1949, т. 8, с. 43).

⁹ Основным средством в характеристике народного языка персонажей у Фонвизина выступал «народно-идиоматический строй речи, основанный не на диалекте, а на общенародном языке: пословицы, поговорки, идиоматические выражения, народные обращения, междометия, ласкательные народные формы, бытовая лексика, народная семантика, уменьшительные суффиксы и, наконец, с чувством меры употребляемая просторечная и областная лексика» (*Гномон-Дзюбанова Н. М.* Стилистическое использование областной и простонародной лексики в русских комедиях второй половины XVIII века. — Научн. зап. Нежинского гос. пед. ин-та, 1958, т. 19, с. 11).

чайно уместным с художественной точки зрения, хотя и не отвечает требованиям литературного реализма. Важно отметить, что в этих сценах Радищев обращается к языку фольклора, а не к народному просторечию, и это можно связывать с предромантической ориентацией Радищева-художника.

Наконец, в тех сатирических сценах «Путешествия», где используются элементы народного просторечия и содержанием которых является, так сказать, «пошлость жизни», мы не встречаем в речи персонажей дополнительных обертонов, здесь сильнее всего чисто бытовые характеристики. Как раз эти сцены А. Скафтымов назвал в качестве исключения удачными: речь Карпа Дементьича («Новгород»), диалог о женитьбе Дурындина («Зайцово»), рассказ о наместнике, любителе устриц («Спасская Полесь»).

В других произведениях Радищева просторечные элементы единичны.

3. Вопрос о языковых новшествах того или иного автора относится к числу наиболее трудных, потому что требует особо твердой опоры на материал. Отмеченные в свое время в качестве новых общественно-политические употребления слов *гражданин*, *общество* и подобных¹⁰ являются неверными, поскольку сделаны на основе сравнения лишь с САР, с его консервативными установками. К несомненным семантическим инновациям Радищева относится первое социологически обоснованное употребление слова *сословие* (III, 167, 174), одно из первых употреблений слова *личность* в значении «индивидуум» (II, 95, 110). Ср. также варианты *единственник*, *особенник*, неоднократно употребленные Радищевым для передачи того же понятия. Знакомство с учением физиократов позволило Радищеву впервые употребить слово *производитель* в современном политико-экономическом смысле («Письмо о китайском торге»). Ср. также в этом «Письме»: *употребитель* (потребитель), *продаватель*, *прибавочная цена*, *прирастающая цена* (прибавочная стоимость), *транзитный торг*, *проходной торг*. Из других любопытных новшеств Радищева укажем: *исполненные шаги*, *гордианский узел*, *развержение* (развитие), *постепенность* (франц. *gradation*), *отвлеченное понятие*,¹¹ *сила средодалящая* (центробежная сила).

Впервые с достаточным основанием вопрос о лексических новшествах Радищева поставила Е. И. Литовченко на ограниченном материале композитов «Путешествия», где их насчитывается

¹⁰ Шведова Ю. И. Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 2. М., 1951. Ср.: Василевская Е. А. О языке и стиле писателя. М., 1968, с. 24—25. То же самое можно сказать о лексических параллелях в статье Л. Ю. Максимова «Славянизмы в языке „Путешествия из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева» (Рус. яз. в школе, 1969, № 6).

¹¹ У В. В. Веселитского (Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII—начала XIX в. М., 1972, с. 171) темная ссылка на более раннее употребление этого выражения.

около 400. Среди этого числа композитов много новых слов, где преобладают модели со второй частью *-видный, -образный, -подобный* (*зерцаловидный, кругообразный, смертоподобный*).¹² В «Путешествии» было отмечено также обилие отвлеченных существительных на *-ние*: *возседение, зыбление, кривление, шумление*.¹³ Известно, впрочем, что наибольшее число неологизмов в XVIII в. давали существительные на *-ость*;¹⁴ у Радищева таких около 450, и из них почти 80 слов не отмечено другими источниками эпохи раньше соответствующих употреблений Радищева.¹⁵ Приведем полностью список этих неологизмов Радищева:¹⁶

безвещественность, бездеятельность, беззачитность, безвредность (ВЛ), бесправильность (ВЛ), беспредельность, бессуществование, бестелесность души («О человеке...»), употреблено также Карамзиным в «Письмах русского путешественника»), бесхитрность, благонамеренность («Беседа о том что есть сын отечества»), быстротечность, возвышенность (холм, гора), вьемлемость, гладкость (ВЛ), громоносность, девственность (ср. широко употреблявшееся *девство*), достаточность, единозвучность, завистливость, загрубелость, звучность (Нрд.), краснота (ВЛ), летучесть, малоизвестность, малоопытность, могущественность, мощность (правомочность), мысленность («О человеке...»), одновременно в «Московском журнале» за 1792 г.), нагость, надутость (ср. *надутливость, надутость*, употребляемые в 90-е гг. взамен старого *надменность*), нахмуренность, необыкновенность (у Радищева в современном значении, в течение XVIII в. употреблялось со значением «отсутствие навыка, привычки к чему-л.»), неосвяза-

¹² Литовченко Е. И. Сложные слова в «Путешествии» А. Н. Радищева. — Учен. зап. Омск. гос. пед. ин-та, 1967, вып. 29, с. 82—93.

¹³ Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959, с. 159.

¹⁴ Мальцева И. М. Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 263, 283.

¹⁵ В «Материалах» Срезневского существительных на *-ость* немногим более сотни (см.: Indeks a tergo do materialow do slownika I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, s. 294—292). В САР таких образований около 1000 (см.: Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке. — В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, с. 128). Впрочем, нужно иметь в виду, что «в словарях XVIII—первой половины XIX в. наблюдается стремление представить полностью словообразовательное гнездо слов. Благодаря легкости образования слов на *-ость* они приводятся в словарях подчас и в тех случаях, когда это не соответствует реальному употреблению или даже вообще наличию слов в языке данного времени» (Веселовский В. В. Отвлеченная лексика..., с. 81). Учитывая это, мы включаем в наш список и те слова, которые встретились в одном (но не более) из словарей XVIII в. При обозначении словарей мы используем следующие сокращения: ЛП — Лексикон трехязычный Ф. Поликарпова. М., 1703; ВЛ — Вейсманнов лексикон 1731 г.; ЛВ — Новой лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках С. Волчкова. СПб., 1755; ПК — Н. Курганов. Письмовник. СПб., 1790 (Словарь); Нрд. — Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. И. Нордстетом. СПб., 1780—1782.

¹⁶ Сопоставление проводилось по Картотеке Словаря русского языка XVIII в. (ЛЮ Института языкознания АН СССР). Картотека насчитывает около 2 млн выборок из двух с лишним тысяч источников XVIII в. Наши данные также согласованы с материалами книги: Мальцева И. М., Моложков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.

тельность, непреложность, неприязненность, непроницательность (ЖВ), неразделимость (Нрд.), неразрушимость, нерешительность, неробость, несвойственность, несообразность (*несообразный* встречается лишь в 1796 г. у Полятковского), нетвердость (ЖП), нетрепетность, оберегательность, осязательность, отраженность, первобытность, плавность, плодоносность, повсеместность, подножность, подражательность, последственность, постепенность («О человеке...», одновременно у Карамзина), посредственность (ВЛ), прелестность, присносущность (ЖП), притяжательность, работливость, разделимость, раздраженность, раздражительность, раздумчивость, распускость (обычный вариант *распускость* «распущенность»), расширенность, скардность (Русско-голландский лексикон 1717 г.), смертоносность, смрадность (ЖП), смутность (смута, волнение, мятеж), содрогательность (ср. в «Тилемахиде», т. I, с. 119 — *содрогательство*), соединенность, сожалительность, соседственность, тяжественность, убедительность, уравниность, утлость.

Как видно, в этом списке среди слов, вызванных к жизни лишь затем, чтобы выразить ту или иную мысль и исчезнуть, так называемых окказионализмов, есть слова, получившие долгую и богатую историю. Обилие образований на -ость связано с отвлеченно-интеллектуальным содержанием сочинений Радищева, особенно богато ими рассуждение «О человеке...».¹⁷

Вообще неология была в духе эпохи, в книжном языке того времени «развертывается словотворческое экспериментаторство, нередко безудержная страсть к неологии как по живым и активным словообразовательным моделям, так и по архаизированным типам словообразования».¹⁸ Неологизмы были у каждого писателя, так что возникла парадоксальная ситуация, когда стремление к новшеству, творение новшеств стало обычаем, рутинной.

Модель на -ость принадлежала в XVIII в. к активным словообразовательным моделям. Среди неологизмов-композигов, по наблюдениям В. В. Виноградова,¹⁹ у Радищева есть слова, созданные по немецким образцам: *самонедоверие*, *самоодобрение*,²⁰ *бредоумствование*, *времяточие*,²¹ *глазоврачеватель*,²² *чиносостоя-*

¹⁷ Ср.: «...мысленность человеку сосущественна <...> она его составляет особенность <...> склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности принятые, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою *расширенность*, становятся добродетели или пороки <...> Поелику в силах душевных является *беспредельность*, и *ограниченность* ее происходит от ее *телесности*, то, отрешенная от нее, она в *деятельности* своей будет свободнее» (II, 136).

¹⁸ Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. — В кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966, с. 22.

¹⁹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 146.

²⁰ В. В. Виноградов приводит примеры только из «Путешествия». В других сочинениях Радищева встречается также *самолюбление*, *самоневедение*, *саморастление*, *самоплодороднейший*.

²¹ Другие подобные неологизмы: *телосмертие*, *умообразие*, *духокружие* (атмосфера).

²² Ср. также *скотоводитель*. Впрочем, и *скотовод*, *скотоводный* впервые встречаются у Радищева («Повесть о приобретении Сибири»). *Скотоводец* употреблено в «Тилемахиде», *скотоводство* — в «Ежемесячных сочинениях за 1755 г.», *скотоводственный* — у С. Десницкого.

ние.²³ В ряду неологизмов-композигов, приведенных Е. И. Литовченко по материалам «Путешествия», много таких, которые с очевидностью принадлежат церковнославянской языковой традиции. Ср.: *единожитие* (ср. *общежитие*, *общежительство*), *любомищение*, *ужасноносный*, *всезиждущий*, *стоглазый* и т. д.²⁴ Ср. также неологизм *ядодатель* (II, 318), появившийся как соответствие франц. *empoisonneur*. Богатая традиция образования сложных слов в церковнославянском и русском языках могла и независимо от немецкого влияния порождать в изобилии неологизмы.

Славянские истоки радищевской неологии настолько глубоки, что иные его неологизмы почти не отличимы от старых церковнославянских слов, можно сказать, они замаскированы под церковнославянизмы, так что обнаруживаются с большим трудом. Ср.: *удручитель* (I, 174; II, 309 — соответствие франц. *opresseur*), *утщегитя* (I, 96; III, 150, «станет тщетным»), *утщегинилися* (I, 312), *сочетование* (I, 350).²⁵ В «Путешествии» встречаются также: *уподоблю* (изложу подробно), *неуподобительный*, *лелеятель*, *распламеняя*, *ползущество*, *последственницы*.²⁶ Ср. также в других произведениях: *обезмужал* (лишился мужества), *обезмужение* (лишение мужества), *зыбление*, *ознамениться*, *удомовить* («человек удомовил миролюбивых зверей» — II, 64), *зима обвеснования*, *хища* (франц. *proie*) и др.

Таким образом, изучение неологизмов Радищева приводит нас к необходимости оценивать глубину и непосредственность его связей с традицией. Отсюда рождается вывод о том, что его новое стояло на твердом основании (фундаменте) старого.

4. В творчестве зрелого Радищева (имеется в виду прежде всего «Путешествие») бросается в глаза обилие архаических и церковнославянских элементов. Мнения о том, что язык Радищева есть самая слабая сторона его книги²⁷ или что этот язык лежит в стороне от основного пути развития русского литературного

²³ Это слово, обозначающее понятие о сословии, встречается, однако, раньше у И. Болтина (Примечания на историю Леклерка, т. II. СПб., 1788, с. 208, 243). Это сочинение могло быть известно Радищеву. Ср. также *чиноначальство* как обозначение сословия (*Десницкий С. Юридическое рассуждение*. М., 1781, с. 19). Каков мог быть в том и другом случае немецкий образец? К неологизмам Радищева относит *чиносостояние* и Е. И. Литовченко (*Сложные слова...*, с. 82). В статье С. Ф. Елеонского (*Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия»*. — В кн.: XVIII век, сб. 3. Л., 1956, с. 341) дается неправильно: *чиносостояние*.

²⁴ Литовченко Е. И. *Сложные слова...*, с. 82—85. Кстати заметим, что *законоучение* впервые встречается не у Радищева, а в «Разговоре о пользе наук и училищ» Татищева.

²⁵ В церковных книгах встречаются лишь глаголы *удручати*, *тщегити*, *сочетовати*, *сочетоватися*. Напи суждения основаны на «Материалах» Срезневского и «Церковном словаре» П. Алексева (изд. 4-е. СПб., 1817—1819). Далее сокращенно: Срезн., ЦС.

²⁶ Данные С. Ф. Елеонского (*Из наблюдений над языком и стилем «Путешествия»*, с. 341).

²⁷ См.: *Благой Д.* История русской литературы XVIII в. М., 1946, с. 366.

языка,²⁸ основаны именно на этом его свойстве. Подробные перечни архаических элементов «Путешествия» дают авторы общих обзоров и частных исследований. Те же типы многочисленных архаизмов находим и в других сочинениях зрелого Радищева. Ср. в рассуждении «О человеке...»: *недействующай, возмогаяй, телес* (род. мн.), *соглядай* (повел. накл.), *силе творчей* (дат. пад.), *обращаем, лествица, наченшееся развержение, мрачнотихое мщение, лакомство* (алчность, зверство) и т. п. Ср. энергичныеороты «Жития Ф. В. Ушакова»: *поженут тебя, да оставишь ристание им свободно; благорасположенная душа его отметала мздоимство; да не дерзнет никто совреци покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем, и умрет в семени до рождения своего*. Библейские реминисценции находим в оде «Вольность»: *злачная долина, крин цветущий, жертва лжива не курится, злато богом признан, плод кровавым трудом достает, сень оливковая, вдовица и сира, злябь разверстая* и пр.²⁹ Надо заметить при этом, что прямых цитат из священных книг в произведениях Радищева не обнаруживается.

Использование церковнославянских ресурсов не было вполне индивидуальной чертой языка Радищева. Как показал В. Д. Левин, смелое обращение к церковнославянизмам было совершено в переводах сочинений нравственного и религиозного содержания Фонвизина, в творениях Хераскова, у многих других писателей и переводчиков последней трети XVIII в.³⁰ Обращает, однако, на себя внимание то, что целый ряд церковнославянских слов встречается только у Радищева и ни у кого из современников. Ср. следующие примеры:

ВАРЯТИ (II, 94) — Мф. XXI, 34; XIV, 22; Мр. VI, 45; в САР с пометой «славянское».

НЕЧИСЛЕННЫЙ (I, 390; II, 42) — ЦС: «Нечислен, неизчетный, безчисленный. Пролог июл. 12».

ОБЩНИК (I, 312; II, 93: оранианские общники, т. е. партия принца Оранского) — I Коринф. X, 18. ЦС отсылает к 3 части Православного исповедания веры.

ОТИШЬЕ. 1. *Гавань* (I, 284) — Срезн. указывает Изборник 1076 г., Минею 1096 г., Лаврентьевскую летопись;³¹ в САР с пометой «славянское». 2. *Тишина, успокоение* (II, 167). — Срезн. отмечает употребления Гр. Навианзина, Супрасльской рукописи. Ср. у Тредиаковского «стать отишно» (Езда в остров любви. СПб., 1730, с. 205).

СОИТИЕ (I, 191, 354; II, 41, 158) — ЦС: «Соитие, сонмище, или по просту сходбище. Деян. XXIV», «Соитие, совокупление супружеское. Требник, Номоканон». Срезн. цитирует из Юрьевского ев. 1189 г.: «преже даже не съидостася, обрете ся имоуци во чреве» Мф. I, 18.

²⁸ См.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории..., с. 147; История русской литературы, т. 4. М.—Л., 1947, с. 549.

²⁹ *Лехтблау Л. В.* Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. — В кн.: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.—Л., 1940, с. 238.

³⁰ *Левин В. Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. (Лексика). М., 1964, с. 20—91.

³¹ Ср.: *Лотман Ю. М.* Радищев — читатель летописи. — Учен. зап. Тартуск. ун-та, 1965, вып. 187, с. 213—234.

ШЕСТВЕННИК (I, 291) — ЦС: «Шественик, путешественник, странник. Минся месяч., авг. 25». **ШЕСТВЕННЫЙ** (I, 235) — ЦС отсылает к «Соборнику».

Аналогичный комментарий можно дать словам *возгнеждати, ключимый, привитать, угобжатися* и др.

Следует отметить также случаи выдержанной церковнославянской семантики тогда, когда слово в господствующем употреблении получало иное значение.

ОГОРЧАТИ *стать горьким*: «Глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости» (I, 290) — ЦС: «Огорчати, огорчевати, *стать горьким*». В XVIII в. слово употреблялось исключительно в переносном значении «опечалить».

УЧРЕДИТЕЛЬ. Только у Радищева встречается *учредитель веселый* (I, 252), *учредитель веселостей* (I, 254). Эти выражения находятся в прямой связи с употреблением церковнославянских текстов. ЦС: «Учреждати — угостить, Деян. X и XXVIII. Учреждение — пир, обед, угощение, Быт. XXI, 8. Учреждатися — угощаему быть кем, Гр. Назианзин», аналогично у Срезн. *Веселие* и *веселость* обозначают у Радищева пиршество. В употреблении XVIII в. слово *учредитель* отрывается от церковнославянской семантики и поэтою входит в такие сочетания, как *учредитель законов* (Ф. Эмин), *учредитель супружества* (Десницкий), *учредитель ордена, учредитель мажонства* (Карамзин). Впрочем, ср. у Радищева *учредитель плавания, учредитель инквизиции*.

5. Если приведенный перечень церковнославянизмов показывает, насколько хорошо усвоил Радищев завет Ломоносова о пользе книг церковных, то имеются достаточные основания считать, что с Тредиаковским, своего рода антиподом Ломоносова в области языковых вкусов и языковой политики, у Радищева также были весьма тесные связи. Среди употребленных Радищевым слов на *-ость* есть ряд таких, какие на протяжении столетия встречаются лишь у Тредиаковского.

ВНЕШНОСТЬ (человека): II, 48, 238 — «Тилемахида». Первое употребление Радищева в переводе Мабли на 15 лет раньше употребления Карамзина в переводе «Деревенских вечеров» и регистрации слова в САР.

ИСТИННОСТЬ: II, 103, 106, 126 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II. СПб., 1752, с. 258. Нужно отметить, однако, наличие слова в «Примечаниях к Ведомостям» (1741, с. 251),³² а также в ПР, которые все же с гораздо меньшей вероятностью можно признать источниками радищевского заимствования. В 1803 г. слово встречается в «Московском Меркурии».

НАКЛОННОСТЬ: I, 222, 284; III, 263 — «Тилемахида»; отмечено также ВЛ. Значение — «склонность, симпатия»; в значении «наклонная плоскость» встречается у многих авторов.

НЕГЛАДКОСТЬ: I, 7 («в первой песни найдутся негладкости»), 354 («в негладкости стиха») — Тредиаков. Соч. и переводы, т. I, с. 26 («негладкость в стихах»). Показательно совпадение контекстов.

НЕНАСЫТНОСТЬ: I, 385 — «Аргенида». В 1803 г. употребил Шаликов в «Московском Меркурии».

НЕПОСПЕШНОСТЬ: III, 330 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II, с. 278.

СЛОВЕСНОСТЬ (*красноречие*): I, 342, 388, 391, 392, 396 — Тредиаков. Соч. и переводы, т. II, с. 13; Тилемахида. СПб., 1766, т. I, с. XXXVII, LIII.

³² Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования. . ., с. 315.

Ср. также ЛП: «Словесность, ἐλλογιμότης, εὐλογητεία, eloquentia». У слова имеются еще два значения: «дар речи» (употребления у Державина) и «литература, письменность» (употребления, начиная с Карамзина).³³

СОВЕРШЕННОСТЬ: I, 200 — «Бзда в остров любви». Ср. *совершенство*, употребляемое широко разными авторами эпохи.

СОМНИТЕЛЬНОСТЬ: I, 374 — «Сокращение философии канцлера Бакона». СПб., 1760 (перевод Тредиаковского). Слово отмечено также словарем Нордстета.

СООБРАЗНОСТЬ: III, 41 — «Тилемахида». Ср. также приведенный радищевский неологизм *несообразность*.

УМСТВЕННОСТЬ: II, 63 — «Тилемахида».

Хотя убедительность этих сопоставлений несколько ослабляется той легкостью, с какой возникали существительные на *-ость*, ни с одним другим автором у Радищева нет такого числа совпадений, не повторенных каким-либо третьим автором. Ср. также редкое прилагательное *присносущий*, идущее от Послания к Римлянам, употребленное лишь Тредиаковским в «Тилемахиде» (т. I, с. 20 — «присносущий свет») и неоднократно Радищевым (I, 28, 205; II, 75, 105). Заслуживает внимания и то, что слово *энергия*, встречающееся в рассуждении «О человеке...», было употреблено только Тредиаковским (Соч., т. I, с. 17, 18). То, что Радищев читал и понимал Тредиаковского, видно достаточно хорошо из его «Памятника дактилохорейческому витязю»; приведенные лексические совпадения показывают, что Радищев и учился кое-чему у Тредиаковского. Следовательно, можно полагать, что далеко не случайным было совпадение определенных стилистических принципов у того и другого автора, выражавшееся прежде всего в том, что оба они не стремились избегать столкновения в одном контексте разногенетических или стилистически противоречивых языковых элементов.³⁴ Здесь-то и расположен тот пункт, где расходились пути Радищева и других архаизаторов, о которых говорит В. Д. Левин. Учение Ломоносова о трех штилях предлагало использовать в рамках одного произведения лексические средства одного стилистического уровня. Фонвизин, Херасков и др., выйдя

³³ Примеры на употребление второго и третьего значений приводит В. В. Веселитский (Отвлеченная лексика..., с. 221—222).

³⁴ «Церковнославянизмы в языке Радищева непринужденно, без всяких стилистических мотивировок и маскировок, помещаются рядом с разговорными русизмами и смешиваются с формами живой устной речи образованного общества, с выражениями простонародного языка и крестьянского фольклора» (Виноградов В. В. Очерки..., с. 146). Ср. из употреблений Тредиаковского в его переводе «Римской истории» Ш. Роллена (т. 1—16, СПб., 1761—1767): «Пониллий отнес Голову и обе Руки Цицероновы к Сулпостату его (Марку Антонию, — А. А.), который не убоился насыщать свои зенки (франц. les yeux) толь ужасным зрелищем» (т. 15, с. 77); «кулаком ударил одного из них в рыло (франц. la bouche)» (т. 14, с. 149); «Кассий разсердился очень на него, и ударил его в рожу (франц. le visage) Кулаком» (т. 14, с. 229); «Итак, Римляне начинают дело пырянием (франц. pousser) Дротиков в рожу (франц. contre le visage) Галлам» (т. 4, с. 150). Эти стилистические столкновения навлекали на Тредиаковского упреки в вульгарности.

за пределы традиционных жанров классицизма, в общем и целом придерживались этого принципа, остановив свой выбор на самом важном слого — высоком. Напротив, Радищев смешал в составе одного произведения разные стилистические пласты лексики, особенно наглядно это обнаруживается в «Путешествии», где соседствуют сцены простонародной болтовни и высокой славянской патетики. Своей колоссальной амплитудой стилистических колебаний «Путешествие» наметило обширную область, внутри которой разместилось реальное множество текстов того и последующего времени. Различие же между стилистическими установками Тредиаковского и Радищева заключалось в том, что первый, сталкивая в одном контексте разнородные слова, стремился привести их к нейтрализации, второй — создать контекст большой стилистической емкости (он действовал в условиях теории трех штилей, игнорировать которую было нельзя).

6. То, что церковнославянские языковые средства связались у Радищева в «Путешествии» с выражением высокой гражданской тематики, было замечено давно. Неслучайность этой связи в свое время подчеркнул Л. Б. Лехтблау, проведя типологически близкую параллель с языком английской буржуазной революции 1640—1660 гг., а также указав на известную англоманию Радищева и особенно увлечение Мильтоном.³⁵ Как известно, литературной данью Мильтону был отрывок «Ангел тьмы», язык которого предельно славянизирован.

Различая «библейский пыл» и «ораторский пафос», источником последнего Л. Б. Лехтблау называет Руссо, одного из самых выдающихся мастеров «письменного красноречия». Национальная форма для выражения этих литературных принципов была найдена Радищевым в традиции Ломоносова: «Славно-риторическая концепция Ломоносова была для Радищева своего рода живой отечественной параллелью к воспринятому им ораторскому пафосу Руссо и руссоистов», и далее: «Учение о трех штилях Ломоносова, поддерживавшее авторитет церковнославянского языка, несомненно сближалось Радищевым с стилевыми традициями пуританской литературы».³⁶

Приняв во внимание развитие отечественной ораторской традиции, можно внести уточнение в эту концепцию Л. Б. Лехтблау. Как известно, церковная проповедь получила в начале XVIII в. широкое применение и развитии в практике Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, некоторых других, но особенно Феофана Прокоповича. В неблагоприятное для русской церкви царствова-

³⁵ Лехтблау Л. Б. Стиль «Путешествия...», с. 236.

³⁶ Там же, с. 231, 234—5, 239. Эти суждения дополняет мнение Г. А. Гуковского о том, что церковнославянский язык во второй половине XVIII в. был больше связан с демократическими слоями населения, поскольку они сохраняли большую верность культурной старине (Гуковский Г. А. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 188—190).

ние Анны Ивановны проповеди прекратились, но зато возобновились с особой силой с воцарением Елизаветы Петровны. В пастырских словах Дмитрия Сеченова, Маркелла Родышевского, Кирилла Флоринского и других вновь были использованы яркие и выразительные приемы Феофана Прокоповича. Ораторские опыты Ломоносова перенесли эту традицию на светскую почву, где зародилось блестящее академическое красноречие. В 70—90-е гг. академическое красноречие было лучше всего представлено речами профессоров Московского университета.

Эти речи изучены до сих пор совершенно недостаточно в языковом отношении,³⁷ а между тем в них присутствуют знакомые нам уже по Радищеву приемы стилистического использования архаических и церковнославянских языковых элементов. Особенно насыщены архаикой вступления и заключительные части речей, обыкновенно посвященные событию, в честь которого происходило публичное университетское собрание (день рождения императрицы, день интронизации и т. п.), и представляющие собой образцы высокой славянской патетики.³⁸ Однако и в нарративных частях речей, предметом которых могли быть самые сухие и отвлеченные научные вопросы, зачастую встречаются всплески церковнославянской патетики.³⁹ Может быть, правда, что в отличие

³⁷ См. работу В. В. Веселитского «Речи профессоров Московского университета второй половины XVIII века как источник по истории русской научной и отвлеченной лексики» (Изв. Отд-ния лит. и яз. АН СССР, 1965, т. 24). В своих «Филологических разысканиях» (СПб., 1876, с. 69, 117—119) Я. Грот привел выписки из речей пяти профессоров, но лишь затем, чтобы противопоставить «запутанные и длинные периоды» «простоте русского синтаксиса» у Карамзина. «Грот мог бы, однако, заметить, что вообще язык научной прозы, как правило, отстает в изяществе выражения, и тем самым и в выборе слов и форм, от языка художественной прозы, — явление, которое имело место не только в эпоху Карамзина, но и в позднейшее время» (*Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1957, с. 200).

³⁸ Ограничимся небольшим числом примеров, хотя их легко умножить. *Аничков Дм.* Слово о разных причинах. . . М., 1774, с. 5—6: «И прикинул Господь сил и Отец щедрот с высоты Святаго селения Своего на твои прошения, и не презрил твоих воздыханий; посадил на престоле твоём Михаила младого, который разсыпанные члены собрав во едино, и дряхлеющую тебя, по причине многих неустройств, обновив яко орлю юность, от жестоких поражений и глубоких ран свободил и учинил невредиму». *Зыбелин С.* Слово о способе. . . М., 1780, с. 4: «Умиряй мир и советы твои подавай вселенной Россия, почерпающая из уст бессмертных славою твою Владычицы! успевай под ея премудрым царствованием, открывай всем благоденствие, благотворя всем, к прославлению твоему и совершению благополучия всего Человечества!».

³⁹ *Десницкий С.* Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества. М., 1775, с. 16: «... первоначальное народов гражданство есть пустыня общая со зверьми; сих ловитвою и былием самораждаемым питается дикий пустынножительный гражданин, вертеп его дом, и одеяние нешвенное из кожи зверския; наг он из утробы матерния исходит плотию, и при первом появлении во свет не меньше прочих животных и разумом облажен». *Зыбелин С.* Слово о сложениях тела человеческого. М., 1777, с. 34: «Представим себе человека во всем совершеннаго, одеяннаго велико-

от Радищева эти языковые элементы используются без достаточной стилистической мотивировки, но это уже дело писательского мастерства.

Связь университетских профессоров с церковнославянской патетической ораторской традицией осуществлялась не только в сфере языка, многие из них получили первоначальное духовное образование в семинариях и академии (Аничков, Барсов, Вениаминов, Десницкий, Зыбелин, Политковский). Некоторые из них еще до Радищева были первыми англоманами в России: Аничков изложил в своей диссертации 1769 г. основы пуританского деизма, Десницкий обучался в Англии и испытал на себе влияние экономического учения А. Смита.⁴⁰ Соучеником Десницкого в Глазго был И. Третьяков. Знакомство Радищева с речами московских профессоров не может вызывать сомнения.

Подводя итоги наблюдений, изложенных в настоящих заметках, можно сделать вывод о неразрывной связи языка Радищева с основными письменно-языковыми традициями XVIII в. В частности, эти связи выразились: 1) в прекрасном владении ресурсами церковнославянского языка, это владение было как бы своеобразным заветом века, выраженным устами Ломоносова; 2) в усвоении языкового наследия Тредиаковского; 3) в тенденции избегать лишних заимствований из современных европейских языков, эта тенденция так или иначе характеризовала всех русских писателей XVIII в.; 4) в усвоении фонвизинской «деликатности» в изображении народного языка; 5) в использовании стилистических приемов отечественной ораторской традиции. Усвоение это не было механическим, каждый раз на его основе возникали индивидуальные радищевские инновации.

Если новое в языке Радищева стояло на твердом основании старого, то старое наполнялось и жило новым. Независимо от того как звучит сегодня для нашего слуха нелегкий и непростой слог Радищева, несомненной является его высокая одухотворенность, обнаженность от банального, что находится в полном соответствии с содержанием радищевских сочинений.

лепно, украшенного всем, что есть драгоценно, обитающего в изобильном храме, где не водворятся ни глад, ни жажда, ни хлад, ни болезнь, насыщающегося всем вкусу прелестным, имеющего пред глазами все, что чувства восхищает». *Политковский Ф.* Слово о связи Истории Натуральной с Физикою. М., 1796, с. 21: «Ибо кроме нужды поддерживать свое тело пищею и питьем <...> должен еще (человек, — А. А.) охранять оное от наглости стихий, лютоги зверей, а иногда и от злобы себе подобных, устремляющихся на разрушение его состава телеснаго. Не снабденный от натуры одеждою, каковую все животные покрыты для отражения вредных действий зноя и хлада, должен сам изобретать оную».

⁴⁰ Как юрист Десницкий был несомненно известен Радищеву: в «Путешествии» (I, 259) содержится похвала Блэкстону, чье «Истолкование английских законов» Десницкий перевел в 1780 г. На это место в «Путешествии» обращает внимание В. П. Семенников в своей кн.: Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 360.

Нужно признать, однако, что тот литературно-письменный язык, который создал для себя и которым пользовался Радищев, носил характер условности⁴¹ в той степени, в какой опирался на мертвый культурный и священный церковнославянский язык (вследствие чего языковые идеалы Радищева должны были располагаться в прошлом),⁴² в той степени, в какой со страстью и эклектизмом коллекционера он сводил воедино все, чем украшено было языковое прошлое и настоящее отечественной культуры. Естественно, что рожденный таким образом язык не годился для того, чтобы послужить основой национальной культуры, способной объединить основную массу образованного населения разных сословий.

Задачей отбора необходимого из накопленного языкового материала занялся карамзинский «новый слог», что обеспечило ему победу в тот исторический период. Между тем Радищев, соединив в своей практике важнейшие письменно-языковые традиции, как бы подвел итог языковому развитию XVIII в. Как писатель и стилист он обратил взгляд в будущее, предложив содержательные мотивировки использования народных и церковнославянских языковых элементов.

⁴¹ Радищев употребляет членные причастные формы на *-ай, -яй* не только грамматически правильно при субъектах мужского рода единственного числа, но и при множественном числе и при женском роде (*цари седяй, стали творяй, вещественность недействуяй*). Точно так же употребление аориста (*собрашася, согреших, исполнися*) нельзя рассматривать для этого времени иначе, чем стилизацию. Особенно часты случаи предпочтения лексико-морфологических архаизмов среди параллельных образований (*ответствие при ответ*) (ср. подобные наблюдения Г. О. Винокура — «Избранные работы», с. 159).

⁴² Радищев «отчасти даже вопреки своей идеологической направленности в своем слогом культивирует не только отмирающее, но и уже определенно умершее» (*Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка*, т. 2. Киев, 1958, с. 64).

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РАДИЩЕВА
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Свои взгляды на развитие русского стиха и задачи русской поэзии Радищев сформулировал на трех страницах главы «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и уточнил их в трактате «Памятник дактилохореическому витязю» (ок. 1801). Следовал он им и в своей литературной практике.

Основные положения Радищева могут быть сведены к следующему: 1. В поэзии следует употреблять различные стихотворные размеры (кроме ямбов — хорей, дактиль, гекзаметр). Поэтому заслуживает внимания и опыт Тредиаковского в «Тилемахиде». 2. Такие различные размеры могут быть употребляемы и в одном стихотворном произведении (в том числе в эпической поэме). 3. Рифма для стиха сугубо не обязательна. Постоянное употребление ее есть лишь результат бездумного подражания французам.

Размышления о полном соответствии формы и содержания произведения приводят Радищева к некоторым важным и далеко идущим выводам. Не отрицая в принципе гладкости и гармонии как достоинств поэтического произведения, Радищев не считает их абсолютными. Стих может быть «тут и труден на изречение», если этого требуют художественные задачи.¹

Проповедуемый поэтикой классицизма принцип максимальной ясности, четкости изложения не является для Радищева безусловным. Стихотворца в главе «Тверь» обвиняют, что смысл в стихах оды «Вольность» неясен. Не вдаваясь в подробный анализ литературного и политического контекста этого места «Путешествия», отметим, что стихотворец, автор оды, не считает неясность препятствием к напечатанию «Вольности». Сам Радищев в своей поэтической практике наряду с прозрачными стихами, вроде «Сафических строф» или «Песни», создавал сложные философские про-

¹ См.: *Макогоненко Г. П.* Поэзия Александра Радищева. — В кн.: *Радищев А. Н.* Стихотворения. Л., 1953 (Б-ка поэта. Малая серия), с. 37—40; *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 326—327.

изведения («Осмнадцатое столетие», «Ода к другу моему»), проблематика которых выражалась в сложном, запутанном, намеренно затрудненном и затемненном стихе.

Продолжая и развивая некоторые положения Тредиаковского, имя которого часто встречается в размышлениях Радищева, автор «Путешествия» уже в 1780-х гг. сформулировал те идеи, актуальность которых стала очевидна лишь в начале следующего столетия, так как в это время начинается отход от карамзинской сентиментальной поэтической и, шире, вообще литературной системы. В истории искусства борьба с господствующими взглядами обычно ведет к обращению за помощью к устаревшим, в свое время отвергнутым или забытым системам. Происходит не воскрешение их, а использование каких-то фактов, явлений, мнений по-новому и в новых условиях. «Искусство живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига».² Такой контрастный сдвиг произошел в сознании некоторых литературных групп в 1800—1810-е гг.

Хотя книга Радищева была запрещена правительством, изъять ее из обращения так и не удалось, не удалось и вытравить из памяти современников и ближайших потомков облик оригинального мыслителя, прозаика и поэта. Отталкиваясь от карамзинских норм, литературные деятели обращались и к идеям, сформулированным Радищевым на полтора-два десятилетия раньше. Изучение литературной жизни 1800-х гг. показывает, что не столько политические, сколько именно литературные взгляды Радищева привлекали внимание определенных литературных кругов и живо в этих кругах воспринимались.

Настоящая работа и ставит своей целью показать взаимосвязи некоторых писателей и литературных групп этого периода с Радищевым.

Г. Радищев и Бобров

Говоря о роли литературных взглядов Радищева и его творчества в культурной жизни 1800—1810-х гг., прежде всего следует остановиться на отношениях Радищева и Боброва. Творчество Боброва для конца XVIII—начала XIX в. было важным и принципиальным явлением, не случайно вызвавшим в 1800-е гг. ожесточенную полемику.³ В то же время Бобров был единственным из современных писателей, которого Радищев оценивал безусловно

² Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969, с. 55.

³ Альтшуллер М. Г. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век, сб. 6. М.—Л., 1964.

положительно.⁴ Наконец, Радищев и Бобров были лично знакомы. Однако до сих пор этой теме уделялось лишь несколько страниц в работах, посвященных другим проблемам.⁵

Радищев был старше Боброва лет на 15. Они могли познакомиться в 1787 г., когда 24-летний Бобров был «определен в канцелярию Сената к герольдмейстерским делам» и переехал в Петербург,⁶ где примкнул к «Обществу Друзей словесных наук». Как установлено Д. С. Бабкиным, Общество было основано в 1784 г. М. И. Антоновским.⁷ Однако, судя по тому, что лишь в 1786 г. была составлена «Пояснительная записка», в которой вновь определялись права и обязанности членов Общества,⁸ можно полагать, что около этого времени оно и начало свою деятельность. В апреле 1785 г. Антоновский писал Державину, что Общество собирается «пуститья в свет со своими изданиями».⁹ Все это хорошо согласуется и с рассказом, и с биографией С. А. Тучкова, который в 1785 г. был принят в члены «Московского вольного российского собрания, пекущегося о распространении книг», и печатался в его журнале «Покоящийся трудолюбец», а затем, переехав в Петербург, стал членом «Общества Друзей словесных наук».¹⁰

Бобров, естественно, переселившись в Петербург, тоже примкнул к Обществу, глава которого М. И. Антоновский был в студенческие годы председателем московского «Общества университетских питомцев», членом которого Бобров являлся в пору своей учебы в Московском университете. Вполне вероятно, что и Радищев вступил в Общество в эти годы, когда оно набирало силу, и его знакомство с молодым поэтом могло состояться в 1787 г.

Бобров деятельно участвовал в журнале Общества «Беседующий гражданин», и в том же декабрьском номере за 1789 г., где помещена статья Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества», напечатано стихотворение Боброва «Ночное размышление».

В 1790 г. Радищев был арестован и сослан. В 1792 г., можно думать, в связи со злобными событиями начала 90-х гг. (процессы Радищева и Новикова, а Бобров был связан и лично знаком и с тем и с другим) покидает Петербург и Бобров.¹¹

⁴ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 322.

⁵ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 240. Наиболее полно вопрос об отношениях Радищева и Боброва в связи с поэмой «Бова» разработан в статье: Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В кн.: Радищев, Л., 1950, с. 171—173, 185—194. В дальнейшем: Алексеев М. П.

⁶ Поэты 1790—1810-х гг. Л., 1971 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 68.

⁷ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. М.—Л., 1966, с. 134 и сл.

⁸ Там же, с. 301—308.

⁹ Державин Г. Р. Соч., т. 5. СПб., 1876, с. 476.

¹⁰ Тучков С. А. Записки. СПб., 1908, с. 19—20.

¹¹ Альтшуллер М. Г. С. С. Бобров и русская поэзия..., с. 228—229.

В 1798 г. в Николаеве вышла поэма Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе, лирико-эпическое стихотворение». В это время Радищев жил в селе Немцово. Около 1799 г. он начал писать поэму «Бова», в первой песне которой дважды и панегирически упоминается Бобров. Учитывая, с каким опозданием до Радищева должно было прийти известие о книге, вышедшей в Николаеве, как сложно было эту книгу выписать (а уже в следующем, 1799, году он ее вспоминает), мы с достаточной долей вероятности можем предположить, что Бобров сам послал немцовскому пленнику свое сочинение.

В пользу нашего предположения говорят и следующие обстоятельства. М. П. Алексеев в работе о «Бове» отметил сходство стихотворения Боброва «Стансы на учреждение корабельных и штурманских училищ» (написано в 1798 г., опубликовано лишь в 1804 г.) со стихами Радищева во введении к «Бове».¹² Еще более важным является следующий факт. В «Бове» Радищева говорится, что могила Овидия находится в устье Дуная. Никаких сведений в печати по этому поводу к 1799 г. не появилось. Известное специалистам сообщение инженера Ф. П. Деволана вряд ли могло, как справедливо отмечает М. П. Алексеев, дойти до ссыльного Радищева. Вместе с тем в стихотворении Боброва «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз», написанном до 1800 г., вероятно, около 1798 г. (опубликовано в 1804 г.), тоже сказано, что могила Овидия расположена в устье Дуная. Есть здесь и другие сближения, тоже отмеченные М. П. Алексеевым.¹³

Можно думать, что эти совпадения не случайны. Представляется вероятным, что Бобров посылал Радищеву и свои еще не опубликованные произведения.

Не исключено, что перед самым отъездом из Немцова Радищев снова обратился мыслью к давнему знакомцу. Существует предположение В. П. Семенникова, что в «Памятнике дактилохорейческому витязю» под Б., выражающим в литературном споре точку зрения автора, следует разуть Боброва.¹⁴

Глубокий интерес Боброва к Радищеву понятен. Он полностью разделял отрицательное отношение Радищева к рифме. «Таврида» была написана белыми стихами, а в предисловии к ней автор писал, что «рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах».¹⁵ Близка была Боброву и радищевская идея выразительности в ущерб гармонии. Его стих действительно зачастую «туг и труден на изречение». И особенно важной была для Боброва мысль о затемненности, сложности поэтического текста. Именно за «темноту» всегда упрекали Боброва его многочисленные противники. В свою очередь понятны и восторженные от-

¹² Алексеев М. П., с. 191—192.

¹³ Там же, с. 170—173.

¹⁴ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. II, с. 395.

¹⁵ Бобров С. Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Николаев, 1798 (без пагинации).

звымы Радищева о поэте, в котором он мог видеть своего ученика.

В 1801 г. Радищев вернулся в Петербург. Около 1800 г. туда же возвратился и Бобров. Можно думать, что старые знакомые встретились, и не исключено, что взаимное общение сказалось на их произведениях, написанных в этот период.

Одним из самых замечательных стихотворений Радищева является «Осмнадцатое столетие», созданное, видимо, между 1799 и летом 1801 г. В нем подводятся итоги свершившегося в минувший век и намечается оценка грядущих событий. Ведущий его мотив — бесконечный поток времени, в котором исчезают люди, государства, века. Это представление характерно для преромантического, антипросветительского мышления. Для просветительской философии время было цикличным, а история могла двигаться по замкнутому кругу, возвращаясь, например, к античности как к некоему исходному идеальному началу. Категория времени, как форма движения истории, для просветительской мысли с ее антиисторизмом не являлась принципиальной в модели мироздания. У Радищева тема времени возникает только в разбираемом стихотворении, отражающем кризис просветительского мироощущения.

Уже в начале стихотворения автор изображает крушение корабля, «несущего надежды»: «Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый». Вряд ли здесь, как считает Г. П. Макогоненко, идет речь о политических событиях 1799 г. (политическая коалиция против Франции, походы Суворова).¹⁶ Эта строка скорее всего характеризует общий итог, результат XVIII столетия, самым значительным событием которого была Великая французская революция. Ее внутреннюю противоречивость: свобода и якобинская диктатура, мечты о счастье людей и террор, свержение монархии и консульство Наполеона — ощущали многие мыслящие люди эпохи, и многих французская революция поразила и оттолкнула жестоким якобинским террором.¹⁷ Ужасов террора, наполеоновской диктатуры не принял и Радищев.¹⁸ Для него XVIII век — кровавое столетие. Шесть раз упоминается слово *кровь*: кровавая струя, кровь в колыбели, омоченно в крови, струи кровавые, кровь на жертвеннике и утро столетия нова тоже кроваво. Кроме того, как мы видели, сокрушены основные ценности человеческого бытия: счастье, и добродетель, и вольность.

Справедливо называя просветительский XVIII в. столетием «мысли», автор в то же время подчеркивает и слабость просветительской идеологии: «... бешенство, ярость железной ногою <...>

¹⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 591. В дальнейшем: Макогоненко Г. П.

¹⁷ См.: Кочеткова Н. Д. А. Радищев. «Осмнадцатое столетие». — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 29.

¹⁸ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 259—260.

подавляют цветы счастья и мудрости в нас». Просвещение не сумело выполнить главной своей задачи: сделать человека разумным и потому справедливым и добродетельным: «... человек претворен в люта тигра еще».

В то же время, если прошедшее столетие не выполнило своей главной задачи, то все-таки его «мысль» сумела создать ряд безусловных практических ценностей. Торжество «мысли» показано Радищевым на ряде конкретных примеров: успехи астрономии, создание паровой машины, изобретение громоотвода, воздушного шара.

Однако вряд ли можно согласиться с Карякиным и Плимаком, которые, перефразируя Кондорса,¹⁹ пишут, что в стихотворении развертывается величественная «картина прогресса человеческого разума».²⁰ Радищев действительно противопоставляет хаосу, царящему в мире, Россию, во главе которой Екатерина и Петр, «вечности чада», но стихи о Петре и Екатерине и прославление «мыслей» находятся в середине стихотворения: перед ними говорится о противоречиях столетия, после них — о ярости, бешенстве, человеке — лютом тигре, кровавом утре нового столетия. Заканчиваются стихи похвалой Александру I как продолжателю деяний Петра и Екатерины. Г. П. Макогопенко показал, какие конкретные факты стоят за словами «Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона».²¹ Эта похвала молодому царю была преждевременной, и Радищев то ли не закончил стихотворения (оно обрывается красноречивым многоточием), то ли, разочаровавшись в царе, отказался от его публикации.²² Итоги XVIII в., таким образом, оказываются у Радищева достаточно пессимистическими, а прогнозы по поводу века наступающего, во всяком случае, достаточно неопределенными. Итог «осмнадцатого столетия» слишком суров и сложен, чтобы можно было, с точки зрения Радищева, строить оптимистические прогнозы для века девятнадцатого.

Тематически близки к стихотворению Радищева многочисленные оды на восшествие на престол в 1801 г. Александра I. Здесь иногда встречаются ассоциации воцарения Александра с наступлением нового века:

Любезный царь — счастливый век.²³

Иногда, очень редко, авторы этих од пытаются заодно охарактеризовать прошедшее столетие, воспринимаемое ими как век ужаса, принесенного революцией:

¹⁹ Ср.: Кондорса Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

²⁰ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль..., с. 259.

²¹ Макогопенко Г. П., с. 592—593.

²² Там же, с. 594—595.

²³ Михайлов Иван. Жертва искреннего усердия... Александру Павловичу... 1801 года, марта 12 дня. М., 1801, с. 4. См. также: Голенищев-Кутузов П. Ода... Александру Первому... М., 1801, с. 6 и др.

Сметенье царств, наук паденье,
И реки слез, и стон людей.²⁴

В том же тематическом ряду, что и «Осмнадцатое столетие», находится небольшое количество стихотворений, написанных на рубеже XVIII—XIX вв. Их авторы пытаются подводить некоторые итоги протекшего века, которые сводятся к повторению общих мест об ужасах революции, прославлению успехов русского оружия в последние годы столетия, восхвалению императора.²⁵

Просветительская философия со всеми ее противоречиями предстает в одном из таких стихотворений как идиллическая картина дружбы мудрецов и монархов,²⁶ а в другом шуточном стихотворении, написанном еще в 1791 г., великие свершения и открытия XVIII в. (Франклин, Кук, братья Монгольфье) упоминаются для того, чтобы приравнять к ним появление денежных переводов.²⁷

Среди этих стихов нет ни одного, приближающегося к радищевскому по глубине размышлений, остроте поставленных проблем, широте изображения. Исключение составляет небольшая, состоящая из четырех стихотворений сюита Боброва на тему смены одного столетия другим: «Столетняя песнь, или Торжество осьмогонадесять века России», «К новостолетию XIX», «Запрос новому веку», «Предчувственный отзыв века».²⁸ Стихи Боброва тоже построены на противопоставлении, но оппозиция здесь иная, чем у Радищева. Характеризуя рубеж XVIII—XIX вв., Бобров пишет:

Ужасны были непогоды
Средь царств и мира и природы.

Как явствует из последующего, «мир» означает у поэта человеческое общество, противопоставленное «природе». Начало XIX в., с точки зрения Боброва, таково:

... бурная вселенна,
Крамольной бранью возмущенна,
Ложилась в мирну сень уже,
Природа встала в мятеже.
Там бездны, преступя пределы,
Глотали целые уделы...

Вулкан из Этны выступает

и т. д.

²⁴ Измайлов Вл. Стихи ... Александру Первому. М., 1801, с. 6.

²⁵ См.: Долгорукий И. М. 1799 год. — В кн.: Долгорукий И. М. Бытие сердца моего. М., 1802, с. 256; [Аноним]. Осмнадцатый век. 1800 год. — Иппокрена, или Утехи любословия на 1800 год, ч. V, с. 3—8; Невзоров М. Богу благодарственная песнь России при наступлении нового столетия. — Там же, 1801, ч. VIII, с. 3—11.

²⁶ Станевич Е. Послание к*** (Белявскому). — Собр. соч. в стихах и прозе, кн. I. СПб., 1805, с. 147 и сл.

²⁷ Ф. [Дмитриев или Карамзин?] К текущему столетию. — Моск. журн., 1791, ч. 2, с. 218—220. Ср.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 395, 469.

²⁸ Поэты 1790—1810-х гг., с. 91—108.

Вывод из этих строк сделан в четком, ясно сформулированном противопоставлении:

В природе бунт — мир в мире дышит...

Строки о мире в Европе на рубеже двух столетий можно было написать только после Люневильского (февраль 1801 г.) или Амьенского (март 1802 г.) мира, когда на короткое время могло показаться, что европейские войны закончились. Извержения Этны происходили в 1799, 1800 и 1802 гг.²⁹ Таким образом, стихи могли быть написаны в 1801—1802 гг., т. е. одновременно с радищевскими или несколько позже.

Итоговые размышления Боброва к началу XIX в. достаточно оптимистичны:

...мир в мире дышит.

У Радищева по-другому:

Утро столетия нова кроваво еще нам явилось.

Какова же дальнейшая судьба наступающего столетия? Ответ-пророчество на этот вопрос содержится в стихотворении, которое так и называется «Предчувственный отзыв века». Для Радищева главное достижение XVIII столетия то, что оно «творец было мысли». Для Боброва эта просветительская точка зрения, не принятая целиком Радищевым, остается единственно верной. С прославления ума начинается стихотворение:

Ум человеческий не дремлет,
Мятеся, реет, мчится вдаль...
Ум самовластный, ум державный...

И далее Бобров говорит о тех достижениях человеческого разума, какие упоминал Радищев. Так, у Радищева рассказывается об успехах астрономии:

Ты (XVIII столетие, — М. А.) исчисляешь светила,
как пастырь играющих агнцев;

... ты новые солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас.

У Боброва:

...видит он (ум, — М. А.) миры незримы,
Взор бранный странствует отважно
По отдаленным высотам,
Существенны миры находит
В эфирных чуждых областях.

Примечание Боброва раскрывает конкретный смысл этих несколько туманных строк: «Гершелевы телескопы».

Радищев пишет об опытах братьев Монгольфье:

[Ты] на воздушных крылах смертных на небо взнесло.

²⁹ Ferrara Francesco. Descrizione dell'Etna con la storia delle eruzioni e il catalogo dei prodotti. Palermo, 1818, p. 138—140.

У Боброва:

Се начинает человек
В небесной высоте дышать!
Он зноем мразы пронизает,
Он в тверди климаты пронзает,
К колесам солнечным дерзает,
Под ним *Земля* — как муравейник.

К этим строчкам дается примечание: «Здесь предметом *воздушный шар*».

Радищев восхищен умением человека XVIII столетия предсказывать пути движения комет:

Нитью вождения вспять ты призываешь комет...

О том же говорит Бобров:

Блудящий пламенный мир некий...
Сойдет в сию долину неба
И сблизится тогда с землей.

И в примечании: «Давно пишут, что в 1835 году комета будет подходить близко к шару земному».

В перечислении успехов «Оснадцатого столетия» есть у Радищева строка:

Из океана возникли новы народы и земли.^{29а}

Вероятно, здесь имеются в виду географические открытия XVIII в. У Боброва мы найдем некоторые параллели радищевской строке. Он тоже рассказывает о покорении океана человеком. Имея в виду «пробочную фуфайку» (объяснено в примечании), Бобров пишет:

... *стопа* отважна ходит
По бурной зыби, как по суше,
Без крыл, без лодки, без *чуда*.

В то же время у Боброва глаз человека проникает и в глубь океана с помощью прибора, названного в примечании «пелагоскоп» (изобретенный англичанином Коллинзом инструмент для подводных наблюдений):

.. в пучину не вступая,
Пронзает страшну даль пучины...
Там слабо *око*, ополчаясь,
Сражается со глубиною.
И *пользою* (курсив мой, — М. А.) венчает подвиг.

Таким образом, у Боброва речь идет пока о материальной выгоде, пользе для человечества мысли, ума, расцвет которых падает на XVIII столетие. Радищев в своем стихотворении на этой точке зрения и остается, не строя оптимистических прогнозов, ибо мысль, облегчив бытие человека, только усугубила, по Ра-

^{29а} См. подробный комментарий В. А. Западова в кн.: *Радищев А. Н.* Стихотворения. Л., 1975 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 263—269.

дищеву, трагедию его духа. В размышлениях Радищева сказывается общий для начала XIX в. кризис просветительских идей в результате французской революции.

Точка зрения Боброва иная, и это начинает обнаруживаться после первых строф стихотворения «Предчувственный отзыв века». Радищев пишет:

Ноци глубокой из недр [возникли] новы металлы. . . —

т. е. «мысль», порождение XVIII столетия, помогла человеку в добыче из недр земли новых полезных ископаемых. В недрах земли Бобров видит не материальные ценности, а обветшавшие, но сохраняющие для людей свое значение плоды человеческой мысли: имея в виду археологические изыскания во время Египетской экспедиции Наполеона, Бобров пишет:

... силой чуждой
Возобновляется *Мемфис*
И манит в тьму своих развалин
Рыть некий драгоценный тлен,
Сокровище умов ветшало. . .

Дальше идеи Радищева и Боброва все более расходятся. В одной из строк Радищева возникает упоминание о Ньюtone. Речь идет о работах гениального англичанина в области изучения света (спектральный анализ, корпускулярная теория света и пр.):

Луч рассечен тобой (т. е. осмнадцатым столетием, — М. А.) света. . .

Для Боброва имя Ньютона становится одним из определяющих в концепции мира. На примере Ньютона Бобров стремится показать всеислие и всеобъемлющность человеческого разума. При этом от практической деятельности на пользу человечества Бобров обращается к возможности познания мира. Мысль велика не потому, что с ее помощью человек покоряет природу, а потому, что ею человек познает окружающий его микро- и макрокосм.

Мудрец не может ли достигнуть
До врат последних естества? —

задает Бобров риторический вопрос. Среди этих «последних врат» названы: судьба, пространство, долгота, движение, вес, мера, число, порядок, сила, красота и, наконец, духов различных жребий, т. е., иначе говоря, речь в этих стихах идет о принципиальной постижимости всех категорий объективного мира. Локковский сенсуализм торжествует здесь над иррационализмом масонского мышления, собственного поэту в молодые годы.

При этом Бобров подчеркивает невероятную сложность, трудность, даже опасность столь глубокого постижения мира. На этом пути может не выдержать и сам разум, могучий инструмент познания:

Мудрец едва не приближался
К пределам тайным естества;

И вдруг, увы! — как человек,
Нашел себя в ужасной бездне
И в ту ж минуту меж великих
Двух бесконечностей безмерных.

В этих строках речь идет о Ньютоне, перенесшем в 1693 г. психическую болезнь. Бобров показывает, как, постигая бесконечность и протяженность Вселенной в обе стороны — к бесконечно большим и бесконечно малым (имеются, очевидно, в виду системы дифференциального и интегрального исчисления), смущается даже могучий разум:

И самый *ангел воплощенный*,
Невтон — бледнеет изумленный,
Остановляясь меж сих
Двух бесконечностей ужасных,
И ощущает *омак* в духе,
Непостижимый, неисследный.

Однако победное шествие человечества и постижение тайн природы, по Боброву, продолжаются:

Дух человеческий бессмертен;
Он сроден *вечно* простираться
По тайной *лестнице* до края,
Хоть край — бежит от взоров *вечно*.

И Бобров заканчивает свое стихотворение словами веры в торжество науки и познания. Как Радищев, он вспоминает Петра и Екатерину, но следом за этими именами названы Ньютон, Локк и Ломоносов, именно они-то и важны в общем контексте стихов Боброва. С именами ученых связана мечта Боброва о России как средоточии образованного мира. И стихотворение заканчивается перифразой известных строк Карамзина: «... скоро все народы На север притекут светильник зажигать». Но если у Карамзина речь идет о расцвете поэзии, то Бобров имеет в виду науку:

Другой *Невтон*, и *Локк* другой,
Или другой здесь *Ломоносов*
Торжественной *стопю* ввидут...
А может быть — переселится
Восток и *юг* чудесно в *север*...

На фоне стихотворений, посвященных смене веков и воцарению Александра I, стихи Радищева и Боброва разительно выделяются. При этом они не только написаны на одну тему, но и содержат ряд текстуальных параллелей, каждая из которых в отдельности могла быть случайной, однако собранные вместе эти параллели с большой долей вероятности свидетельствуют о творческой перекличке двух писателей. Наше предположение в сильной степени подкрепляется взаимным постоянным вниманием поэтов к творчеству друг друга, а также вполне вероятным их личным общением в пору создания стихотворений.

Сходство этих стихов не ограничивается упоминанием одинаковых фактов. Оба поэта прославляют человеческую мысль как

могучую движущую силу истории, оба выражают надежду на счастливое будущее России. Однако масштаб понимания и восприятия событий мировой истории у Радищева и Боброва несоизмерим. Бобров не понял того нового, что увидел Радищев в трагическом и сложном движении истории, в опыте Великой французской революции. Он целиком остался на просветительских позициях и прошел мимо противоречий революции, обнаживших слабость просветительской мысли.

II. Радищев и „Вольное общество любителей словесности, наук и художеств“

Многие нити связывают Радищева с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств». В доме писателя бывал и, судя по стихам, написанным на смерть Радищева, был с ним дружен И. П. Пнин, ставший в 1805 г. президентом общества.³⁰ Другой член его И. М. Борн посвятил памяти Радищева большой некролог в стихах и прозе.³¹ В 1803 г. в общество был принят сын писателя Николай Александрович Радищев. При том интересе, который возбуждал к себе покойный автор «Путешествия», можно думать, что его сочинения, в том числе еще не напечатанные, находившиеся в руках сыновей, были известны здесь уже в начале века.

Самым крупным поэтом «Вольного общества...» несомненно был А. Х. Востоков. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на характеристике его поэтической деятельности. Это и не входит в нашу задачу, и давно уже сделано в содержательных работах В. Н. Орлова, хотя некоторые положения исследователя сейчас нуждаются в существенных уточнениях.³²

Важнейшей исторической заслугой Востокова является попытка введения в русскую поэзию многообразных стихотворных размеров. Востоков делает это и на практике, и теоретически обосновывает свои стихотворные эксперименты в «Опыте о русском стихосложении». При этом он прямо опирается на радищевские формулировки в «Путешествии», иногда почти дословно повторяя их, на что уже обрапали внимание исследователи.³³

³⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.—Л., 1959, с. 99—101.

³¹ Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. [Л.], 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 175—176, 243—246.

³² Так, невозможно согласиться с трактовкой Востокова как поэта-одиночки, «пошедшего наперерез установившимся традициям», чей путь был «бесперспективным и уединенным» (Орлов В. Востоков. — В кн.: Востоков А. Х. Стихотворения. Л., 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 76. Ср. также: Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. [М.], 1950, с. 407).

³³ Орлов В. Н. Русские просветители. . ., с. 420—421.

Так, Востоков вслед за Радищевым считает, что, хотя Ломоносов «введением правильных стоп освободил Российскую музу от недостойных цепей прежнего, так называемого *среднего* стихотворства», однако он «стеснил для нее свободный ход эпопеи единообразнейшим из всех стихов, Александрийским с рифмами». ³⁴ (Ср. у Радищева: «Ломоносов уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великаго примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул» — I, 352).

Совпадает отношение Востокова и Радищева к Тредиаковскому, который, с их точки зрения, много сделал как теоретик, но не сумел практически доказать справедливость своих положений. «...дактилохореический экзаметр, по несчастию, с самого начала попался в руки Тредиаковского, который также имел отвагу затевать новое, только не имел вовсе дарования и вкуса к учинению нового своего привлекательным; и потому своею ославленную Тилемахидою ославил и размер, каким она писана, и надолго отвратил от оного публику» ³⁵ (у Радищева в «Памятнике дактилохореическому витязю»: «Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое стихосложение <...> писал стихами такими, какими писали греки и римляне, то есть для российского слуха совсем новыми <...> И Тредьяковский не дактилями смешон, но для того, что не имел вкуса; он сделал дактили смешными» — II, 215, 217).

Как и Радищев, Востоков считает рифму вовсе не обязательной для русского стиха и ссылается на высоко ценимого Радищевым Боброва. «Рифма или созвучное окончание <...> не есть необходимо нужное условие в наших метрических или по стопам измеряемых стихах, которые могут очень хорошо быть без рифм, т. е. *белыми стихами*, особливо в сочинениях дидактического и описательного рода, каковы суть поэмы Боброва». ³⁶ (Ср. у Радищева: «Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле» — I, 353). Как и Радищев, Востоков стремится выйти за пределы канонических ямбов и хореев. Еще до того как в «Опыте о русском стихосложении» была дана развернутая теория русского стиха, Востоков добивался разнообразия размеров в поэтической практике. Об этом же говорит он в примечании к стихотворению «К Борю»: «Все сии пробы дактилических и иных стихов не для того выставлены, чтоб требовать точного им подражания и хотеть на русском языке именно Сафических, Алцейских, Асклепиадеических, Ферекратийских стихов. Нет, пусть бы это побудило молодых наших поэтов заняться обработанием собственной нашей просодии, не ограничиваясь в одних ямбах и хореях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, ко-

³⁴ Востоков А. X. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 27.

³⁵ Там же, с. 29.

³⁶ Там же, с. 84—86.

торые предлагает нам Славенорусский язык, благомерный и звучный».³⁷ Ратуя, как и Радищев, за обилие стихотворных размеров в русской поэзии, Востоков в то же время подчеркивает роль старославянского, «славенорусского» языка в формировании поэзии и литературы в целом. Эта точка зрения сближает его взгляды с позицией «Беседы любителей русского слова».

В этой связи представляется важным рассмотреть отношение к творчеству Востокова его современников. Это позволит уточнить и место самого Востокова в литературной жизни начала века, и отношение литературных групп к радищевским идеям, последовательным продолжателем которых был Востоков. В. Н. Орлов писал, что «на признании поэтического дарования Востокова сходились люди самых разных общественных убеждений и литературных вкусов».³⁸ Однако эта точка зрения нуждается в некотором уточнении, поскольку представители разных литературных групп по-разному, с разных позиций воспринимали достоинства стихотворений Востокова.

При этом архаистические устремления Востокова, его ориентация на высокий слог были ясны читателям уже с самого начала. Таков первый известный нам отзыв от 21 ноября 1802 г., принадлежащий в общем далекому от активной литературной жизни академику В. А. Поленову (1776—1851). Прочитав сборник «Вольного общества...» «Свиток муз» (книжка первая, СПб., 1802), Поленов писал: «Лучше всех стихи Ал. Востокова, несмотря на некоторую в них надутость, в них попадаются поэтические картины и прекрасные мысли <...> Востоков обещает нам другого Державина».³⁹ В этом отзыве показательны и «надутость», и сопоставление начинающего поэта с Державиным.

Естественно, что именно из круга шишковистов вскоре после выхода «Опытов» прозвучала похвала Востокову в стихах верного последователя Шишкова А. Палицина, который уделил Востокову едва ли не больше места, чем другим современным писателям, в стихотворном трактате «Послание к Привету» (1807):

Готовится певец нам с летами Востоков:
В нем есть познания, и дар, и вкус, и ум,
И много стихотворных дум...⁴⁰

Вместе с тем Палицин упрекает Востокова за наличие в его стихах иностранных слов и оборотов, в которых, с точки зрения Палицина, сказывается влияние карамзинской школы. Пользуясь цитатой из Сумарокова, Палицин советует Востокову:

³⁷ *Востоков А. Х.* Стихотворения, с. 101—102.

³⁸ *Орлов В. Н.* Русские просветители..., с. 408.

³⁹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 595, Поленов, ед. хр. 7, «О книгах», л. 66. О В. А. Поленове см.: *Русский биографический словарь*. Т. Плавильщиков-Примо. СПб., 1905, с. 471—473; Пушкин. Письма последних лет (1834—1837). Л., 1969, с. 450—451.

⁴⁰ *Поэты 1790—1810-х гг.*, с. 768.

Вовек отеческим языком не гнушайся
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красую украшайся.⁴¹

Сам Шишков уже много позднее, в 1820 г., выдвигая Востокова в члены Российской академии, отметил прежде всего его заслуги в области поэзии.⁴² Вспоминал о своем увлечении «задумчиво-прекрасными» стихами Востокова и близкий к «Беседе» А. С. Стурдза.⁴³

Кюхельбекер, уже с юности шедший непроторенными путями и симпатизировавший архаистам, в своей первой статье проницательно связал творчество Востокова с предшествовавшими исканиями Радищева. Прямо ссылаясь на соответствующие положения Радищева, Кюхельбекер пишет: «Несмотря на усилия Радищева, Нарезного и многих других <...> в нашей поэзии <...> господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы. Стихи без рифм не почитались стихами <...> не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической».

И далее Кюхельбекер рассматривает «Опыты лирической поэзии» Востокова как осуществление в какой-то мере теоретических положений Радищева: «...г. Востоков <...> изумил, можно даже сказать, привел в смущение публику; в сей книге увидели многие оды горацевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы стихов Сафического, Алцейского, Егегического и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных или неуважаемых».⁴⁴

Иным было отношение к поэзии Востокова в лагере карамзинистов. Жуковский видел в стихах Востокова человека «с мыслями, с чувством, с воображением», т. е. рассматривал его творчество в рамках карамзинской школы, в которые это творчество в целом никак не вписывалось, и поэтому Жуковский считал, что поэту «надобно <...> очистить слог».⁴⁵ И здесь Жуковский удивительно сошелся с Палициным, который тоже советовал:

И чисти более стихи свои, Востоков...⁴⁶

Очевидно, только объект чистки, с точки зрения шишковиста и

⁴¹ Там же.

⁴² «Стихотворения г. Востокова, а особливо похвальные упражнения его по части исследования отечественного языка, обращают на труды его внимание любителей словесности» (Изв. Российской академии, кн. 9. СПб., 1821, с. 9, Протокол от 5 июня 1820).

⁴³ «...я когда-то страстно любил, изучал и перенимал его стихи задумчиво-прекрасные, в которых дышит истинный лиризм и пленяет читателя классическое разнообразие размеров» (Стурдза А. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I-го. — Москвитянин, 1851, ноябрь, № 21, кн. 1, с. 16).

⁴⁴ [Кюхельбекер В. К.] Взгляд на нынешнее состояние русской словесности. — Вестн. Европы, 1817, ч. 95, № 17 и 18, с. 156.

⁴⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 50, см. также: Поэты-радищевцы, с. 409, 474.

⁴⁶ Поэты 1790—1810-х гг., с. 769.

карамзиниста, оказывался абсолютно различным. Вообще карамзинисты постоянно отмечали грубость и шероховатость слога Востокова, не приемля того, что, по Радищеву, как раз и являлось достоинством трудной и сложной философской или политической лирики. Так, А. Тургеневу Востоков казался «заикою»,⁴⁷ в слог Востокова ему виделась «какая-то петровская шероховатость», правда, «уровненная большим вкусом и образованностью нашего времени».⁴⁸ Вяземский, соглашаясь со своим корреспондентом, писал: «... конечно, Востоков поэт, но вовсе не стихотворец», т. е., ценя поэтическую мысль Востокова, он не принял его поэтического языка, его поэтической системы. Поясняя свою мысль, Вяземский далее пишет: «Он как иностранец: мыслит на своем языке божественном, а изъясняется на чужом и часто сбивается в словах».⁴⁹ И много позднее Вяземский подтрунивал над «вовсе не звучными, не стройными и смешными стихами» Востокова:

О какая гармония
В редкий сей ансамбль влита.⁵⁰

Старейшина карамзинистов И. И. Дмитриев хвалил стихи Востокова и в письмах к Д. И. Языкову, и в письмах к самому поэту.⁵¹

Отношение карамзинистов к Востокову особенно ясно отразилось в шутливой полемике между Батюшковым и Вяземским, из которой становится ясно, что и Дмитриев, и Батюшков, признавая талантливость и знания Востокова,⁵² воспринимали его стихи как нечто головное, сложное, искусственное, чуждое истинному вдохновению, той легкости и изяществу, которые превыше всего ценились карамзинистами, и потому близкое тяжеловесной, тугодумной и малопонятной поэзии архаистов-«славнофилов».

В Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде хранится экземпляр «Опытов» Востокова. Возле заглавия стихотворения «К солнцу», которое начинается стихами:

Светило жизни здравствуй!
Я ждал тебя... —

чернилами вписано: «Немецкой ученой сидит в колпаке на кровле, свечка его догорела, другую засветить жаль, а писать

⁴⁷ Намек на физический недостаток поэта.

⁴⁸ Письмо Тургенева Вяземскому от 2 июля 1819. — Остафьевский архив князей Вяземских, т. I. СПб., 1899, с. 258.

⁴⁹ Там же, с. 266.

⁵⁰ [Вяземский П. А.] Старая записная книжка. — Рус. архив, 1874, т. 1, стб. 1337—1341.

⁵¹ См.: Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 204—208.

⁵² В «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Батюшков говорил об «отличном даровании» Востокова, «напитанного чтением древних и германских писателей», впрочем, в одном панегирическом ряду с Капнистом, Мерзляковым, Жуковским и др. (Батюшков К. П. Соч. М., 1955, с. 383).

надобно — по солнцу явилось на востоке, и немец в восторге, сняв колпак свой сказал:

*Светило жизни здравствуй
Я ждал тебя...».*

(Первые строки стихотворения подчеркнуты теми же чернилами). Игра продолжена на следующей странице, где в конце стихотворения точка исправлена на запятую и добавлено одно слово. Получилось:

Согрей лучем отрады
Скорбящу грудь,
Немца.

Внизу страницы характерным почерком Вяземского написано: «Стыдно Батюшков! Уважай в Востокове Поэта и Поэта, каких у нас мало. Да притом же это не ты сказал, а Дмитриев». ⁵³

Как видим, замечание Вяземского вполне согласуется с его отношением к творчеству Востокова и не затрагивает той внешней тяжеловесности, над которой смеются Дмитриев и Батюшков и над которой он сам подтрунивал.

Надпись на книге «Опытов», вероятно, сделана в 1810—1811 гг. Это время сближения Батюшкова с Вяземским (все трое — и Дмитриев, и Батюшков, и Вяземский — жили в Москве). На эту же пору приходится некоторое расхождение с Гнедичем, когда Батюшков окончательно перешел на позиции карамзинизма и в яростной полемике с давним другом защищал «легкое стихотворство». ⁵⁴ В 1811 г. произошло официальное открытие «Беседы любителей русского слова» и возобновилась ожесточенная перебранка между «беседчиками» и будущими арзамасцами. В этот период шутливая полемика Дмитриева и Батюшкова с Вяземским приобретает особую актуальность. Востоков в сознании будущих арзамасцев становится выразителем если не совсем враждебных, то во всяком случае чуждых идей.

И приблизительно в это время, в 1809 г., из лагеря карамзинистов наносится удар по тем литературным идеям, которыми руководствовался Востоков и которые были абсолютно чужды сторонникам «нового слога». Речь идет о рецензии на «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», напечатанной в «Цветнике» за 1809 г.

«Цветник» издавался А. Беницким, который сам был автором большинства рецензий, печатавшихся в этом журнале, и, по всей вероятности, интересующего нас отзыва о сочинениях Радищева. Вместе с Батюшковым Беницкий был наиболее последовательным сторонником Карамзина в рядах «Вольного общества...»,

⁵³ *Востоков А.* Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах, ч. 1. СПб., 1805, с. 55—56. — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, шифр 1805/47.

⁵⁴ См.: *Гнедич Н. И.* Письма к К. Н. Батюшкову. — В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л., 1974, с. 78—79.

и «Цветник» в 1810 г., уже после смерти издателя, но продолжая его традиции, превратился в трибуну карамзинистов.⁵⁵

Беницкий прекрасно понял принципы радищевского творчества и на материале первой части «Собрания оставшихся сочинений...» подверг резкой и последовательной критике его литературную позицию. По всей видимости, Беницкому было известно и «Путешествие из Петербурга в Москву», так как он одно за другим отрицает сформулированные в главе «Тверь» положения. По Беницкому, недостатком Радищева является то, что «все почти у него стихи без рифм <...> без меры и так сказать без слогаударения». Трудность произнесения для критика также отнюдь не достоинство: «Когда начнете их (стихи, — М. А.) читать, то принуждены будете беспрестанно почти запинаться или выговаривать навыворот целые речения». Отмечая, что в стихах Радищева «попадают иногда изрядные мысли и довольно удачные выражения», рецензент формулирует важный общий недостаток радищевской поэзии: «...вообще нет плавности в его стихах». И, наконец, основной упрек Радищеву с позиций карамзинизма заключается в отсутствии единого стиля, в употреблении архаизмов и просторечья: «...в его стихах главной погрешностью есть та, что вместе с высокими славенскими словами перемешаны слова простонародные, низкие, которые никогда и в хорошем разговоре не употребляются. Не смешно ли бы было, если бы мы увидели на театре актера <не> в древнем жреческом одеянии, а в мужичьей шапке, в рукавицах и в лаптях? Так же точно смешно видеть после слов: *зане, очи, вежды — потяготу* и *черну немочь*. И то и другое есть в богатырской повести: *Бова Королевич*».⁵⁶

Таким образом, творчество Радищева в литературном отношении оказалось неприемлемым для карамзинистов. В сферу интересов Вяземского имя Радищева попадает лишь позднее, в 1819—1820 гг., когда усиливаются радикальные воззрения Вяземского. При этом Вяземский не заинтересовался литературными взглядами Радищева: его привлекла в первую очередь трагическая судьба писателя-революционера. «У нас обыкновенно человек невидим за писателем, — размышлял Вяземский в письме к Воейкову от 2/14 ноября 1818. — В Радищеве напротив: писатель приходится по плечу, а человек его головою выше».⁵⁷

Литературные взгляды Радищева, таким образом, в начале 1810-х гг. оказались ближе противникам карамзинистов. Некоторые из этих взглядов и прямо, и опосредованно были восприняты «Беседой любителей русского слова». Не случайно и один из самых последовательных продолжателей литературной традиции

⁵⁵ См.: Поэты-радищевцы, с. 654—655.

⁵⁶ Цветник, 1809, ч. 1, № 2, февраль, с. 271—283.

⁵⁷ См.: *Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов.* — Учен. зап. Таргуск. гос. ун-та, 1960, вып. 98, с. 65—66.

Радищева А. Х. Востоков в 1813 г. стал членом-сотрудником «Беседы».⁵⁸

III. Радищев и „Беседа любителей русского слова“

Радищев умер в 1802 г., «Беседа» официально открыла свои заседания в 1811 г. Непосредственного контакта между Радищевым и пишковистами не было. Однако в «Беседу» входили люди, чьи творческие и личные контакты с Радищевым несомненны, и они в какой-то мере могли явиться в «Беседу» проводниками радищевских литературных идей. Таким был, например, А. П. Брежинский, по свидетельству П. А. Радищева, посещавший писателя в последние годы его жизни. Членами «Беседы» были видные деятели «Вольного общества...» А. Х. Востоков и А. А. Писарев, хорошо знакомые с творчеством Радищева.

Однако самым важным было то, что антикарамзинская позиция «Беседы», отталкивание от «гладких» стихов подражателей и последователей Карамзина приводили «беседчиков» к позиции и взглядам, близким к литературным воззрениям Радищева. Его литературная позиция: намеренно архаизированный язык с утяжеленным синтаксисом, теоретическое обоснование этой системы — должна была заинтересовать «беседчиков».

Так, Державин еще в 1790 г. познакомился с «Путешествием» и, каково бы ни было его отношение к личности и идеям автора, надо думать, прочел его достаточно внимательно.⁵⁹ Однако только в 1812 г. он теоретически формулирует принципы создания «трудных стихов» и выполняет эти принципы на практике (стихотворение «Жилище богини Фригии»)⁶⁰.

Радищев одним из первых русских писателей откликнулся на паходку «Слова о полку Игореве». Его поэма «Песни четые на состязаниях в честь древним славянским божествам» построена на реминисценциях «Слова». Радищев рассматривает древний памятник как торжественную поэму и в соответствующем духе изображает величественное стечение славян к алтарям своих богов. При этом, как и в других своих произведениях, он пользуется арсеналом псевдославянской мифологии Чулкова (Перун, Святovid, Велес, Стрий, Позвизд, Ний и т. д.). Князи и песнопевцы у Радищева «вступают во золотые стремяна», «шествуют стройно на конях своих бодрых», за ними идут «лики юношей и дев», «сонм жен... шествует», «Ветр препнул свое дыхание» и т. д.

⁵⁸ Чтения в «Беседе любителей русского слова», 1813, кн. 13, с. V.

⁵⁹ См.: Западов В. А. Державин и Радищев. (К истории одной легенды). — Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, т. XXIV, вып. 6, 1965, с. 530—537.

⁶⁰ См.: Альбишуллер М. Г. Литературно-теоретические взгляды Державина и «Беседа любителей русского слова». — В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 107—108.

Такое же торжественно-эпическое понимание «Слова» было свойственно кругу «Беседы». В специальной работе мы говорили о той роли, которую сыграло «Слово» в формировании литературных взглядов «Беседы», деятели которой сразу же после публикации, одними из первых, обратили внимание на этот выдающийся памятник.⁶¹ И здесь позиции Радищева и будущих «беседчиков» сошлись. В этой связи представляется не случайным одинаковое понимание одного из трудных мест «Слова» Радищевым и Шишковым.

Первые издатели памятника поняли рассказ о десяти соколах как метафору и соответствующее место перевели следующим образом: «Памятно нам по древним преданиям, что, поведавая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным».⁶²

Для Радищева эти строки очень важны, он берет их эпиграфом к поэме: «Тогда пускает 10 соколов на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди песнь пояше...», и вся поэма строится как реминисценция этого места «Слова».

С точки зрения Радищева, рассказ о 10 соколах не поэтическая метафора, а изображение подлинных обычаев славян. У каждого из песнопевцев на руке сидит сокол, которого спускают на стадо лебедей. Тот певец имеет право на первую песнь, чей сокол первым сбивает лебедя. «Зане обычай был таков, что сокол, поражающей лебедя, назначал череду в песнопении, и чей был первой, тот первую воспевал песнь, и все другие по чреде своих соколов» (I, 55). Поэма была задумана как песня десяти певцов, принявших участие в состязании (была написана или сохранилась лишь первая песнь — Всегласа).

А. С. Шишков, выпустивший в 1805 г. свой перевод и толкование «Слова», тоже не согласился с переводом Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского. Для него 10 соколов тоже не метафора и тоже состязание для определения первенства: «Из древних преданий известно нам, каким образом славные во бранях князья и полководцы решали состязание свое о преимуществе. Десять мужей выезжали на чистое поле, каждый с соколом на руке, они пускали их на стадо лебединое: чей сокол скорее долетал, тот и первенство одерживал, тому и песнь воспевалася».⁶³

У Радищева певцы сами состязаются своими соколами, у Шишкова состязатели — князья, а соревнование определяет, кому из князей первому воспоят певцы. Впрочем, нужно заме-

⁶¹ *Альтшуллер М. Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова». — В кн.: Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. ТОДРЛ, т. 26. Л., 1971, с. 109—122.

⁶² Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Светославича. М., 1800, с. 3.

⁶³ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею СПб, 1805, ч. 1, с. 202.

тить, что Радищев сочинял поэму и был свободен в своих ре-
 минисценциях, Шишков же объяснял и переводил древний текст.
 С учетом этого различия толкование темного места «Слова»
 у обоих авторов совпадает. Хотя поэма Радищева была напеча-
 тана лишь в 1807 г., не исключено, что она в рукописи была
 известна Шишкову и при сходстве литературной позиции ока-
 зала известное влияние на перевод и толкование «Слова» Шиш-
 ковым, опубликованные двумя годами раньше и три года спустя
 после смерти Радищева.

Поэма Радищева рассматривает славянскую культуру как
 самостоятельное явление в одном ряду с греческой и кельт-
 ской. Боян Радищева торжественно поет в «горних чертогах
 света» «в беседе Омира и Оссиана». Восприятие «Слова»
 в оссиановском ключе было общим местом литературных пред-
 ставлений начала века. Естественно, что в произведении, напи-
 санном по мотивам «Слова», оссиановские образы были весьма
 уместны. У Радищева эту тематику вносят в поэму кельтские
 племена, о жестоком набеге которых повествует Всеглас. При
 этом перечисление географических названий позволяет Ради-
 щеву показать территориальную близость славян и кельтов и,
 тем самым, описывая борьбу этих племен, говорить о равнопра-
 вии их культур. Названия, взятые у Оссиана (Улин, Тул, Мор-
 вен), соседствуют с русскими (Нева, Ладога):

Уже прошло тому и год и больше,
 Как многолюдные колена Кельтски,
 Сложив свои все силы
 Во ополчение едино

 Чрез Северный Улин, и Тул, и Морвен,
 И острова Гебридски

 До самых тех берегов
 И низких и болотных,
 Где тихая Нева
 Свои глубоки волны
 Из Ладоги влечет.

(I, 61—62)

Возникают в поэме Радищева и гомеровские образы. Так,
 Радищев изображает языческих славянских богов:

Уж Знич со Ладюю в союзе
 Взлегли на одр супружной, одр туманной,
 И тепла мгла в парах прозрачных
 Взлетела и взвилась высоко.

(I, 59)

Сцена эта напоминает опочивание Зевса и Геры на Иде:

Рек, и в объятия сильные Зевс заключает супругу...
 Там опочили они, и одел почивающих облак,
 Пышный, златой, из которого капала светлая влага,⁶⁴

⁶⁴ Иллиада, песнь XIV, 356—361.

Изображая певца старца Всегласа, Радищев пишет о нем гекзаметрами, и в сознании читателя невольно возникает образ другого старца — Гомера:

Старец умолк — и, очи поникши, стоял неподвижен,
Будто на казнь осужденной. Протекшие скорби предстали
Живы уму его, силою воображенья.

(I, 66)

Гомер и Оссиан становятся важнейшими литературными фигурами для романтического сознания начала XIX в. Оссиан и был порожден развитием романтизма, а Гомер, в его антиклассическом восприятии противопоставленный Вергилию, становится одним из знамен романтического движения. Творчество Радищева, таким образом, развивалось в русле магистрального течения русской и мировой литератур. Эти же проблемы находили живой отклик и в занятиях «Беседы любителей русского слова».

Интерес к Оссиану в «Беседе» был весьма велик, он сказался в деятельности Державина, Шишкова и других менее крупных членов этого объединения. Оссиан воспринимался здесь как фигура того же масштаба, что и Гомер. А с последним связаны важнейшие эпизоды внутренней жизни «Беседы», имеющие непосредственное отношение к Радищеву.

Как известно, именно в «Беседе» родилась идея перевода «Илиады» «русским гекзаметром». Само возникновение этой идеи связано было с одиозным именем В. К. Тредиаковского, реабилитация литературной и научной деятельности которого началась в трудах Радищева.

Эта оценка Тредиаковского совпадает с отношением к осмеиваемому поэту в кругу «Беседы». Многообразные заслуги Тредиаковского постоянно подчеркивал митрополит Евгений Болховитинов, почетный член «Беседы», постоянный литературный советник Державина. В переписке с Д. И. Хвостовым Евгений неоднократно упоминает Тредиаковского как учителя «нового русского стихотворства»,⁶⁵ говорит о нем в «Словаре русских светских писателей».⁶⁶

Много внимания уделил Тредиаковскому Я. И. Галинковский, «непременный секретарь» «Беседы», автор ряда интересных историко-литературных работ, писавший о Тредиаковском: «Он был <...> первый профессор нашего красноречия, первый знаток древних авторов, человек необыкновенно глубокого знания в науках <...> он один написал более полезных книг, нежели десять его современников».⁶⁷ Как справедливо отметил Ю. М. Лот-

⁶⁵ Сборник статей, читанных в Отд-нии рус. яз. и словесности, 1868, т. V, вып. I (по указателю).

⁶⁶ Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, с. 240—225.

⁶⁷ Корифей, или Ключ литературы, ч. I. СПб., 1802, с. 68.

ман, взгляды Галинковского в отношении Тредиаковского совпадали с точкой зрения Радищева.⁶⁸

Стихovedческие заслуги Тредиаковского ценит глава «Беседы» А. С. Шишков, называвший «основателями стихотворных сочинений» Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова. Шишков сближается с Радищевым, подчеркивая, с одной стороны, ограниченность стихотворной реформы Ломоносова («имея великий дар, но последуя немецким стихотворцам, приучил нас к одним ямбам»), а с другой — разнообразие стихотворных размеров, вводимых Тредиаковским («старался нам растолковать латинские хорей, дактили и анапесты»)⁶⁹.

С именем Тредиаковского связана также важнейшая литературная дискуссия о русском гекзаметре, развернувшаяся на страницах «Чтений в „Беседе любителей русского слова“». В десятой книжке Галинковский поместил перевод первой эклоги Вергилия, выполненный русским гекзаметром, т. е. тем дактило-хорейским размером, которым написана «Тилемахида». В предисловии к переводу Галинковский, повторяя радищевские оценки, подчеркнул свою зависимость от Тредиаковского, мысль которого «о введении у нас древнего размера не переставала быть великою, прекрасною и достойною внимания наших стихотворцев».⁷⁰

Одним из наиболее значительных эпизодов литературной деятельности «Беседы» была публикация на страницах ее органа гекзаметрического перевода «Илиады», выполненного Н. И. Гнедичем, и разгоревшаяся по этому поводу яростная полемика между С. С. Уваровым и В. В. Капнистом. Свою защиту гекзаметрического перевода Уваров строит на положениях, высказанных Радищевым еще в «Путешествии». Он говорит о той отрицательной роли, которую сыграл пример Ломоносова, закрепившего своим творчеством ямб в качестве едва ли не единственного размера для русской поэзии: «... предрассудок в пользу французских писателей был так силен, что славный Ломоносов, который дал истинное бытие нашей Поэзии, следовал сам общему примеру. Он стал подражать французам и писать эпопею Александрийскими стихами <...> он был увлечен общим преубеждением, и эпоха сия решила судьбу русской поэзии».⁷¹

Как и Радищев, Уваров выступает противником рифмы: «Механизм стопосложения был бы довольно приятен, чтоб приучить ухо к вечной монотонии полустипшия и рифмы <...> Когда, вместо плавного, величественного экзаметра, я слышу скудный и сухой Александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне

⁶⁸ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1969, с. 242—244.

⁶⁹ Шишков А. С. Разговоры о словесности. — Собр. соч. и переводов, ч. 3. СПб., 1824, с. 44, 47.

⁷⁰ Чтения в «Беседе любителей русского слова», кн. 10. СПб., 1813, с. 121.

⁷¹ Там же, кн. 13, с. 57—58.

кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье». ⁷² Доказательством того, что Уваров не просто сошелся с Радищевым во взглядах, а хорошо знал и помнил рассуждения автора «Путешествия», служит второе письмо, ответ Капнисту, также оцубликованное в «Чтениях». Защищая здесь основные положения первого письма, Уваров ссылается на авторитет Радищева и цитирует большой отрывок из главы «Тверь»: «Некто из наших писателей (г. Р. . .), о котором российские музы не без сожаления вспоминают, чувствовал уже необходимость большой перемены в формах нашей поэзии. — И вот как за 20 лет перед сим изъяснялся он об этом предмете». ⁷³ Далее идет обширная цитата из Радищева, содержащая критику ямба, рассуждение о дактилях и о рифме.

Возражая против предложения Капниста переводить Гомера так называемым русским размером, Уваров в то же время считает его подходящим для поэм на сюжеты из русской истории. Можно думать, что, советуя Жуковскому написать русским размером поэму по мотивам отечественной истории, Уваров имел в виду в качестве предшественника Жуковского не только «Илью Муромца» Карамзина, но и радищевского «Бову».

Итак, непосредственно и опосредованно, сознательно и непреднамеренно идеи и поэтическая практика Радищева активно входили в литературную жизнь начала XIX в., вызывая притяжение и отталкивание, признание и полемику. Не всегда поэтические принципы Радищева давали в его собственной практике и у других писателей удачные поэтические результаты. Механическое соединение разных стилистических, языковых стихий порождало тяжеловесные произведения, которые, однако же, не будучи крупными художественными достижениями, тем не менее сыграли определенную роль в истории русской поэзии. ⁷⁴

Несмотря на насильственное отторжение Радищева от литературной жизни, его торжественный, неровный, тяжеловесный, наполненный просторечьем и архаизмами язык, его литературные идеи продолжали питать сознание многих деятелей русской культуры. И «Вольное общество. . .», и «Беседа» явились проводниками радищевских литературных идей в среду поэтов-декабристов. Архаические тенденции Катенина, Федора Глинки, Кюхельбекера и других восходят в какой-то степени, в основном опосредованно, к литературной традиции Радищева.

Деятельность поэтов-декабристов в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг. в значительной степени определяла все развитие русской литературы этого периода. Однако поэты-декабристы, их отношение к радищевской традиции, к литературным идеям «Беседы» — уже тема другой специальной работы.

⁷² Там же, с. 62—65.

⁷³ Там же, кн. 17, 1815, с. 58.

⁷⁴ См.: Макогоненко Г. П. Поэзия Александра Радищева, с. 71—72.

Г. В. КРАСНОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РАДИЩЕВ

Непосредственных обращений Льва Толстого к имени Радищева немного:¹ в письме писательнице А. М. Калмыковой (1896), где оцениваются «средства» борьбы с правительством начиная «со времени Радищева», в письме В. В. Стасову (1902), в котором реакция властей на записку одного тульского мужика о крестьянских нуждах сравнивается с реакцией Екатерины на «Путешествие из Петербурга в Москву», в статье «Великий грех» (1905), где Радищев отнесен к людям, которые «поняли грех крепостного права».

В какие годы Толстой читал Радищева — неизвестно. Дневниковых записей и других прямых свидетельств по этому поводу нет. Известно, что Толстой в декабре 1872 г. запрашивал у П. Д. Голохвастова для работы над романом из эпохи Петра I книгу М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» (1858), в конволюте с которой было опубликовано «Путешествие из Петербурга в Москву». В яснополянской библиотеке писателя сохранился неразрезанный экземпляр «Путешествия», изданный в 1906 г. как приложение к журналу «Всемирный вестник». Однако в нашей теме было бы опрометчиво руководиться только невыясненными обстоятельствами или именованным указателем к сочинениям писателя. Толстой много размышлял об истоках вольнолюбия в России, об эпохе Радищева. Толстой и Радищев прошли через близкие фазы духовного развития, социального прозрения.

1

Ряд исторических, политических событий, современником которых был Радищев, возбудил пристальное внимание Льва Тол-

¹ Первоначальная постановка этого вопроса была сделана в работе: *Бабкин Д. С.* Радищев в оценке Л. Н. Толстого. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 59—69.

стого. К примеру, Радищев как член Комиссии составления законов при Александре I и Толстой как студент юридического факультета Казанского университета критически оценили «Наказ», составленный Екатериной II. Радищев и Толстой уловили главное противоречие «Наказа» — столкновение принципов просветительской философии и идей абсолютизма и деспотизма. Радищев был свидетелем того, как это противоречие проявлялось в реальной политике Екатерины: «...если в течение своего долговременного царствования, а особливо при конце оногo, она отступила от многих своих правил, то была, может быть, разстроена в оных внешними и внутренними смутностями и, наконец, платила долг природе при долговременном ее правлении» (III, 148).

Толстой усматривал его в постоянных антилогических послылках «Наказа», во взаимоисключающих выводах его автора: «Во всем этом наказе представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, т. е. желание быть неограниченною властительницей России». ² «В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала — дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма». ³

Толстой и Радищев близки в трактовке отдельных глав и статей «Наказа». И того, и другого особенно привлекла глава XII — «О размножении народа в государстве». Радищев обеспокоен тем, как устранить препятствия, стоящие на пути к благосостоянию. Он предлагает реорганизацию налоговой системы, требует поощрения жителей, занимающихся земледельческим трудом. Толстой тоже находит справедливым исходный тезис XII главы о том, что бедность — главная причина малого прибавления народонаселения. Он воспринимает мысль Екатерины об уничтожении бедности как искреннее намерение. «Средством против этого, — поясняет Толстой, — она хочет сделать разделение земель всем имеющим оных и подать им способности вспахать и обработать их». ⁴ Рассуждения Толстого о пагубности рабства шли вразрез с туманными и противоречивыми установками «Наказа», касающимися злоупотреблений крепостников, с опасными их последствиями для самодержавной власти («Наказ», ст. 254). Толстой пишет: «... в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, покуда будет существовать рабство; ибо человек подвластный другому не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи». ⁵ Толстой рассуждает о раб-

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание), т. 46. М.—Л., 1934, с. 11.

³ Там же, с. 27.

⁴ Там же, с. 18.

⁵ Там же, с. 19.

стве «вослед Радищеву» и его преемникам в борьбе против крепостничества.

При сопоставлении критических замечаний к «Наказу» Радищева и Толстого, разумеется, нельзя не учитывать дистанцию времени, разные цели критического анализа и другие факторы. Радищев сомневается в объективной истинности тех или иных законоположений, которые рано или поздно «становятся обветшалыми, деятельность их мертвеет, права и обязанности становятся ненадежными» (III, 145). Это суждение целиком и полностью относится к декларативному «Наказу» Екатерины. Радищев озабочен реальным законодательством, обеспечивающим обязанности «правителей народных» во имя «блаженства народного». «...мы, опираясь на правила мудрыя сия владычицы, скажем, что в размножении народа видно благосостояние государства; но, как по изречению императрицы Екатерины, многие суть препятствия к размножению народа в России, то и нужно помышлять об отдалении оных препятствий и о средствах, размножение поощряющих» (III, 157—158).

Толстой оценивает каждую главу «Наказа» с точки зрения известных ему правовых норм,⁶ новых веяний в экономической и общественной жизни России. Он ведет с Екатериной заочный диалог. «Я думаю совершенно напротив, — спорит Толстой, — машины для рукоделий, внутри государства обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общепользных, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояния граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам».⁷

Среди «граждан вообще» Толстой выделяет родовую аристократию, которая «исчезает и уже почти исчезла по причине бедности». Толстой — за поощрение «благородных» к торговле. Он в отличие от Радищева еще считает необходимым оберегать их сословные интересы. Идея народовластия у Толстого («Народ же, когда имеет Верховную власть, не ошибется»⁸), имеющая, как и у Радищева, руссоистское происхождение, основанная на договорных началах («в Деспотии [нет] договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот»⁹), не подводила его к идее революции.

Толстой, анализируя XV главу «Наказа» — «О дворянстве», сравнивая ее с «Духом законов» Монтескье, отмечает новизну

⁶ Известно, что Л. Н. Толстой обратился к «Наказу» Екатерины для его сравнения с «Духом законов» Монтескье по предложению профессора гражданского права Д. И. Мейера, придерживавшегося республиканских взглядов, сочувствовавшего Белинскому, петрашевцам, см.: *Эйхенбаум Б. Лев Толстой*. (Семидесятые годы). Л., 1974, Приложение, с. 218—219; *Галаган Г. Л. Толстой и петрашевцы*. — Рус. лит., 1965, № 4, с. 137—148.

⁷ Толстой Л. Н. Поля. собр. соч., т. 46, с. 20.

⁸ Там же, с. 17.

⁹ Там же, с. 24.

екатерининской мысли: «Montesquieu признавал только одну честь основанием (principe) всего монархического правления, она же прибавляет к ней еще добродетель; в самом деле, добродетель может быть принята за основание монархического правления, но история доказывает нам, что этого еще никогда не было». ¹⁰ Толстой уловил одну из тенденций «Наказа»: поощряя «гражданские добродетели» дворянства, поставить его в зависимость от общей политической русской самодержавной системы, на что позже указали и другие исследователи. ¹¹

Резкое, ироническое примечание Толстой делает к ст. 374, защищающей родовые привилегии дворянства: «После басни Крылова о гусях против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя». ¹² Толстой в эти годы еще далек от радищевского отрицания дворянства, его классовых преимуществ, так ярко и бескомпромиссно выразившегося в «Путешествии из Петербурга в Москву». ¹³ Однако идею дворянства в истолковании Екатерины Толстой уже начинает оспаривать по самому существу. Б. Эйхенбаум верно выразил настроение молодого Толстого: «Он читает „Наказ“ не как студент юридического факультета, а как соперник Екатерины, готовящийся вступить в управление государством. Он относится к „Наказу“ не как к памятнику отошедшей культуры, а как к чему-то злободневному». ¹⁴

С иронией Толстой отзываясь также о ряде заключительных статей «Наказа», высмеивая тщеславие Екатерины. По поводу ст. 520 Толстой пишет: «... следует заключение весьма простое, в котором она говорит, что умрет с горести, ежели свод законов, который она поручает составить, не будет совершенен, и ежели будет существовать народ счастливее и славнее Русского». ¹⁵

Проблема соотношения русской действительности и жизни народов других стран особенно волновала Радищева. ¹⁶ Он ей посвятил заключительную часть записки «О законоположении». Какие земли, страны дали пример разумного исполнения законов? Можно ли верить лишь записанному, декларированному?

¹⁰ Там же, с. 22.

¹¹ Ср., например: *Тарановский Ф.* Политическая доктрина в «Наказе» императрицы Екатерины II. — В кн.: Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, с. 71—73.

¹² *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 22.

¹³ О полемике Радищева с «Наказом» в «Путешествии» см.: *Бабкин Д. С.* Процесс Радищева. М.—Л., 1952, с. 52—53; *Кулакова Л. И., Запавдов В. А.* А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974, с. 71, 78, 80—81, 141, 158, 179.

¹⁴ *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Кн. 1. 50-е годы. Л., 1928, с. 19.

¹⁵ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 25. Ср. в «Наказе»: «... Боже сохрани! чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив, и следовательно больше процветающим на земле; намерение законов наших было бы не исполнено: несчастье, до которого я дожить не желаю!».

¹⁶ См.: *Старцев А. И.* О западных связях Радищева. — Интернациональная литература, 1940, № 7—8, с. 256—265; *Пугачев В. В.* А. Н. Радищев. Эволюция общественно-политических взглядов. Горький, 1960, с. 88—92.

Почему при одинаковых наказаниях преступления в одном государстве «бывают чаще, чем в другом»? Все это необходимо увидеть своими глазами, понять, объяснить. В Радищеве по-прежнему жил дух путешественника, алчущего истины, справедливости, свободы. «Когда в древние времена, — писал Радищев, — должность настояла давать народу целому законы, или, сказать правильнее, когда не совсем еще народ образованный образовывать желали, то дабы употребить в свою пользу то, что уже древние сделали и в чем пользу находили, предпринимали путешествия в те страны, которые более других процветали и славились своими законоположениями. В таком намерении путешествовали: Солох, Ликург, Пифагор, и, напивавшись, так сказать, тем, что видели, извлекали для себя, что полезным находили» (III, 162).

Кстати, вряд ли в этих надеждах Радищева, в его записке «О законоположении» следует видеть лишь реформаторские идеи в ущерб революционным.¹⁷ Принципы разумного законоположения Радищев, по существу, искал для обновленного общества. Радищев возвеличивал не закон сам по себе, а законность, ратовал за исполнение законов на демократических основах. «...всякий без предупреждения в том признается, — писал он в 1802 г., — что везде есть некоторые законы для того только, чтобы наполнять страны и книги прав» (III, 163). Сравним в главе «Новгород» его «Путешествия»: «Где мудрые Солоновы и Ликурговы законы вольность Афин и Спарты утверждавшие? — В книгах. — А на месте их требования пасутся рабы железом самовластия».¹⁸

Радищев рассматривал законы, необходимые нормальному человеческому обществу. Закон должен охранять интересы граждан, действующих, здравствующих по естественному праву. Толстой будет полемизировать с этим законодательным началом, характерным для прошлого просветительского мировоззрения. 16 октября 1853 г. Толстой записал в дневнике: «Во всех философиях законоведения законы выводят из начал здравого ума и справедливости. Эти законы составляют нераздельные части души каждого человека и люди бессознательно исполняли бы их. Но мне кажется, что основание законов должно быть отрицательное — неправда. Нужно рассмотреть, каким образом неправда проникает в душу человека и узнать ее причины, положить ей преграды, т. е. основывать законы не на соединяющих началах — добра, а на разъединяющих началах зла».¹⁹

Толстой рассуждает от противного. У него не столько теоретический и не столько практический подход, сколько писательский: попытаться найти истину, показать ее в реальных конф-

¹⁷ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 261.

¹⁸ О перекличке мотивов «Путешествия» и записки «О законоположении» см. также: Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 122—124; Покровский С. А. О месте Радищева в истории русской революционной мысли. — Вопр. философии, 1956, № 4, с. 176.

¹⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 286.

ликтах, противоречиях. Толстой не выступает как теоретик-просветитель, радищевская идея народной революции перед ним и не возникает, но он бьется над теми же вопросами, которые были предметом анализа и камнем преткновения для его предшественников. Вероятно, есть свой резон в утверждениях, подобных следующему: «Суть дела не в том, кто именно и каким образом повлиял на Толстого, а в объективной близости нравственной философии Толстого как исторически преемственной формы его мышления к просветительской философии усовершенствования».²⁰ И все же идеологическая близость писателей обычно наблюдается, когда они сталкиваются с типологически близкими, однородными явлениями. Пример тому — «Наказ» Екатерины в оценке Радищева и Льва Толстого.

2

Неизвестно, знал ли Толстой о трагических последствиях законодательской деятельности Радищева. Его собственные выводы из чтения «Наказа» носили гораздо более умеренный характер. Однако итоги критического анализа «Наказа» Толстым также нельзя недооценивать. Толстой вспоминал: «...меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься».²¹

Обширная программа самообразования, намеченная Толстым по выходе из университета, — первая часть этих «бесконечных горизонтов». В 50-е гг. Толстой сочиняет ряд проектов, записок, в которых видны следы критики «Наказа», чтения им просветителей.²² В записке «О дворянском вопросе» (1858) Толстой впервые попытается оценить то время, когда выступал с требованием социального равенства А. Н. Радищев. Отмечая особенную роль прогрессивной литературы, передовой части дворянства, способствовавших развитию идеи освобождения крестьян, Толстой писал: «Только одно дворянство со времен Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и нетайных обществах, и словом и делом».²³ Имя Радищева не названо, но оно явно подразумевается, символизирует дворянскую революционность. Радищев — ее родоначальник, за ним идут декабристы, деятели «тайных и нетайных обществ».

«Времена Екатерины» заинтересовали Толстого с разных точек зрения, прежде всего с политической, философской. Каково

²⁰ Куприянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М.—Л., 1966, с. 51.

²¹ См.: Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 148; см. также: Вирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого, т. I. М.—Пг., 1923, с. 56.

²² См.: «О военно-уголовном законодательстве», «Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян», «Записка о дворянстве» и др.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 5, с. 267.

соотношение власти и народа? Могли ли Екатерина, или Пугачев, или Марат, Робеспьер, или кто другой выразить волю народа? Идея «общественного договора», в принципе разделявшаяся Радищевым, привлекавшая молодого Толстого, уже не могла быть опорой для толстовских героев, появившихся в творчестве писателя в 50—70-е гг. В «Войне и мире» Толстой с проницанием опишет настроение Пьера Безухова, оказавшегося в Слободском дворце: «Он был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества — сословий, états généraux — вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душу мыслей о Contrat social и французской революции. Замеченные им в воззвании слова, что государь прибудет в столицу для *совещания* с своим народом, утверждали его в этом взгляде. И он, полагая, что в этом смысле приближается что-то важное, то, чего он ждал давно, ходил, присматривался, прислушивался к говору, но нигде не находил выражения тех мыслей, которые занимали его».²⁴

Ни Екатерина, ни Пугачев, никакой другой «узурпатор», по мнению Толстого, в какую бы он тогу ни рядился, не может быть выразителем «воли масс». «... для того, чтобы определить, какая сторона деятельности исторического лица выражает волю народа, — пишет Толстой, — нужно знать прежде волю народа».²⁵ Пример такого народного представительства, единства интересов исторического деятеля и народа Толстой показал в образе Кутузова. Действия Кутузова, его воля соотносимы с действиями, волей масс. Кутузов — герой особого исторического периода в жизни России, в котором оказались возможны значительные общественные преобразования. Относительный успех в деятельности князя Андрея, Пьера Безухова и бесплодность усилий Александра I, Сперанского, разыгрывавших роль государственных деятелей, также отражает толстовское понимание условий эпохи, унаследовавшей идейный груз правления Екатерины II и Павла I.

Князь Андрей и Пьер Безухов в разной степени вскормлены «временами Екатерины». Их связи с прошлым веком более явно, чем в окончательном тексте, прослеживаются при изучении творческой истории того и другого образа. В первой редакции «Войны и мира» Толстой писал о князе Андрее, что он «воспитан в воспоминаниях века Екатерины».²⁶ По этой же редакции видно, что разногласия между Пьером Безуховым и князем Андреем касаются вопросов, рожденных «временами Екатерины» и французских энциклопедистов. Князь Андрей, писал Толстой, «понимал мысль Pierr'a, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только

²⁴ Там же, т. 11, с. 91.

²⁵ Там же, т. 12, с. 311.

²⁶ Там же, т. 13, с. 332.

внешняя и не привьется народу, не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народом люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им».²⁷

Тугендбунд, который должен защитить Безуховых, Ростовых, Болконских от кровожадных Пугачевых, также напоминает «век минувший», в какой-то степени точку зрения Радищева на пугачевское восстание.²⁸

Времена Екатерины для Толстого — это также идеи, принципы, действия Великой французской революции, которая воспринималась им, как и Радищевым, двойственно. Исследователи в принципе сходятся в том, что Радищев с одобрением воспринял демократическую программу французской революции и отвернулся от якобинцев, их диктатуры. В ранних вариантах будущей «Войны и мира» Толстой писал: «Время между французской большой революцией и пожаром Москвы, то самое время, когда великая революция, воплотившись в военную диктатуру, перестала быть идеей, с которой можно спорить, рассуждать, соглашаться или не соглашаться, а стала силой, с которой надо было не спорить, а бороться или подчиняться ей».²⁹

В пору работы над романом Толстой оценивает французскую революцию ретроспективно, с точки зрения позднейшей власти Наполеона (Наполеон — «представитель превращенной идеи революции»). В 900-е гг. он дает ей политическую характеристику: разделяет полностью ее принципы и практические меры, решительно отвергает «правительственное насилие».³⁰

Радищев смотрел в свое время на французскую революцию с надеждами, затем он переживал ее трагические последствия, осуждал диктаторскую власть. Еще в «Путешествии» он восклицал: «О властвование! о всесилие! ты мышцам своим недоверяеш» (I, 348). Общедемократический пафос протеста и обличений сближает Толстого с Радищевым. Очень спорна мысль Ю. М. Лотмана, что воззрения Радищева «выходят за рамки дворянской революционности».³¹ Оправдание Радищевым народной мести изуверам-помещикам — это еще не политическая теория крестьянской революции. С другой стороны, Радищев, как справедливо подчеркивает Ю. М. Лотман, явно противостоит либералам. Действительно, как писал В. И. Ленин: «Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться

²⁷ Там же, с. 682.

²⁸ См.: *Макогоненко Г. П. Радищев и его время.* М., 1956, с. 208; *Barrat G. A note Radishchev and the Pugachovscina.* — In: *Slavic and East-European studies.* Montreal, 1973, vol. 18, p. 66—78.

²⁹ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 76.

³⁰ Там же, т. 36, с. 195; см. также: *Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого.* — *Литературное наследство*, т. 69, кн. 1. М., 1961, с. 77—78.

³¹ *Лотман Ю. М.* 1) Был ли Радищев дворянским революционером. — *Вопр. философии*, 1956, № 3, с. 165—172; 2) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в. — *Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та*, 1965, вып. 167, с. 3—32.

с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков». ³² Это характеристика либерализма периода жизни и деятельности Толстого. Толстой «боялся» революции, ее насилия и в то же время был выразителем интересов масс, взволновавшихся до самых глубин. Толстой в своем развитии шел от традиций Радищева, декабристов, Герцена к оправданию борьбы крестьянства за землю и волю, к отрицанию всего самодержавно-крепостнического строя. В черновом варианте «Письма к либералам» (А. М. Калмыковой) Толстой утверждал: «Мы все — люди, не участвующие в грабежах правительством народного богатства, — не чиновники и вместе с тем люди не невежественные знаем очень хорошо, что наше правительство живет неправдой, насилием, одурением народа. Это мы знаем со времен Радищева, декабристов и уже совершенно ясно со времен николаевских и александровских». ³³ Отвергая «способы борьбы» как те, которые показали вожди крестьянских восстаний, декабристы, «революционеры 60-х годов», «деятели 1-го марта», так и те, которые использовали «либералы-постепеновцы», Толстой не называет имени Радищева. Радищев для Толстого — пример бескомпромиссной нравственной деятельности, выражающей голос народа, его демократический протест.

В истории общественного движения Толстой отводит Радищеву место среди революционных подвижников, которые, по его мнению, «готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой». ³⁴ Толстой считал, что преимущественно этими людьми, такими как Новиков, Радищев, декабристы, совершенно освобождение крестьян в 1861 г., и верил, что такие люди могут совершить бескровную революцию. Толстой воспринимал борьбу Радищева, его сподвижников в свете своей идеи нравственного самосовершенствования. Традиции дворянской революционности переплетались с противоречивыми тенденциями толстовско-крестьянского мирозерцания.

3

Толстовская философия жизни, ее нравственного движения породила толстовскую специфику изображения личности, идею ее бессмертия. Пьер Безухов размышляет во сне о конце Платона Каратаева: «В середине бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, и сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает. Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез». ³⁵

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20. Изд. 5-е, с. 175.

³³ Отдел рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого (Москва), К/13/2496.

³⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.

³⁵ Там же, т. 12, с. 158.

Французы могут изолировать, пристрелить Пьера Безухова, но это также не означает, что наступит конец всего: «Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу!».³⁶

Наташе Ростовой в святки кажется, что она может вспомнить то, что с ней было прежде. Ее спор с Николаем: «Почему я знаю, чем я была прежде, — с убеждением возразила Наташа. — Ведь душа бессмертна <...> стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила».³⁷

Размышлениям Наташи в творчестве Толстого предшествовали рассуждения Иртеньева: «После жизни душа переходит в вечность; вот вечность — и я провел с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего с другой стороны нету такой черты? Да, и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны, мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание».³⁸

Философским источником подобных размышлений толстовских героев является идея Гердера о бессмертии души, о переселении душ (*Seelenwanderung*), которая оказала сильное воздействие и на Радищева. Связи Радищева с философией, этикой Гердера, конечно, непосредственнее и шире, чем у Толстого.³⁹ Радищев через восприятие Гердера, других мыслителей, через преодоление их постигал принципы историзма, теории эволюции природы и человеческого общества, принципы гражданского поведения. «Именно проповедь гражданского мужества, желание подвигнуть своих единомышленников на бесстрашное самопожертвование заставляют Радищева „вопреки всех других доводов“ развивать теорию бессмертия души: тема бесстрашной гибели, появившаяся во второй главе трактата [«О человеке, о его смертности и бессмертии»], является стержневой для всей третьей — переходной от опровержения бессмертия души к его доказательству».⁴⁰ Это доказательство Радищев вел, как известно, в значительной степени от Гердера. В свою систему доводов он взял его рассуждения об эволюции живых организмов, о единстве органи-

³⁶ Там же, с. 105—106.

³⁷ Там же, т. 10, с. 278.

³⁸ Там же, т. 2, с. 56—57.

³⁹ Критический обзор литературы на тему «Радищев и Гердер» см. в статье: *Плимак Е. Г., Покровский С. А.* Связи Радищева с западным просвещением в оценке буржуазной литературы. — *Вестн. истории мировой культуры*, 1957, № 4, с. 70—85; см. также: *Bittner K.* Herder und Radishev. — *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 1956, Bd XXV, H. 1; *Mc Connell A.* Russian Philosopher Alexander Radishev. 1749—1902. Prague, 1954, p. 157—161; *Schmidt H.* Das historische Prinzip in der Weltanschauung und im Spätwerk A. N. Radishev. — In: A. N. Radishev und Deutschland. Berlin, 1969, S. 109—110.

⁴⁰ *Лотман Ю. М.* Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII в., с. 16, ср.: *Матковская И. Я.* У истоков революционной нравственности (А. Н. Радищев: проблема нравственного долга). — *Вопр. философии*, 1975, № 1, с. 139—147.

ческого и неорганического мира («от камня до человека явственная постепенность <...> явственная сия лестница веществ, древле уже познанная, на коей все роды оных един от другого столь мало, кажется различествуют» — II, 110), о сне-смерти («О, сон! брат смерти и смежность вечности!» — II, 116) — мотивы, связывавшие с Гердером и Льва Толстого.

В творческой истории своих романов Толстой уходил от непосредственного выражения, цитации мыслей Гердера. Толстовские герои ищут ответа на свои вопросы обычно не в книгах. «Он [Левин] читал и думал и чем больше он читал и думал, тем дальше чувствовал себя от преследуемой им цели».⁴¹ Прямые обращения Пьера Безухова и князя Андрея к сочинениям Гердера как философскому апокалипсису остались в вариантах «Войны и мира». Толстой вслед за Радищевым идеи Гердера использовал с поправкой на свое мирозерцание. Читая в конце 1877 г. сочинения историка религии Макса Мюллера, Толстой замечает: «Нигде нет и речи о переселении душ, но только о бессмертии души».⁴² Толстой не признает ортодоксально религиозную трактовку бессмертия, он помнит концепцию Гердера.

Идея совершенствования природы и человека, идея бессмертия у Радищева вливается в его суждения о нравственном совершенствовании, о необходимости уничтожения зла. «Если же себе представим, что все человеки сходствуют в их силах и способностях, суть во всем одинаковы, и черта, одного от другого отделяющая, незрима, в различиях своих они восходят или нисходят непременно постепенностию, но вся суть единого рода; следовательно, и определения их, места их, цель должны быть одинаковы. Если кто из них, употребляя во зло данные ему способности, устраняется предопределения своего, то все следствия злых дел налагают на него. Едкая совесть грызет его сердце и не отступит от него, дондеже не истребит в нем все преступное, все злое» (II, 138).

Революционность Радищева не исключала обращения к общечеловеческим нравственным проблемам, к идее самовоспитания, которая у Толстого превратилась в целостную философию нравственного самосовершенствования. «Дуализм» рассуждений Радищева о бессмертии возникает в новой исторической обстановке, в новом преломлении, у Толстого, бескомпромиссного обличителя, противника самодержавия, религии, различных псевдотеорий и страстного проповедника вечных начал нравственности с тем же зерном Гердеровой теории.

Пласты материальной, духовной жизни, культуры, породившие Радищева и Толстого, не равнозначны. Однако и того, и другого бесспорно сближают демократизм, их верность крестьянской России, смелый, решительный отказ от всех сословных приви-

⁴¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 19, с. 369.

⁴² Там же, т. 48, с. 348.

легий. Известная преемственность революционных традиций, просветительских идей русских деятелей конца XVIII в. и антикрепостнической идеологии русских революционеров и просветителей XIX в. объясняет обращение Толстого к Радищеву. Кроме того, в восприятии «теорий» и «систем» прошлого Толстой был глубоко индивидуален. Герой его повести «Отрочество» приходит к выводу: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских систем, составляют нераздельные части ума».⁴³ Так же рассуждает в черновых вариантах «Войны и мира» другой герой, близкий Толстому, — Пьер Безухов.⁴⁴ Радищев, Гердер и другие мыслители стали неотделимой частью оригинальнейшего «ума человеческого» толстовских героев и их творца.

⁴³ Там же, т. 2, с. 56.

⁴⁴ Там же, т. 13, с. 590—591.

А. Г. ТАТАРИНЦЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РАДИЩЕВЫХ

В литературе о Радищеве материалы из истории его рода наиболее полно представлены в работах Я. Л. Барскова и П. Г. Любомирова,¹ которые наряду с известными (и использованными в них) очерками Н. А. и П. А. Радищевых² являются до сих пор если не исчерпывающими, то самыми авторитетными и незаменимыми источниками биографических книг об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву». Новых сколько-нибудь серьезных разысканий и исследований в этом направлении с того времени (с середины 1930-х гг.) не предпринималось. Достаточно взять любую из последних работ биографического жанра, чтобы убедиться, что родословная Радищевых ни в каком отношении не получила дополнения, детализации, уточнения. Между тем по одним и тем же моментам этой родословной существуют расхождения как между первыми биографами А. Н. Радищева (его сыновьями), так и между авторами названных работ.

Н. А. Радищев, например, писал, что его прадед «сделался полковником» после того, как в возрасте сорока лет женился на Н. Г. Аблязовой. Второй же сын писателя (П. А. Радищев) утверждал, что А. П. Радищев женился, уже «будучи полковником». Я. Л. Барсков датами рождения и смерти А. П. Радищева называет 1683 и 1746 гг. П. Г. Любомиров — соответственно 1677 и 1746 гг. Еще меньше ясности в вопросе о родоначальниках Радищевых. Н. А. Радищев вообще опустил эту часть истории рода, начав свой очерк с краткого описания службы А. П. Радищева. П. А. Радищев ведет родословную от двух татарских князей, «родных братьев» Куная и Нагая, указывая тут же, что при крещении они получили русские имена (Константина и Василия) и что А. Н. Радищев «произошел от Куная», но в то же

¹ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. — В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.—Л., 1935, с. 17—170; Любомиров П. Г. Род Радищевых. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 293—351.

² Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.—Л., 1959.

время твердо не зная, кто какое получил имя.³ П. Г. Любомиров восстановил еще одно «колено», показав, что род Радищевых следует начинать с некоего Дружины — отца Куная. Но и в его работе находится достаточно много предположительного, чтобы считать историю рода восстановленной исчерпывающе и бесспорно точно.

В фонде ученой архивной комиссии Саратовского облархива хранится родословная, составленная в 1805 г. четырьмя оставшимися к тому времени в живых сыновьями Н. А. Радищева (Андрей, Михаил, Степан и Иосаф).⁴ Они ведут свой род от Константина. Очевидно, П. А. Радищев при составлении очерка пользовался теми же сведениями, на основе которых была составлена эта хранившаяся в доме Радищевых родословная. Как выясняется, в XIX в. сыновья автора «Путешествия» собирали и представляли документы на предмет внесения их фамилии в родословную книгу. Видимо, не зная об этом и имея в виду неточности в очерке П. А. Радищева, П. Г. Любомиров и решил, что тот «по памяти» воспроизводил рассказы о прошлом, «слышанные им в имении деда, в с. Аблязове, где он жил с отцом по возвращении из Сибири около года».⁵ Очерк П. А. Радищева действительно не совсем точен, причем не только в данном отношении. Но объяснить это скорее можно не тем, что он пользовался изустной информацией шестидесятилетней давности (вспоминая якобы рассказы, слышанные в 15-летнем возрасте), а недостаточно точным знанием начального периода истории рода самими первыми ее составителями. В этом убеждает сопоставление родословных, в составлении которых принимал участие один и тот же человек из семьи Радищевых — Степан Николаевич. Они имеют весьма существенные расхождения, в особенности в той части, которая касается как раз родоначальников. Видимо, отсутствие точных данных и объясняет то, что в родословной 1805 г. были «отрезаны» несколько первых «колен» и она стала начинаться с Константина (т. е. с конца XVII в.). Отсюда разноречивые сведения о Кунае и Нагае в очерке П. А. Радищева.

Публикуемая родословная найдена в делах Саратовского дворянского депутатского собрания. Ценность ее заключается в том, что она была составлена со слов Н. А. Радищева и подписана — из-за его слепоты — Степаном в первой половине 1790-х гг. Это видно из того, что справку разрядного архива, приложенную к родословной, Н. А. Радищев получил еще 5 февраля 1792 г., а все документы представил в депутатское собрание к 29 июля 1795 г.

³ При первой публикации своего очерка (Рус. вест., 1858, № 12, с. 395—432) он писал, что «Кунай при крещении назван был Константином, а Нагай — Василием», а при последующей доработке «переименовал» их, называя первого Василием, второго — Константином.

⁴ Государственный архив Саратовской области (далее: ГАСО), ф. 407, оп. 4, ед. хр. 494.

⁵ Любомиров П. Г. Род Радищевых, с. 294.

Хотя по их рассмотрении и было решено «внести ево Господина Радищева и род в родословную Саратовской губернии дворянскую книгу» и «дать ему ... грамоту», по другим (позднейшим) источникам выясняется, что «действием сие определение исполнено не было и грамоты не дано».⁶ Почему «не исполнено», не вполне ясно. Правда, здесь же имеется дополнение, но оно объясняет другое — почему «не дано» было грамоты: «А именным Его императорского Величества указом декабря 4 дня 1796 года грамоты давать воспрещено». Из «всеподданейшего прошения» четырех братьев в то же собрание от 23 мая 1806 г. видно, что и к этому времени род Радищевых еще не был внесен в родословную книгу. Лишь после рассмотрения этого прошения последовало соответствующее определение, и их имена (Андрея, Михаила, Степана и Иосафа) вошли в эту книгу.⁷ Позже свою принадлежность к дворянскому роду Радищевых доказывали сыновья писателя. Так, В. А. Радищев подал прошение о включении в дворянскую родословную книгу в 1837 г.,⁸ а его сын, вынужденный разыскивать свидетелей для подтверждения того, что В. А. Радищев действительно является его отцом, смог представить необходимые документы лишь в конце 1890-х гг.⁹ При этом потомки Радищевых всякий раз ссылались на родословную, составленную Н. А. Радищевым, хотя ясного представления о ней и не обнаруживали. Гораздо более сложным было положение детей А. Н. Радищева от Е. В. Рубановской. Они, как видно из публикуемой родословной, Н. А. Радищевым даже не были упомянуты. Его сыновья в 1805—1806 гг. тоже называли лишь тех детей писателя, которые были рождены А. В. Рубановской (Радищевой). Эта история оформления дворянской принадлежности и найденная родословная позволяют обратиться к ряду проблем, до сих пор не разрешенных, и уточнить некоторые свидетельства П. А. Радищева, используемые ныне как бесспорные.

Прежде всего по этой родословной восстанавливаются еще два, самые древние, «колена»: прапращур Григорий и пращур Елизарий (отец Дружины и Куная, прапрапрадедов Н. А. Радищева). Как видим, Дружина был не отцом, а братом Куная. То, что Кунай является сыном Елизария, подтверждается справкой разрядного архива, в которой читаем: «... Кунай Елизарьев сын».¹⁰ Здесь же находим: «... Нагай, Дружинин сын». Следовательно, если Дружина и Кунай — братья, то Нагай был племянником Куная. Уточнение о Нагае, содержащееся в родословной («... он же Иван»), с одной стороны, не соответствует утвержде-

⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 4, ед. хр. 494, л. 7.

⁷ Там же, л. 9—9 об.; ф. 19, оп. 1, ед. хр. 171, л. 128.

⁸ Там же, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 789, л. 103.

⁹ Там же, ф. 10, оп. 4, ед. хр. 2160. Дело Радищевых. 15.9.1893—15.10.1898.

¹⁰ См. также опубликованные в «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» (1910, вып. XXVI, с. 36—44) жалованные грамоты на вотчины Куная Елизарьевича Радищева за 1619 и 1623 гг.

нию П. А. Радищева о том, что при крещении он был назван Василием (в позднейшей редакции очерка — Константином); с другой — оно вполне согласуется с отчеством прапрадеда Н. А. Радищева — Константина Ивановича. То, что последний был сыном Нагая (Ивана), видно и из родословной Мариных, имения которых находились в Калужской губернии. К. И. Радищев был женат на Елене Воиновне Мариной, дочери Воина Воиновича, бывшего в 1648 г. губным старостой в Боровске. Судя по таблице, составленной Шуликовым,¹¹ А. Н. Радищев был правнуком Елены Воиновны, а его современник поэт С. Н. Марин (1776—1813) — правнуком ее дяди, Василия Воиновича.

На родственные связи Радищевых и Мариных до сих пор не было обращено должного внимания. Между тем они вполне заслуживают этого. С. Н. Марин вращался в окружении людей, хорошо знакомых и А. Н. Радищеву. Он был дружен с А. В. Аргамаковым (1776—1833), сыном В. А. Аргамакова от брака с родной сестрой Д. И. Фонвизина Феодосией Ивановной. В. А. Аргамаков печатался в журналах «Иппокрена» (где, как известно, были опубликованы каким-то образом «Сафические строфы» А. Н. Радищева), «Полезное и приятное препровождение времени» (который А. Н. Радищев выписывал). С. Н. Марин и А. В. Аргамаков были участниками дворцового переворота 11 марта 1801 г., о чем А. Н. Радищеву было, вероятно, известно. Близкими друзьями С. Н. Марина были также племянник А. Р. Воронцова — М. С. Воронцов; брат управляющего имением А. Р. Воронцова в селе Андреевском З. Н. Посникова (хорошо знакомого А. Н. Радищеву) — П. Н. Посников; сын обладателя бесценного списка «Путешествия» М. Н. Лонгинова — Н. М. Лонгинов. Не в этих ли родственных и дружеских связях лиц, знакомых и С. Н. Марину, и А. Н. Радищеву, кроется разгадка тайны «лонгиновского» списка книги? Во всяком случае, пересечение родословных Радищевых и Мариных можно считать, как говорится, достаточным основанием для исследования и их литературно-общественных отношений.

Совершенно определенным образом должно быть понято и поставлено в связь с другой проблемой — о месте рождения и детства А. Н. Радищева — отсутствие упоминания о детях Е. В. Рубановской в родословной, составленной Н. А. Радищевым. Рассказ П. А. Радищева о том, что его дед и «все семейство, кроме Феклы Степановны», не захотели признать их, этих детей, Радищевыми, объясняет причины такого умолчания. Сам биограф А. Н. Радищева, кстати сказать, несколько гиперболизируя реакцию Н. А. Радищева на слова сына о них как своих детях и отнюдь не осуждая ни деда, ни «все семейство»,¹² преследовал своим рас-

¹¹ См. в кн.: *Марин С. Н.* Полн. собр. соч., М., 1948, с. 462.

¹² См. об этом статью «Семейный „совет“ Радищевых» в журнале «Волга» (1972, № 9, с. 189—192).

сказом, по-видимому, определенные цели. Он ставил, таким образом, под сомнение право «незаконных» детей А. Н. Радищева претендовать на наследование фамилии и связанные с этим привилегии (в том числе и на переиздание сочинений отца). Сам он был «законным» сыном, почему проведенное в его очерке сопоставление Анны Васильевны с Елизаветой Васильевной (по силе и глубине чувств к ним А. Н. Радищева) оказывается явно не в пользу последней. Понятно и то, почему сыновья Н. А. Радищева тоже не включили в родословную детей Е. В. Рубановской и почему тем пришлось позже преодолевать значительные трудности по оформлению своей принадлежности к роду Радищевых и к дворянскому сословию. Эти, деликатно говоря, семейные несогласия, холодность во взаимоотношениях,¹³ проявившиеся не к чести фамилии Радищевых, могли бы быть оставлены без внимания, если бы они не привели к осложнению вопроса о месте рождения А. Н. Радищева. Рассматривая его в специальной работе,¹⁴ здесь заметим лишь, что версия о рождении писателя в Верхнем Аблязове принадлежит сыновьям и внукам Е. В. Рубановской, выдвинувшим ее в противовес Н. А. и П. А. Радищевым (сыновьям А. В. Рубановской-Радищевой), утверждавшим, что их отец родился в Москве. Конкретная подоплека этой неявной полемики пока не вполне ясна. Может быть, обосновавшийся к тому времени в Верхнем Аблязове А. А. Радищев и его племянники Боголюбовы, называвшие женой А. Н. Радищева свою мать¹⁵ (а не Анну Васильевну), стремились таким образом закрепить свое право на владение этим селом. Если они к тому же знали, что Н. А. Радищев остался должником Елизаветы Васильевны (получив от нее в 1790 г. значительный «капитал» и не вернув его впоследствии),¹⁶ то это предположение становится весьма правдоподобным. обстоятельное изучение истории взаимоотношений между детьми А. Н. Радищева позволило бы выяснить судьбу оставшихся после него книг, бумаг, личных вещей и объяснить, каким образом некоторые из этих детей и внуков стали обладателями запрещенного «Путешествия». В данном же случае

¹³ Это видно даже из ответа А. А. Радищева (сына Е. В. Рубановской) от 6 января 1866 г. на письмо П. А. Радищева, запрашивавшего о судьбе бумаг, книг и вещей А. Н. Радищева. Если бы не был известен автор этого ответа и А. Н. Радищев не назывался в нем «нашим отцом», то никогда нельзя бы было подумать, что адресат ответа и его автор — родные братья: настолько официален его тон и стиль (письмо перепечатано Д. С. Бабкиным в кн.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.—Л., 1959, с. 17).

¹⁴ Последняя публикация А. В. Храбровицкого по этому вопросу (Рус. лит., 1974, № 3, с. 180—181) содержит не вполне точную и определенную ссылку на обнаруженные мною документы.

¹⁵ См. надпись на иконе, принесенной в дар Преображенской церкви в 1866 г., содержание которой вновь воспроизведено в той же публикации А. В. Храбровицкого.

¹⁶ Об этом мы узнаем от самого А. Н. Радищева, см., например, его письма от 26 ноября 1798 г. и 17 апреля 1799 г. — III, 525, 528.

важно иметь в виду то, что исходившее от Н. А. Радищева неприязненное отношение к детям Е. В. Рубановской постепенно и незаметным образом переросло в историко-литературную проблему (о месте рождения А. Н. Радищева).

Особо обращает на себя внимание в публикуемой родословной наличие в ней имени А. Н. Радищева, который, как известно, еще в 1790 г. был лишен дворянского звания и потому никак не мог быть внесен в родословную книгу. Не может быть, чтобы губернский и уездные предводители дворянства Саратовского наместничества не знали об этом. Указ Павла I, запрещающий выдачу грамот, вышел спустя почти полтора года после принятия решения Саратовским дворянским депутатским собранием по прошению А. Н. Радищева, так что ссылка на него (см. выше) ничего не проясняет. Предстоит еще выяснить, он ли явился причиной задержки с внесением рода Радищевых в родословную книгу. Если окажется, что в период с 29 июля 1795 г. до 4 декабря 1796 г. в эту книгу были внесены какие-то другие фамилии, то причину незаконности включения А. Н. Радищева в родословную следует видеть не в указе. Вызывает, однако, недоумение, как могли его отец и братья не учитывать этого, не предвидеть осложнений и каким образом Саратовское депутатское собрание все-таки приняло их документы к рассмотрению, полностью включив их в соответствующую книгу протоколов. Вообще же последствия выступления А. Н. Радищева с «Путешествием» еще не явились предметом специального исследования. Как оно отразилось в жизни тех, кто принимал непосредственное участие в издании книги, кто состоял в родственных и дружеских связях с А. Н. Радищевым? Неизученность этого вопроса приводит, как и в случае с «лонгиновским» списком, к таким, например, сенсационным «открытиям»: «И. И. Вальц, секретарь вице-канцлера Безбородко, был сослан в Пензу за хранение экземпляра „Путешествия“, подаренного <?> ему Радищевым».¹⁷

Справка разрядного архива заставляет усомниться в подлинности рассказа П. А. Радищева о прадеде, перешедшего в научную и популярную литературу. Я. Л. Барсков, например, писал: «В конце XVII века Радищевы так обеднели, что, по семейному преданию, Афанасий Прокофьевич, отправляясь на службу в Преображенский полк, получил от матери на дорогу лишь кафтан домашнего сукна и шесть копеек деньгами». Ничем, кроме этого предания, слова «так обеднели» не подтверждаются. В действительности, как видно из справки, поместья отца

¹⁷ *Штурм Г.* Новое о Радищеве. — Лит. газета, 1973, 22 августа, № 34. Автор умалчивает о том, что секретным указом И. И. Вальц был сослан в Пензу за шпионаж, и домысливает от себя, будто Радищев подарил ему книгу. Весьма странно и его утверждение, будто трактат «О человеке...» посвящен «друзьям» из «Общества друзей словесных наук». Давно ведь известно, что друзьями А. Н. Радищев называл своих старших сыновей, которым и посвящен трактат.

А. П. Радищева из года в год увеличивались. В 1675 г. ему был пожалован «оклад... с придачами помесной (земли, — А. Т.) 830 четьи денег 54 рубля», в 1676 г. он уже владел 1000 четвертями и получал 72 руб., «за севскую и путивльскую службу» в 1676—1677 г. он получил еще 120 четвертей и 13 руб. надбавки, «за чигиринскую службу» в 1678—1679 гг. — 100 четвертей земли и 13 руб. В 1681 г. П. К. Радищев был пожалован в стряпчие, в 1683 г. за троцкий поход ему придано 550 четвертей и 10 руб. В 1686 г. он снова пожалован за крымские походы, имея к тому времени 2200 «четей» поместной земли. Жалован он был и позже (в 1687, 1689, 1690 гг.) поместьями и деньгами. Так что история с шестью копейками и кафтаном является, по всей видимости, позднейшим романтизирующим украшением семейного предания, внушавшего мысль о том, что чины и состояния должны достигаться честной и трудной службой. Ею руководствовался, как видно, и Н. А. Радищев, человек весьма состоятельный, но тем не менее определявший всех своих сыновей на службу. Эта мысль, как известно, входила в систему убеждений и автора «Путешествия из Петербурга в Москву», была неоднократно высказана и развита им в ряде сочинений, в известной степени обуславливая и его собственную деятельность. В этой связи дальнейшие архивные разыскания, которые могли бы восполнить «белые» пятна в биографии А. Н. Радищева, восстановить атмосферу воспитания в семье, ее традиции, заложенные дедом и продолженные отцом (несколько новых документов о них ждут публикации), представляются совершенно необходимыми и вполне реальными. Без этого невозможно создание еще не написанной научной биографии писателя-революционера. Справка Кузнецкого уездного предводителя дворянства, включенная в родословную, дает основание для решения вопроса о времени рождения всех членов семьи Радищевых.

Зная, что А. Н. Радищев родился 31 августа 1749 г., а его младший брат Иосаф — 20 октября 1774 г., и прибавляя к этим датам указанные в справке возрасты (соответственно 41 год и 15 лет), можно заключить, что сообщаемые в ней сведения относятся к концу 1789 — первой половине 1790 г. Если это так, то оказывается, что Н. А. Радищев (по справке ему 64 года) родился в 1725—1726 г. (а не в 1729, как считается ныне). Это подтверждается и исповедной росписью Преображенской церкви за 1789 г., в которой сказано, что ему было в это время 65 лет, а Фекле Степановне — 64 года,¹⁸ т. е. родились они соответственно в 1724 и 1725 гг. Путем несложных расчетов приблизительно устанавливаем и годы рождения их остальных детей: Фаина — 1754—1755, Моисей — 1756—1757, Петр — 1758—1759, Андрей — 1759—1760, Настасья — 1764—1765, Михаил — 1765—1766, Степан — 1770—1771, Федосья — 1771—1772 гг.

¹⁸ Государственный архив Пензенской области (далее: ГАПО), ф. 182, оп. 1, ед. хр. 209, л. 1—2 об.

Известны и другие свидетельства по этому вопросу. Например, А. Н. Радищева, который 11 июля 1790 г. указывал: «Отец у него из дворян коллежской ассessor Николай Афанасьев сын, лет 60-ти»¹⁹ (т. е. родился он будто бы в 1730 г.). Но ясно, что в показаниях на суде от него не требовалось точности, почему возраст отца дан в округлении. Сведения же Кузнецкого уездного суда (которые представлялись туда самим Н. А. Радищевым через приказчика) и исповедных росписей местной церкви, разумеется, более достоверны.

Обнаруженная родословная убеждает, что необходимы дальнейшие разыскания документов и исследование целого ряда проблем. Она публикуется здесь с сохранением стиля, орфографии и пунктуации подлинника, за исключением титулований (которые даются в ней то с заглавной, то со строчной букв), приведенных к графическому однообразию, и замены «Ѣ» на «е».

«№ 122.

1795 года ноября 16 дня по указу Ея Императорского Величества Саратовского наместничества Губернския предводителя дворянства, избранные от уездов к составлению и продолжению дворянской родословной книги дворянские Депутаты слушав выписку учиненную из представленных при прошении от Господина коллежскаго ассессора Николая Афанасьевича Радищева о ево дворянстве доказательств и из законов, в коей явствует: сего 795 года июля 29 числа в поданном в сие собрание означенной Господин коллежской ассessor Николай Афанасьевич Радищев прошении прописывает что по силе де Высочайшей о дворянстве грамоты 84-й статьи почтеннейше при том представляет поколенную роспись, и данную ему Правительствующаго Сената от Герольдмейстерских дел копию с справки разрядного архива о службах фамилии Радищевой, отца ево Афонася Прокофьевича на чин полковничей Высочайший патент, ордер его сиятельства покойнаго Господина Действительнаго тайнаго советника генерал-прокурора и кавалера князь Александр Алексеевича Вяземскаго, о определении ево сего наместничества в Губернския магистрат прокурором с положенным по штату чином; просит по рассмотрении его доказательств по недвижимому имению за ним в Саратовской губернии состоящему, внести ево и род в дворянскую родословную книгу в ту часть, в которую следовать будет и удостоить ево дачею на дворянство грамоты; а в представленных доказательствах значит: в поколенной росписи; прапращур Григорий, пращур Елизарей, прапрапрадеды Дружина, Кунай; прапрадед Нагай он же Иван, прадед Константин, у него три сына, деды: Василей, Прокофей, просителив дед, Афонасей, у Василья Константинова два сына Авдей, Абрам, у Прокофея Константинова пять сынов Емельян, Терентей, Афонасей большой, Глеб, Афонасей меншой просителив отец, у Афонася Константинова три сына, Тит, Данила, Урей; у Авдея Васильева два сына Николай, Михайла, у Абрама Васильева один сын Василей у Емельяна Прокофьева сын Григорей <л. 506> у Афонася Прокофьева меншаго один сын Николай проситель, у Урея Афонасьева один сын Ефтифей, у Николая Авдеева сын Андрей; у Григорья Емельянова два сына Петр, Иван; у Николая Афонасьева меншаго семь сынов: Александр, Моисей, Петр, Андрей, Михайла, Степан, Иосаф;²⁰

¹⁹ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 187.

²⁰ Из всех Радищевых лишь об Иосафе найдена метрическая запись. Он родился в Верхнем Аблязове 20 октября 1774 г. — ГАСО, ф. 837. Метрические книги Кузнецкого уезда Преображенской церкви, л. 88.

после Александр Николаева три сына Василей, Николай, Павел; в копии с справки разрядного архива, учиненной по прошению коллежского ассессора Николая Афонасьевича Радищева, и противу предъявленной от него поколенной росписи о службах фамилии Радищевой в которой значит: по справке в архиве фамилии Радищевой имена написанными оказались по Ярославлу Малому, в десятах: 1-е. За скрепою диока Томила Бровцына; в заглавии написано: 7112 мая в «...» день по Государеву Цареву и Великаго князя Бориса Федоровича, наказу окольничей Степан Степанович Годунов да думной Дворянин Иван Михайлович Пушкин да диоки Тимофей Витофт да Томило Бровцын, верстали детей боярских новиков»²¹ суздальцев, Юрьева Польскаго, володимерцов, переяславцев, жожаич, медынцец, Ерославца Малаго, борович, ружич, звенигородцев, волочан, верещ, лунан, гороховчан, служилых, и неслуживых Государевым жалованьем поместьям и денгами выпрашивая окладчиков кто каков отечеством и службою и к которую статью хто приходится и по прочем значат Ярославец Малой потом явствуют новики служилые с отцовских с прожиточных поместей, и вперед им служить с старых своих с прожиточных поместей и по Государеву наказу поверстаны одними денгами под тем третья статья денег по семи рублей, и в числе других значит Кунай Елизарьев сын Радищев, под именем его написано поместья за ним з болшим братом з Гришкою 375 четей а брат ево верстан на 250 четей а он Кунай служит пятой год; 2-е: 130 году во оной справке по листам значит 134 июля в 3 день таковая черная десятина взята после московскаго пожара и к той десятине диок Михайло Данилов руку приложил, в заглавии оной написано: десятина Ярослава Малова, дворян и детей боярских разбору «л. 505 об.» боярина Бориса Михайловича Салтыкова, Родиона Данилова 130 году кто именем дворян по списку, каков список дан из разряда написан по выбору и детей боярских в дворовых и в городских и что кому помесной оклад, и что за кем по сказке окладчиком и их самих в котором городе в дачах поместья и вотчины и в них крестьян и бобылей и по прочим значит выбор затем помесной оклад по 600 четей и в числе других написаны, Кунай Елизарьев, сын Радищев, под именем ево написано: Государева ему жалованья из Галицкие четьи 15 рублей, поместья за ним в Ярославце 190 четьи пусто²² да вотчины в Ярославце 240 четьи а в ней шесть человек крестьян, да семь бобылей будет Кунай на Государеве службе с вотчины своей на коне в саадаке,²³ а только Государь пожалует велит ему свое Государево жалованье дати, и за ним будет в полку с простым конем человек на меринке с пищалью; Аким Иванов сын Радищев под именем ево написано: Государево ему жалованье из Устежские четьи 21 рубля поместья за ним в Ярославце 170 четьи, да в Оболенске 25 четьи, да вотчины в Ярославце 90 четьи да в Оболенске 100 четьи, а в поместьях и в вотчинах 8 человек крестьян да 10 бобылев, будет Аким на Государеве службе с поместей своих и вотчин на коне в саадаке, а только Государь пожалует велит свое Государево денежное жалованье дати, и за ним будет в полку с простым конем человек на меринке с пищалью; потом явствуют дворовые затем помесной оклад по 300 четьи под тем значит Нагай Дружинин сын Радищев, под именем ево написано: Государево ему жалованье з городом восемь рублей вотчины за ним в Ярославце 120 четьи и пусто, живет он одиодворкою, з Государевым жалованьем будет на Государевой службе на меринке в саадаке; 3-е: 139 за скрепою по листам диока Федора Степанова в заглавии написано: по Государеву Цареву и Великаго князя Михаила Федоровича, указу окольничей князь Семен Васильевич Прозоровской, да диок Федор Степанов в Колугу Ярослава Малова дворян и детей боярских и новиков вновь поверстали «л. 506» ко Госуда-

²¹ Слово неразборчиво.

²² Пустошь.

²³ «на коне в саадаке» — в полном снаряжении.

реву жалованью в статьи, расписали с прежними окладчики и по протчем значит Ярославца Малой под тем выбор первая статья по 25 рублей человеку, потом явствует оклад 600 четьи денег из четьи 15 рублей под тем Кунай Елизарьев сын Радищев под именем ево написано: по окладчикове сказке быть ему в Государеве жалованье в первой статье, а на Государевой службе будет на коне в саадаке с саблею, да за ним человек на меринке с простым конем, да и сам Кунай про свою службу сказал, что он на Государеве службе будет против окладчиковы сказке, и Кунаю Государеве жалованье первая статья 25 рублей дано против имени ево на поле помечено умре; потом явствует денег из четьи 21 рубль под тем Яким Иванов сын Радищев, под именем ево написано: по окладчикове сказке быть ему во Государеве жалованье, в первой статье, а на Государеве службе будет на коне в саадаке с саблею да за ним человек на меринке с простым конем да и сам Яким про службу свою сказал что он на Государеве службе будет против окладчиковы сказки и Екиму Государеве жалованье первая статья 20 рублей дано; потом значит дворовые, затем помесной оклад по 300 четьи денег з городом 8 рублей под тем Нагай Дружинин сын Радищев под именем его написано: по окладчикове сказке быти в Государеве жалованье в первой статье а на Государеве службе будет против окладчиковы сказки и Нагаю Государеве жалованье первая статья 25 рублей дано; 4-е: за скрепою по листам дяка Дохтурова в заглавии написано 7142 декабра в 30 день; по Государеву Цареву и Великога князя Михайла Федоровича указу стольники и воеводы князь Федор Семенович Куракин да князь Федор Федорович Волконской да дяк Дохтуров в Колуге для Государевы службы дворянам и детям боярским Ярославца Малова дали Государеве жалованье по статьям спрашивая окладчиков которые были на Государеве службе под Смоленским по отходе как отшел околничей князь Семен Васильевич Прозоровский, из своего табору в большой обоз, и которые съехали после отходу по 25 рублей <л. 506 об.> и которые имали по 20 рублей и меньшую статью по 15 рублей и тем давали одну статью по 20 рублей; и по протчем значит Ярославца Малой под тем выбор первая статья по 25 рублей человеку, помесной оклад по 600 четьи денег из четьи 21 рубль, под тем Яким Иванов сын Радищев под именем ево написано окладчики сказали съехал он в Государевы службы после отходу как отшел из острогу околничей князь Семен Васильевич Прозоровской а он будет на Государеве службе на коне в саадаке с саблею да и сам он Яким про себя сказал против окладчиковы сказки тож и Государева ему жалованья по Государеву указу первая статья 25 рублей дано; потом явствует помесной оклад по 400 четьи денег з городом 8 рублей под тем Нагай Дружинин сын Радищев под именем ево написано: окладчики про него сказали съехал з Государевы службы обособоине (так! — А. Т.) дай ранен, а он будет на Государеве службе на коне с пищалью с саблею да и сам Нагай про себя сказал против окладчиковы сказки и Государева ему жалованья по Государеву указу первая статья 25 рублей дано; по Москве в книге без закрепы о которой в описи и в заглавии оной написано: в ней писаны околничьи и думные люди и стольники и стряпчие и дворяне московские и дяки и жилцы и дворяне и дети боярские розных городов и всякие служилые и приказные люди которые во 126 и во 127 году в приходе литовскаго Владислава королевича были на Москве в осаде, и за ту московскую осадную службу пожаловал Государь Царь и Великий князь Михайло Федорович бояр и околничих и думных людей и стольников и стряпчих и дворян московских и дяков и жилцов и дворян и детей боярских из городов и приказных людей велел им дати из их поместий в вотчину по своему Государеву указу и по протчем значит дворяне и дети боярские из городов были по полком с воеводами; потом явствует Ярославца Малой под тем <л. 507> выбор Кунай Елизарьев сын Радищев в боярских книгах нижеписанных лет о которых в описи значит что в оных писаны бояры околничие думные и близкие люди стольники, комнатные. А стольники же и стряпчия и дворяне московские

выборные и жильцы из тех чинов, которые служат в начальных людях и в рейтарах и дьяки, а именно: 135-е, без закрепы по протчем значат дворян из городов, под тем выбор, затем явствует Ярославец Малой помесной оклад по 600 четьи и в числе других написан Кунай Елизарьев сын Радищев, Яким Иванов сын Радищев, в 183 году без закрепы в первой половине по протчем значат во 191 году Великие Государы пожаловали в стряпчие и в числе других написано Василий Константинов сын Радищев под именем его написано в жилецком списке 183 году оклад ему с придачами помесной 600 четьи денег 35 рублей ему же за чигиринскую службу 184 и 185 году придачи 120 четьи денег 30 рублей, против имени на поле отмечено тако: был с Голицыным; во второй тож году книге половине по протчем значат во 189 году Великий Государь пожаловал велел написать по московскому списку в числе других написан Прокофей Константинов сын Радищев под именем его значат в жилецком списке 183 году оклад ему с придачами помесной 830 четьи денег 54 рубли, ему же за службу 191 году, что он был за Великими Государь в троицком походе придачи 50 четьи 5 рублей да за севскую и за путивльскую службу 184 и 185 году 120 четьи денег 13 рублей; 194 года без закрепы в первой половине по протчем значат во 198 Великие Государы пожаловали в стольники и в числе других написан Василий Константинов сын Радищев; во второй половине того году по протчем значат дворяне и в числе других явствуют Константин Иванов сын Радищев под именем его написано, в жилецком списке 183 года оклад ему с придачами помесной 850 четьи денег 58 рублей ему же придачи за троицкий поход 191 году 50 четьи денег пять рублей, для вечнаго миру с польским королем 194 году 100 четьи денег 20 рублей да за перехожие за 100 четьи пять рублей, за службу «л. 507 об.» крымскаго походу 195 году денег и за перехожие за 150 четьи 22 рубля с полтиною; Прокофей Константинов сын Радищев под именем его написано в боярской книге 184 году оклад ему с придачами помесной 1000 четьи денег 72 рубли; ему же придачи для вечнаго миру с польским королем 194 году денег и за перехожие за 2000 четьи 30 рублей за службу крымских походов 195 и 197 годов денег и за перехожие за 330 четьи 51 рубль с полтиною; за службу троицкаго походу 198 году денег и за перехожие за 210 четьи 35 рублей с полтиною; Афанасий Константинов сын Радищев под именем его написано: в жилецком списке 183 году оклад ему с придачами помесной 1000 четьи денег 76 рублей ему же придачи за троицкий поход 191 году денег и за перехожие за 50 четьи 7 рублей с полтиною; для вечнаго миру с польским королем 194 году денег и за перехожие за 200 четьи 30 рублей, за службу крымских походов 195 и 197 денег и за перехожие за 330 четьи 51 рубль с полтиною; 200 году без закрепы в первой половине по протчем значат: стольники, в числе других написан Василий Константинов сын Радищев, потом явствует: Великие Государыни благоверные Царицы и Великие Княгини Евдокии Федоровны стольники затем в 204 году под тем Тит Афанасьев сын Радищев под именем его написано 1700 марта во второй день по челобитной за помеснаго дьяка Федора Замятнина учинен оклад ему вновь помесной 600 четьи денег 30 рублей; во второй того же году книге половине по протчем значат дворяне и в числе других написан Константин Иванов сын Радищев, Прокофей Константинов сын Радищев, Афанасей Константинов сын Радищев в жилецких списках. 1-е: 183 года за скрепою по листам дюка Ковелина в заглавии написано список жильцов с помесными и денежными окладами по протчем значат Афанасей Константинов сын Радищев под именем его написано в жилецком списке 181 оклад с придачами помесной 720 четьи денег 41 рублев, ему же за севскую службу, 176 и 177 году придачи 80 четьи, денег 8 рублей, да для увольнения Великаго Государя 183 году как он Великий Государь был Царевичем 100 четьи 12 рублей да за чигиринскую службу 186 и 187 году 100 четьи денег три рубли; да за перехожие за 40 четьи два рубли; Константин Иванов сын Радищев под именем его написано в жилецком списке 181 помесной оклад 350 четьи, денег 9 рублей ему же

«л. 508» за быховскую службу 167 году 100 четьи 7 рублей да за Солегин бой 168 и 169 году 120 четьи 10 рублей ему же для объявления блаженной памяти благоверного Государя Царевича 176 году 100 четьи 12 рублей, да за севскую службу 176 и 177 года 80 четьи восемь рублей, ему же для объявления Великого Государя 183 году как он Великий Государь был Царевичем 100 четьи 12 рублей; Прокофей Константинов сын Радищев, под именем его написано, в жилецком списке 180 году оклад ему с придачами помесной 580 четьи денег 29 рублей, ему же для объявления благоверного Государя Царевича 183 году придачи 100 четьи 12 рублей, ему же за чигиринскую службу 186 и 187 году „и за рану того же году 150 четьи, денег 13 рублей, потом значит в 180 году в числе протчих написан Василий Константинов сын Радищев, под именем его написано в жилецком списке 180-го оклад ему помесной 350 четьи, денег 8 рублей, ему же для всемирной радости объявления благоверного Государя Царевича 183 году придачи 100 четьи, денег 12 рублей, ему же за чигиринскую службу 186 и 187²⁴ придачи 100 четьи 10 рублей, да за троицкую службу и за поход 191 году придачи 500 четьи 5 рублей; 2-е: 200 году без акрепы в заглавии написано: список жильцов полковые службы и которые служат в начальных людях и в гусарах и в копейщиках и в рейтарах и в иных чинех с помесными и с денежными оклады и по прочем значит в 205 году Терентей Прокофьев сын Радищев Данило Афонасьев сын Радищев, в 207 году Абрам Васильев сын Радищев, в списке 1714 году за скрепное по листам дюка Познякова в заглавии написано список бояр и окольных и думных и ближних людей и столников и стряпчих и дворян московских и дьяков а прочем значат стольники и в числе других написан Тит Афонасьев сын Радищев против имени его на поле отмечено тако: умре; 1792 годы февраля 5 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по определению Правительствующаго Сената Герольдмейстерских дел дана сия копия коллежскому ассесору Николаю Афонасевичу Радищеву по прошению ево для объявления в силу Высочайше изданной на дворянское право Жалованной грамоте к предводителям дворянства о том, что вышеописанные в архивской справке имена в родстве ему просителя причтутся и как близи за непредъявлением засвидетельствования Герольдмейстерские дела неизвестны сего ради от просителя «л. 508 об.» представляется доказывать о том в силу означенной Высочайше состоявшейся и изданной дворянству грамоты губернских предводителей 25 февраля 1792 году. И о подлинной надписи подписано тако: Алексей Молчанов, секретарь Семен Попов, канцелярист Никита Данилов; в патенте: Божиею милостию Мы Анна Императрица и Самодержица Всероссийская и протчая, и протчая, и протчая известно и ведомо да будет каждому что Мы Афанасья Радищева который нам подполковником и в кавалергардии капралом служил для его оказанной к службе нашей ревности и прилежности в наши полковники тысяча семь сот тридесат первого года июня двадесат третьяго дня Всемиловнейше пожаловали и учредили. Яко ж мы сим жалуем и учреждаем повелеваем всем нашим помянутого Афанасия Радищева за нашего полковника надлежащим образом признавать и почитать, напротив чего и мы надеемся что он в сем ему от нас Всемиловнейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетельство того мы сие собственною нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрешить повелели. Дан в Санкт Петербурге лета 1733 февраля 20 дня. На подлинном патенте подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако Анна! — Генерал фельдмаршал граф Христофор фон Миних. В ордере: высокоблагородный и почтенный Саратовскаго на-

²⁴ Отрывок «и за рану <...> 186 и 187» помещен на поле л. 508 об. с указанием в тексте места вставки (« ») и за подписью секретаря Татаринова.

местничества губернского магистрата господин прокурор: в сходственность всемиловейше изданных 7 ноября 1775 года Учреждения Ея Императорскаго Величества по которым в скором времени установлено будет Саратовское наместничество по определению Правительствующаго Сената сего декабря 4 дня определены вы означенного наместничества в губернский магистрат прокурором с положенным по штату чином с заслугой двух лет; почему и имеете в надлежащее время явиться у его превосходительства Ивана Варфоломееча Якобия и по открытии заседания в губернском магистрате вступить «л. 509» в исполнение вашей должности по силе означенных новых учреждений причем доставя вам верный способ оказать свою верность и усердие Ея Императорскаму Величеству чрез рачительное наблюдение препоручаемой вам новой должности. Не сомневаюсь я чтоб вы не соответствовали моему выбору желаемыми успехами; на подлинном ордере подписано тако: Вашего высокоблагородия охотный слуга: князь Александр Вяземский; в доставленном от Кузнецкаго дворянскаго уезднаго предводителя о всех владеющих движимым и недвижимым имением списке показано: Николай Афонасьев сын Радищев 64-х лет: коллежской ассесор в отставке; женат на дворянской дочери капитана Степана Аргамакова Фекле Степановой, детей имеет сыновей: 1-го Александра 41 года коллежской советник и кавалер Святаго Равноапостольнаго князя Владимира находится в статской службе в Санкт Петербурге в казенной палате при таможенных делах;²⁵ 2-го Моисея 33 лет, надворнаго советника в городе Архангелогородском в казенной палате при таможенных делах; 3-го Петра 31 года провиантмейстер в Санкт Петербурге; 4-го Андрея 30 лет секунд-майора в Сенате просит к делу; 5-го Михайлу 24 лет титулярнаго советника в кандидатах в Сенате; 6-го Степана 19 лет поручиком в морской службе; 7-го Иосафа 15 лет пажем при дворе Ея Императорскаго Величества; дочерей: Фаину 35 лет, Настасью 25 лет, Федосью 18 лет; движимаго и недвижимаго имения имеет наследственные: Кузнецкой округи в селе Преображенском Верхнее Облязово тож мужеска 788, женска 740 душ; Владимирскаго наместничества Гороховской округи в сельце Заозерье мужеска 56, женска 54 душ; Калужскаго наместничества Малоюрославецкой округи в сельце Немцове мужеска 71, женска 173 душ; в селе Локосном мужеска 39, женска 36 душ; Боровской округи в деревне Кривиной мужеска 25, женска 24; Малоюрославецкой округи в сельце Немцове мужеска 9, женска 9 же и деревне Куклейке мужеска 17, женска 19 душ; Московской округи²⁶ Клинской округи в деревне Кончакове мужеска 59, женска 49 душ, той же округи в деревне Языкове мужеска 58, женска 67 душ; Ярославскаго наместничества Любимской округи в деревне Моксулиной мужеска 11, женска 15 душ; Саратовскаго наместничества «л. 509 об.» Хвалынской округи в селе Дворянской Терешке мужеска 84, женска 82; в том же селе от дошедших по купчим от помещика Мерлина мужеска 15, женска 14, от помещицы Самароковой²⁷ мужеска одна женска две души; ярославскаго наместничества Любимской округи в деревне Бородиной мужеска 36 женска 32; в деревне Шеншееве мужеска 35, женска 31 душ; Смоленскаго наместничества Дорогобужской округи в селе Ретках, в деревне Московской и в деревне Савинной мужеска 36, женска 34; в приданое полученных Пензенскаго наместничества той же округи в деревне Краснополье Аргамакова тож мужеска 148, женска 141 душ; Нижегородскаго наместничества Локуяновской округи в сельце Шерстяне мужеска 107, женска 103 душ, в Ардатовской округе, в селе Симолине мужеска 62,

²⁵ К моменту получения копии справки разряднаго архива (5 февраля 1792 г.) А. Н. Радищев уже находился в ссылке.

²⁶ Следует читать: Московской губернии.

²⁷ Правильно — Самароковой. 10 января 1789 г. Н. А. Радищев оформил купчую на крестьян, приобретенных им у бригадирши М. Л. Самароковой и помещика Мерлина (ГАСО, ф. 1266, оп. I, ед. хр. 54, л. 5).

женска 61 душа; ²⁸ а в законах изображено: во всемилоостивейше пожалованной от Ея Императорскаго Величества российскому благородному дворянству на право волности и преимуществва в 1785 году апреля в 1-й день Грамоте в статьях напечатано: 1-й дворянское звание есть следствие истекающее от качества и добродетелей начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство приобрели потомству своему нарицание благородное, 2-й не токмо империи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благороднаго дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и венарушимо и для того из стары и ныне и пребудет на веки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тем честным родам, коим оныя пользуются наследственно; 3-й дворянин сообщает дворянское состояние жене своей; 4-й дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно; 68-й в дворянскую родословную книгу в наместничестве внести имя и прозвание всякаго дворянина в той губернии именем недвижимым вла-

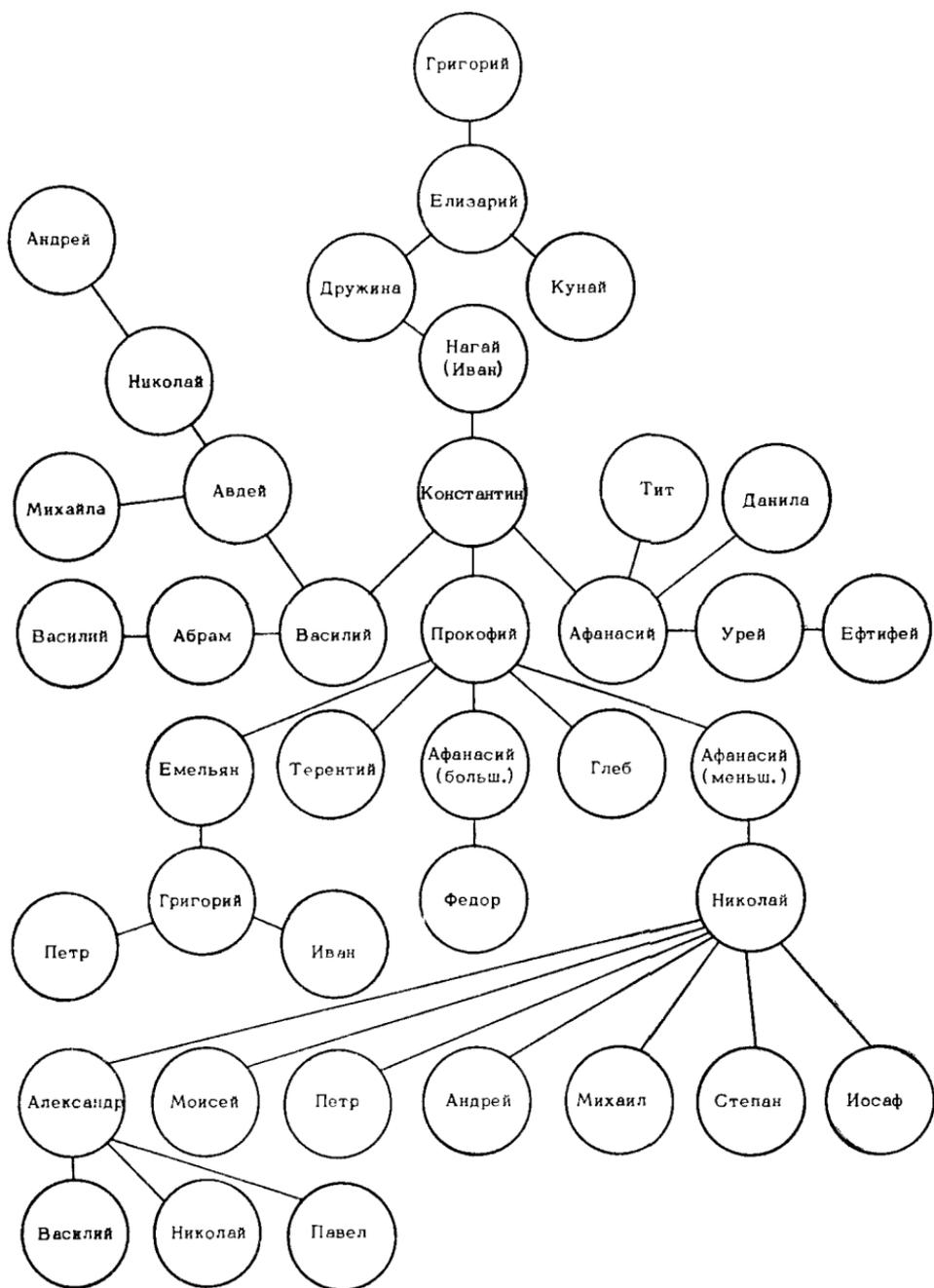
²⁸ 26 октября 1798 г. Н. А. Радищев подал в Кузнецкий уездный суд прошение о разделе имения между детьми — Александром, Моисеем, Петром, Андреем, Михаилом, Степаном, Иосафом, Настасьей и Федосьей. При этом он указал, что ему принадлежат владения в деревнях Языкове и Кончакове Клязьминского уезда Московской губернии, Немцово, Куклеихе, Верховье и Лопанском Боровского уезда Калужской губернии, Заозерье Гороховского уезда Владимирской губернии, Верхнем Аблязове и Турлакове Кузнецкого и Дворянской Терешке Хвалынского уездов Саратовской губернии. Тут же были перечислены имения Ф. С. Радищевой — в Краснополье Пензенского уезда и Шерстене Арзамасского уезда Нижегородской губернии.

Ровно через месяц, 26 ноября 1798 г., А. Н. Радищев, находившийся в то время в Верхнем Аблязове, писал А. Р. Воронцову: «Не вдаваясь в скучные подробности о причинах, задержавших меня здесь до сих пор, скажу только, что одной из них было неожиданное решение моего отца произвести законный раздел его имения, еще не разделенного между детьми, и, хотя моей доли в нем нет, я все же рассчитывал, что мне дадут некоторое обеспечение под капитал, который был вручен батюшке моей усопшей подругой и который по праву должен быть возвращен мне» (III, 525).

Из самого же прошения Н. А. Радищева о разделе имения видно, что на долю А. Н. Радищева (точнее, его детей, за которых по доверенности под прошением подписался Степан Радищев) приходилась часть имения в деревнях Языкове, Кончакове, Немцово, Верховье и Куклеихе. Тут же было оговорено, что некоторые крестьянские семьи из этих деревень остаются во владении Н. А. Радищева и что землю в деревне Верховье следует «разделить ему Александру с братом ево Михайлою по числу доставшихся им в том селении душ».

Однако до окончательного решения было еще очень далеко. Вернувшись в Немцово, А. Н. Радищев вновь сообщал 17 апреля 1799 г. А. Р. Воронцову: «Я так и не мог получить десяти тысяч рублей, приходящихся на мою долю после смерти моей подруги, даже обеспечения в том» (III, 528). 15 декабря 1800 г. он вновь уведомлял: «У меня были домашние огорчения» (III, 532). До раздела имения А. Н. Радищев так и не дождался. Как явствует из прошения Н. А. Радищева от 17 августа 1804 г., его дети и внуки к этому времени все еще не были введены во владение имениями. 30 ноября 1804 г. он опять подал прошение на имя императора, указав в нем, что к этому времени умерли два его сына — Моисей и Петр — и жена Фекла Степановна (ГАПО, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 811). Вскоре последовала смерть и самого Н. А. Радищева.

По-видимому, эта история с разделом имения усугубила драматические обстоятельства жизни А. Н. Радищева и наряду с другими факторами сыграла свою роль в его последнем решении.

деющаго и дворянство свое доказательствами утвердить могущаго; 69-й будь кто не внесен в дворянскую родословную книгу той губернии, но и да не пользуется общими преимуществами дворянства той губернии; 82-й в шестую часть родословной книги внесут древние благородные дворянские роды по алфавиту; толкование: древние благородные не иные суть, коих доказательства дворянскаго достоинства за сто лет и выше восходят благородность же их начало покрыто неизвестностью; 82-й всякой благородной род представить имеет доказательства своего достоинства или в подлиннике или засвидетельствованною копияю; 85-й во втором пункте, губернский предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты представляемые доказательства благороднаго «л. 510» достоинства рассматривают, буде при рассмотрении доказательство единогласно или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда тот род внесут в родословную книгу наместничества и дадут тому роду грамоту за своим подписанием и с приложением печати дворянскаго собрания той губернии; 92-й доказательствами неопровержимыми благородства да будет, в пунктах в 3-м патенты на чины к коим присвоено дворянское достоинство, в 7-м верстанье по дворянской службе поместьями, в 11-м доказательства о дворянской службе предков, во 12-м что отец и дет²⁹ вели благородную жизнь, или состояние или службу сходственную с дворянским названьем, в 15-м доказательства поколенные и выше сколько показать могут или пожелают чтоб быть внесены в которую часть родословной книги с их родом; в указе 7190 года генваря 12 дня, которые княжеские и иные честные роды при предках его Государевых и при нем Великом Государе были в честях в боярех, и в окольных и в думных дворянах и те роды с ясным свидетельством написались в особую книгу, а которые роды и в вышеописанных честях и в знатных послыках не были, а с царства деда ево Государева блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича Всея Великия России Самодержца и при нем Великом Государе были в полковых и в городе воеводах и в послых и в посланниках и в знатных каких послыках и в иных честных чинах и в десятках написаны в первой статье и тех родов имена написать потому ж со свидетельством в особую книгу; а которые и в тех вышеописанных честных и знатных чинах не были, а в десятиках написаны в средней и меньшей статьях тех имена написать в особую книгу. Приказали: как из представленных от коллежскаго асессора Николая Афонасьевича Родищева доказательств в данной ему в 1792 году Правительствующаго Сената от Герольдмейстерских дел с справки...³⁰ разряднаго архива копии видно, в показанной от него Господина Родищева поколенной росписи его родные прадед³¹ Константин Иванов сын Родищев значится в боярской 194 года книге в числе дворян под именем его написано в жилецком списке в 183 оклад ему с придачами помесной 850 четвертей; денег 58 рублей; ему же придачи за Троицкой поход 191 году 50 четвертей денег пять рублей, для вечнаго миру с польским королем 194 года 100 четвертей, денег двадцать рублей; да за переходные за 100 четвертей «л. 510 об.» пять рублей, за службу крымскаго походу 195 году денег и за переходные за сто пятьдесят четвертей 22 рубля с полтиною; *дед*³¹ Прокофей Константинов сын Родищев под именем его написано с боярской книге 184 году оклад ему с придачами помесной 1000 четвертей денег 72 рубля, ему же придачи для вечнаго миру с польским королем 194 году денег и за переходные за 200 четвертей 30 рублей, за службу крымских походов 195 и 197 годов денег и за переходные за 330 четвертей 51 рубль с полтиною, за службу Троицкаго походу 198 году денег и за переходные за 210 четвертей 35 рублей с полтиною; братья его Прокофья родные, Василей и Афонсей Констановичи дети Родищевы по

²⁹ Дед.

³⁰ Здесь в подлиннике пробел: стерто какое-то слово.

³¹ Выделено в подлиннике.

тому же написаны и в той же боярской 194 году книге в числе дворян верстаны по службе помесными и денежными окладами, из них Василей пожалован был в 198 году в стольники; отец³² Афонасей Прокофьевич Родищев написан в жилецком списку 200 году в числе служивых людей верстаных помесным и денежным окладами, а сверх того о нем же Афонсье Прокофьевиче в высочайше данном ему 1733 года февраля подписанием на чин патенте значит, что он в 1731 году всемилостивейше пожалован в полковники; сам же доказатель рода Николай Афонасевич Родищев Правительствующим Сенатом в 1780 году определен был сего наместничества в губернский магистрат прокурором с положенным по штату чином; и по таковым его Господина Родищева о своем дворянском роде произведшем назад тому поныне свыше ста лет доказательствам на основании всемилостивейше пожалованной от Ея Императорскаго Величества российскому дворянству 1785 году апреля в 21 день грамоты 82 и 92 статей, 3, 7, 11, 12 и 15 пунктов и указа 7190 генваря 12 дня внести его Господина Родищева и род в родословную Саратовской губернии дворянскую книгу в шестую ея часть, истребуя наперед сего от него по силе 86 статьи противу прежде вносимых следующие в дворянскую казну денег, и потом по 2-му пункту 85 статьи «л. 511» дать ему за подписанием губернскаго предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов с приложением печати дворянскаго собрания грамоту, а дабы Господин Радищев для взятя оной грамоты явился в сие собрание сам или прислал с указною доверенностью повереннаго объявление ему об оном Кузнецкому нижнему земскому суду дать знать, дело ж оное почитать решенным хранить в дворянском архиве» (ГАСО, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 55).

Документ подписан губернским предводителем дворянства князем Я. Кугушевым, депутатами А. В. Чартогом, Н. Есиповым, А. Панчулидзевым, Я. Евсюковым, И. Зверевым, Е. Масоловым и другими (всего 10 подписей, три из них неразборчивы). По листам родословная «скреплена» секретарем Татариновым.

³² Выделено в подлиннике.

Д. М. ШАРЫПКИН

РАДИЩЕВ И РОМАН МАРМОНТЕЛЯ „ВЕЛИЗАРИЙ“

А. Н. Радищев нигде не говорит о своем интересе к романам французского писателя Жана-Франсуа Мармонтеля (1723—1799), между тем имеются основания предполагать, что к его творчеству автор «Путешествия из Петербурга в Москву» не был безразличен.¹ Друг Вольтера, историограф короля и секретарь Французской академии, плодовитый романист, новеллист, драматург и критик, Мармонтель пользовался громкой прижизненной славой.² Особенно знаменит был его роман, принесший ему успех и признание как в Западной Европе, так и в России и озаглавленный «Велизарий».³ Этот философско-политический трактат, который можно называть романом лишь условно (интрига и фабула в нем едва намечены), посвящен столь волновавшей просветителей проблеме воспитания просвещенного монарха. «Урок государю» и составляет главное содержание этого сочинения. Устами византийского мудреца, государственного мужа и полководца Велизария Мармонтель местами велеречиво и многословно, но местами вдохновенно и с пафосом, поучает византийского императора Юстиниана и одного из его преемников, Тиверия, а с ними и европейских монархов, заставляя своего героя произносить просветительские речи по вопросам государственно-политическим, социальным и религиозным. Сам роман был задуман как «катехизис царей».⁴ Велизарий — как бы собирательный образ французского философа-просветителя «старшего поколения». Вольтер всемерно способствовал успеху романа, славы которому прибавили и гоне-

¹ О популярности Мармонтеля в России см.: *Сиповский В. В.* 1) Из истории русского романа и повести. Ч. 1. XVIII век. СПб., 1903, с. 242—244; 2) Очерки из истории русского романа, т. 1, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909, с. 78.

² См.: *Lenel S.* Un homme de lettres au XVIII siècle, d'après des documents nouveaux et inédits. Paris, 1902.

³ *Bélisaire* par M. Marmontel de l'Académie française. A Paris, MDCCCLXVII.

⁴ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизар. Переведен на Волге. — Заря, 1869, май, с. 38.

ния католической реакции (Сорбонна и парижский архиепископ приостановили распространение этой книги, проповедующей веротерпимость, успевшей уже разойтись в нескольких десятках тысяч экземпляров).

Вольтер и его окружение, в эти годы возлагавшие на Екатерину II большие надежды, особенно желали, чтобы она познакомилась с «Велизарием». Мармонтель через И. И. Бецкого поспешил переслать свое сочинение императрице, осуществлявшей в то время реформы в просветительском духе — секуляризацию церковного землевладения, созыв Комиссии для составления нового Уложения. . . Екатерина повелела перевести роман, запрещенный во Франции. Тем самым российская императрица представала перед всей Европой и собственными подданными в роли просвещенной государыни, исповедующей принципы Велизария, и его авторитетом освящала самодержавную власть. Екатерина разделила главы романа между двенадцатью своими приближенными, и они, как писала она Мармонтелю, «были так восхищены чтением этой книги, что согласились употреблять свои часы досуга на перевод Велисария по-русски».⁵ Осенью 1768 г. эта книга вышла в свет.⁶ Она была плохо отредактирована: в разных главах Велизарий именуется то Велизером, то Велизаром, то Велизаром, то Велисарием. Переложение было буквалистским, изобиловало галлицизмами; в подборе русских эквивалентов французским философско-политическим терминам переводчики затруднялись. Но они добросовестно перелагали оригинал, ничего не выпуская (как нам удалось установить путем сличения текстов).

Осуществлением этого издания Екатерина гордилась и старалась, чтобы это деяние было воспринято в Западной Европе должным образом.⁷ Императрица писала Мармонтелю 7 мая 1768 г.: «Велисарий утвердил меня в мнении, что нет прямой славы, кроме той, которая происходит от начал, Велисарием приятно и основательно изъясненных».⁸ Д. А. Голицын убеждал Мармонтеля, что

⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 10. СПб., 1872, с. 268.

⁶ Велизер, сочинения господина Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Волге. Печатан при имп. Московском университете 1768 года. Этот перевод при жизни Радищева переиздавался трижды: один раз в Петербурге (1773), второй раз в Вене (1777), третий опять в Москве, в типографии Новикова (1785). Кроме того, через год после появления «Велизера» вышел другой русский перевод того же романа, выполненный П. П. Курбатовым: Велисарий, сочинение г. Мармонтеля, академика французского. С амстердамского 1767 года издания, переведено в Москве в том же году (*так!*). СПб., печ. при имп. Акад. наук, 1769. При жизни Радищева эта книга переиздавалась трижды (1786, 1791, 1796).

⁷ Н. М. Карамзин говорил в «Историческом похвальном слове Екатерине II»: «Европе известно, что Екатерина, плывя по величественной Волге, в то самое время, когда сильная буря устрашала всех бывших с нею, спокойно переводила Велисария, к бессмертной славе Мармонтеля» (Сочинения Карамзина, т. VIII. СПб., 1835, с. 93).

⁸ Дух Екатерины великия. . . или Черты и анекдоты, изображающие характер, славные деяния и великие добродетели сей бессмертвны монар-

государыня желает познакомить всех своих подданных с «Велизарием», «с тем, говорит она, чтоб мои подданные узнали, какие узы нас соединяют с ними».⁹ В Посвящении книги (епископу Тверскому Гавриилу) многозначительно говорилось: «Наставления Тиверию можно именовать наставлениями всем государям и всему роду человеческому».¹⁰

Екатерина самолично перевела девятую главу, играющую важную роль в композиции романа. Мармонтель разъяснял в письме к императрице от 12 сентября 1768 г.: «В главе IX я говорю: только сила закона имеет власть неограниченную, а человек, который хочет царствовать самовластно, становится невольником. Государь должен заботиться далее всего об одном союзе — о союзе с народом своим: государь и народ нераздельны: связь их составляет силу государства; на ней основаны его величие, его спокойствие, его слава. И вот эту главу ваше величество усваиваете и благоволите освятить (consacrer) собственным переводом, дабы, по словам вашим, подданные ваши узнали, какие узы соединяют вас с ними <...> Эти слова следовало бы иссечь на меди и запечатлеть во всех сердцах. Сколько величия в этом героическом чистосердечии!».¹¹

Таким образом, «Наказ» (подобно «Велизария», также компиляция из просветительских трудов) как бы прозвучал вновь, но уже обремененный в образную художественную форму. «Велизария» в XVIII в. читали и перечитывали; среди русских писателей появились подражатели Мармонтелю.¹² Его расхваливали масоны.¹³ С другой стороны, М. М. Щербатов осуждал Екатерину за ее заигрывания с Вольтером и Мармонтеlem.¹⁴ Выражая офици-

хини, ч. 1. СПб., 1814, с. 96. Свою переписку с Екатериной в 1767—1768 гг. Мармонтель тотчас же опубликовал. Сообщение об этом см.: Мармонтель. — Отечественные записки, 1853, ноябрь, с. 42.

⁹ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 46.

¹⁰ Велизер... , с. 4.

¹¹ См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 46—47. См. также: *Lurivièrre Ch.* Catherine II et Marmontel. — *Revue des Etudes russe*, 1899, nov., p. 65—70.

¹² Например, М. Прокудин признавался в предисловии к своему роману «Валерия, или Действие души великой и благородной» (1773): «Правда, что я, сочиняя Валерию, подражал г. Мармонтелю» (см.: *Сиповский В. В.* Из истории русского романа и повести. Ч. 1, XVIII век, с. 218).

¹³ Неизвестный переводчик Мармонтеля писал в «Послании другу. Любезному приятелю Григорию Савичу г. Сковороде дружеском приношении»: «Тонкие и пространные мысли г. сочинителя сего издания, довольно известны свету представлением премудрого и похвального Велизария <...> Связанная отличною благопристойностию воляньство его понятый есть тонкая сила вкуса сокровенного просвещения <...> Тайнейшее Существо ясных истины благоволит сойти с вездесущего престола неизмеримого правосудия» (Испытанное дружество, сочинение г. Мармонтеля. Перевел с французского языка М. К. СПб., 1771, с. 5—6).

¹⁴ «Многие книги Вольтером, разрушающие закон по ее велению, были переведены, <...> а Велизер Мармонтелем, не полагающий никакой разности между добродетели язычников и добродетели христианской, не

альную точку зрения, О. П. Козодавлев заявлял: «Перевод „Велисария“ останется в Российской истории бессмертным, и будет служить доказательством, что в век Екатерины Второя в России были правила Велисария в почтении и что она подданным своим истинну слушать не только не запрещала, но и старалась во всяком случае открывать оную пред ними, яко источник человеческого блаженства».¹⁵

Тем самым перед Радищевым открывалась прекрасная мишень для полемиического пародирования. Екатерина II неосторожно уподобила себя Тиверию II, клявшемуся в верности заветам Велизария, а затем забывшему свои обещания. В главе, которую перевела императрица, Велизарий заклинает Тиверия II иметь «в омерзении неосновательные доносы, ободрять и защищать тех, кои открывают явно злоупотребления <...> сие то называю я любовью к истине <...> Государь, которой, сам себя позабыв, упражнялся бы только в благополучии народа, несравненно меньше подвергался бы опасностям, нежели тиран сумнительствами, подозрениями и хитростями наполненной. Но его устрашают, приводят в робость и заставляют его взирать на своих подданных, как на злодея, которого он опасаться должен. <...> Уверяют государя, чтоб он всегда был осторожен против многочисленных людей непокоривых, беспокойных и возмутительных, заставляют его верить, что ему должно иметь силы для супротивления им. И так вооружается он против своего народа».¹⁶ Тем самым Екатерина клялась заботиться о благополучии своих подданных, доверять им и не вооружаться против них, но клятвы своей не исполнила. Радищеву «Велизарий» мог пригодиться потому в особенности, что роман был переведен по инициативе «русского Тиверия» — Екатерины II.

Здесь мы подходим к одной из главных проблем нашего исследования: что значил Мармонтель для Радищева, какая между ними связь? Говорить о литературном влиянии на него французского писателя у нас нет оснований. Радищев активен и самобытен даже тогда, когда сознательно усваивает идейно-художественный опыт таких великанов, как Вольтер и Руссо. Сочинения Мармонтеля мерцали отраженным светом их идей, а Радищев был достаточно хорошо знаком с литературой французского Просвещения, чтобы в необходимых случаях обращаться прямо к первоисточникам.

Нет основания говорить и о типологической близости «Путе-

токмо обществом по ее велению был переведен, но и сама участницею перевода оного была» (Сочинения М. М. Щербатова, т. 2. СПб., 1898, стб. 243).

¹⁵ Козодавлев О. П. Историческое начертание о распространении просвещения в Европе от разрушения Римския империи до наших времен. — Растущий виноград, 1785, апрель, с. 100.

¹⁶ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина, т. V. СПб., 1903, с. 8—9, 11.

шествия» к «Велизарию». Г. Гуковский правильно отметил, что книга Радищева, «несомненно, задумана и исполнена как художественное произведение так же, как и „Велизарий“ Мармонтеля. <...> Вся она пропитана публицистикой, политикой, идеями о воспитании, философией»,¹⁷ но этим исчерпывается сходство между обоими произведениями. Политические взгляды и положительный общественный идеал Радищева — русского революционера отличны от мирозерцания умеренного французского просветителя. Местный колорит и даже пейзаж в «Велизарии» отсутствуют почти совершенно. Герой в рубище переходит из одного поселения в другое, но о них читателю не сообщается ничего, подчеркивается лишь контраст между убогой внешностью Велизария и величием его души. «Путешествие» же Радищева дает конкретное и яркое изображение русской действительности. У Мармонтеля больше условных романических ситуаций (например, переодевание византийского императора в крестьянское платье), чем у Радищева. В отличие от «Путешествия» в «Велизарии» «нет ни драматического интереса, ни движения и очень мало художественности».¹⁸ Слова А. С. Пушкина, что в «Путешествии» «порывы чувствительности, жеманности надутой, иногда чрезвычайно смешны»,¹⁹ более приложимы именно к «Велизарию». Обыгрывая просветительские сентенции Велизария, в устах императрицы и ее вельмож звучащие лицемерно и комично, Радищев, блестящий полемист и публицист-художник, мастерски использует приемы сатирического пародирования.

Принято считать, что Радищев «не мог найти поддержки ни у кого из французских писателей в таком важном вопросе, как отношение к крестьянству».²⁰ Это не совсем так: поддержку в этом важнейшем вопросе, поставленном в «Путешествии», Радищев мог найти у автора «Велизария».

Мармонтель сочувствовал крестьянам, во Франции еще не освободившимся от пережитков крепостного права. В 1767 г. Вольное экономическое общество, объявившее ранее конкурс на лучшее сочинение о праве собственности крепостных крестьян,²¹ получило более двадцати трактатов по этому вопросу, присланных фран-

¹⁷ Гуковский Г. Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 183.

¹⁸ Щабельский П. К. Екатерина II как писательница. IV. Велизар. с. 38.

¹⁹ Пушкин А. С. Александр Радищев. — Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., 1949, с. 35—36.

²⁰ Кочеткова Н. Д. Изучение Радищева за рубежом. — Рус. лит., 1975, № 1, с. 183; см. также: Алпагов М. А. Взгляды А. Н. Радищева на всеобщую историю. — Вестн. истории, 1953, № 2, с. 80.

²¹ См.: Белявский М. Т. Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.). — Вестн. Моск. ун-та, 1960, № 6. Серия IX, исторические науки, с. 26—50; Семеновский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. М., 1888.

цузами, в том числе Вольтером и Мармонтелем. Последний выступил убежденным и даже более последовательным противником крепостного права, чем Вольтер, полагавший, что государь не может освободить крестьян против воли помещиков.²²

Свой трактат, повторяющий и развивающий проповедь Велизария, Мармонтель сочинил, ободренный вниманием Екатерины. Во вступлении и заключениях он расточал ей комплименты, но им не следует придавать большое значение, тем более что некоторые из них двусмысленны.²³ Трактат свой Мармонтель озаглавил «Рассуждение в защиту крестьян Севера», но говорил только о русских крепостных. Французский писатель сурово и темпераментно критиковал российскую действительность. «Рассуждение», одно из немногих выдающихся произведений Мармонтеля, Екатерине не понравилось и в России опубликовано не было. Трактат этот, напечатанный в журнале «Les éphémérides du Citoyen» (1768), затем переиздавался в собраниях сочинений писателя. «Рассуждение» привлекло всеобщий интерес; можно предположить, что и Радищев, в то время изучавший в Германии право и знакомившийся с литературной деятельностью просветителей, мог заинтересоваться сочинением о положении крестьян в России.

«Рассуждение» построено на договорной теории происхождения государства, которое должно покоиться «на справедливых и равных для всех законах».²⁴ Но особую для нас ценность представляют не эти общие места, равно как и не положительная программа Мармонтеля (предоставление крестьянам личной свободы и права владеть землей, замена старинной барщины легким оброком, учреждение «разъездных судов» и т. п.). Гораздо интереснее в «Рассуждении» едкая критика помещичьей идеологии и морали, образное описание тяжелой жизни крепостных. Само построение речи, проникнутое обличительным и ораторским пафосом, своей логикой и фразеологией не случайно напоминает отдельные страницы «Путешествия».

²² См.: *Белявский М. Т.* Французские просветители и конкурс о собственности... с. 48.

²³ Н. М. Карамзин в статье «О Богдановиче и его сочинениях» отметил, что поэт «перевел также все лучшие французские стихи, написанные в честь Екатерины, Вольтеровы, Мармонтелевы и проч. Сии поэты умели хвалить Великую языком благородным». Карамзин приводил пример того, как Богданович «заставляет говорить Мармонтеля на русском языке», причем заключительная строфа цитируемого стихотворения ставит под сомнение все ей предшествующие:

Являя всегда твоей величество души
И славных дел своих начатки соверши!
Счастливому в твоём владении народу
Осталось иметь едину лишь свободу.

(*Карамзин Н. М.* Избр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1964, с. 223—224).

²⁴ Discours en faveur des paysans du Nord.— In: *Oeuvres complètes de Marmontel*, de l'Académie française, vol. X. Nouvelle éd. Paris, 1819, p. 50.

Из русских летописей и других источников, писал Мармонтель, известно, что наиболее человеколюбивые правители России так или иначе сознавали важность соблюдения общественного договора, особенно Петр, предоставивший простым людям возможность своими заслугами достигать видных степеней в государстве; но кичливое наследственное дворянство свело на нет его усилия.²⁵ Крестьяне — класс, «питающий и обогащающий государство» а между тем законы «доводят земледельца до отчаяния», земля же принадлежит «самым праздным, самым бесполезным и самым презренным людям».²⁶ Жестокосердие этих людей не знает пределов; «гордость наследственного деспотизма сделала их нечувствительными к призыву возмущенной и страждущей природы, к человеческим слезам». Непомерно большую дань, взимаемую с крестьянина, помещик приносит «в жертву прихоти и тщеславия»; помещик «держит у себя в услужении целую свору праздных людей и плоды, получаемые им с деревень, с прямым убытком для государства идут на то, чтобы кормить всю эту свору угодников и развлекателей господина».²⁷ Крестьяне задают себе горестный вопрос: «На кого мы работаем? — Что поможет нам сберечь накопленное добро? — Угнетатель уже сторожит свою добычу. То малое, что мы могли бы получить, будет у нас отнято».²⁸

Далее следует гневное обращение Мармонтеля к русским помещикам, могущее напомнить близкие ему по стилю тирады героя-рассказчика в «Путешествии». Дворянин счастлив в «праве угнетать себе подобных»; «он перестает быть человеком, и именно его нужно посадить на цепь». «Собственность, говорите вы, предполагает свободу распоряжаться ею; я же владею рабами. — Жестокосердые! и что же вы вольны сделать с ними? Лишить их жизни? Но тогда вы тигры. Отнять имущество? Тогда вы бандиты. Посягнуть на целомудрие и невинность их жен и дочерей? Тогда вы подлые и гнусные растлители».

Мармонтель обращался к помещикам с увещанием: «Опомнитесь, жестокосердые и высокомерные, народ, который вместо вас на плечах несет все тяготы жизни, глубоко сокрыв свои страдания и слезы, требует лишь, чтобы вы отдали ему ваши из

²⁵ Там же, с. 49—50. Подобная мысль в сходных и близких выражениях встречается и в «Путешествии» («Хотилов»): «Известно вам из деяний отцов ваших, известно всем из наших летописей, что мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естественную связь общественного союза, старались положить предел стоглавному сему злу. Но державные их подвиги утцетилися, известным тогда гордыми своими преимуществами в государстве нашем, чиносостоянием, но ныне обетшавым и в презрение впавшим, дворянством наследственным» (I, 312—313).

²⁶ Discours en faveur..., р. 56, 59. Мы воспользовались и отрывочными переводами из «Рассуждения», приведенными М. Т. Белявским в его статье «Французские просветители и конкурс о собственности крепостных крестьян в России (1766—1768 гг.)», с. 41—50.

²⁷ Discours en faveur..., р. 67.

²⁸ Там же.

лишки». ²⁹ Но Мармонтель понимал, что дворяне не поступятся своей собственностью.

Попран общественный договор — гарантия не только против деспотизма, но и против анархии, поэтому крестьяне имеют естественное право как на индивидуальную, так и на коллективную защиту. «Гонители и гонимые в государстве — непримиримые враги»; так «из чрева угнетения повсюду рождаются мятежи». ³⁰ В законе нет места для крестьянина, но он может «восстать против этого закона, если ему в конце концов надоест страдать». ³¹ Грядет бунт, и он будет ужасен: рабы «ожесточены несчастьями и запуганы страданиями, низость которых превратила их <...> в жестоких и бесчувственных людей <...>, не признающих иного права, кроме насилия, которым вы сами пользуетесь по отношению к ним». ³²

В конце концов из крестьянской среды исторгнется муж, который скажет своим сотоварищам: «Остановитесь, вспомните о своих правах и достойном приложении сил. Земля, которую вы увидели, появившись на свет, от вас отторгнута: законы лишили вас вашего общего наследства. Распахали ее вы, а владеют ею другие <...> Природа зовет вас разделить ее богатства, но тирания мешает вам, говоря: — Вы не люди; живите, как скоты, чтобы услужить мне и подчиниться мне. — О друзья мои! Разве справедливо, что вас уподобляют рабочей скотине? Разве справедливо, что вы трепещете пред вашими господами, вы, которые бестрепетно боретесь с вашими врагами? Ах! ваши враги — ваши хозяева, и за них-то вы готовы проливать кровь! Подумайте лучше о цене вашей крови. Ее лучше отдать, чтобы обрести свободу». ³³ Дворянам не удастся «задушить ростки чести и доблести» в народе; недалек день, когда в нем «оживут понятия благородства, равенства и свободы. Тогда пробьет час революции». ³⁴ Веллизарий в сходных выражениях высказывает аналогичные мысли.

О положении русских крестьян Радищев знал независимо от Мармонтеля и несравненно лучше его. Суждения Радищева, которым можно подобрать аналогии и параллели в произведениях французского писателя, обусловлены не литературным влиянием,

²⁹ Там же, с. 82. Соответствующая этой фразе сентенция Радищева красноречивее, ярче и образнее: «... опомнитесь заблудшие, смягчитесь жестокосердые; разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусить сладости общежития, к нему же всецельно уготованы, яко же и вы» (I, 313).

³⁰ Discours en faveur... , p. 51—52.

³¹ Там же, с. 59.

³² Там же, с. 86—87. Та же мысль у Радищева: «Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание, нам будет посул за нашу суровость и безчеловечье» (I, 320).

³³ Discours en faveur... , p. 74—75.

³⁴ Там же, с. 82

а действительностью. Но, оформляя их «под Мармонтеля», Радищев превращал их в «сигналы-пароли», рождающие определенные политические ассоциации, направляющие мысль читателей по нужному автору пути.

Принимаясь за реформы, Екатерина, хотя бы внешне, была согласна с Велизарием, что «земля долженствует питать тех, коими уработывается <...> Естли от плодов трудной и непрестанной их работы не оставляют им более, как токмо самое бедное пропитание, то будут они не сочлены уже государства, но рабы и невольники»,³⁵ а между тем, указывает Радищев, «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них непознаем сограждан нам равных, забыли в них человека» (I, 313). «... те, кои его (хлеб, — Д. III.) производят, считаются на равне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду» (I, 326). Екатерина вместе с Велизарием собиралась опровергнуть «сии вельможных людей правила», состоящие в том, «что будто человеческий род для малого токмо числа людей и живет и что для них токмо сотворена вселенная»,³⁶ но ничего не опровергла; и вот пришел черед Радищева, вещающего от имени народа: «Мы постараемся опровергнуть теперь, сии зверския властителей правила, яко же их опровергали некогда, предшественники наши, деяниями своими неуспешно» (I, 315).

Мармонтель риторически вопрошал благосклонно внимавшую ему государыню: «Каким же теперь образом хочешь ты, чтоб толикою лютостию мучимый народ любил подавляющее его иго? Могут ли они думать, что связываются еще какою-либо пользою или должностию с толь жестокосердыми утеснителями?»³⁷ Екатерина не пожелала ответить на эти вопросы, и Радищев ставит их вновь, но уже не перед самодержицей, а перед всем человечеством: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженными? Можноли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен» (I, 315). Мармонтель предупреждал Екатерину, что «такое состояние сделается» крестьянам «ненавистно и несносно <...> Самое первое бедностию и отчаянием исторгаемое роптание становится началом бунта и нарушения верности».³⁸ Россия в царствование Екатерины пережила пугачевщину; Радищев предсказывал новый крестьянский мятеж.

Особенно много «сигналов-паролей», возможно, ориентированных на Мармонтеля, в «Сне» (гл. «Спаская Полесь») — злейшей политической сатире на самодержавное правление Екатерины. Высказано предположение,³⁹ что литературным источником

³⁵ Велизер. ., с. 161.

³⁶ Там же, с. 158.

³⁷ Там же, с. 146—147.

³⁸ Там же.

³⁹ *Коплан Б.* Философические письма «Почты духов» (1789). — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 385—392.

«Сна» Радищеву послужили сатиры-аллегории Луи-Себастьяна Мерсье, французского писателя радикально-республиканской направленности, сочинения которого пользовались успехом у русских вольтерьянцев и многократно переводились на наш язык. Радищевскому сюжету ближе всего сатира Мерсье, озаглавленная «Сон пятый. О царствовании и варварстве» («De la Royauté et de la Tygannie»). Радищев, несомненно, был знаком с сатирами Мерсье и, возможно, учитывал в своем творчестве его художественный опыт, но сближения, произведенные Б. Копланом, не представляются достаточно убедительными. «Сон» Мерсье остался у Радищева в той же поэтической форме «сна»,⁴⁰ утверждает исследователь, но почему же «сон» именно Мерсье? Сатирические «сны» наряду с баснями и правоучительными притчами — распространенный литературный жанр эпохи Просвещения.⁴¹ К нему обращались не только Радищев и Мерсье, но и Крылов, и тот же Мармонтель, с точки зрения современников, писатель более авторитетный, стоящий на более высокой ступени литературной иерархии, чем Мерсье. В частности, не исключено, что «Велизарий», опубликованный в 1767 г., оказал влияние на «Сны» Мерсье, вышедшие годом позже (в сборнике «*Songes philosophique*»). Сноvideц Мерсье, подобно Велизарю, «был беден, шатался, бегал, облечен был в худые одежды, не имея пристанища, ниже хлеба, то проходил <...> через великие города, то чрез разоренные деревни», как и Велизарий, «в сем низком состоянии размышлял <...> о должности монаршей и думал, каким образом учинить народу блаженным»,⁴² и т. п. Картины разумного царствования и тиранства, виденные молодым князем у Мерсье, более напоминают именно роман Мармонтеля, чем книгу Радищева.

Героиня «Сна» Мерсье, женщина-богиня, олицетворяет «добродетельное царствование», Прямовзора же у Радищева выполняет иные образные функции. Правда, в другой сатире Мерсье, в которой никто снов не видит, указывает Б. Коплан, изображен похожий на Прямовзору Алетофил — юноша, любящий истину, пишущий свои откровения в бедной хижине, но у Радищева нет никакого Алетофила, действие происходит не в хижине, а во дворце, и ни Прямовзора, ни царь ничего не пишут. Вообще персонификация отвлеченных философских и моральных понятий — Разума, Истины, Добродетели и т. п. — штамп в литературе классицизма всех стран.

И Радищев, и Мерсье сравнивают тиранов (в том числе «просвященных») с лютыми тиграми, но это — не особенность стиля

⁴⁰ Там же, с. 392.

⁴¹ См.: Сенников Г. И. О сатирических «снах» в русской литературе XVIII века. — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века, вып. 1. Л., 1974, с. 66—74.

⁴² См.: Коплан Б. Философические письма «Почты духов» (1789), с. 389—390.

только этих двух писателей. Сравнение героев и тиранов с хищными зверями — львами и тиграми — общее место французской просветительской публицистики. Этот метафорический прием тонко обыграл А. С. Пушкин в статье «Александр Радищев», писавший о нем: «Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра».⁴³ Подобные метафоры любил и Мармонтель: в «Рассуждении» он называл тиграми русских помещиков. Проповеди Велизария, обращенной к государям, в романе Мармонтеля предшествует мелодраматическая сцена встречи ослепленного старца с его супругой Антониной, тут же умирающей с горя. Антонина проклинает «власть тигров», так люто расправившихся с ее мужем: «Чудовища! вот чем его наградили! <...> Его преступление в том состоит, что он сохранил им ненавистную власть мучительства <...> Какое зверство! какая ужасная подлость! <...> Двор мерзостями наполненной! Совет из тигров составленной! <...> О боже! таково ли твое правосудие? Зришь ли, кого утеснить попускаешь, и кого оставляешь благоденствовать».⁴⁴ Почти так же литературно оформленный вопль души автора предваряет и «Сон» в «Спасской Полести»: «О варвары, тигры, змеи лютые, грызите сие сердце <...> Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикия производилися жестокости? <...> О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров. Они крестятся во имя твое, кровавые приносят жертвы злобе. Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущие казни, усугубил бы казнь настоящую» (I, 247—248).

Мармонтель писал Екатерине 12 сентября 1767 г.: «Перевод Велизария на русский язык <...> это <...> памятник, сооруженный царской власти. Ни при одном дворе в мире истине не было оказано подобного почета».⁴⁵ Последний абзац главы «Спасская Польша» — тоже обращение к Екатерине — прямо отрицает это утверждение: «Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбаешься с насмешкою, или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница, отлетела от тебя далеко, и чертогов твоих гнушается» (I, 257). Мармонтель писал Екатерине 7 октября 1768 г. о своем стремлении в главе IX «Велизария» «доказать царям, что их могущество, их величие, их слава требуют, чтоб они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными из невольников, как только допущено страстям занять место законов».⁴⁶ Это и происходит с царем в радищевском «Сне».

⁴³ Пушкин А. С. Александр Радищев, с. 34.

⁴⁴ Велизер... с. 61—62.

⁴⁵ Сборник Русского исторического общества, т. 10, с. 80.

⁴⁶ См.: Щабельский П. К. Екатерина II как писательница. IV. Велизер, с. 49.

Условно-фантастические сцены в романе Мармонтеля — назидания нищего слепца переодетому в бедное платье императору — и осмысляются французским писателем как литературная условность, аллегория. Так возникает тема «Сна». Юстиниану, а с ним и Тиверию, мнится, что Велизарий привиделся им во сне: «Сновидение сие весьма изрядное, сказал Юстиниан». ⁴⁷ Велизарий подобно Прямовзоре помогает императору прозреть: «Юстиниан <...> пришел к нему с прошением, чтоб раздрал он завесу, скрывавшую от него столь долго государственные болезни». ⁴⁸ Но такое возможно, разумеется, только во сне. «Не бывали ли вы, — говорит Юстиниан, — мысленно никогда <...> при дворе кесарей Тита, Траяна и Антонинов в самое то время, когда они при начинании дня к вельможам своим выходили? Сие сновидение очень часто наяву со мною случается, и оно меня услаждает несказанно. Я вижу себя тогда в середине собравшихся ко двору чиновных людей; все они государю своему истинные и нелицемерные друзья; он сам веселым лицом и милостивым оком взирает на сие честных и добродетельных мужей собрание, распространяет на них лучи славы своея, обходитя с ними, смешивая с величеством дружеское приятство, и наполняет души их тою непорочною радостью, которую чувствует сердце самого его благополучными других делающего». ⁴⁹

У Радищева подобное же «сновидение» разрастается в сатирические картины большой художественной силы. Велизарий восклицает: «О колико мало знает государь свои выгоды и свою должность, естли дозволит приблизиться к себе скуке!» ⁵⁰ Радищевский царь, «чувствуя глубоко вкоренившуюся скуку в душе» своей, «от насыщающего скоро единообразия происходящую <...> долг отдал естеству, и рот разинув до ушей, зевнул во всю мочь. Все вняли чувствованию души» его, и т. п. (I, 249). Далее следуют комические сцены, пародийно снижающие высокую тему «милостивого монарха», предложенную Мармонтелем.

Велизарий говорит: «Но, исключая редкие случаи, в которые любовь народная ясно оказывается, какой государь осмелится польститься, что она искренняя и единоплебная? В самое то время, как дворец его наполнен радостного восклицания, кто уверит его, что во всех областях, принадлежащих ему, ни при дверях судейских, ни в хижине земледельца не слышно стенания? Празднества их суть выдуманные обманы, и похвалы их нарочно повеленные <...> Тиран, погружаясь в любострастии упоится похвалами ласкателей своих». ⁵¹ Так и происходит в «Сне» Радищева: «При всяком моем изречении все предстоящие восклица-

⁴⁷ Велизер... с. 208.

⁴⁸ Там же, с. 133.

⁴⁹ Там же, с. 237—238.

⁵⁰ Там же, с. 203—204.

⁵¹ Там же, с. 96.

ли радостно и плескание рук нетокмо сопровождало мое слово, но даже предупреждало мысль» (I, 251). «Похвалы сии истинными в разуме моем изображались, ибо сопутствуемы были искренности наружными чертами» (I, 250). По этому поводу Прямовзора предостерегает царя от «словес ласкательства, ядовитые пары издыхающих», благодаря которым уши его «невозмутятся стенанием» (I, 253).

Велизарий осуждает «самонравную милость» царей, говоря: «Самое приятное для государя верховной власти употребление, есть то, что может по своему благоизволению жаловать милости и отличности. Побуждающая к тому склонность тем паче притягательна, что уподобляется добродейанию, и самой лучшей государю обманется, есть ли не остережется от прелести. Он видит только окружающих его; а все окружающее его повторяет ему непрестанно, что великость его состоит в его дворе, а сияние величества его происходит от обитающей в оном пышности, и что тогда токмо пользуется он своими правами, и лучшим из своих преимуществ, когда расточает милости, называемые его благодеяниями <...> Его благодеяниями, о праведный господи! истощение народа! ограбление бедных! Нет, сие от него весьма сокрыто. Одобрение, ласкательная угодность, и ложное вещей изображение окружают его. Бдение ласкателей, и его привычка неприметно обладают его склонностями. Он не видит слез, и не слышит вопля бедных воздыхающих от его великолепия. Он видит токмо радость, слышит желания превозносящих великолепие его придворных, навывает почитать оное добродетелью, и, не восходя к источникам расточаемых им сокровищ, щедр на них как бы на собственное свое имение <...> Самонравная милость есть всегда предзнаменованием худого правительства. <...> Там простывает ревность, приводится в забвение должность, ободряется бесстыдство, дерзновенно становится преступление, и все пороки своевольтва не боящегося наказания. Таково есть правительство, где самонравная милость владычествует».⁵²

Все эти безобразия имеют место при дворе радищевского царя. «...паче всего уязвило душу мою изливание моих щедрот. Я мнил в ослеплении моем, что ненужная казна общественная, на государственные надобности, неможет лучше употребиться, как на вспоможение нищаго, на одяние нагаго, на прокормление алчущаго <...> Но сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатаго, на льстеца, на вероломнаго друга, на убийцу иногда тайнаго, на предателя и нарушителя общественной доверенности, на уловившаго мое пристрастие, на снисходящаго моим слабостям, на жену кичающуюся своим безстыдством. <...> Теперь ясно я видел, что знаки почестей мною раздаваемые всегда доставались в удел недостойным» (I, 256).

⁵² Там же, с. 118—119, 131.

Велизарий не жалеет крепких выражений, обличая царский двор, «наполненный происками», «такое смешение страстей, в котором и самая премудрость не может разобрать истины».⁵³ Он посрамляет придворных — «сих негодных ласкателей, сих низкосердых учтивцев», «вельможных наших разбойников», погрязших в «сребролюбии, суровости и тиранстве», чиновников, «с бесчеловечным самовластием по городам и уездам поступающих».⁵⁴ Прозревший благодаря проповеди Велизария император Юстиниан с ужасом видит наконец, что его окружают плохие люди: «Без сомнения, сказал он им, империя в цветущем состоянии, ибо вы плаваете в изобилии. Без сомнения она и благополучна, ибо вы живете в роскоши и праздности. Народы здесь почитаются за ничто, а двор составляет для вас всю империю».⁵⁵ Самовластный тиран оказался пленником «бесчеловечных начальников, кои владычество самого правосудного и кроткого государя, к сожалению, весьма часто нестерпимым делают. <...> Предписания своей собственной гордости, мздоимства и своенравия называют они его изволением <...>, так что государь, ни мало того не чая, становится чрез них язвою возлюбленного ему народа».⁵⁶

Ирония самой жизни в том, что тирады эти переводили те самые придворные, против кого и направлена была сатира Мармонтеля. Императрица же перевела суждения Велизария, касающиеся ее самой. Тиран «да трепещет, есть ли хотя на мгновение <...> перестанет льстить гордости или подкреплять своевольство опасных своих участников. Служа ему, они ему и грозят и в заплату послушания требуют упущения. И так, чтоб угнетать одну часть народа, делается он невольником другой, столь низок и подл с сообщниками своими, сколько пышен и суров с прочими своими подданными. Да стережется он неволить или обманывать в их ожидании те страсти, кои ему помогают. Он знает, сколько они люты, понеже для него они разрушили все союзы естества и человечества. Тигры, коих человек воспитывает для ловли, съедают своего господина, есть ли забудет он разделить с ними добычу: таково есть обязательство тиранов».⁵⁷ В «Спасской Полести» Прямовзора советует царю: «Изжени сию гордую чернь, тебе предстоящую и прикрывшую срамоту души своей, позлащенными одеждами. Они то истинные твои злодеи, затмевающие очи твои,

⁵³ Там же, с. 125.

⁵⁴ Там же, с. 50, 145—146.

⁵⁵ Там же, с. 150. Последняя фраза приведенной цитаты, возможно, помогла Радищеву декоративно оформить его видение. С одной стороны, это царский двор: «Место моего возседения было из чистаго злата <...> С робким подобострастием, и взоры мои ловящи стояли вокруг престола моего чины государственныя». С другой — это вся империя: «В некотором отдалении от престола моего, толпилося безчисленное множество народа, коего разные одежды, черты лица, осанка, вид и стан, различие их племени возвещали» (1, 248—249).

⁵⁶ Велизер..., с. 148.

⁵⁷ Сочинения императрицы Екатерины II., т. V, с. 6.

и вход мне в твои чертоги воспрещающие» (I, 253). И царь видит: «Вся внутренность их казалась черною и сгораемую тусклым огнем ненасытности. Они металы на меня и друга на друга искаженные взоры, в коих господствовали хищность, зависть, коварство и ненависть. <...> Веление мое, или было совсем нарушено, обращая не в ту сторону, или не имело желаемого действия превратным онаго толкованием, и медлительным исполнением» (I, 254—255).

По учению Велизария, правосудный государь должен искать «награждения трудам своим в непорочном и внутреннем чувствовании милосердия, в утехе видеть себя человеколюбива, чувствительна, благодушна, напоследок достойна любви людской и взора предвечного».⁵⁸ Но таких государей Велизарию видеть не доводилось. И пред радищевским царем лежит книга «Закон милосердия», а льстецы говорят самодержцу: «Милосердие твое, Государь! есть образ всецедраго существа» (I, 251), но, оказывается, милосердие царя «сделалось торговлею, и тому, кто давал больше, стучал молот жалости и великодушия». «Вместо того, чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжею и пагубным комедиантом» (I, 255).

Персонафицированная аллегория истины в романе Мармонтеля отсутствует, но «Велизарий» помогает глубже понять и образ Прямовзоры. В главе, которую переложила Екатерина, говорится следующее: «А истинна, которую должен искать государь, есть знание всех соображений, касающихся до человеческого блага <...> истинна есть мать добродетели. Надобно, без сомнения, быть мужественну, чтоб с нею предстать пред государей <...> Невольники его (государя, — Д. III.) от него ее скрывают».⁵⁹ В других главах Велизарий сетует: «Жалуются государи, якобы истинна от них бегаёт! Нет, друзья мои, она их ищет сквозь опасности оружия. Так не удобнее ли несказанно приближалась бы она к ним, есть ли бы они ей дозволяли сей свободный доступ? <...> Да как можно мудрому или герою найти приступ у самонравной милости? Может ли он снисходить до унижений, каких она от рабов своих требует? Твердая его душа может ли изгибаться по кривым стезям придворных? <...> Ему ли молчать и скрывать неприятное, а говорить угодное?».⁶⁰ Мысль Мармонтеля, что при дворе «самого полезного человека представляют человеком опасным», образно воплощена в «Сне». Истину придворные представляют царю «волхвом опаснейшим, носяй яд и отраву, радуется скорби и сокрушению; всегда нахмуренна, всех презирает и поносит», а сама Прямовзора жалуется: «Пребывание мое неест в чертогах царских. Стража обсевшая их вокруг и бдящая денно-ночно стоглазно, воспрещает мне вход в оные» (I, 252—253).

⁵⁸ Велизер. . . , с. 99—100.

⁵⁹ Сочинения императрицы Екатерины II. . . , т. V, с. 10.

⁶⁰ Велизер. . . , с. 121—122, 163.

Велизарий желает, чтобы государи общались с народом и имели бы верных соратников из его среды: «Снисхождение государя есть притяжение истины. Невольники его от него ее скрывают; но простолюдин, хлебопашец, старой, грубой и простосердечной воиц, конечно от него не скроют. Ему слышан будет глас народной: наставник государей, полной судия достоинства и добродетели; а сей последуя, всегда доброе избрание бывает». ⁶¹ В том же духе высказывается и Прямовзор: «Ты познаеш верных своих подданных, которые в дали от тебя, не тебя любят, но любят отечество; которые готовы всегда на твое поражение, если оно отмстит порабощение человека. Но не возмутят они гражданского покоя безвременно, и без пользы. Их призови себе в друзья» (I, 252—253). Мармонтель понимает, что в самодержавном государстве вероятность появления таких людей невелика: «Когда хотят, чтоб были великие души < . . > должно знатно обходиться с ними < . . > Ах! есть ли бы оно производило двух или трех великих людей в каждом веке, общество бы не жаловалось». ⁶² Радищев, говоря о государевом «друге искреннем», еще более категоричен: «Угости его вещаю, почти его, да возвратившись возможен он паче и паче глаголати нельстиво. Нотаковыя твердыя сердца бывають редки; едва един в целом столетии явится на светском ристалище» (I, 253—254).

Подобно Прямовзору Велизарий посрамляет императора, и тот вопит в умилении: «О добродетель!.. коль велика власть твоя! Бедный слепец из глубины несчастий своих впечатлеват царям почтение к нему! < . . > Великий боже! Есть ли бы вся вселенная увидела мое посрамление!». ⁶³ Ревет «яростью гнева» и прозревший радищевский царь и при этом кличет некоего старца, о котором ни до, ни после этого в «Путешествии» не говорится ни слова: «Прииди вещал я старцу, коего созерцал в крае обширныя моя области, кроющагося под заросшею мхом хижиною, прииди облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму» (I, 257). Это «вещание» — намек на литературный источник, указание на то, какого именно царя имеет в виду автор-сатирик: того самого, что некогда призвал Велизария на Русь, т. е. Екатерину II. У Мармонтеля: «Так прииди, рек к нему (старцу, — Д. III.) император < . . > прииди, помоги мне, очиститися от сего моего беззакония; прииди и представь оное пред глазами неверного мне моего двора, в престрашном и всескверном образе, каково оно в самой вещи есть; пускай твое присутствие приводит всякому на мысль мое посрамление». ⁶⁴ Сцена появления Велизария при дворе Юстиниана дает образный аналог «Сну» в «Спасской Полести»: «Бледность, стыд и ужас на-

⁶¹ Там же, с. 175—176.

⁶² Там же, с. 75.

⁶³ Там же, с. 278.

⁶⁴ Там же, с. 279—280.

чертаны были на лице всех окружающих царя. Они на Велисария глядели как на неумолимого судию, как на некое божество страшное и грозное». ⁶⁵

В романе Мармонтеля можно подыскать и немало других текстуальных параллелей «Путешествию» Радищева. Но, может быть, эти сюжетные, композиционные и образные совпадения — чисто внешние, мнимые, не составляющие научной проблемы? Быть может, это неизбежные «общие места», просветительские литературные клише, наличие которых не позволяет сделать никаких исторических и филологических выводов? Но тогда нужно признать, что великая книга замечательного русского писателя на добрую четверть состоит из общих мест, а это допущение неправомерно и обидно для его памяти. Вообще следует помнить, что идейные и литературные штампы, ставшие таковыми от долгого использования в одной национальной литературе, каким-либо образом попав в произведение инонационального писателя, в другой национально-исторической обстановке могут наполниться свежим и глубоким общественным содержанием, получить новый смысл. Так и случилось с идеями французских, немецких и английских просветителей в творчестве Радищева. В этом смысле места, общие в «Путешествии» и «Велизарии», не являются «общими местами» — они выполняют в сочинении русского писателя важную функциональную и структурную роль.

Г. А. Гуковский справедливо указывал, что «при изучении Радищева как писателя в первую очередь приходится ставить вопрос не столько о том, что и у кого он брал, сколько о том, что он создал из тех материалов, которые он собрал». ⁶⁶ Идеи и образы «Велизария», в той или иной форме использованные в художественно-композиционной структуре «Путешествия», понадобились Радищеву для осуществления его литературно-политического замысла. Использование скрытых и переименованных цитат из Мармонтеля служит целям сатирическим, пародийно-полемическим. Современники, по замыслу Радищева, должны были угадывать намеки, соотнося книжный текст с историческим контекстом. Радищев блестяще владеет так называемой сократовской иронией, заставляя своего героя-рассказчика высказывать будто бы очевидные просветительские истины, а затем показывая их ограниченность на фоне русской действительности. Тогда благородные и возвышенные изречения Велизария обретают значение, противоположное их буквальному смыслу: происходит пародийно-ироническое «снятие» высокой темы. Вместе с тем французский роман — не объект художественного влияния на «Путешествие». Русский писатель воспользовался «Велизарием» как одним из средств в литературной полемике с самодержавием.

⁶⁵ Там же, с. 282.

⁶⁶ Гуковский Г. Радищев как писатель, с. 161.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

**ИОАХИМ ШТЕРНБЕРГ И ЧЕШСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
К „ПУТЕШЕСТВИЮ“ РАДИЩЕВА**

Любые, даже незначительные на первый взгляд детали, так или иначе связанные с распространением идей «Путешествия из Петербурга в Москву» не только в русской, но и в зарубежной читательской среде XVIII в., заслуживают собирания, учета и осмысления в контексте всего, что ныне известно о творческой биографии А. Н. Радищева.

В этой связи в поле зрения исследователей, занимающихся проблемами идейного воздействия А. Н. Радищева на современников, следовало бы включить научно-литературную деятельность чешского путешественника графа Иоахима Штернберга (1755—1808), побывавшего в России в 1792—1793 гг. Непосредственным итогом поездки были две книги — «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг»¹ и «Замечания о России на основании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг.»² а также серия писем, из которых одно, датированное 26 марта 1793 г., опубликовал тогда же чешский просветитель медик Ян Майер.³ Сочинения И. Штернберга давно обратили на себя внимание исследователей своей необычайно глубокой, хотя и не лишенной фактических ошибок и некоторой односторонности характеристикой экономического, социального, политического и культурного положения России на исходе правления Екатерины II.⁴ Обратили прежде всего

¹ *Sternberg J. Reise von Moskau über Sofia nach Königsberg mit einer kurzen Beschreibung von Moskau nebst meteorologischen und mineralogischen Beobachtungen.* Berlin, 1793.

² *Sternberg J. Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in Jahre 1792 und 93 mit statistischen und meteorologischen Tabellen.* [Dresden], 1794.

³ Aus einem Schreiben des Herrn Grafen Joachim von Sternberg von Petersburg, den 26. März dieses Jahrs. — *Sammlung physikalischer Aufsätze*, Bd 3. Herausg. von J. Mayer. 1793, S. 402—408.

⁴ *Остроухов П.* Чешский путешественник о хозяйственном положении России в конце XVIII столетия. — *Записки русского исторического общества в Праге*, кн. 2. Прага, 1930, с. 83—93.

потому, что в отличие от большей части западных наблюдателей Штернберг не просто описывал виденное и не ограничивался восторженной апологией или, наоборот, безудержной критикой, а сделал попытку разобраться в сложной обстановке русской действительности 1790-х гг. При этом он проявил недвусмысленное сочувствие к народу, с возмущением описывал ужасы крепостного права и выражал уверенность в том, что крепостные добьются освобождения. Он неоднократно подчеркивал, что существующие в самодержавной России порядки наносят огромный вред хозяйственной жизни, тормозят развитие промышленного производства, влекут за собой низкие урожаи в деревне, нездоровый баланс внешней торговли и застой в предпринимательской деятельности. Все это, по наблюдениям И. Штернберга, пагубно отзывается прежде всего на уровне жизни основной части населения страны — крестьянства, которое вынуждено употреблять в пищу хлеб, смешанный с древесной корой. Возлагая главную ответственность за такое положение на царское самодержавие, И. Штернберг писал: «Я убежден, что хорошо развитая страна, попадающая под русское господство, пока оно остается тем, чем является в настоящее время, в короткое время лишится своего благополучия и впадет в горькую нужду».⁵

Полемическая страстность, чувство симпатии к простым людям, вера в светлое будущее России — все это невольно наводило на мысль о некоей личной или хотя бы косвенной причастности И. Штернберга к идейным поискам передовых людей России конца XVIII в., и прежде всего к А. Н. Радищеву. «В оценке социальных отношений Штернберг составляет примечательную параллель к Радищеву», — писал осторожно один из чешских авторов в 1949 г.⁶ В последние годы этим кругом вопросов много и плодотворно занимался Я. Вавра.⁷ Благодаря его усилиям не только расширился круг фактических данных о русских интересах И. Штернберга, но стало возможным получить более полное представление о его социально-экономической позиции. Я. Вавра правильно указал, что, осуждая екатерининскую, официальную Россию, полицейский режим которой он испытал на себе, Штернберг вместе с тем с чувством интереса и симпатии отнесся к жизни интеллигенции, средних слоев предпринимателей и купечества, а также крепостного крестьянства. На примере критики И. Штернбергом крепостного права Я. Вавра вновь возвращается к возможному воздействию на чешского путешественника идей «Путе-

⁵ *Sternberg J. Bemerkungen...*, S. 76.

⁶ *Stejánek J. Moskva v českém písemnictví od nejstarších dob do druhé světové války.* Praha, 1949, s. 47.

⁷ *Vávra J. Česko-ruské vztahy v první etapě národního obrození.* — In: *Z bojů za svobodu a socialismus.* Praha, 1961, s. 35—41; *Dějiny česko-ruských vztahů. 1770—1917.* Praha, 1967, s. 18, 32—34; *Vávra J. Čeští osvícenci a obrození o agrární otázce v Rusku.* — *Slovanské historické studie*, sv. 9. Praha, 1972, s. 112—126.

шествия из Петербурга в Москву». Он пишет: «Хотелось бы верить, что петербургский друг Штернберга, купец Бландов, переводил ему страницы из книги Радищева».⁸ Пока это еще предположения. Но мысль о каких-то параллелях, о каких-то возможных связях творчества великого русского революционера и чешского путешественника заслуживает дальнейшей разработки.

* * *

Граф Иоахим Штернберг принадлежал к дворянской семье, из которой вышло несколько лиц, оставивших след в истории и культуре чешского народа.

Он родился в Праге, с которой связана большая часть его жизни. С детских лет Штернберг отличался любознательностью, любовью к книгам и естественным наукам. В 1790 г. он устанавливает связи с важным центром национально-просветительской идеологии — Чешским обществом наук, одним из видных и влиятельных членов которого был крупнейший славист Й. Добровский, в 1780-е гг. игравший ведущую роль в чешской радикальной журналистике.

В начале XIX в. И. Штернберг предпринял ряд путешествий, во время которых жадно присматривался к экономической и политической жизни стран, где ему довелось проехать, изучал природные условия, развитие торговли и мануфактур, делал картографические съемки, вел метеорологические наблюдения, бывал в библиотеках, музеях, встречался с учеными и писателями. Он посетил Стокгольм (1792 г.), Париж (1801 г.), Лондон (1802 г.) и Южную Германию (1804 г.). Объездив почти всю Чехию, он побывал в горнодобывающих районах Венгрии и Словакии (1807 г.), а спустя год ездил в Триест и Далмацию. При этом с 1803 г. И. Штернберг был тяжело болен. Лишь неизбывная любознательность, сила воли и стремление довести задуманное до конца помогли ему осуществить намеченные поездки. 18 октября 1808 г. в возрасте 53 лет он скончался.⁹

Поездка в Россию без преувеличения — самая яркая страница в биографии И. Штернберга, а описания ее по глубине мысли и тонкости наблюдений не только не идут ни в какое сравнение с другими работами автора, но и поистине относятся к высшим достижениям чешской просветительской мысли конца XVIII в. Не считая нужным повторять обстоятельства путешествия Штернберга, хорошо известные по специальной литературе,¹⁰ отметим

⁸ *Vávra J. Čeští osvícenci...*, s. 122.

⁹ *Dobrovsky J. Joachim Graf von Sternberg.* — *Abhandlungen der königlichen böhm. Gesellschaft der Wissenschaften.* Bd 2. *Physikalisch-mathematische Theil zur Ausgabe vom Jahr 1809.* Prag, 1811, S. 47—59; *Hanuš J. Národní Museum a naše obrození.* Praha, 1921, s. 177—182.

¹⁰ *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka do Ruska v letech 1792—1793.* Praha, 1923.

вкратце лишь основные вехи его пребывания в России, существенные для понимания его позиции и созданных им описаний своего путешествия.

Штернберг отправился не один. Его спутником был И. Добровский. Их путешествие поддерживалось Чешским обществом наук и имело научно-познавательный характер. И. Добровский должен был ознакомиться в Стокгольме с чешскими рукописями, вывезенными шведами в годы Тридцатилетней войны, а также выявить необходимые для славистики источники в библиотеках и собраниях Петербурга и Москвы. Что касается Штернберга, то главная задача, стоявшая перед ним, заключалась в ознакомлении с природой, экономическими ресурсами, мануфактурами и торговлей Швеции и России. Оба путешественника отправились 15 мая 1792 г. и до Любека ехали вместе, после чего их пути разделились, чтобы на некоторое время встретиться в Стокгольме, а затем и в Петербурге, куда они прибыли 17 августа. Штернберг находился здесь ровно 7 месяцев, причем за это время совершил поездки по внутренним губерниям, в частности побывал в начале 1793 г. в Петрозаводске, Архангельске и окружающих районах. 17 марта, не получив официального разрешения и имея на руках поддельный паспорт, он отправился в Москву, но по прямому распоряжению Екатерины II был там остановлен и 14 апреля вернулся обратно. По дороге в Петербург за ним велось наблюдение, и, доехав только до Софии — в то время города рядом с Царским Селом, он вынужден был повернуть на запад, чтобы через Ямбург, Нарву и Ригу покинуть Россию. Таковы вехи русского путешествия И. Штернберга.

Исследователи давно уже заметили, что личность Штернберга вызывала у Екатерины II откровенное подозрение, усиленное некоторыми действиями чешского путешественника. Побывав на русском севере, он отправил императору Францу письмо с описанием местного горного дела и промышленности России, чем заслужил благодарность Франца, которая была передана Штернбергу через австрийского посла Л. Кобенцла, входившего в круг интимных друзей Екатерины. Сам Штернберг позднее крайне отрицательно охарактеризовал этого дипломата, неоднократно чинившего ему препятствия. Так или иначе, но Екатерина II заподозрила Штернберга в тайной переписке с венским двором. В связи с этим она запретила Штернбергу дальнейшие путешествия по стране, в том числе задуманную им поездку через Сибирь в Китай вместе с английской дипломатической миссией. С не меньшим беспокойством взирали на Штернберга местные власти. Их смущали и пугали казавшиеся непонятными наборы астрономических, метеорологических инструментов и лабораторное оборудование,

которые возили с собою Штернберг и сопровождавший его в путешествии немецкий химик и металлург В. Лампадиус.

Помимо этого, у царского правительства имелись более серьезные опасения политического свойства, на что впервые внимание обратил Я. Вавра.¹¹ Как указывалось выше, Штернберг приехал в Петербург в середине августа 1792 г., т. е. в самый разгар так называемого дела Н. И. Новикова. Не была ли поездка И. Штернберга, принимавшего участие в масонском движении, как-то сопряжена с попыткой установления контактов с русскими «мартинистами» — вопрос, который не могла не задавать себе русская самодержица. Тем более, учитывая стремление путешественника попасть в Москву, о которой позднее в своих отчетах о поездке в Россию он отзывался несравненно более тепло, чем об официальном Петербурге. Хотя он ни словом не упоминал при этом ни о русском масонстве, ни о Н. И. Новикове, умолчание это носило нарочитый характер, поскольку и он, и Й. Добровский знали о заточении Н. И. Новикова и выражали ему свое сочувствие. Знали они и о печальной участи А. Н. Радищева, за два года до этого сосланного в Сибирь. Едва ли, впрочем, И. Штернберг скрывал в разговорах, которые вел в России, свои симпатии, хотя и знал об антимасонских настроениях Екатерины II. О его симпатиях было известно и правительству. В архивном деле, касающемся высылки Штернберга, он назван иллюминатом, т. е. приверженцем наиболее рационалистического и радикального течения в европейском масонстве XVIII в. В официальном отношении, poslanom из Петербурга 17 марта 1793 г. на имя московского главнокомандующего А. А. Прозоровского, говорилось, в частности, следующее: «... сей Штаренберг правил не весьма честных, первое он как французы называют *libre penseur*, другое замешан он в секту освещенных *illuminés*, все сие известно самой ее имп. величеству».¹² В ответ А. А. Прозоровский доносил в Петербург 4 апреля о пребывании И. Штернберга в Москве, о встречах, которые тот имел здесь, в том числе о содержании беседы Штернберга с московским директором почт И. Б. Пестелем, отцом декабриста: «А как г-н Пестель человек усердный к службе ее имп. величества, то он мне сказывал, что он по натуре человек недалкой, вообще все разумеют его человеком ученым в части математики, а из оной к части физики особая его склонность. Он имел с собой математические инструменты и делал обсервацию. Пестель приметил из слов его проскакивающих, что он Россию не любит и развратно мыслит о многих вещах, а паче о правительствах, то есть на основании иллюминатов; проговаривал, что он с знатными не хочет делать знакомства, а с людьми среднего состояния. Жалуется на графа Кобенцеля, относя все неудовольствия, которые в России он имел, всю от его шикану к себе, за то, что граф

¹¹ *Vávra J. Ceští osvícenci...*, s. 413.

¹² ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 1а.

Кобенцель не хорошо себя при высочайшем дворе в поведении своем располагает, и для того к нему никто должного уважения не имеет, о чем де венский двор к нему писал с неудовольствием, и он да сему причиной полагает его, а вместо де того двору венскому зделал замечание о сем граф Литта, и хочет жаловаться на него своему двору о всех случившихся с ним неудовольствиях, а к тому и мое письмо у венского двора представить».¹³

Отрывок этот, на который в свое время обращал внимание уже В. А. Францев,¹⁴ весьма примечателен для характеристики не только настроений И. Штернберга, но и манеры его поведения в России. Как легко убедиться из слов А. А. Прозоровского, его «нелюбовь» касалась не страны — да это противоречило бы и тому, о чем чешский путешественник позднее писал в своих книгах, — а царского правительства и его политики; это полностью согласовывается с тем, что мы знаем о Штернберге. Московский главнокомандующий невольнo отметил именно эту прогрессивную сторону позиции Штернберга, его стремление к контактам не с официальными и «знатными» лицами, а людьми «среднего состояния», т. е. как раз с теми, к кому обращались незадолго перед тем и А. Н. Радищев, и Н. И. Новиков. Наконец, существенно и то, что А. А. Прозоровский, на основании информации И. Б. Пестеля, недвусмысленно квалифицировал Штернберга как масона-иллюмината, тем самым прозрачно намекая на сугубую «опасность» задержки его в Москве, еще жившей недавними событиями и слухами, связанными с арестом Н. И. Новикова. Именно поэтому намек А. А. Прозоровского из цитировавшегося выше донесения следует непосредственно сопоставить с «Делом о расследовании масонских собраний», начатом 10 апреля 1792 г. и законченном только 20 октября следующего года; во время пребывания И. Штернберга в России, таким образом, пресловутое «дело» было в самом разгаре.¹⁵ Насколько власти опасались каких-то неподозволенных контактов чешского путешественника, видно хотя бы из того, что на обратном пути из Москвы у него была опечатана и на время даже изъята находившаяся при нем корреспонденция.¹⁶ Это свидетельствовало о том, что Екатерина II видела в Штернберге не обычного иностранного путешественника, а политически неблагонадежное лицо. Насколько была она права в своих подозрениях — вопрос иного рода. Но, думается, масонство Штернберга занимало здесь не последнее место. Кроме того, было известно, что другой чешский аристократ, игравший заметную роль в австрийской политической жизни, граф И. Хотек имел личные связи в ближайшем окружении цесаревича Павла Петровича,¹⁷ а ведь именно стремление «уловить» последнего

¹³ Там же, л. 3 об.

¹⁴ *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka...*, s. 40—42.

¹⁵ Моск. гос. ист. архив, ф. 16, оп. 29, № 64.

¹⁶ *Vávra J. Čeští osvícenci...*, s. 116.

¹⁷ *Vávra J. Česko-ruské vztahy...*, s. 35.

фигурировало в качестве важнейшей причины ареста Н. И. Новикова. Любопытно вместе с тем заметить, что и он, и А. Н. Радищев проявляли определенный интерес к политическим и правовым институтам габсбургских, в том числе чешских земель.

Названные выше труды И. Штернберга, к которым Я. Вавра добавил одно, еще неопубликованное письмо чешскому естественному испытателю Т. Груберу, посланное в Прагу из Петербурга 10 марта 1793 г.,¹⁸ до сих пор рассматривались по большей части как источник к истории путешествия И. Штернберга в Россию и его социально-экономических и, в меньшей степени, политических и культурных взглядов. При этом исчезал, как правило, другой аспект — рассмотрение их как самостоятельных литературно-публицистических произведений в ряду аналогичных трудов того времени.

Все сочиненное Штернбергом о России написано в форме писем.

Первая по времени издания книга «Путешествие из Москвы через Софию в Кенигсберг с кратким описанием Москвы и приложением метеорологических и минералогических наблюдений» велика по объему — в ней всего 46 страниц.

Ни одно из писем не имеет названия, хотя по содержанию они поддаются условному обозначению. Начинается «Путешествие» с письма, в котором автор кратко рассуждает о дороге из Петербурга и более подробно о том, что он увидел в Москве. Одновременно И. Штернберг размышлял о соотношении Петербурга и Москвы, уделяя описанию последней основное внимание.

Кратко охарактеризовав промышленность и коммерцию, И. Штернберг обращается к культурной жизни Москвы, которую описывает в сочувственных тонах.

Во втором письме И. Штернберг рассказывает об отъезде из Москвы, хотя и не останавливается специально на подробностях своей высылки. Основное содержание письма — описание виденных по дороге городов и деревень. Штернберг обращает внимание на тяжелое положение крепостного крестьянства, на плохую обработку земли и общую бедноту сельского населения деревни.

Многие мысли этой части книги получили дальнейшее развитие в третьем письме, в котором И. Штернберг размышлял о роли науки и культуры вообще в жизни народа. Хотя И. Штернберг, возможно по цензурным соображениям, и не упоминал о просветительской и издательской деятельности Н. И. Новикова, а тем более о А. Н. Радищеве, рассуждения его о недостатках книжного дела в современной ему России нельзя расценить иначе, как завуалированную критику реакционной политики царизма и лично Екатерины II в вопросах просвещения, что он ставил в тесную связь с общим внутривластным курсом правительства.

Вторая книга И. Штернберга «Замечания о России на осно-

¹⁸ Vávra J. Čeští osvícenci..., s. 117—118.

вании путешествия, предпринятого в 1792 и 1793 гг. с приложением статистических и метеорологических таблиц» также построена в форме писем. Она состоит из пяти писем, причем каждое имеет наименование: «Введение», «Климат», «Классы общества», «Коммерция» и «Описание Петербурга». Если в «Путешествии» автор обращался к неназванному адресату, сохраняя таким образом впечатление интимности переписки, к тому же точно датированной, то в «Замечаниях» этот прием не применяется и организация материала в виде писем носит откровенно условный характер. Фактически это научно-публицистический трактат, к которому приложены обширные статистические таблицы с данными о русском экспорте и импорте за 1742—1791 гг., о денежном курсе 1781 г. и о составе купеческих фирм, ведущих внешнюю торговлю.

Едва ли не наиболее значительный интерес и по существу, и с точки зрения характеристики взглядов автора представляет третье письмо, касающееся социальных отношений в русском обществе. Главное, что бросается в глаза путешественнику, писал Штернберг, это экономическая скудость и плохое использование природных богатств страны, бедность деревни и незаинтересованность земледельца в лучшей обработке почвы. Однако И. Штернберг не склонен относить это только за счет нерадивости или лени русских крестьян. «Эта местность, которая требует помощи человеческого труда и прилежания, населена людьми, столь же мало озабоченными тем, чтобы иметь собственность, как и остальные классы общества под российским господством, и не знающими иного учителя, кроме русского кнута».¹⁹ И. Штернберг иронически отзывался о той апологетической литературе, «в которой <...> читал все время о благосостоянии, богатстве и счастливой судьбе» простого народа в России, в то время как видел ужасающую нищету деревни, дороговизну и низкое качество основного предмета питания — хлеба, закопченные курные избы, изможденных людей. Он подвергал осуждению показной характер политики Екатерины II и несостоятельность прославлявших ее авторов. В этой связи Штернберг сделал замечание, которое можно расценить как намек на судьбу А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Касаясь апологетической книги А. Гупшеля «Опыт о государственном устройстве России» (Рига, 1791), восхвалявшей свободу и благосостояние, которые будто бы царят в русской деревне, И. Штернберг писал: «Подумать только, из каких мест извлекает он свои известия, однако читатель знает уже заранее, какую правду добудет он из чтения книги, написанной в империи, где кнут одновременно является руководителем пера и великая русская Бастилия, пустынная Сибирь, доставляет писательского стола».²⁰ А ведь именно там, в этой «великой рус-

¹⁹ *Sternberg J. Bemerkungen...*, s. 65.

²⁰ Там же, с. 80.

ской Бастилии», находился как раз во время путешествий И. Штернберга А. Н. Радищев, а в Шлиссельбургской крепости томился Н. И. Новиков! Главную причину отсталости России Штернберг видел в крепостном праве и подробно описывал царивший произвол помещиков и властей. В «Замечаниях» приводятся примеры торговли крепостными, самодурства их господ, проигрывающих в карты целые семьи и деревни, относящихся к крепостным как к рабам. Штернберг подчеркивал, что крепостное право не только налагает оковы на экономику страны, но и извращает общественную мораль.²¹

В то же время суждения И. Штернберга о русской деревне проникнуты чувством симпатии к крестьянам. Он живо интересовался их бытом и обычаями, о чем, например, свидетельствовало подробное описание крестьянской свадьбы в Олонецкой губернии — самое раннее описание такого рода, известное в настоящее время. Описание свадебного обряда дает повод И. Штернбергу, с одной стороны, сравнить его с принужденным весельем во дворцах знати и, с другой — подметить близость русских обычаев «нашим старым славянским». Подчеркивая поправившиеся ему качества русского народа, И. Штернберг выразил убежденность, что они получат успешное развитие сразу же, как только народ «будет предоставлен самому себе», т. е. после отмены крепостного права, в чем он не сомневался.²² По силе обличения и глубокому чувству симпатии к русским крепостным соответствующие разделы третьего письма Штернберга, по наблюдениям Я. Вавры, необычайно схожи с аналогичными мыслями, высказанными в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.²³ Хотя, добавим мы, в классовом отношении позиция дворянского просветителя-реформатора И. Штернберга конечно далека от смелой и радикальной программы А. Н. Радищева.

Сопоставляя обе книги И. Штернберга, можно заключить, что композиционно они сходны, хотя «Замечания» (их объем приближается к 200 страницам) подробнее «Путешествия», содержат более широкий круг вопросов и отличаются большей силой обличения режима Екатерины II. Создается впечатление, что материалы этой книги как бы «отстоялись» в голове И. Штернберга, в то время как «Путешествие» написано по горячим следам поездки и отличается большей непосредственностью впечатлений, хотя и менее детально осмысленных по сравнению с «Замечаниями».

Продолжая наши наблюдения, можно было бы обнаружить и некоторое сходство архитектоники названных книг с «Путешествием» А. Н. Радищева, в композиции которого исследователями отмечались некоторые элементы эпистолярной формы. Обращает

²¹ Там же, с. 79, 84.

²² Там же, с. 94.

²³ *Vávra J. Čeští osvícenci...*, s. 122.

также на себя внимание сходство заглавия первой книги И. Штернберга с трудом А. Н. Радицева. Совершив, если брать естественную последовательность событий, путешествие сперва из Петербурга в Москву, а потом обратно до Софии и далее на Запад, Штернберг описал только обратную поездку, в связи с чем раздел, посвященный Петербургу, был им закономерно включен не в «Путешествие», а в последовавшие за ним «Замечания». Любопытно, что в начале первого письма «Путешествия» И. Штернберг счел нужным объяснить, почему он избрал именно прием «описания с конца»: по дороге из Петербурга в Москву он «не мог делать никаких записей, которые заслуживали бы быть сообщенными», ввиду быстрой езды, из-за которой «окружающие картины только мелькали перед глазами». Но допустимо ли полностью доверяться этим словам? Не являются ли они литературным приемом? В самом деле, сам автор писал, что не мог сделать записей, которые были бы интересны его воображаемому адресату, читателю книги. Но означает ли это, что он вообще не вел никаких записей для себя, тем более что время у него было: ведь быстрая езда чередовалась, по признанию И. Штернберга, с долгим ожиданием смены лошадей на станциях. Скорее можно предположить, что описание обратной поездки из Москвы было выбрано И. Штернбергом сознательно, чтобы не просто описать виденное, а подчеркнуть вынужденный характер его отбытия из страны. София, Тосно, Любань, Чудово, Торжок, Городня, Клин. . . — были вехами путешествия А. Н. Радицева. Клин, Тверь, Городня, София. . . — в таком порядке излагал свои дорожные впечатления и мысли о России и ее народе И. Штернберг. Но если это так, то не связано ли «Путешествие» Штернберга по замыслу каким-либо образом с «Путешествием» А. Н. Радицева?

Как вытекает из первого письма штернберговского «Путешествия», он придавал значение принятому порядку описания поездки, обратному реально осуществленному маршруту. Может быть, он думал и о сопоставлении авторских судеб? За свое «Путешествие» А. Н. Радицев поплатился ссылкой в Сибирь, а И. Штернберг за свою поездку — выдворением в Пруссию. Если наши предположения, основанные на сопоставительном анализе обоих произведений, справедливы, то «Путешествие» И. Штернберга следовало бы рассматривать как своего рода продолжение, «второй том» «Путешествия» А. Н. Радицева. При этом становится более понятным не только идейно-художественный замысел книги Штернберга, но и несомненное сходство или даже частичное совпадение его взглядов на политику царского самодержавия и положение крепостных со взглядами А. Н. Радицева. Сказанное заставляет вновь обратиться к предположению Я. Вавры о том, что Штернберг знал или мог знать запрещенную книгу великого русского мыслителя-революционера.

Давно уже отмечено, что И. Штернберг и его спутник по поездке Й. Добровский знали об участии А. Н. Радищева. Более того, они могли быть осведомлены о ней еще до прибытия в Россию. Долгое время первые сведения о деле Радищева за рубежом относились к 1798 г. После обнаружения краткого сообщения о нем в номере грайфсвальдского журнала «Новейшие критические известия» от 2 октября 1790 г. стало очевидным, что информация проникла в Германию очень скоро, всего спустя несколько недель после ареста автора «Путешествия из Петербурга в Москву».²⁴ Попав в Петербург, И. Штернберг, по собственному указанию, накупил много книг о России,²⁵ стало быть, проявлял к ним повышенный интерес. Едва ли в таком случае он, даже не владея русским языком,²⁶ прошел мимо запрещенной книги А. Н. Радищева, о которой мог слышать, тем более что последний успел подарить несколько экземпляров ее своим знакомым.²⁷ Среди них находился А. Вицман, которого А. Н. Радищев знал по пребыванию в Лейпциге. Между прочим, А. Вицману приписывается авторство памфлета, пародийно изображающего один из реальных эпизодов жизни екатерининского двора — «Погребение собачки» (1805), в подзаголовке которого значится: «Послание к одному другу из Праги в Вену». В этой брошюре, изданной в Петербурге и выдержанной в духе антикрепостнической литературы, обращает на себя, в частности, внимание, что в качестве места отправления письма названа Прага.²⁸ В сочетании с некоторыми другими фактами²⁹ можно заключить, что на рубеже XVIII—XIX вв. между русской и чешской средой существовали связи более тесные, чем обычно предполагается. Одним из капалов таких связей могло в эти годы стать масонство.

То, что масоном был И. Штернберг, уже отмечалось. Именно это обстоятельство, лично известное Екатерине II, фигурировало

²⁴ См.: Рааб Х. Первое упоминание о деле А. Н. Радищева в печати. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 538—539.

²⁵ Sternberg J. Reise... , S. 33.

²⁶ Мы не располагаем сведениями о степени знакомства И. Штернберга с русским языком. Как человек живого ума, он, несомненно, проявлял к нему интерес и, возможно, понимал отдельные слова. В «Замечаниях» он приводил перечень русских рек и озер, пригодных для судоходства и промыслового рыболовства, сопровождая их, в частности, названиями рыб не только на немецком и латинском, но и русском языках (с. 114—119, 122—124). Не следует упускать из вида, что спутником И. Штернберга был один из основоположников славяноведения Й. Добровский, автор первого печатного чешско-русского словаря.

²⁷ См.: Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева. I. Кому подарил Радищев экземпляры «Путешествия». — В кн.: Радищев. Статья п матернала. Л., 1950, с. 222—223.

²⁸ См.: Vavra J. Ruský zájem o tereziánsko-josefínské agrární reformy. — In: Sborník historický, sv. 19. Praha, 1972, s. 177—178; Берков П. Н. Материалы для биографии А. Н. Радищева, с. 224.

²⁹ Dějiny česko-ruských vztahů. s. 47; Vávra J. Čeští osvícenci. s. 103—104.

среди причин, по которым царскому правительству, только что расправившемуся с «мартинистом» Н. И. Новиковым, чешский путешественник-«иллюминат» казался сугубо подозрительным. Ибо была опасность установления им обратной связи — с единомышленниками в России, так или иначе контактировавшими в недавнем прошлом с Н. И. Новиковым и А. Н. Радищевым. Правда, с вопросом об отношении последнего к масонам обстоит сложнее. Хотя в ряде случаев А. Н. Радищев полемизировал с мистическими направлениями в русском масонстве,³⁰ менее всего уместными представляются поспешные суждения, сводящиеся к полному отлучению А. Н. Радищева от связей с масонским движением вообще.³¹ Не говоря уже о сложном и глубоко противоречивом характере масонства,³² вопрос сводится не столько к личному участию А. Н. Радищева в масонских «работах», сколько к более широкой теме его общественных связей с масонской средой. Характерно, что в своих известных замечаниях по прочтении «Путешествия» Екатерина II имела в виду автора не только «бунтовщиком хуже Пугачева», но «мартинистом». Смысл этих слов, конечно, можно истолковать по-разному. Но нельзя, например, без специальной проверки отмахнуться от утверждения, что какая-то «масонская ложа помещалась в доме Радищева».³³ А посвящение «Путешествия из Петербурга в Москву» масону А. М. Кутузову, независимо от оговорки автора, что их мнения «о многих вещах различествуют», является неоспоримым фактом (I, 227).³⁴ Все это говорит в пользу того, что сведения о деле Радищева и о его книге могли иметь дополнительный стимул к распространению в масонских кругах, причем не только в России. Конечно, это пока предположение, но предположение вполне вероятное и заслуживающее дополнительной проверки.

Пока же дать сколько-нибудь удовлетворительный ответ на вопрос о вероятной осведомленности И. Штернберга о книге А. Н. Радищева не представляется возможным. Для этого необходимо предпринять самостоятельное, доскональное изучение русского периода жизни Штернберга, установить круг его знакомств, прежде всего в Петербурге, где особенно хорошо помнили о судьбе А. Н. Радищева. К сожалению, сведения такого рода скудны и в настоящее время ограничиваются сочинениями самого Штерн-

³⁰ См.: *Татаринцев А. Г.* Радищев и масоны. — Науч. ежегодник Саратовск. ун-та за 1955 год. Отд. 3, 1958, с. 52.

³¹ См.: *Рогов И. М.* К вопросу о «масонстве» А. Н. Радищева. — Вестн. Ленингр. гос. ун-та, 1958, № 20, с. 153—154.

³² См., например: *История русской литературы. Т. 4. Литература XVIII в., ч. 2. М.—Л., 1947, с. 59; Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 285.

³³ ИРЛИ, ф. 275 (В. П. Семенников), оп. 1, № 10, л. 51 об.

³⁴ Особого изучения заслуживает проблема взаимоотношений между А. Н. Радищевым и Н. И. Новиковым, включая их масонские интересы. См.: *Семенников В. П.* Радищев. Очерки и исследования. М.—Пг., 1923, с. 208—209.

берга и теми архивными документами, которые были введены в научный оборот еще В. А. Францевым.

Известно, что в Петербурге Штернберг жил в «Hotel de Londres»³⁵ и вместе с И. Добровским посещал Академию наук, где беседовал с академиками П. С. Палласом и И. Г. Стриттером.³⁶ Темой их разговоров были, несомненно, проблемы естествознания, лингвистики и истории, соответствовавшие кругу научных интересов этих ученых. И хотя в их архивных материалах сведения об этих встречах не сохранились,³⁷ П. С. Паллас рекомендовал И. Штернберга профессору московского университета И. Гейму, занимавшемуся историей, филологией, статистикой (Гейм прибыл в Москву в 1779 г., первоначально в качестве домашнего учителя А. А. Лопухина). В донесении А. А. Прозоровского от 4 апреля 1793 г. указывалось: «Университета профессору Гейму рекомендован он от профессора Палласа не чрез письмо, но словесно, как Паллас ехал через Москву».³⁸ Но Штернберг располагал еще рекомендательными письмами: к директору почт И. Б. Пестелю от шведского капитана Норберга, к английскому купцу в Москве Дикенсону и к казначею ассигнационного банка от петербургского купца С. Ф. Бланда.³⁹

Письма, по-видимому, носили достаточно доверительный характер, так как этим в значительной мере можно объяснить откровенность в высказывании Штернбергом своих взглядов И. Б. Пестелю, которого он видел впервые и о котором затем тепло вспоминал в своем «Путешествии».⁴⁰ По иронии судьбы о содержании их беседы мы узнаем из рапорта А. А. Прозоровского, ссылавшегося в свою очередь на информацию И. Б. Пестеля, человека усердного «к службе ее имп. величества». Зато и капитан Норберг, и купец Бланд заслуживают того, чтобы сказать о них несколько подробнее.

В донесении А. А. Прозоровского указывалось, что автор рекомендательного письма к И. Б. Пестелю, шведский капитан Норберг, «был при заводах у Походяшина, а теперь должен быть в Петербурге».⁴¹ Оговорка многозначительная, поскольку имя братьев Походяшиных, богатых сибирских заводчиков, было хорошо известно Екатерине II. Младший из двух братьев, Г. М. Походяшин, в 1785 г. познакомился с Н. И. Новиковым, а вскоре стал его ближайшим другом и единомышленником. Это он в 1787 г. безвозмездно передал Н. И. Новикову 50 тыс. руб. на организацию помощи крестьянам, страдавшим от неурожая и голода. Спустя

³⁵ *Sternberg J. Bemerkungen...*, s. 78.

³⁶ *Dějiny česko-ruských vztahů*, s. 23.

³⁷ Нами были просмотрены бумаги П. С. Палласа и И. Г. Стриттера, хранящиеся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР.

³⁸ ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 3.

³⁹ Там же, ср.: *Francev V. A. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka...*, s. 42.

⁴⁰ *Sternberg J. Reise...*, s. 14.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 7, № 2803, л. 3.

несколько лет у Походяшина рождается замысел оказания материальной помощи Н. И. Новикову для полной перестройки его книгоиздательской и книготорговой деятельности, что было оформлено особым соглашением в ноябре 1791 г., т. е. всего за несколько месяцев до ареста Н. И. Новикова. Для этого Г. М. Походяшин уговорил старшего брата продать принадлежавшие им металлургические и винокуренные заводы в казну с тем, чтобы причитающуюся ему часть вырученного капитала передать Н. И. Новикову. Их предложение рассматривалось в Совете в апреле 1791 г., причем бумаги о покупке были внесены сюда «по высочайшему ее имп. величества соизволению». После ареста Н. И. Новикова имя Г. М. Походяшина неоднократно упоминалось в следственном деле. О финансовых отношениях его с Н. И. Новиковым Екатерина II прямо запрашивала А. А. Прозоровского в вопросных пунктах 11 февраля 1792 г. А параллельно в Тайной экспедиции на Г. М. Походяшина завели досье, материалы которого были в ноябре 1793 г. суммированы в отдельной записке.⁴² Из сказанного легко заключить, что рекомендательное письмо Штернбергу было написано Норбергом как раз в те месяцы, когда особенно активно велось разбирательство по делу Новикова, а задом и поминалось имя одного из владельцев заводов, где ранее служил шведский капитан. Неудивительно, что А. А. Прозоровский не мог упустить такую компрометиовавшую, по его мнению, Штернберга деталь в рапорте.

Другим лицом, давшим рекомендательное письмо чешскому путешественнику и упомянутым в бумагах А. А. Прозоровского, был петербургский купец Бланд. Он оказывал содействие не только Штернбергу. Несколькими месяцами ранее при отъезде Й. Добровского в Москву в октябре 1792 г. С. Ф. Бланд также снабдил его рекомендательным письмом и короткое время состоял с чешским ученым в переписке, проникнутой чувствами взаимной симпатии и, что существенно, определенного взаимопонимания. Так, в ответ на одно из писем Й. Добровского с изложением дорожных впечатлений С. Ф. Бланд подчеркивал: «Ваше описание страны, населения и его обычаев, равно как и прекрасных памятников кажется полностью отвечающим моим мнениям».⁴³ Эти строки примечательны в первую очередь для характеристики облика самого С. Ф. Бланда, явно перерастающего рамки представления о нем как о рядовом коммерсанте. Кто же такой С. Ф. Бланд? В. А. Францев, впервые упомянувший его письма в связи с русским путешествием Й. Добровского и И. Штернберга, называл его совладельцем крупной петербургской торговой фирмы «Братья

⁴² Подробнее см.: Громыко М. М. Г. М. Походяшин в «Дружеском учебном обществе» Н. И. Новикова. — В кн.: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974, с. 259—298.

⁴³ См.: Францев В. А. Cesta J. Dobrovského a hr. J. Sternberka..., s. 10.

Бланды», как раз в те годы развернувшей свою деятельность в Петербурге. В «Ведомости о записавшихся в санктпетербургское купечество разных лиц» 1785 г. числится купец третьей гильдии Иван Иванович Бленд.⁴⁴ К 1792 г. капитал фирмы составил, по сообщенным ею сведениям, 10 700 руб., а в 1793 г. — 11 000 руб., причем основным владельцем был все тот же купец, именуемый, однако, в «Ведомости именитым гражданам и купцам первой и второй гильдии» 1793 г. купцом уже не третьей, а первой гильдии Иоганом Якобом Бландом.⁴⁵ На его имя, по-видимому, и был записан капитал, так как С. Ф. Бланд в этих документах не упоминается. Они были людьми передовых по тому времени настроений, о чем красноречиво свидетельствовало письмо русского посла в Англии С. Р. Воронцова от 20 (31) октября 1794 г., с которым он обратился к Екатерине II: «После самих французов нет нации, за которой должны так крепко надзирать, как за немецкою; ибо Вы не можете, всемилостивейшая государыня, себе представить, до какой степени купечество и мещанство во всей Германии заражено правилами французской демократии. При сем случае мне нельзя не донести Вам, что прошлою весною был здесь в Англии один купец, называемый Бландо, родом из Штетина в Померании, и который < . . . > записался в русское купечество и здесь назывался русским. Он здесь имел связи с самыми подозрительными людьми и кои делают дела с Франциею. Разъезжая по здешним городам, а наипаче в Бате, он говорил как якобинец и уверял, что в Лифляндии и в разных местах России народ ожидает с нетерпением, чтоб взбунтоваться. Многие из моих знакомых и приятелей, кои были тогда в Бате, возвратясь в Лондон, меня о сем уведомили».⁴⁶ Письмо С. Р. Воронцова было написано спустя полтора года после выдворения из России И. Штернберга. Но если внимательно вчитаться в его смысл, то без особого труда можно обнаружить сходство общих настроений Бланда и чешского путешественника: «иллюминат» Штернберг и «якобинец» Бланд на многое смотрели одинаково. А слова последнего о том, что в России «народ ожидает с нетерпением, чтоб взбунтоваться», напоминали не только о «Путешествии» А. Н. Радищева, но и о книгах Штернберга. Здесь и проходило силовое поле их взаимного расположения, послужившее одной из причин выдачи С. Ф. Бландом рекомендательного письма И. Штернбергу.

Так понемногу расширяются представления о цепочке русских связей И. Штернберга, который, по верному замечанию А. А. Проzorовского, хотел в первую очередь свести знакомство «с людьми среднего состояния». И масонские каналы, как отмечено выше,

⁴⁴ Ленингр. гос. ист. архив, ф. 224, оп. 1, № 104, л. 3. Ранее этого года братья Бланды в документах о составе петербургского купечества не значатся (ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 556). Документы тех лет содержат различное написание их фамилии: Бланд, Бленд, Блядо, Блядау.

⁴⁵ ЛГИА, ф. 224, оп. 1, № 152, л. 5.

⁴⁶ Архив кн. Воронцова, т. 9. М., 1876, с. 384—385.

играли определенную роль в налаживании таких контактов, в создании вокруг Штернберга своего рода микроклимата, позволявшего ему лучше ориентироваться в незнакомой стране.

Будучи в России, Штернберг вращался не в великосветских кругах, к которым по происхождению и социальному положению на родине принадлежал; с психологической точки зрения примечательно, что его нежелание «с знатными <...> делать знакомства» не только бросалось в глаза царской бюрократии, но и в ряду прочих причин усугубляло ее подозрительное отношение к И. Штернбергу. Он общался с учеными и людьми «среднего состояния», с теми, кто был ему близок по интересам или роду занятий. А как раз в этой среде Штернберг имел полную возможность получать необходимую информацию о Н. И. Новикове и А. Н. Радищеве, о новейших событиях духовной жизни русского общества и, судя по сделанным ранее наблюдениям, в какой-то форме узнать о содержании «Путешествия из Петербурга в Москву».

Дальнейшее изучение поднятых вопросов, обнаружение дополнительных источников, в чем теперь уже не приходится сомневаться, позволит пролить новый свет на проблемы, представляющие значительный интерес как для русской литературы XVIII в., так и для истории чешско-русских связей эпохи Просвещения.

В. Д. РАК

**„ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ“
В „ПИСЬМОВНИКЕ“ Н. Г. КУРГАНОВА**

В истории русского Просвещения XVIII в. «Письмовник» Н. Г. Курганова занимает чрезвычайно важное место. В течение нескольких десятилетий это пособие энциклопедического типа выполняло многообразные просветительские функции,¹ пропагандировало передовые идеи своего времени, приобщало людей к образованности, развивало любознательность и привычку к чтению. Как литературная хрестоматия «Письмовник» имел непосредственное отношение к литературному процессу второй половины XVIII в. В этом плане представляют интерес несколько его разделов, в том числе и «Присовокупление второе», включавшее в окончательном составе 354 «краткие замысловатые повести» (так Курганов называл анекдоты, остроумные реплики, фäцеции и прочие небольшие рассказы о забавных или примечательных происшествиях), несколько подборок остроумных и поучительных изречений, а также эпиграммы, загадки и таблицу, озаглавленную «Опись качеств знатнейших европейских народов». Анализ принципов подбора этого пестрого литературного материала — обязательная стадия давно уже настоятельно необходимого детального и систематического исследования «Письмовника». Однако для того, чтобы подобный анализ стал возможен, требуется первоначально выяснить, из каких источников был взят материал, составивший «Присовокупление второе».

«Присовокупление третье» Курганов открыл следующими словами: «Прешедшие повести и прочие речи почти все переведены с иноязычных книг».² Какие именно книги были использованы — не указано, и этот секрет автора «Письмовника» остался не раскрытым до наших дней.

¹ См. подробно: *Макогоненко Г. П.* Радищев и его время. М., 1956, с. 97—115.

² *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие... СПб., 1769, с. 185. В дальнейшем слово «повесть» употребляется без кавычек в значении, которое оно имело в «Письмовнике».

Единственную попытку установить, из каких книг были переведены «краткие замысловатые повести», предпринял почти сто лет тому назад А. И. Кирпичников, изучивший с этой целью ряд французских сборников фантасий и анекдотов. В статье, посвященной Курганову,³ он указал в качестве источника тридцати шести повестей третье издание сборника «Рожер Бонтан в хорошем настроении»,⁴ не будучи, впрочем, до конца уверенным и допуская, что переводы были выполнены из какой-то более ранней книги, которую в свое время, как он предполагал, «жестоко обобрал Рожер, не дававший себе труда переделывать заимствованное».⁵ Еще две повести, по мнению А. И. Кирпичникова, были переведены из второй части «Избранных рассказов» французского писателя Антуана д'Увиля (Antoine Le Metel d'Ouille, ум. 1656 или 1657 г.).⁶ Однако М. П. Алексеев, ссылаясь на запутанную издательскую историю этого сборника, указал относительно одной из повестей, что ее источник «трудно считать установленным окончательно».⁷

Признаками, послужившими А. И. Кирпичникову основанием для того, чтобы признать «Рожера Бонтана» источником «кратких замысловатых повестей», были сравнительно большое число повестей, совпадающих с рассказами, находящимися в этой книге, и точное соответствие многих из этих повестей французскому тексту. Эти основания ни в коем случае не являются достаточными. Обследование ряда аналогичных французских сборников, не попавших в поле зрения А. И. Кирпичникова или, может быть, им просмотренных, но отвергнутых, показало, что в них

³ Кирпичников А. И. Былые знаменитости русской литературы. (Курганов и его «Письмовник»). — Ист. вестн., 1887, № 9, с. 473—503. Статья перепечатывалась в кн.: Кирпичников А. И. Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896, с. 40—75; изд. 2-е, доп., т. I. М., 1903, с. 40—75. В дальнейшем цитируется издание 1903 г.

⁴ [Roquelauré A.-G.-J.-B. de?], Roger Bontems en belle humeur. Donnant aux tristes et aux affligés le moyen de chasser leur ennui, et aux joyeux le secret de vivre toujours content. Par M***. Neuv. éd., augm. considérablement. Vol. 1—2. Cologne, 1734. Переведенными из этого сборника А. И. Кирпичников считал повести № 8, 10, 24, 27, 46, 55, 67, 72, 75, 81, 85—87, 97, 100, 109, 113—114, 138, 153, 164, 166, 171, 183, 197, 221, 224, 228, 233, 289, 297, 314, 324—326, 330; см.: Кирпичников А. И. Очерки..., с. 58—59, 63—64. От внимания Кирпичникова ускользнуло совпадение еще нескольких повестей Курганова с рассказами в «Рожере Бонтане»: № 70, 80, 108, 157, 178, 231. (Номера повестей во всех случаях, кроме особо оговоренных, приводятся здесь и в дальнейшем по четвертому изданию «Письмовника» 1790 г.).

⁵ Кирпичников А. И. Очерки..., с. 59.

⁶ L'Élite des contes du Sieur D'Ouille, p. 2. Rouen, 1699. Из этого сборника А. И. Кирпичников считал переведенными повести № 320 («Повесть о трех подругах») и № 323. В статье не объяснено, почему именно этому изданию сборника отдано предпочтение перед всеми остальными; см.: Кирпичников А. И. Очерки..., с. 63.

⁷ Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 59. Речь идет о повести № 320.

нередко встречаются в разных комбинациях рассказы, которые он считал переведенными из «Рожера Бонтана». Текст этих рассказов не был стабильным, но тем не менее во многих сборниках совпадал с текстом «Рожера Бонтана» или имел настолько незначительные отличия, что в переводе они могли бы стать неощутимыми. В числе различных вариантов отдельных рассказов нашлись такие, с которыми повести Курганова совпадали точнее, нежели с соответствующими рассказами из источника, указанного А. И. Кирпичниковым. В «Рожере Бонтане» не оказалось ни одного рассказа, общего с той или иной повестью Курганова, который не вошел бы в какой-либо другой сборник. Правда, нигде не повторилась комбинация, которую эти рассказы образуют в «Рожере Бонтане»; но, с другой стороны, обнаружилось много других рассказов, представленных повестями в «Письмовнике». Наконец, выявились сборники, не уступающие «Рожеру Бонтану» и превосходящие его по числу рассказов, общих с «Присовокуплением вторым». Опираясь лишь на те признаки, которые учитывал А. И. Кирпичников, любой из таких сборников можно было бы признать источником «кратких замысловатых повестей».⁸ Можно было бы также найти такое сочетание или даже сочетание различных сборников (включая или исключая «Рожера Бонтана»), что составила бы вполне убедительная картина «источников», которыми мог пользоваться Курганов.

Таким образом, сборники, указанные А. И. Кирпичниковым, не обладают никакими специфическими признаками, которые по-

⁸ Например: 1. *Boyer A. Le compagnon sage et ingénieux anglois et françois. Ou recueil de l'Esprit des personnes illustres, tant anciennes que modernes: contenant leurs sentences, pensées nobles, généraux sentimens, réparties fines, bon mots, et aventures agréables.* 3-me ed., corr., augm., etc. Londres, 1707. Семьдесят семь рассказов, общих с повестями Курганова; семь из них имеются в «Рожере Бонтане». Этот сборник действительно отразился в «Письмовнике», но считать его источником нельзя, так как было посредствующее звено — «Товарищ разумный и замысловатый» П. Семенова; см.: *Рак В. Д. «Товарищ разумный и замысловатый» (1764) и его источник.* — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 223—228. 2. [*Ducry S.-J.*]. *Amusement curieux et divertissant, propre à égayer l'Esprit. Ou fleurs de bons mots, contes à rire, valeur héroïque, etc., le tout sans obscénité, afin que les personnes de tout état puissent en faire leurs récréations.* Recueilli par D**** jadis imprimeur de l'Escadre du Roi à l'expédition de Minorque, p. 1—2. Florence [Marseille], 1766. Тридцать семь рассказов, общих с «Письмовником»; восемь имеются в «Рожере Бонтане». 3. *Elite des bons mots, et des pensées choisies, recueillies avec soin des plus célèbres auteurs, et principalement des livres en ANA, p. 1—2.* Amsterdam, 1726. С «Письмовником» совпадает восемьдесят два рассказа, пятнадцать имеется в «Рожере Бонтане». Сборник издавался в XVIII в. несколько раз. 4. *Le passe-tems agréable, ou nouveaux choix de bons mots, de pensées ingénieuses, de rencontres plaisantes, dont une partie n'avoit pas encore été mise en jour. Enrichi d'une élite des plus vives gasconnades, qui ne sont point dans le Gasconiana, et de quelques nouvelles histoires galantes. Le tout avec des réflexions.* 2e éd., augm. de plus du double. Rotterdam, 1711. Рассказов, общих с повестями Курганова, — сорок; в «Рожере Бонтане» — пять.

зволили бы согласиться с его выводами. Содержащиеся в них рассказы, совпадающие с повестями из «Письмовника», могут рассматриваться лишь как параллели, подтверждающие заявление Курганова о том, что в «Присовокуплении втором» собран материал, переведенный из «иноязычных книг».

Никаких конкретных, бесспорных дополнений к сведениям, сообщенным А. И. Кирпичниковым, найдено не было. Не будет поэтому преувеличением сказать, что в настоящее время отсутствует историко-литературная база для изучения «Присовокупления второго». Для восполнения этого пробела был проведен новый поиск западноевропейских источников «кратких замысловатых повестей».

Круг поисков был значительно расширен. Обследовались не только сборники факций и анекдотов, но также западноевропейские учебники иностранных языков, содержавшие (как это часто практиковалось в конце XVII—XVIII вв.) подборки небольших забавных рассказов, предназначенных для начального легкого чтения.

Основанием для включения учебных пособий подобного рода в круг возможных источников «Присовокупления второго» послужило одно замечание Н. И. Новикова в двенадцатом листе «Трутня».⁹ Полемизируя с журналом М. Д. Чулкова «И то и сь», Новиков писал: «Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает».¹⁰ Аналогичная «басня» о козленке имеется и в «Письмовнике» (№ 69). Правда, ее нет ни в одном из многочисленных изданий учебника итальянского языка Жана Виньерона (Jean Vignerou, 1642—1708; италянизированная форма фамилии: Veneroni). Может быть, Новиков действительно подозревал, что из такого, по его понятию, ничтожного в литературном отношении источника Чулков черпал сюжеты своих стихотворных новелл; может быть (что более вероятно), он упомянул «Венерониеву грамматику» намеренно, для того чтобы придать больший сарказм своему выпадку. Как бы то ни было, но его замечание указывает на то, что грамматические пособия были одним из каналов, по которым анекдотическая и факцийная литература доходила до русского читателя.

Имеющиеся сведения о методике преподавания иностранных языков в России в XVIII в. не позволяют судить о том, насколько широко использовался подобный литературный материал для обучения русских западноевропейским языкам.¹¹ Однако уже

⁹ На это замечание обратил внимание автора В. П. Степанов, которого пользуюсь случаем поблагодарить за многие ценные советы, способствовавшие успеху разысканий.

¹⁰ Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. статья и коммент. П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 90.

¹¹ См., например: *Синицына И. Т.* Изучение иностранных языков в России XVIII века. (В свете лингвистических взглядов Ломоносова). —

в 1719 г. «мамзель Близендорф» использовала на занятиях с детьми А. Д. Меншикова «маленькую Ейленшпигель».¹² С изучением или преподаванием иностранных языков, возможно, было связано появление сборника П. Семенова «Товарищ разумный и замысловатый» (1764); во всяком случае, одним из его источников была учебная хрестоматия, предназначенная для овладения английским языком.¹³ Один из учебников иностранных языков, вышедших в России до первого издания «Письмовника», содержал небольшую подборку факций и анекдотов.¹⁴ Эти факты в совокупности с замечанием Новикова дают основание предположить, что в России были известны западноевропейские учебники, включавшие подборки подобного рода. Вполне естественным поэтому представляется, что какие-то из этих учебников могли попасть в руки Курганову и послужить источником «кратких замысловатых повестей». Курганов знал три живых языка и, если не во время их изучения, то позже, хотя бы для усовершенствования своих познаний, мог пользоваться подобными учебниками. Кроме того, работая над грамматикой русского языка, которая составила основу «Письмовника», он должен был интересоваться разнообразной, лингвистической литературой; и, действительно, в «Разговоре о различии изречения и писания» перечисляется ряд грамматик живых и мертвых языков, при этом упоминается и учебник Виньерона.¹⁵ Наконец, имеется до сих пор никак не оцененное и не проанализированное свидетельство о том, что «Письмовник» был связан с реальным учебным процессом. По этому поводу В. Н. Берх писал: «Современник почтенного Курганова сказывал мне, что „Письмовник“ составлен из записок, которые Н. Г. К. приговаривал для детей своих».¹⁶ Разумеется, нельзя полностью принимать на веру это сообщение неизвестного лица. Вряд ли, например, Курганов мог предложить своим детям в высшей степени непристойную повесть, напечатанную в первом издании под № 130. Тем не менее это свидетельство могло быть не беспочвенным, а в этом случае обращение Курганова к учебникам, о которых идет речь, становится еще более вероятным.

Изучение различных учебных пособий и французских сборников факций, анекдотов, острот и т. п. в сравнении с «Присовокуплением вторым» дало большое число точных соответствий,

Учен. зап. Арханг. пед. ин-та, 1959, вып. 7, кафедра английского языка, с. 3—14; Раушенбах Б. Э. Краткий обзор основных методов преподавания иностранных языков с I по XX век. М., 1971, с. 40—49.

¹² Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 289.

¹³ См. выше, примеч. 8.

¹⁴ Новая итальянская грамматика собрана из разных авторов и переведена на российской язык... Егором Булатницким. [М.], 1759.

¹⁵ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика... с. 236—237.

¹⁶ Берх В. Н. Жизнеописание Николая Гавриловича Курганова. СПб., 1829, с. 16.

вариантов и параллелей для 319 повестей Курганова. Оно также позволило, с учетом опыта А. И. Кирпичникова, сформулировать несколько эмпирических правил для опознания источников этого раздела «Письмовника». Неоднократно уточненные по мере проверки на разных книгах и оправдавшие себя, эти правила могут быть сформулированы в следующем виде.

1. Источником «Кратких замысловатых повестей» можно считать лишь такую книгу, которая обладает совокупностью признаков, подтверждающих обращение к ней Курганова.

2. Ни большое число рассказов, с которыми совпадают повести Курганова, ни точное соответствие русского текста иностранному не являются сами по себе достаточными признаками, чтобы включить книгу в число источников, которыми пользовался Курганов. Однако они приобретают важное значение при наличии других признаков. Для русских книг текстуальные совпадения с повестями «Письмовника» являются решающим признаком.

3. Важными признаками следует считать наличие в книге малораспространенных рассказов, воспроизведенных в «Письмовнике», и знакомство с нею в России.

4. Как правило, книга, послужившая Курганову источником повестей, давала ему материал и для других разделов «Присовокупления второго».

5. В числе повестей, взятых из одного источника, всегда есть точные переводы, вольные переводы и повести, подвергшиеся переработке, степень которой различна. Переработке подвергались и повести, заимствованные из русских источников.

6. Повести, взятые из одного источника, образуют в «Письмовнике» группы или ряды.

А. И. Кирпичников не придавал никакого значения тому, что повести, которые он считал переведенными из сборника «Роже Бопан в хорошем настроении», расположены по большей части изолированно одна от другой и с большим «разбросом» по всем разделу. Принцип группового расположения повестей вносит в этот хаос известную упорядоченность, в которой, по-видимому как-то отразился процесс работы Курганова над «Присовокуплением вторым». Этот принцип нашел подтверждение в том обстоятельстве, что ряды, образуемые разными книгами, которые были опознаны как источники, взаимно дополняют друг друга. Примечательным представляется и то, что повести, для которых удалось установить источник, также расположились группами (например, № 10—19, 31—38, 150—157 и др.).

Источники, давшие наибольшее число повестей, представлены в «Письмовнике» каждый несколькими рядами, отстоящим один от другого нередко на значительном расстоянии. Расположение повестей внутри рядов во многих случаях не согласуется с порядком следования в источнике рассказов-оригиналов. Некоторые ряды составлены из повестей, переведенных из разных

мест источника и к тому же еще как бы перетасованных. Очевидно, эта бессистемность лишь видимая; но выявить закономерности, если они есть, станет возможным только тогда, когда будут установлены все источники повестей Курганова. Не исключена вероятность, что этот «хаос» скрывает какие-то важные и интересные особенности творческого процесса Курганова — переводчика и компилятора.

7. В случае, когда рассказ, которому соответствует повесть Курганова, имеется в нескольких книгах, использованных в «Присовокуплении втором», то источником этой повести следует считать книгу, из которой рассказы образуют в данном месте ряд.

Во многих случаях этот вывод подтвердился сравнением текстов. Повести Курганова оказывались максимально близкими именно к тем рассказам, которые входят в ряды, и отличались от соответствующих рассказов в других источниках, если эти рассказы в данном месте «Кратких замысловатых повестей» занимают изолированное положение. Это обстоятельство позволяет распространить сформулированное выше правило и на большинство тех случаев, когда иностранные тексты полностью идентичны или имеют весьма незначительные отличия, не ощутимые в переводе. Однако если идентичные или почти идентичные иностранные тексты приходятся на стык двух взаимно перекрещивающихся рядов, образованных разными источниками, то решить вопрос о конкретном источнике почти нет возможности.

Хотя указанное выше правило будет часто применяться в дальнейшем изложении, оно отнюдь не рассматривается как универсальное и относительно некоторых повестей выводы будут иметь предположительный характер. Более того, есть основания полагать, что иногда Курганов сравнивал и контаминировал тексты разных источников. Так, возможно, обстояло дело с повестями № 49 и 126. Бесспорным случаем контаминации двух рассказов, взятых из разных источников, является повесть № 140. Изменения, впесенные в повесть № 45, были, очевидно, вызваны знакомством с аналогичной стихотворной сказкой М. Д. Чулкова. Эту повесть Курганов перевел в следующем виде: «Некий поселянин, приехав в город к своему сродственнику, между прочим спросил его, какую он имеет должность, но тот отвечал: великую... Однако какую? Жену с пятью детьми».¹⁷ В оригинале-источнике речь идет о четырех детях, а цифра пять фигурирует в стихотворении Чулкова.¹⁸ Эту «сказочку», вместе с двумя другими, Курганов перепечатал в «Присовокуплении пятом»,¹⁹ озаглавленном «Сбор разных стихотворств», и это обстоя-

¹⁷ Курганову не удалось передать игру значений французского слова *charge* — «груз, бремя» и «должность». Впоследствии Курганов счел цифру пять недостаточной и увеличил ее до девяти.

¹⁸ И то и сьо, 1769, май, неделя 21.

¹⁹ Курганов *Н. Г.* Российская универсальная грамматика..., с. 283.

тельство является сильным доводом в пользу предположения о том, что число детей было изменено в повести № 45 под влиянием Чулкова.

На основании всех вышеперечисленных признаков были выявлены семь книг, послуживших источниками «Присовокупления второго». Ниже они указываются в порядке их появления в разделе «Краткие замысловатые повести»: ²⁰

П — *Pépliers J.-R. des. La parfaite grammaire royale, françoise et allemande, Das ist: Vollkommene Königl. Franz. Teutsche Grammatica...* 20. Ausfertigung... verbessert und vermehret vom Pierre Rondeau. Leipzig, 1717.

Выявленные переиздания: Leipzig, 1725, 1735, 1737.

Выявленные более ранние издания с немного отличающимся подзаголовком и без указания П. Рондо: Leipzig, 1713, 1715.

Общее число изданий этого варианта учебника Пешлие не установлено.

М — *Мармонтель Ж.-Ф.* Велизер, сочинения г. Мармонтеля, члена Французской академии, переведен на Вольте. [М.], 1768.

НФГ — *Nouvelle et parfaite grammaire françoise. Neue und vollständige Französische Grammatik, in Frag und Antwort abgefasst. Aus dem Französischen des Herrn Restaut, und andern Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen, nebst verschiedenen Zugaben...* Mainz und Frankfurt am Mayn, 1749.

ТРЗ — *Семенов П.* Товарыщ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых намешек и приятных приключений знатных мужей древняго и нынешняго веков. Переведенный с французскаго и умноженной из разных латинских к сей же материи принадлежащих писателей кажда для пользы, так и для увеселения общества. Ч. 1—2. СПб., 1764

ГДП — *Gayot de Pitaval F.* Bibliothèque des gens de cour, ou mélange curieux des bons mots de Henri IV, de Louis XIV, de plusieurs princes et seigneurs de la cour, et d'autres personnes illustres. Avec un choix des traits naïfs, gascons et comiques, de plusieurs petite pièces de poésie, et de pensées ingénieuses propre à orner l'éspri et à le remplir d'idées vives et riantes, vol. 1—5. Amsterdam, 1726

Имеются более ранние и более поздние издания, которые не верить de visu не представилось возможности.

Ув. — *Contes à rire, ou récréations françoises, vol. 1—3. Nouv. éd., corrigé et augm. Lille, 1781.*

Курганов мог пользоваться и другими изданиями этого третьего варианта сборника, обследовать которые de visu не представлялось возможности (например: Paris, 1762, 1769, 1775, 1781)

СА — [*Lacombe de Prezel H. de*]. Dictionnaire d'anecdotes, de traits singuliers et caractéristiques, historiettes, bons mots, naïvetés, saillies réparties ingénieuses, etc. etc., vol. 1—2. Nouv. éd., augm. Paris, 177

Первое издание вышло в 1766 г. Другие выявленные издания: Paris, 1767, 1768, 1770. Курганов мог пользоваться любым изданием

Примечание. В дальнейшем изложении будет также использоваться сокращение *НУ* для обозначения неустановленного источника или источников. Фразы типа «ряд, образованный рассказами из учебника Пешлие», будут заменяться сокращениями *П-ряд*, *ТРЗ-ряд* и т. п.

²⁰ Литерами обозначаются условные сокращения, используемые в дальнейшем изложении.

Из этих семи источников в «Письмовник» вошло не менее 226 повестей, а также другие разнообразные материалы, включенные Кургановым в «Присовокупление второе».

1. *Ж.-Р. де Пеплие. «Полная грамматика французского языка».*

Грамматика Жана-Робера де Пеплие вышла первым изданием незадолго до 1689 г. и на протяжении всего XVIII в. была, пожалуй, самым популярным учебником французского языка для немцев. Число ее переизданий не выяснено. В крупнейших библиотеках мира, издавших печатные каталоги своих фондов, имеется лишь по 2—3 ее издания. В ленинградских библиотеках (ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и БАН) хранится 24 издания, но эта цифра приближается не более чем к половине действительного числа переизданий. В 1737 г. было напечатано тридцать пятое издание, и после этого вышло еще не менее четырнадцати.²¹ Кроме того, до 1737 г. выпускались, по-видимому, издания, не включенные в счет указанных тридцати пяти. Существовали также издания, в которых немецкая часть заменялась пояснениями и эквивалентными примерами на других языках, так что учебник оказывался пригодным для людей соответствующих национальностей. Из тех изданий, которые удалось выявить, первое вышло в 1689 г. и было уже перепечаткой; последнее — в 1781 г.

Несмотря на огромную популярность учебника, о его авторе почти ничего не известно. Даже имя его оказалось забытым, и лишь сейчас его удалось восстановить по титульному листу издания 1689 г. Там же указывается, что в эти годы Пеплие был учителем французского и немецкого языков у герцога Бургундского. На титульных листах изданий, выпущенных в XVIII в., после фамилии автора неизменно стояли слова «член Академии», но в какую именно академию он был избран, еще предстоит выяснить.

В России учебник Пеплие был хорошо известен. Одно из его изданий приобрел за границей царевич Алексей Петрович.²² Этот экземпляр, вместе с другими книгами царевича, вошел впоследствии в библиотеку Петра I, а затем был передан в Библиотеку Академии наук. В 1738 г. в Марбурге Ломоносов купил берлинское издание 1736 г.²³ В феврале 1752 г. Канцелярия Академии наук поручила В. Е. Теплову дополнить переведенную им «Новую французскую грамматику, сочиненную вопросами и ответами» «вокабулами из Пеплиеровой грамматики».²⁴ Эти «вокабулы»

²¹ Тринадцать из них есть в Ленинграде, одно упоминается в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» (т. 2, М., 1964, с. 395, аннотация к № 5153).

²² *Мурзанова М. Н.* Первые фонды рукописных книг академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 132.

²³ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., 1957, с. 371.

²⁴ Там же, т. 9, с. 945; Сводный каталог..., т. 3, с. 216, аннотация к № 7182.

первоначально печатались в виде приложения к переводу Теллова, а затем неоднократно выходили отдельными изданиями.²⁵ В 1755 г. в проекте регламента московских гимназий, а в 1758 г. в проекте регламента академической гимназии Ломоносов рекомендовал обучать французскому языку по грамматике Пеплие.²⁶ Возможно, что именно из нее он заимствовал для предисловия к «Российской грамматике» изречение о четырех европейских языках, приписываемое Карлу V, а также сюжет стихотворения «Случились вместе два астронома в пиру...».²⁷ Стихотворение датируется предположительно концом мая—июнем 1761 г.²⁸ Оно было напечатано в составе работы Ломоносова «Явление Веперы на солнце, наблюденное в Санктпетербургской академии мая 26 дня 1761 года» (СПб., 1761). В этих наблюдениях принимал участие под руководством Ломоносова и Курганов. В том же году преподаватель французского языка в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе Луи Бужо с одобрением отзывался о некоторых упражнениях в грамматике Пеплие и взял их за образец для своего пособия.²⁹ В 1780 г. вышел русский перевод учебника Пеплие, выполненный Федором Сокольским и напечатанный в типографии Новикова; в 1788 г. было выпущено его второе издание.³⁰

Все эти факты приводят к заключению, что книга не случайно попала в поле зрения Курганова; а в том, что он ею действительно пользовался, убеждает сопоставление с нею «Присовокупления второго».

Рассказы собраны в II в разделе, озаглавленном «Recueil de bons contes et de bons mots, tirés des plus beaux esprits françois de ce temps. Auszug artiger Historien und sinnreicher Reden, Aus den neuesten und klügsten Französische Scribenten zusammen getragen». Несколько десятков этих рассказов образуют в разделе «Краткие замысловатые повести» четкие ряды разной длины, причем большинство переводов в этих рядах точно воспроизводит текст II, но некоторые повести, как это было обычным для Курганова, сильно сокращены или переработаны по сравнению с оригиналами. Несколько рассказов II посвящены истории медалей, отчеканенных в честь памятных событий конца XVII в. Материал такого рода, как правило, в сборники факций, анекдо-

²⁵ Сводный каталог..., т. 2, с. 394—395 (№ 5151—5152); т. 3, с. 216—217 (№ 7182—7184).

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 9, с. 459, 495.

²⁷ Раг В. Д. Возможный источник стихотворения М. В. Ломоносова «Случились вместе два астронома в пиру...». — В кн.: Русская литература XVIII века и ее международные связи. XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 217—219.

²⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8, с. 1124.

²⁹ Бужо Л. Краткие правила французской грамматики. СПб., 1761 предисловие с. 3 (ненум.).

³⁰ Сводный каталог..., т. 2, с. 395 (№ 5153—5154).

тов, шуток, острот и т. п., по-видимому, не включался. Поэтому особое значение приобретает тот факт, что в *II*-рядах есть четыре повести о медалях (№ 26, 125, 127, 206). Наконец, таблица «Опись качеств знатнейших европейских народов» точно воспроизводит раздел *II*, озаглавленный «Recueil des Caractères des Allemands, François, Italiens, Espagnols et Anglois. Auszug von den Kennzeichen der Teutschen, Franzosen, Italiäner, Spanier und Engländer». Таблица Курганова включает четырнадцать черт характера каждой из перечисленных наций, *II* — пятнадцать. Последний пункт *II*, в котором приводится приписываемое Карлу V изречение о европейских языках, не был включен в «Опись» потому, что оно цитируется в «Разговоре о различии изречения и писания» по предисловию к «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.³¹

По составу рассказов и наличию или отсутствию описания национальностей все издания *II*, вышедшие между 1689 и 1769 гг., распределяются на семь вариантов. Сличение их с «Присовокуплением вторым» показывает, что Курганов пользовался одним из изданий варианта, описанного выше. Из 221 рассказа, содержащегося в этом варианте *II*, 92 имеют соответствия в «Письмовнике»; из этого числа 64 были действительно переведены из *II*, 11 остаются под сомнением до выяснения всего круга источников «Присовокупления второго» и 17 пришли в «Письмовник» из других источников.

*Повести, переведенные из II:*³²

- 1 (1), 2 (2), 3 (110), 4 (107), 5 (144), 6 (181), 7 (167), 8 (151), 9 (145);
 20 (5), 21 (7), 22 (16), 23 (14), 24 (21), 25 (32), 26 (42);
 76 (104), 77 (100), 78 (96), 79 (89), 80 (86), 81 (85), 82 (83), 83 (28);
 89 (213), 90 (201), 91 (189), 92 (185), 93 (183);
 124 (200), 125 (207), 126 (94), 127 (199), 128 (78), 129 (34);
 140 (47 частично);
 198 (97), 199 (98), 200 (60), 201 (63), 202 (133), 203 (153), 204 (154), 205 (156), 206 (177), 207 (67), 208 (49);
 291 (8), 292 (13), 293 (194), 294 (99), 295 (84), 296 (137), 297 (66), 298 (24), 299 (45), 300 (51), 301 (171), 302 (173), 303 (163), 304 (121), 305 (105), 306 (74), 307 (164), 308 (186).

Ни один из других установленных источников не обнаруживает в этих интервалах признаков систематического к нему обращения.

Повести, принадлежность которых к II сомнительна:

- 62 (117), 63 (3), 64 (18);
 98 (4), 99 (82), 100 (195), 101 (205);

³¹ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика..., с. 238.

³² После порядкового номера повести в «Письмовнике» указывается в скобках порядковый номер соответствующего рассказа в *II*.

130 (26), 131 (150), 132 (27), 134 (46) (в первом издании «Письмовника» повести этого ряда имели нумерацию соответственно 131, 132, 133, 135; предшествующая им повесть 130 первого издания была изъята во втором издании).

Первые два ряда расположены в интервалах, в пределах которых образуют хаотическую картину и другие источники (№ 62—75, 94—123). Возможно, эти интервалы заполняют *НУ*-ряды.

Последний ряд отделен от предшествующего ему *П*-ряда № 124—129 повестью № 130 первого издания, к тому же он разрывается на повести № 133. В интервале, на который он приходится (№ 130 первого издания—134), хаотически представлены и другие источники. Наконец, повесть № 131 имеет характерные отличия от рассказа *П*. Курганов говорит о «мудреце прегнусной фигуры Езопе» и «шутнике», в рассказе *П* идет речь о «некоем ученом, бывшем страшным уродом», и о даме. Если предположить, что Курганов переработал этот рассказ, то введение имени Эзопа можно объяснить литературными ассоциациями; однако замена дамы на шутника не поддается логическому объяснению. Тем не менее тексты остальных повестей совпадают с *П*. Можно также отметить, что разделение рядов одной повестью, взятой из другого источника и выполняющей как бы роль связующего звена, было одной из композиционных особенностей раздела «Краткие замысловатые повести». Такое положение занимает, например, повесть № 27, соединяющая *П*-ряд и *М*-ряд; повесть № 141 стоит между двумя *ТРЗ*-рядами, повесть № 290 — между *ТРЗ*-рядом и *П*-рядом.

Повести, переведенные и заимствованные из других источников, но имеющие соответствия в П:

совпадают с *НФГ*-рядом: 39 (103), 42 (12), 44 (57), 49 (64), 54 (192), 55 (55), 59 (95), 60 (111), 61 (23). В трех повестях (№ 42, 54, 60) прослеживается зависимость от текста *НФГ*, в остальных случаях тексты *НФГ* и *П* идентичны. Особого внимания заслуживают повести № 59—61, так как они замыкают ряд *НФГ* и одновременно примыкают к *П*-ряду № 62—64, который выше был отнесен к числу сомнительных. Может возникнуть подозрение, что *НФГ*-ряд кончается на № 58, а далее начинается непрерывный *П*-ряд № 59—64. Однако примечательно, что рассказы *П* следуют в этом ряду один за другим без всякой системы и с очень большим «разбросом», в то время как рассказы *НФГ* расположены главным образом в порядке их возрастающей последовательности. Повесть № 61, замыкающая ряд, соответствует рассказу *НФГ* № 93, который в этом источнике близок к концу подборки, включающей всего 110 номеров. Но еще раньше Курганов поместил переводы рассказов *НФГ* № 101—103, 105, 109 (повести № 40, 51, 41, 39, 52), а рассказ, соответствующий № 95, перевел из *П* (повесть № 7). Следовательно, на № 93 мог исчерпаться материал, заинтересовавший Курганова в *НФГ*, и закон-

читься ряд, образуемый этим источником. Если далее учесть, что повесть № 60, как указано выше, была несомненно переведена из *НФГ*, то не остается сомнений, что и № 59 и 61 также взяты из этого источника.

Совпадают с *ТРЗ*-рядом изолированные повести № 169 (65), 192 (9). Первая из них воспроизводит текст *ТРЗ*.

Расположены в интервалах, которые, очевидно, заполняют *НУ*-ряды: № 71 (77), 151 (109), 210 (17). Повесть № 151 имеет значительные текстуальные отличия от рассказа *П*. В рассказе *П*, соответствующем повести № 210, отсутствует заключительная фраза, приводимая Кургановым: «То один из них молвил: их уже нет; ибо они стояли нашей жизни». Существует вариант этого рассказа с подобной концовкой,³³ но в нем иное действующее лицо. Возможно, повесть Курганова является контаминацией двух вариантов, которую Курганов или произвел сам (в этом случае можно предположить использование *П*), или заимствовал уже в готовом виде из *НУ*.

Повесть № 94 (29) замыкает *П*-ряд, но, по-видимому, к нему не принадлежит. Она слегка отличается от рассказа *П*, однако точно соответствует *НФГ* № 31 (этот вариант встречается и в других сборниках и учебниках).

Повесть № 103 (108) также несколько отличается от рассказа *П*, но полностью соответствует варианту *НФГ* № 79. Она была переведена или из *НФГ*, или из *НУ*.

Повесть № 349 (131) переводилась для четвертого издания «Письмовника», когда Курганов пользовался иными источниками.

2. Ж.-Ф. Мармонтель. «Велизарий».

Из перевода, выполненного Екатериной II и группой придворных во время поездки по Волге, Курганов заимствовал три отрывка:³⁴

28 (с. 122), 29 (с. 179), 30 (с. 185—186).

3. «Новая полная грамматика французского языка».

Если издание этого учебника, вышедшее в 1749 г., было действительно первым, как это можно предположить на основании даты в конце предисловия, то внимание к себе в России он привлек почти немедленно. Русский перевод, выполненный В. Е. Тепловым и отпечатанный большим для того времени тиражом (1225 экз.), поступил в продажу уже в июне 1752 г. Тираж был отпечатан намного раньше — к августу 1751 г., а промежуток ушел на то, чтобы по поручению Академии наук дополнить учебник «вокабулами из Пеплиеровой грамматики». Перевод

³³ Например: *Le passe-tems agréable...*, p. 142—143.

³⁴ После порядкового номера повести приводятся в скобках страницы по изданию, указанному выше.

В. Е. Теплова просматривали и одобрили М. В. Ломоносов и В. К. Тредиаковский. До конца века вышло еще три издания этого учебника (1762, 1777, 1787), причем тираж второго издания был 2400 экземпляров.³⁵

Поскольку *НФГ* в переводе В. Е. Теплова пользовалась в России большой известностью в качестве учебника французского языка, то Курганов, интересовавшийся, несомненно, лингвистической литературой, мог обратить внимание и на немецкий подлинник. В числе рассказов *НФГ*, совпадающих с повестями Курганова, нет редких, которые могли бы подтвердить это предположение. Однако одно место из «Присвокупления второго» свидетельствует, кажется, в его пользу. После «Описи качеств знатнейших европейских народов» в «Письмовнике» говорится: «Голландцы народ грубый, жены у них госпожи. А Голландия есть такая земля, где четыре стихии ни к чему не годны. И там золотой демон сидит на сырном троне в табашной короне».³⁶ Эти фразы могли быть заимствованы из учебного диалога о путешествиях, где в разделе, посвященном Голландии, есть следующее место:

« — La Hollande quel pays est-il?

— On dit, que la Hollande est le pays, où les quatre elements ne valent rien, et où le Demon d'or est couronné de tabac et assis sur un trône de fromage.

C'est le pays où l'art surpasse la nature et l'industrie fait fleurir l'État.

— On dit, que les Hollandais sont fort grossiers.

³⁵ Об издательской истории этого учебника см.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 944—945; Сводный каталог... т. 3, с. 216—217 (№ 7182—7184). В комментарии к «Полному собранию сочинений» М. В. Ломоносова ошибочно утверждается, что В. Е. Теплов перевел книгу французского лингвиста Пьера Ресто (1696—1764) «Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise». Составители «Сводного каталога» допустили другую ошибку, сочтя на основании титульного листа, что В. Е. Теплов сам выполнил работу по компиляции учебника из разных источников, и приписав ему авторство. При этом не было обращено внимания на то, что ни французский, ни русский авторы не могли бы использовать самостоятельно в качестве примеров следующие предложения: «Vive l'Empereur! Vive la maison d'Autriche!» («Французская грамматика собранная из разных авторов г. Ресто...»). Изд. 2-е. СПб., 1762, с. 329). Появление этих и других подобных примеров с немецкими реалиями свидетельствует о том, что на русский язык переводилась немецкая книга. Оригиналом для В. Е. Теплова была *НФГ*. Основу ее действительно составлял труд П. Ресто, дополненный многочисленными учебными примерами. Кроме того, в *НФГ* были использованы труды и других французских лингвистов. В частности, был добавлен обширный раздел, касающийся синтаксиса французского языка, и несколько приложений. Одно из них («Von den vornehmsten französischen Sprüchwörtern und Gallicismus») Теплов включил в свой перевод под заглавием «Разные французские пословицы». Был исключен как ненужный для русских учащихся раздел «Von den vornehmsten Germanismus». Не вошли в русское издание рассказы, эпистолярный раздел и некоторые другие материалы.

³⁶ *Курганов Н. Г.* Российская универсальная грамматика... с. 184.

— Oui, Monsieur, la naïveté des paroles tient lieu d'éloquence, et la grossièreté des moeurs fait parade d'une liberté mèsseante.

— Comment trouvez-vous le sexe en Hollande?

— *Les femmes sont les maitresses et les maitres les valets*.³⁷

Первая фраза выделена в книге курсивом как цитата. Вполне вероятно, что это было в свое время распространенное изречение, и нельзя отвергать возможность, что оно могло стать известным Курганову из другого источника. Однако примечательно, что в процитированном отрывке упоминается вся совокупность «качеств» голландцев, которая приводится в «Письмовнике». Это обстоятельство можно рассматривать как подтверждение того, что Курганов пользовался *НФГ*.

В *НФГ* имеются два раздела, включающие небольшие интересные и смешные рассказы. Первый содержит 110 рассказов на французском языке и называется «Histoires choisies, morales et plaisantes. Auserlesene, moralische und anmuthige Historien». Второй предназначался для упражнений в переводе с немецкого языка на французский; в нем помещено 13 рассказов на немецком языке, объединенных заглавием «Einige deutsche Historien, welche man zur Übung in das Französische übersetzen kann». С «Краткими замысловатыми повестями» совпадают 52 рассказа, из них четыре на немецком языке. С большой степенью уверенности можно утверждать, что из этого источника Курганов перевел не менее 23 повестей и что действительное число заимствований из него (не считая абзаца о голландцах) было, возможно, несколько выше названной цифры.

*Повести, переведенные из НФГ:*³⁸

39 (105), 40 (101), 41 (103), 42 (2), 43 (8), 44 (9), 45 (10), 46 (12), 47 (15), 48 (17), 49 (22), 50 (25), 51 (102), 52 (109), 53 (24), 54 (39), 55 (56), 56 (66), 57 (67), 58 (69), 59 (72), 60 (80), 61 (93).

Переводы этого ряда, как правило, точно воспроизводят текст *НФГ*. Рассказы-оригиналы расположены в основном в их прямой последовательности в *НФГ*, местами с минимальным «разбросом». Другие источники в этом интервале, по-видимому, не использовались, хотя в них есть отдельные совпадающие рассказы (ср. *П*, *ТРЗ*, *ГдП*).

Повести, принадлежность которых к НФГ сомнительна:

19 (91), 85 (нем. 2), 86 (нем. 3), 94 (31), 100 (97), 102 (16), 103 (79), 104 (92), 108 (84), 116 (60), 123 (82), 132 (61), 134 (35).

Все эти повести находятся в интервалах, которые могут заполнить *НУ*-ряды, некоторые из них совпадают с сомнительными *П*-рядами. Эти обстоятельства, несмотря на совпадение

³⁷ Nouvelle et parfaite grammaire françoise..., p. 457. (Второй и третий курсивы мои, — В. Р.).

³⁸ После порядкового номера повести указывается в скобках порядковый номер соответствующего рассказа в *НФГ*.

русского и иностранного текста, не позволяють из осторожности включить их в число повестей, переведенных из *НФГ*, хотя вполне вероятно, что в некоторых из этих случаев источником был именно этот учебник. Решение вопроса следует отложить до того времени, когда будут найдены недостающие источники «При-
свокупления второго».

Повести, переведенные и заимствованные из других источников, но имеющие соответствия в НФГ:

совпадают с *П*-рядами: 5 (89), 7 (95), 78 (74), 89 (32), 90 (41), 126 (98), 200 (65), 201(64), 292 (19), 297 (75), 303 (94). Тексты *П* и *НФГ* в этих случаях идентичны. Небольшие отличия есть в рассказах, соответствующих повестям № 89—90; Курганов следует варианту *П*.

Совпадают с *ТРЗ*-рядами: 158 (нем. 6), 169 (54), 194 (96), 226 (нем. 4), 282 (40). Почти все эти повести несут на себе раз-
ной силы отпечаток перевода П. Семенова.

4. П. Семенов. «Товарищ разумный и замысловатый».

Подготавливая третье издание «Товарища разумного и замысловатого», Михаил Семенов дополнил составленный его отцом сборник еще одной частью, в которую включил 205 новых рассказов. Сто пятьдесят пять из них он заимствовал у Курганова.³⁹ В предисловии к этой части он писал: «Читатель может усмотреть, что в сей третьей части не покушался я нанести под-
рыва тем падким на чужбинку волкам повторением того же, что уже находится в первых двух частях, несмотря на то, что из двух первых частей „Товарища“ чрез прошествие двадцати лет вы-
тащено много и внесено в другие изданные в свет книги под раз-
ными именами, с переменною только некоторых речей».⁴⁰ Под «падким на чужбинку волком» М. Семенов, без сомнения, имел в виду прежде всего Курганова, заявившего в «Предисловии» к «Письмовнику», что «в книгу сию занятая местами чуждинка не порок».⁴¹

Сличение текстов показывает, что обвинения М. Семенова были вполне обоснованными. Многие повести, напечатанные в «Письмовнике», почти дословно воспроизводят рассказы из сборника П. Семенова. Большое число рассказов П. Семенова Курганов подверг переработке, подчас довольно значительной. Кроме того, восемнадцать первых строк раздела «Достопамятные речи» он заимствовал почти без изменений из соответствующего раздела *ТРЗ*, озаглавленного «Разные некоторые достопамятные

³⁹ Маслова Е. М. Из истории анекдотической литературы XVIII века («Товарищ разумной и замысловатой», ч. III Мих. Семенова и «Письмовник» Курганова). — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 272—276.

⁴⁰ Семенов П., Семенов М. П. Товарищ разумный и замысловатый... ч. 3. Изд. 3-е. М., 1787, с. 3—4.

⁴¹ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика..., с. [IV].

речи». ⁴² К ним были присоединены предложения из других мест *ТРЗ*: «Три вещи худо употребляются...» и «Говорил некто, что рыжего итальянца...». ⁴³ Таким образом, весь раздел «Достоинственные речи», кроме двух последних предложений, начинающихся словами «Для снискания мудрости не надобно лишне есть...», представляет собою извлечение из *ТРЗ*.

Сто пятьдесят четыре повести Курганова совпадают с рассказами *ТРЗ*; но лишь 89 не вызывают сомнений в отношении того, что их источником был *ТРЗ*.

*Повести, заимствованные из ТРЗ:*⁴⁴

135 (I, 103), 136 (I, 103—104), 137 (I, 109), 138 (I, 110—111), 139 (I, 115), 140 (I, 116);

142 (I, 117), 143 (I, 118—119), 144 (I, 119), 145 (I, 119), 146 (I, 120), 147 (I, 123), 148 (I, 129—130), 149 (I, 131—132);

158 (I, 11—12), 159 (I, 26), 160 (I, 36), 161 (I, 39), 162 (I, 52), 163 (I, 56), 164 (I, 64), 165 (I, 64), 166 (I, 68), 167 (I, 74), 168 (I, 80), 169 (I, 85), 170 (I, 92—93), 171 (I, 98), 172 (I, 101), 173 (I, 136), 174 (I, 139), 175 (I, 139), 176 (I, 140), 177 (I, 147), 178 (I, 149, 152), 179 (I, 153), 180 (I, 155), 181 (I, 155), 182 (I, 162, 167), 183 (I, 175), 184 (I, 184), 185 (I, 186—187), 186 (II, 14—15), 187 (II, 17), 188 (II, 19), 189 (II, 24), 190 (II, 25), 191 (II, 29), 192 (II, 30), 193 (II, 31—32), 194 (II, 34), 195 (II, 35), 196 (II, 46), 197 (II, 47);

217 (II, 49), 218 (II, 60), 219 (II, 60), 220 (II, 80—81), 221 (II, 96—97), 222 (II, 107—108), 223 (II, 113—114), 224 (II, 118—119), 225 (II, 115—116), 226 (II, 130);

228 (II, 133—134), 229 (II, 136—137), 230 (II, 154), 231 (II, 175—176);

233 (II, 183—184), 234 (II, 93—94);

258 (II, 27—28);

260 (II, 34);

266 (I, 197—198);

279 (II, 3—4), 280 (II, 8—9), 281 (II, 39), 282 (II, 42), 283 (II, 46—47), 284 (II, 73—74), 285 (II, 78), 286 (II, 83), 287 (II, 98—99), 288 (II, 133), 289 (II, 137—138);

309 (II, 146—147), 310 (II, 153—154), 311 (II, 154—155), 312 (II, 164), 313 (II, 178).

Во всех этих рядах обращает на себя внимание строгая прямая последовательность рассказов *ТРЗ* и сравнительно небольшие постраничные интервалы между ними (многие рассказы рас-

⁴² Там же, с. 177; Семенов П. Товарищ разумный и замысловатый..., ч. 1. СПб., 1764, с. 208—209, 213—214.

⁴³ Семенов П. Товарищ..., ч. 2, с. 40, 47. Ср.: Ланге И.-П. Смеющийся Демокрит, или Поле честных увеселений. М., 1769, с. 160.

⁴⁴ После порядкового номера повести указываются в скобках том (римская цифра) и страница (арабская цифра), на которой находится соответствующий рассказ в *ТРЗ* (изд. 1764 г.).

положены на соседних страницах или даже на одной и той же странице). Эта закономерность проявляется начиная с № 158, заимствованного с первых страниц *ТРЗ*, и кончая № 233, взятым с последних страниц второй части сборника. Рассказы, соответствующие повестям № 172 и 173, разделены тридцатью пятью страницами, но из этого интервала Курганов также заимствовал большое число повестей, вынеся их, однако, почему-то вперед двумя рядами (№ 135—140, 142—149). Повестью № 279 открывается повторная последовательность, но, естественно, с более продолжительными разрывами между рассказами.

Во всех этих рядах, как указывалось выше, текст *ТРЗ* в очень многих случаях или воспроизведен почти дословно, или же имеют ярко выраженные, характерные текстуальные совпадения. Однако в этом окружении находится немалое число повестей, подвергшихся очень значительной переработке. Когда такие повести находятся в середине ряда, сомнений относительно их источника не возникает. Но если они открывают или замыкают ряд, которому предшествует или за которым следует пробел, образуемый *НУ*-рядом (например, № 149, 158, 159), то возникает подозрение, не принадлежат ли они к этому *НУ*-ряду. Сильным контраргументом является то обстоятельство, что на страницах *ТРЗ* все такие повести точно вписываются в прямую последовательность, которая была проиллюстрирована выше. Кроме того, ни для одной из этих повестей не нашлось более близкого варианта.

Повести, выпадающие из последовательности (№ 234) или стоящие изолированно (№ 258, 260, 266), текстуально зависят от *ТРЗ*. Эти примеры убеждают в том, что заимствованные и переведенные повести иногда располагаются в «Письмовнике» изолированно. Следовательно, среди повестей, имеющих соответствия в *П* и *НФГ*, но отнесенных выше к числу сомнительных случаев, есть, по-видимому, такие, которые были переведены действительно из этих источников.

Повести, имеющие соответствия в ТРЗ, но переведенные и заимствованные из других источников:

совпадают с *П*-рядами: 2 (II, 177—178), 4 (II, 45—46), 5 (II, 65), 21 (II, 43—44), 23 (I, 73), 24 (II, 89), 80 (I, 161—162), 82 (II, 52), 126 (II, 160—161), 128 (II, 5—6), 129 (I, 165—166), 200 (II, 43), 201 (I, 75), 207 (I, 42—43), 292 (II, 35—36), 297 (I, 67—68), 300 (II, 1—2), 302 (II, 117—118), 303 (II, 68—69), 305 (II, 48). При наличии иностранного источника Курганову был смысл обратиться к *ТРЗ* для того, чтобы полностью или частично воспользоваться уже готовым русским переводом. Однако эти повести не содержат следов использования текста *ТРЗ*; совпадают иногда мелкие обрывки фраз, но это является результатом перевода одинакового текста.

Совпадают с *НФГ*-рядом: 46 (II, 79—80), 49 (I, 84—85), 50 (I, 169—170), 52 (II, 164—165), 55 (II, 39), 59 (II, 167—168). Картина та же, что и в *П*-рядах. Характерно, что ни в *П*-рядах,

ни в *НФГ*-ряду рассказы из *ТРЗ*, соответствующие соседним повестям «Письмовника», не образуют четкой последовательности, которая прослеживается в беспорочных *ТРЗ*-рядах.

Совпадают с *ГдП*-рядами: 249 (I, 162), 250 (I, 75).

Образуют ряды, которые, по-видимому, составились случайно: 64 (II, 6), 65 (II, 7—8), 66 (II, 12), 67 (II, 15—16), 68 (II, 35), 69 (II, 49—50), 70 (II, 50), 71 (II, 56—57), 72 (II, 58), 73 (II, 74—75), 74 (II, 90—91), 75 (II, 81—82);

84 (II, 108), 85 (II, 82), 86 (II, 84), 87 (II, 86—87).

Эти ряды удачно заполняют пробелы между *П*-рядами, и, кроме того, в них рассказы *ТРЗ* располагаются в прямой возрастающей последовательности. Однако ни в одной повести не обнаруживается зависимости от текста *ТРЗ*. Такая картина не характерна для беспорочных *ТРЗ*-рядов. Это обстоятельство не позволяет отнести указанные повести к числу заимствований из *ТРЗ*. В пользу этого вывода свидетельствуют также некоторые особенности текста повестей № 72 и 73.

В повести № 72 рассказывается о «забавном бедняке», к которому ночью забрались воры. В рассказе Семенова воры забираются в дом «Христофора, жителя города Плаценции». Переводя или перерабатывая рассказы, Курганов часто опускал личные имена. Так он, например, поступил в повести № 71, превратив испанского герцога Оссуну в «некоего испанского адмирала». Поэтому, если предположить, что в данном случае Курганов использовал в качестве источника *ТРЗ*, то исчезновение имени не вызывает удивления. Однако эпитет «забавный» появился в тексте повести, очевидно, из иностранного источника. В одном варианте соответствующего французского рассказа в качестве хозяина дома выступает «шут», «забавник» (*un bouffon*), в другом — *Christophe de Plaisance* или *un bourgeois de Plaisance fort raucge* (название города можно было принять за нарицательное существительное, образованное от глагола *plaisanter* — «шутить»), в третьем действующим лицом становится *un plaisantin* (слово имеет в виду «жителя Плезанса», но читатель, не знакомый со вторым вариантом рассказа, воспримет его, безусловно, в другом смысле — «шутник»).

В повести № 73 говорится о гасконце. Этой реалии нет в *ТРЗ*. Так как Курганов не имел обыкновения усложнять повести отсутствующими в оригинале иностранными реалиями, а, напротив, во многих случаях опускал или русифицировал имеющиеся, то «гасконец» мог появиться в его тексте лишь в том случае, по-видимому, если источник этой повести был иностранный, а не *ТРЗ*.⁴⁵

Интересно, что еще более идеальную картину дает в этих интервалах один учебник французского языка для англичан: *Rogis-*

⁴⁵ Например, в повести № 134 вместо «гасконца» появляется «некто»; в № 292 — «простяк». Правда, в № 304 упрощения не произошло, так как «гасконец» был заменен «Арлякином».

sard de. Nouvelle méthode pour apprendre facilement les langues française et anglaise. La Haye, 1718. Рассказы из него располагаются в следующем порядке:⁴⁶ 64 (1), 65 (2), 66 (3), 67 (4), 68 (6), 69 (9), 70 (10), 71 (12), 72 (13), 73 (15), 74 (18), 75 (20), 84 (21), 85 (24), 86 (25), 87 (26), 88 (30). Однако учебник Рожиссара не обладает никакими другими признаками, которые могли бы подтвердить обращения к нему Курганова. Поэтому на настоящем этапе его нельзя включить в круг источников «Присовокупления второго», тем более что относительно рассказа, соответствующего повести № 73, возникают те же сомнения, которые вызывает и рассказ *ТРЗ*.

Повести, не имеющие текстуальных заимствований из ТРЗ: 16 (II, 61—62), 27 (I, 84), 34 (II, 61), 97 (II, 94—95), 98 (I, 81), 100 (II, 111—112), 101 (II, 79), 102 (II, 169—170), 103 (II, 45), 107 (I, 58), 111 (I, 115), 118 (I, 52), 119 (I, 59), 121 (II, 95), 123 (I, 80—81), 153 (II, 10), 210 (II, 72), 212 (I, 9), 271 (I, 159). Все эти повести расположены в интервалах, которые могут заполнить *НУ*-ряды; некоторые из них совпадают частично со спорными рядами *П* и *НФГ*. Текст некоторых повестей (98, 100, 101, 102, 103, 107, 111, 118, 123, 210), не имея следов заимствования из *ТРЗ*, точно совпадает с текстом *П*, *НФГ* или сборника «*Élite des bons mots*». Такой результат был бы невозможен, если бы Курганов перерабатывал рассказы *ТРЗ*.

Повести, заимствование которых из ТРЗ сомнительно:

повесть № 261 (II, 187—188) примыкает к № 260, заимствованному из *ТРЗ*, и одновременно открывает ряд *ГдП*. Поскольку она отличается как от варианта *ТРЗ*, так и от варианта *ГдП*, то решить вопрос о ее источнике не представляется возможным.

Повесть № 267 (I, 141) могла быть в сильно измененном виде заимствована из *ТРЗ*, поскольку из этого источника была взята предшествующая ей повесть № 266. Но она может принадлежать и к *НУ*-ряду, который в этом случае с нее начнется.

5. Ф. Гайо де Питаваль. «Библиотека придворных».

Французский юрисконсульт Франсуа Гайо де Питаваль (1673—1746) был неутомимым компилятором. Славу ему принесло многотомное собрание очерков о знаменитых судебных процессах, но большой популярностью в свое время пользовались и литературные сборники, над составлением которых он трудился вместе с женою. Одним из них была «Библиотека придворных».

Единственным, но веским доказательством того, что «Библиотека придворных» побывала в руках Курганова, является содержание разделов «О женщинах и о браке», «Определения и сравнения или уподобления», «Хорошие мнения» и др. Все изречения, составляющие первый из них, имеются в *ГдП* в разделе

⁴⁶ Порядковый номер рассказа в учебнике Рожиссара указывается в скобках после порядкового номера повести Курганова.

«Pensées sur les femmes et sur le mariage».⁴⁷ Совпадение заглавий в этом случае, несомненно, не могло быть случайным. Разделы *ГДП*, озаглавленные «Comparaisons», «Définitions heureuses», «Diverses réflexions», «Jolies pensées sur l'amour», включают сорок восемь из пятидесяти восьми изречений, собранных Кургановым в разделе «Определения и сравнения или уподобления».⁴⁸ Заглавие раздела в «Письмовнике» представляет собою явную контаминацию двух заглавий *ГДП*. Отдельные изречения из *ГДП* рассыпаны и по другим разделам «Присовокупления второго». Так, в «Достопамятные речи» включено сравнение продолжительности жизни разных животных («Три ласточки живут собачий век...»)⁴⁹ Двенадцать находятся в разделе «Хорошие мнения».⁵⁰ Еще три — в разделе «Различные шутки».⁵¹

Некоторые из этих изречений встречаются и в других французских сборниках, но нигде они не собраны в таком количестве, как в *ГДП*. Подобная их концентрация была плодом труда самого Питавалья и его жены, так что маловероятно, чтобы такую же выборку Курганов мог произвести из какой-нибудь другой книги. Тем более невозможно предположить, что всю работу по компиляции он проделал сам.

В повести № 247 обнаруживается дополнительное доказательство того, что в «Присовокуплении втором» использован материал *ГДП*. В ней соединены два рассказа, которые в *ГДП* следуют один за другим и напечатаны на одной странице.

Не представляется возможным установить, каким изданием *ГДП* пользовался Курганов. Во всяком случае, не стоит вопрос о последнем, измененном издании, вышедшем под заглавием «Bibliothèque de cour, de ville et de campagne...» (vol. 1—7, Paris, 1746),

⁴⁷ *Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour...*, vol. 2. Amsterdam, 1726, p. 259, 261—265, 267, 270, 271, 468—469.

⁴⁸ Там же, с. 197—199, 219—220, 223, 225—226, 249, 257—259, 337—338, 342—344, 348—349, 405, 455, 466. В *ГДП* отсутствуют изречения: «Многим есть и малое...», «В высокой фортуне жить...», «Привычка есть другая природа», «Лошадь не бывает лучше...», «Злого хвала...», «Интерес и корысть есть идол...», «Имение не впору нашему состоянию...», «Наука есть ясное познание истины...», «Книга есть лучший друг...», «Когда бы ослования закона...».

⁴⁹ *Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour...*, vol. 2, p. 457.

⁵⁰ Там же, с. 198, 227, 336, 343, 345—349. Это следующие изречения: «Воину должно вдесятеро быть умнее...», «История полезнее романов...», «Люди бывают великими у бога...», «Друг не земной рай...», «Порода, чин, петь, играть...», «Не можно сыскать малых погрешностей...», «Как дождь усмиряет ветр...», «Вельможи употребляют людей...», «Великие библиотеки...», «Укоряя порок, надобно...», «В корысти пропадают все добродетели...», «Предпочитающие глупцов разумным людям...».

⁵¹ *Gayot de Pitaval F. Bibliothèque de gens de cour...*, vol. 2, p. 294, 405, 198. Соответствующие изречения из раздела «Различные шутки»: «Человек, далеко стоящий от проповедника...», «Говоря о худой книге...», «Неученому библиотекарю сказано...». Последнее изречение несколько отличается от приводимого в *ГДП*, но и в других французских сборниках оно встречается в той же форме, что и в *ГДП*. Ср.: *Élite des bons mots...*, p. 1, p. 70—71.

так как в нем заменено вольным стихотворным переложением одно изречение, переведенное Кургановым по прозаическому варианту («Сердце кокетки...»)⁵²

По-видимому, Курганов располагал только вторым томом *ГдП*. Именно в этом томе сконцентрированы все переведенные изречения. Рассказы из других томов, совпадающие с повестями Курганова, расположены как в *ГдП*, так и в «Письмовнике» бессистемно. Текст многих из них отличается от текста Курганова, причем расхождения нередко таковы, что их не объясняет предположение о переработке. К тому же соответствующие повести Курганова часто входят в ряды, образованные другими источниками.

В «Письмовнике» девяносто семь повестей общие с *ГдП*. Изложенные выше соображения служат основанием для того, чтобы вычесть из этого числа шестьдесят восемь рассказов; из оставшихся двадцати девяти Курганов перевел не менее двадцати двух.

*Повести, переведенные из ГдП:*⁵³

227 (II, 506);

232 (II, 162);

235 (II, 365), 236 (II, 365);

244 (II, 364), 245 (II, 72), 246 (II, 93), 247 (II, 447—448), 248 (II, 379—380), 249 (II, 389), 250 (II, 389—390);

252 (II, 332), 253 (II, 444—445), 254 (II, 247), 255 (II, 247), 256 (II, 205—206);

259 (II, 400);

261 (II, 453), 262 (II, 456), 263 (II, 453—454), 264 (II, 445), 265 (II, 400—401).

Порядок следования рассказов в этих рядах по сравнению с их расположением в *ГдП* часто нарушается скачками с одной страницы на другую, но такая же картина наблюдалась и в *П*. Даже при этих скачках рассказы, соответствующие соседним повестям, в нескольких случаях помещаются в *ГдП* на близко отстоящих одна от другой страницах, а некоторые даже на одной и той же. Настораживает в повести № 264 появление необычного имени «Фоннар», отсутствующего в *ГдП*; но поскольку его нет и в других французских сборниках, то это расхождение, хотя пока и не объясненное, не может служить основанием для того, чтобы исключить эту повесть из числа переведенных из *ГдП*.

Изолированные повести занимают положение своеобразных соединительных звеньев между рядами, образованными другими источниками. Об этом композиционном приеме Курганова уже говорилось выше.

⁵² *Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour...*, vol. 2, p. 270—271; *Bibliothèque de cour, de ville et de campagne...*, vol. 2, p. 113.

⁵³ После порядкового номера повести в «Письмовнике» указываются том (римская цифра) и страница (арабская цифра), на которой помещается соответствующий рассказ в *ГдП*.

Повести, принадлежность которых к ГДП сомнительна:

повести № 112 (II, 465), 209 (II, 87—88), 268 (II, 475), 278 (II, 402), 314 (II, 471—472), 316 (II, 457) расположены в интервалах, которые, возможно, заполняют НУ-ряды. Некоторые из них, замыкая или открывая эти пробелы, могут играть роль содействующих звеньев.

Повесть № 243 (II, 367) в первом издании «Письмовника» занимала изолированное положение. После изъятия повести № 244 следовавший за нею ГДП-ряд № 245—251 изменил нумерацию на № 244—250 и сомкнулся с повестью № 243. Будучи изолированной, повесть № 243 может принадлежать к НУ-ряду.

Решение вопроса об этих семи повестях следует отложить до того времени, когда будет установлен весь круг источников «Присокупления второго».

Повести, имеющие соответствия в ГДП, но переведенные и заимствованные из других источников:

находятся в томах, которые Курганов, по-видимому, не использовал: 20 (III, 469), 23 (IV, 192), 49 (III, 443), 50 (V, 259), 53 (IV, 226), 81 (IV, 226), 96 (I, 527—528), 98 (IV, 91), 100 (IV, 308), 105 (IV, 417), 107 (IV, 411), 110 (III, 499), 118 (III, 200), 119 (IV, 117), 121 (I, 115), 123 (III, 493—494), 131 (I, 461—462), 132 (IV, 418), 134 (IV, 112—113), 138 (IV, 414), 142 (III, 488), 150 (I, 12), 158 (III, 488), 159 (III, 185), 160 (IV, 481), 165 (III, 193), 167 (III, 170), 168 (III, 186), 169 (III, 448), 188 (I, 16—17), 192 (III, 499—500), 193 (V, 250), 195 (I, 7), 201 (III, 73—74), 207 (III, 192), 212 (IV, 426), 214 (I, 81), 221 (I, 447), 223 (I, 477—478), 226 (V, 247), 269 (III, 470), 270 (III, 495), 271 (III, 41), 276 (III, 449), 282 (I, 1), 287 (IV, 238), 288 (IV, 127—128), 289 (IV, 36), 310 (III, 233).

Переведены для четвертого издания «Письмовника», когда Курганов пользовался другими источниками: 341 (V, 148), 349 (II, 25—26), 351 (I, 456), 353 (III, 496).

Совпадают с П-рядами: 1 (II, 281), 2 (II, 308), 82 (II, 151), 83 (II, 470).

Совпадает с НФГ-рядом: 52 (II, 24).

Совпадают с ТРЗ-рядами: 149 (II, 268), 164 (II, 68), 312 (II, 481).

Все рассказы ГДП (кроме соответствующего повести № 312), совпадающие с рядами П, НФГ и ТРЗ, являются вариантами, имеющими характерные отличия от повестей Курганова.

Находятся в интервалах НУ-рядов: 64 (II, 111), 65 (II, 190), 67 (II, 265), 95 (II, 463), 102 (II, 465), 108 (II, 465), 113 (II, 206). Шесть рассказов ГДП (кроме соответствующего повести № 64) имеют характерные отличия от повестей Курганова, не являющиеся результатом переработки: для четырех последних повестей есть точные соответствия в сборнике «*Élite des bons mots*». Кроме того, для повести № 64 есть соответствие в П, а для

№ 102 и 108 — в *НФГ*; эти соответствия были выше классифицированы как сомнительные случаи.

6. Рассказы А. д'Увиля.

В том издании «Избранных рассказов» Антуана д'Увиля, которыми пользовался А. И. Кирпичников, находятся оригиналы не двух (как считал А. И. Кирпичников), а шести повестей, добавленных Кургановым в 1790 г. Все эти шесть рассказов не только образуют ряд в «Письмовнике» (№ 320 «Повесть о трех подругах», 323—327) с разрывом после первой повести, по и в самом сборнике расположены кучно.

Уже в середине XVII в. рассказы из сборника д'Увиля в большом количестве перепечатывались в различных других подобных сборниках. Это положение сохранилось и в XVIII в. В частности, многие рассказы включались в сборники, выходявшие под похожими, но несколько отличавшимися заглавиями, которые неизменно содержали слова «contes à rire». ⁵⁴ Не располагая возможностью сличить все издания этих редких сборников, отметим, что в изданиях 1781 г. имеются все шесть рассказов и что они расположены так же кучно. Это наводит на мысль, что Курганов пользовался не собственно сборником д'Увиля, а одним из изданий «Contes à rire», которые по хронологическим обстоятельствам имели большую вероятность попасть в его поле зрения.

В издании 1781 г., указанном выше, рассказы, соответствующие повестям Курганова, расположены в следующем порядке: ⁵⁵

320 «Повесть о трех подругах» (III, 1—51), 323 (III, 52—61), 324 (I, 145—146), 325 (I, 121—130), 326 (I, 130—134), 327 (I, 134—136).

Кроме того, в этом издании, как и в сборнике д'Увиля, есть ряд соответствий повестям, напечатанным уже в первом издании «Письмовника».

«Повесть о трех подругах» была переведена д'Увилем с испанского языка. Ее оригиналом является повесть Тирсо де Молины «Tres maridos burlados», в которой разработан популярный сюжет средневекового фэблио «О трех дамах, нашедших перстень». ⁵⁶ Несомненное испанское происхождение имеет также «Повесть о удалом молодом солдате» (№ 325).

⁵⁴ Например: Nouveaux contes à rire, et aventures plaisantes de ce tems, ou récréations françoises. Nouv. éd. augm. et corr. Cologne, 1709. Об изданиях подобных сборников и использовании в них рассказов д'Увиля см.: *Андерсон В.* Император и аббат. История одного народного анекдота, т. I. Казань, 1916, с. 348.

⁵⁵ После порядкового номера повести в «Письмовнике» указываются в скобках том (римская цифра) и страницы (арабские цифры), на которых напечатан соответствующий рассказ *Уе*.

⁵⁶ Повесть была напечатана в кн.: Cigarelles de Toledo, compuesto por el maestro Tirso de Molina. Madrid, 1624. О сюжете повести и ее переводах см.: *Hainsworth G.* Les «Novelas exemplares» de Cervantes en France au XVIIe siècle. Paris, 1933, p. 103, 167; *Алексеев М. П.* Очерки истории

7. О. Лакомб де Презель. «Словарь анекдотов».

Двухтомный «Словарь анекдотов» Опоре Лакомба де Презеля привлек к себе внимание в России. Несколько переводов из него напечатал в журнале «Утренние часы» А. Нартов. Из этого сборника черпали материал для переводов и собственных поэтических произведений тобольские литераторы, сотрудничавшие в журналах «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей».

В числе повестей Курганова, добавленных в четвертое издание «Письмовника», девятнадцать общие с СА:⁵⁷

322 (I, 318);

329 (I, 40—41);

334 (II, 325);

336 (II, 47—49);

338 (I, 42—43), 339 (I, 163—164), 340 (I, 333—335), 341 (I, 302), 342 (II, 324), 343 (I, 264), 344 (I, 118), 345, (I, 38—39), 346 (I, 163), 347 (I, 43), 348 (I, 49—50), 349 (I, 162), 350 (I, 50; I, 235), 351 (II, 123), 352 (I, 111).

Пятнадцать повестей образуют непрерывный ряд. Рассказы, совпадающие с повестями этого ряда, часто расположены на соседних или близких страницах (ср. № 329, 338, 345, 348). Это относится и к рассказам, не входящим в ряд (ср. № 322 и 340—341, 329 и 338, 334 и 342). Эти признаки говорят о том, что СА, очевидно, побывал в руках у Курганова.

Никаких иных свидетельств, которые могли бы подтвердить это предположение, не обнаружено. Тем не менее хронологически СА был именно той книгой, которая в силу своей популярности могла привлечь внимание Курганова, когда он задумал дополнить «Письмовник» новыми повестями. Поэтому с большой степенью уверенности СА можно включить в круг источников «Присовокупления второго», хотя, разумеется, в этом случае не исключена возможность того, что источник указанных девятнадцати повестей окажется иным.

В книгах, давших Курганову материал для «Присовокупления второго», а также в других сборниках и учебниках, упомянутых по разным поводам в статье, содержатся точные соответствия и параллели для 87 повестей «Письмовника», источники которых остаются пока под сомнением или неизвестны. Кроме учебника Рожиссара, особо выделяется сборник «*Élite des bons mots*», удачно заполняющий НУ-ряд № 104—118 и (в сочетании с не-

испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., с. 59—60; *Курпичников А. И.* Очерки... , с. 63.

⁵⁷ После порядкового номера повести в «Письмовнике» указываются в скобках том (римская цифра) и страница (арабская цифра), на которой напечатан соответствующий рассказ СА. Не приводятся сведения о 56 рассказах, соответствующих повестям первого издания «Письмовника».

которыми из источников) отдельные другие пробелы. При этом не только переводы Курганова в большинстве случаев точно воспроизводят текст этого сборника, но и рассказы в сборнике располагаются довольно кучно. Кроме того, в нем приведено несколько изречений, включенных в «Присовокупление второе» (правда, все они есть и в *ГДП*). Однако полной уверенности все эти признаки не дают, и осторожность требует отнести к «*Elite des bons mots*» так же, как и к учебнику Рожиссара.

В ряде других книг найдены соответствия и параллели еще для шести повестей.⁵⁸

Все эти девяносто три повести являются переводами или переработками иностранных рассказов. Этот вывод подтверждается материалами еще тридцати пяти обследованных сборников и учебников конца XVII—XVIII вв.

Для трех повестей (№ 13, 33, 240) параллели нашлись только в журнале М. Д. Чулкова «И то и сьо», но вопрос о возможных заимствованиях Курганова у Чулкова и наоборот должен стать предметом особого исследования, в котором прежде всего нужно будет решить ряд сложных вопросов датировки.

Для тридцати пяти повестей Курганова не найдено ни точных соответствий, ни вариантов, ни параллелей: № 11, 14, 15, 17, 18, 31, 32, 35, 36, 130 первого издания, 141, 154 первого издания, 237, 238, 239, 242, 244 первого издания, 251, 257, 273, 274, 275, 277, 290, 315, 317, 318, 319, 320, 321, 328, 331, 332, 333, 335.

В разное время высказывались догадки, что в составе «Письмовника» есть повести, сочиненные самим Кургановым независимо ни от каких образцов⁵⁹ или представляющие собой его записи русских народных сказок и анекдотов.⁶⁰ Эти гипотезы не подтвердились. Из остающихся пока неясными тридцати восьми повестей лишь две в этом смысле могут находиться под подозрением (№№ 240, 251).

⁵⁸ *Бабель Г. Фацетии*. Изд. подг. Ю. М. Каган. М., 1970; *Gayot de Pitaval F.* 1) *L'art d'orne l'esprit en l'amusant*, p. 1—2. Paris, 1728; 2) *Sailles d'esprit. Nouv. éd., augm., rev. et corr.*, vol. 1—2. Paris, 1740.

⁵⁹ *Кирпичников А. И.* Очерки... с. 56—57; *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 221; История русской литературы, т. 4. М.—Л., 1947, с. 309; *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е, перераб. М., 1951, с. 475—476; *Денисов А. П.* Н. Г. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII века. Л., 1961, с. 97; *Хамицаева О. А.* К вопросу о жанре «Кратких замысловатых повестей» Н. Г. Курганова. — В кн.: Вопросы стиля художественной литературы. Под общ. ред. А. И. Ревякина. М., 1964 (Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина), с. 89—91.

⁶⁰ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. [т. 1]. М., 1958, с. 57; *Померанцева Э. В.* Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 44; Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Вступ. статья, подготовка текста и коммент. Н. В. Новикова. Л., 1971, с. 24—25. В качестве ранних публикаций русских сказок Н. В. Новиков включил в свой сборник шесть повестей из «Присовокупления второго»: № 88, 168, 224, 225, 231, 261.

И. Ф. МАРТЫНОВ

**ЖУРНАЛИСТ, ИСТОРИК И ДИПЛОМАТ XVIII ВЕКА
ГРИГОРИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ БРАЙКО**

В один из последних январских дней 1778 г. в вольной типографии академического книгопродавца И. Я. Вейтбрехта, находившейся в подвале дома олонецкого купца Ф. В. Попова на Мойке у Синего моста, был отпечатан первый номер нового журнала «С.-Петербургский вестник». Он выходил три с половиной года (1778—июль 1781 г.).

До середины XIX в. не существовало единого мнения о том, кто был редактором этого журнала. Иоганн Бернулли в книге о своем путешествии по России называет редактором «Вестника» Б. Ф. Арндта.¹ Н. А. Добролюбов в своих библиографических примечаниях к статье о «Собеседнике любителей русского слова» отмечал, что Н. И. Греч, а за ним ряд других авторов совершенно бездоказательно приписывали издание «Вестника» И. Ф. Богдановичу, хотя сами материалы журнала опровергают это предположение.² И только Евгений Болховитинов, близко знакомый с бывшим сотрудником «С.-Петербургского вестника» Г. Р. Державиным, положил конец этим спорам, назвав в своем «Словаре» имя его подлинного редактора — Г. Л. Брайко.³ Совсем недавно нами обнаружено письмо издателя немецкого «St.-Petersburgisches Journal» (1776—1785 гг.) Б. Ф. Арндта к Г.-Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г. с просьбой принять Брайко в члены Вольного Российского собрания при Московском университете. Оно подтверждает, что Г. Л. Брайко действительно был главным редактором «С.-Петербургского вестника», но в этой работе ему активно помогали известный русский поэт и драматург XVIII в. Я. Б. Княжнин и сам Арндт.⁴

¹ *Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pomern, Preussen, Curland und Pohlen, Bd. IV. Leipzig, 1780, S. 66.*

² *Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей русского слова».* — Собр. соч. в 3-х т., т. 1. М., 1950, с. 76—77; ср.: С.-Петербургские ведомости, № 28, 5 апреля 1804 г., известия, с. 874.

³ *Евгений [Е. А. Болховитинов]. Словарь русских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, с. 117.*

⁴ Архив Академии наук СССР, ф. 21, оп. 3, д. 6, л. 23—24. Об участии

Точная дата рождения Г. Л. Брайко в настоящее время неизвестна. На основании ряда косвенных свидетельств можно предположить, что он родился в начале 1740-х гг. Происходил Г. Л. Брайко из состоятельной украинской дворянской семьи, «из малороссийского шляхетства»,⁵ что позволило ему в дальнейшем обучаться «на собственном кошту» в лучших учебных заведениях Киева, Петербурга и Германии.

К 1763 г. Брайко — студент Киевской академии, слушатель школы философии. «В бытность свою он, Григорий Брайко, при той Академии учеником весьма прилежного «и» похвального состояния был», — писал в аттестате его куратор Академии.⁶ Скучные сведения, имеющиеся в сборнике официальных документов Академии о студенте школы философии Григории Брайко, мало что говорят нам о юношеских годах будущего редактора «С.-Петербургского вестника». Наиболее интересно доношение 22 студентов школы философии Киевскому митрополиту Арсению Могилянскому с жалобой на грубое обращение с ними префекта Орловского. Среди подписавших это обращение — Григорий Брайко «вский».⁷

Это довольно симптоматично, так как в 60-х гг. XVIII в. качество преподавания в Киево-Могилянской академии резко ухудшилось. Поэтому некоторые воспитанники Киевской академии, имеющие склонность к научным занятиям, не удовлетворившись полученными в ней знаниями, продолжали учебу в Московском и академическом Петербургском университетах.

Так же поступил и Григорий Брайко. Весной 1764 г. он приехал в Петербург, а 19 марта подал просьбу о зачислении студентом «на своем содержании» в Академический университет. Здесь его экзаменовал профессор И. Браун, преподававший в университете философию и физику. Профессор отметил, что Г. Брайко «в латинском языке успел и может разумеать академические лекции, почему достоин принят быть студентом», и 1 апреля он был зачислен в университет, где обучался «юриспруденции и другим наукам».⁸ Интересно отметить, что 10 июня того же 1764 г. в университет был принят второй студент Киевской академии Семен Иванович Гамалея.⁹

Однако учение его в Петербурге продолжалось, вероятно, пе-

Я. Б. Княжнина в издании «С.-Петербургского вестника» см. также: *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895, с. 79.

⁵ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

⁶ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 288, 291.

⁷ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отд. 2 (1721—1795 гг.). Т. 3. Царствование Екатерины II (1762—1796 гг.). Киевский митрополит Арсений Могилянский (до 1770 г.). С введением и примечаниями Н. И. Петрова. Киев, 1906, с. 29.

⁸ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 288, 289, 291; д. 827, л. 88 об.; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 608, л. 445; ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

⁹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 826, л. 312.

долго. В 1765 г. несколько казеннокоштных студентов были отправлены на учебу за границу в Геттингенский университет.¹⁰ В это же время выехал для продолжения занятий «на собственном иждивении» в Геттингенском и Кильском университетах и Г. Л. Брайко.¹¹

Геттингенский университет значительно отличался от старых германских университетов. Светские «государственные», исторические, естественные науки преобладали в нем над богословской схоластикой. При университете издавалось несколько научных журналов («Göttingische gelehrte Anzeigen», «Allgemeine historische Bibliothek»), имелась великолепная библиотека. Все это определило значение Геттингенского университета как одного из крупнейших культурных центров эпохи Просвещения.

Лекции профессоров историографов И. Х. Гаттерера, Г. Хр. Гамбергера, поборника свободы книгопечатания, философа И. Г. Г. Федера пробудили в нем интерес к историографии и политическим наукам, научили критически оценивать прочитанное.

Возвратившись в начале 1770-х гг. в Петербург, Брайко сразу же активно включился в литературную и научную жизнь столицы. В эти годы «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» осуществляло перевод на русский язык монументального географического труда видного немецкого ученого А. Ф. Бюшинга, пользовавшегося заслуженной известностью во многих странах Европы. В 1772 г. вышел в свет изданный «Собранием» отрывок из «Землеописания» Бюшинга, переведенный Г. Л. Брайко с французского языка. — «Королевство Аглинское, или Великобритания и Ирландия».

С 1773 г. по 1778 г. кабинетный регистратор Брайко служил переводчиком под начальством князя М. М. Щербатова в архиве с делами императора Петра Великого.¹² Можно предполагать, что политические и исторические концепции Щербатова оказали определенное влияние на его молодого сотрудника.

Работа в архиве сыграла важную роль в жизни Брайко, она открывала перед ним возможности пополнить свои знания в области истории, юриспруденции и дипломатии. Помимо знакомства с богатейшим архивным фондом Петра I, Щербатову и его

¹⁰ История Академии наук СССР. Т. I (1724—1803) М.—Л., 1958, с. 420, 423.

¹¹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237. Правда, следует отметить, что в списке студентов, обучавшихся в XVIII в. в Кильском университете, фамилия Брайко отсутствует, см.: Грот Я. К. Несколько ученых заметок во время заграничного путешествия. 1860. — В кн.: Грот Я. К. Труды, т. 5. СПб., 1903, с. 68—78. Как сообщили нам из архива Геттингенского университета (ФРГ), матрикул студента Брайко там тоже не сохранился.

¹² ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 608, л. 445; ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237.

подчиненным был открыт с разрешения Екатерины свободный доступ во все государственные библиотеки и архивы.¹³ И Брайко использовал эти возможности. В аттестате, данном ему Щербатовым, последний так отзываясь о молодом чиновнике: «...он, Брайко, при разобрании помянутого архива находился в должности переводчика и во время без мала шестилетней бытности употреблен был при нем, как для разобрания и переводов писем Петра Великого, так и других, вверенных ему, князю Щербатову, секретных писем, отказывая в должности великое трудолюбие и прилежность, и вел себя так, как должно честному человеку».¹⁴ На основании этого отзыва можно почти с полной уверенностью констатировать участие Брайко в издании собрания писем и распоряжений Петра I за 1704—1706 гг. с предисловием и примечаниями Щербатова, вышедших в 1774 г.

В начале 1778 г. Брайко подал прошение в Сенат, выражая «желание продолжать службу при иных делах». Указом Сената от 13 февраля 1778 г. он был направлен в Коллегию иностранных дел и «за добропорядочную, усердную службу» ему дали чин титулярного советника.¹⁵

В эти же годы Г. Л. Брайко наиболее активно выступал на литературном поприще. В 1776 г. он поместил в журнале «Собрание новостей», издававшемся И. Ф. Богдановичем, свой перевод с латинского языка сочинения Эразма Роттердамского «Разговор, содержащий жалобу на супружество между Евлалиею и Ксантиспою».¹⁶

Сотрудничество в журнале И. Ф. Богдановича стало хорошей школой для будущего редактора «С.-Петербургского вестника». «Собрание новостей» было изданием нового типа — по сути дела первым в России универсальным журналом, предназначенным для широкого круга образованных читателей.¹⁷ Разнообразие его материалов, обилие злободневной информации, четкое разграничение разделов, доступность этих материалов рядовому читателю — вот те качества, которые отвечали требованиям, предъявлявшимся к такого рода периодическим изданиям в европейской журналистике середины XVIII в. Лучшие находки «Собрания» в области формы были творчески использованы более прогрессивными русскими журналами, и в частности «С.-Петербургским вестником». Эти достоинства журнала Богдановича и обеспечили ему определенный успех у читающей публики. Однако с 1777 г. издание «Собрания новостей» прекратилось.

¹³ *Ешевский С. В.* О повреждении правов в России. (Сочинение кн. М. М. Щербатова). — В кн.: *Ешевский С. В.* Соч. по русской истории. М., 1900, с. 274.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 620, л. 237 об.

¹⁵ Там же, л. 238—240.

¹⁶ Собрание разных сочинений и новостей, 1776, сентябрь, с. 3—26.

¹⁷ См.: *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 320—326.

Петербург остался на год без сколько-нибудь значительного русского политического и литературного журнала. Тогда и была предпринята Г. Л. Брайко попытка объединить молодых столичных литераторов вокруг нового журнала «С.-Петербургский вестник».

Уже во «Фрагментах, или мыслях, взятых из разных авторов. Вместо предисловия» — собрании цитат, которым редакция заменила вводную статью, она решительно заявила о своем праве давать критическую оценку явлениям современной общественной жизни: «Почто хотят воспретить живущему свету судити наши дела, когда потомства суд тем строжае будет». ¹⁸ И далее устами полумифического короля древней Англии Альфреда провозглашалась политическая программа журнала: «Истина того требует, чтобы народ пребывал всегда столько же волен как его мысль». Правда, опасаясь вмешательства цензуры, редакция поспешила оговориться, что имеется в виду вольность, «управляемая благоразумием и законами», и что «честный человек иной свободы не знает» (ч. I, с. 13).

К какому бы из разделов журнала мы ни обратились, везде мы наталкиваемся на мысли и сопоставления, заставлявшие глубоко задуматься современных читателей. На страницах «С.-Петербургского вестника» были затронуты самые острые и злободневные общественно-политические и философские проблемы того времени.

Уже в одном из первых номеров журнала в отрывке из сочинения Х. М. Виланда «Александр и Диоген» в переводе Г. Л. Брайко прозвучала филиппика против неограниченного закона абсолютизма: «Человек все легче может снести, кроме неограниченной власти. В то самое мгновение ока, в которое ты, подвергнувшись искушению, допустишь ласкателям твоим себя уверить, что ты более человека, совершится конец твоей славы и погибель твоей добродетели. Тогда ты великие твои дела затмишь пороками, которые ясно докажут, что ты не иной кто, как смертный» (ч. I, с. 367).

В официальном отделе «С.-Петербургского вестника» наряду с придворной хроникой помещалось сообщение о том, что польский князь Франц Сулковский объявил всех своих крепостных крестьян вольными и укрепил им в собственное владение их усадьбы, которыми они, яко подданные, временно только владели» (ч. III, с. 411).

Даже внешне безобидный анекдот в те годы приобретал политическую окраску: «Норвежцы и ныне говорят государю своему „ты“. В новейшие времена крестьянин, пришед к одному из сих государей с книгою в руках, сказал: „Вот твоя книга, возьми ее

¹⁸ С.-Петербургский вестник, 1778, ч. I, с. 14. Далее ссылки на этот журнал в тексте с указанием части и страницы.

назад, мы не имеем в оной больше нужды, ибо она не наблюдается“. Сия книга была „Норвежское уложение“» (ч. VI, с. 206—210).

Обличая пороки придворных «мурз», издатели «Вестника» видели единственную опору государства в мелкопоместном дворянстве, в служилых людях, в купечестве, которым печего ожидать «не от чего другого, как от собственных своих прилежаний и искусства» (ч. IV, с. 180). Этим объясняются и рассуждения о том, «колько блаженно среднее людей состояние», в переведенном Г. Л. Брайко рассуждении «О домашнем благосостоянии» (ч. I, с. 429), и восторженные отзывы в критико-библиографическом отделе о трудах выходцев из третьего сословия Франции Ж. Б. Кольбера и Ж. Неккера (ч. I, с. 401—403), и похвалы в адрес русских купцов-филантропов.

Далекие от атеизма, Брайко и его сотрудники внимательно следили за новейшими открытиями естествознания, с возмущением протестовали против возобновления аутодафе в Португалии (ч. II, с. 400) и других проявлений фанатизма и мракобесия, убежденно заявляли, что «действия и следствия суеверия» почитают «несравненно вреднее действий и следствий безверия» (ч. II, с. 306).

Таким был «С.-Петербургский вестник», призванный, по замыслу его редактора Г. Л. Брайко, стать вестником русского Просвещения, «утвердить знакомство здешней ученой республики сочленов и приятелей между ими». С первых дней возникновения журнала Брайко широко привлек к сотрудничеству в нем передовую дворянскую молодежь.

Кто же были эти лица? Прежде всего при изучении состава сотрудников «С.-Петербургского вестника» бросается в глаза тесно сплоченная группа: Г. Р. Державин, Н. А. Львов, В. В. Капнист, И. И. Хемницер, М. А. Дьякова и, возможно, некоторые другие.

Ряд современных исследователей в последнее время¹⁹ прямо указывают на то, что именно вокруг «С.-Петербургского вестника» группировались участники львовско-державинского кружка. Нам представляется, что Державин и его единомышленники не только «группировались» вокруг журнала, но и определяли его литературно-общественные позиции. Начиная с середины 1779 г. их сочинения регулярно появлялись на страницах «С.-Петербургского вестника», более того, некоторые номера (ноябрьский 1779 г.,²⁰ августовский и сентябрьский 1780 г.) почти

¹⁹ См.: Поэты XVIII века, кн. 2. Л., 1958.

²⁰ В нем напечатана эпиграмма М. А. Дьяковой о баснях И. И. Хемницера (с. 360) и анонимные статьи «Письмо к одному из издателей Вестника» (с. 356—359), где содержится глубокий анализ творчества французского художника Греза, «История архитектуры» (с. 328—337) и рецензия на книгу «Новый Виньола» (с. 365—367). Изучение этих анонимных статей, сопоставление их с известными нам сочинениями и фактами биогра-

деликом заполнялись стихотворениями, статьями и рецензиями участников львовско-державинского кружка. Несомненно, что они «не были противны плану и правилам», принятым издателями «Вестника».

Большинство молодых сотрудников «Вестника», не связанных тесными дружескими узами с Державиным и Львовым, разделяли их философские и политические позиции; среди последних назвом журналиста и переводчика Б. Ф. Арндта, врача А. Г. Бахерахта, историка П. П. Бекетова и др.

До настоящего времени наше литературоведение почти совсем не затрагивало вопроса о характере многочисленных журналов, издававшихся в XVIII в. в России на немецком языке, о их взаимодействии с современной им русской периодикой. Такое невнимание сужает возможности воссоздания стройной системы становления и развития русской журналистики. Это отчетливо видно на примере двух журналов: русского «С.-Петербургского вестника» и немецкого «St.-Petersburgisches Journal», издававшегося с конца 70-х гг. XVIII в. ижживением академического книгопродавца И. Я. Вейтбрехта. Редактором первого был Г. Л. Брайко, редактором второго — Б. Ф. Арндт. При самом беглом ознакомлении с содержанием этих журналов бросается в глаза озабоченное сходство их формы и содержания. Интересен уже тот факт, что в декабре 1777 г. в начавшем выходить несколько раньше «St.-Petersburgisches Journal» появилась подробная программа «С.-Петербургского вестника».²¹ Материалы одного журнала часто перепечатывались другим.

В «С.-Петербургском вестнике» появлялись переводы и рецензии Б. Ф. Арндта; возможно, он был даже редактором его официальной части, а затем и всего журнала в последние месяцы его существования. Изучение материалов журнала Арндта дает основания считать, что и Г. Л. Брайко был автором некоторых материалов, опубликованных в «St.-Petersburgisches Journal».

В отличие от большинства современных журналов «С.-Петербургский вестник» не только печатал художественные произведения, философские рассуждения и научные статьи, но и «постоянно следил за новостями политики и литературы».²²

фий И. И. Хемницера и Н. А. Львова позволяют предположить, что они и были их авторами. Ср., например, «Письмо к одному из издателей Вестника» с заметками И. И. Хемницера о посещении 2 апреля 1777 г. мастерской Греза (см.: *Хемницер И. И. Дневник путешествия по Европе*. — Соч. и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографической статьей и примечаниями Я. Грота. СПб., 1873, с. 376—377). Сюжет одной из картин Греза лег в основу басни И. И. Хемницера «Два семейства», в сноске к которой он замечает о Грезе — «нашего века исторический живописец» (там же, с. 130—131), и вызвал к жизни не опубликованное Г. Р. Державиным стихотворение 1780 г. «Счастлирое семейство. Преложение 127-го псалма».

²¹ St.-Petersburgisches Journal, 1777, Bd 4, S. 476.

²² Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей российского слова», с. 11.

В первой части журнала помещались «мелкие сочинения для увеселительного чтения», русские и переводные, статьи по географии, истории, медицине, сообщения о новых открытиях и изобретениях, сведения о памятниках искусства, статистические данные. Особое место занимал в журнале хорошо поставленный критико-библиографический отдел, «довольно полный и дельный для своего времени», как отмечал Н. А. Добролюбов.²³ На страницах политического отдела печатались императорские указы, придворная хроника, сведения о служебных назначениях, а кроме того, зарубежные новости и книготорговые списки новых французских и немецких книг.

Конечно, нельзя сводить участие Г. Л. Брайко в «С.-Петербургском вестнике» только к роли организатора. Его перу принадлежит ряд интересных переводов, которые он и поместил в своем журнале. Это отрывки из сочинений К. М. Виланда «Диоген и Херей», «Глисерион», «Александр и Диоген», «Диоген и Бахид», «Сновидение о златом веке», «Кривой толк» и «Защипенные веселія» (напечатанных в журнале «Der Deutsche Mercur»), идейно близких ему своей апологией умеренности, отвращением к интригам большого «света», верой в торжество «здорового смысла» (ч. I, с. 120—128, 203—215, 353—357, 361—369, 437—448; ч. II, с. 179—187, 243—252, 346—353). Созвучны им по духу и рассуждение «О домашнем благосостоянии», переведенное с французского языка, философские идиллии Клейста «Ирин» и Галлера «Вечность» (ч. I, с. 426—437, 455—459; ч. II, с. 413—418). Несколько в стороне стоит отрывок из путешествий П. Брайдона «Описание горы Этны», первое сочинение по географии, переведенное Брайко после «Королевства Аглинского» (ч. I, с. 120—128).²⁴

Но наиболее интересны критические отзывы Г. Л. Брайко, помещенные в разделе «Известия о новых книгах» (всего за 3,5 года в журнале напечатано 169 рецензий на новые книги). В них с наибольшей полнотой нашли отражение его научные, эстетические и философские взгляды. Они характеризуют Брайко как эрудированного и вдумчивого ученого, принципиального борца против схоластики и суеверия, последовательного просветителя. Видимо, он не только как переводчик научился передавать содержание произведений великих гуманистов Возрождения и западноевропейских просветителей, но и чутко улавливал и пересмыслял идеи, в них заключенные. Талантливый полемист, Брайко метко и тактично указывал на слабые места рецензируемых произведений, вскрывал самую суть заблуждений своих литературных и идейных противников.

²³ Там же.

²⁴ Перевод отрывка из кн.: *Voyage en Sicile et à Malthe, par Bridon, traduit de l'anglois, vol. I. Paris, 1775.* Полный русский перевод книги П. Брайдона был напечатан в 1795 г. в типографии Московского университета,

В предисловии к критико-библиографическому отделу Г. Л. Брайко удачно подметил особенности жанра журнальной рецензии, подчеркнул его неоспоримые достоинства, указал на специфические трудности, четко сформулировал основные правила рецензирования новых книг (ч. I, с. 56—58).

Предисловие к «Известиям о новых книгах» является любопытным памятником критико-библиографической мысли XVIII в. Знакомство его автора с западноевропейскими и русскими журналами помогло ему ясно осознать ту чрезвычайно важную роль, которую играла и играет квалифицированная и оперативная критико-библиографическая информация в научном прогрессе, в расцвете литературы, в формировании общественной мысли. Отдавая себе отчет в том, что критика и журнальная библиография, будучи новыми явлениями в культурной жизни России, могут в течение длительного времени встречать непонимание, а подчас и предубеждение литераторов и читателей (что и случилось с некоторыми рецензиями «Вестника»), редактор журнала выдвигал весьма разумные и логичные правила рецензирования новых книг. Объективные достоинства и недостатки рецензируемых книг, а не сан автора и личные к нему симпатии и антипатии должны определять позицию критика или библиографа при их анализе.

Большого внимания заслуживает стремление редакции «Вестника» стать искренним другом и советчиком писателей, бережно отнестись к росткам нового в русской литературе, поощрять молодых авторов. Однако это не значит, что критика в журнале была добродушно-беззубой.²⁵ Наоборот, многие рецензии «С.-Петербургского вестника» были одними из самых острых и полемических в русской журналистике XVIII в. Рецензенты его критико-библиографического отдела, чуждые мелочным придиркам и личным выпадам, последовательно отстаивали свои эстетические и научные позиции, непримиримо выступали против ремесленничества в литературе.

Так, например, трудно назвать добродушно-беззубой полемику с И. Ф. Богдановичем в связи с отрицательным отзывом Г. Л. Брайко о его книге «Историческое изображение России».²⁶ Большой знаток документальных источников по истории России, Брайко справедливо упрекал Богдановича в несколько легкомыс-

²⁵ Глубоко неправы И. И. Иванов и П. О. Морозов, утверждавшие, что издателям «Вестника» не хватало «решительности в приговорах» (*Иванов И. И.* История русской критики, ч. 1—2. СПб., 1898, с. 167; *Морозов П. О.* Минувший век. Литературные очерки. СПб., 1902, с. 256—257).

²⁶ См. рецензию Г. Л. Брайко: С.-Петербургский вестник, 1778, ч. II, с. 55—61; «Письмо от сочинителя „Исторического изображения России“ к его неизвестному Вопросителю». — С.-Петербургские ведомости, 1778, № 64, 10 августа, прибавление, с. 563—569; ответ на это письмо: С.-Петербургский вестник, 1778, ч. II, с. 145—164. (См. об их полемике письмо Б. Ф. Арндта к Г. Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г.; Архив АН СССР, ф. 24, оп. 3, д. 6, л. 23—24).

ленном отношении к этим источникам в историческом сочинении, пусть и беллетризованном.

С несравненно большей теплотой он отзывался о «Повествователе древностей российских» Н. И. Новикова: «Сие сочинение может быть почтено продолжением „Древней Российской Вивлиофики“, которая от 1773 до 1775 года издана оным же ученым человеком, оказавшим тем великую услугу нашей истории» (ч. I, с. 59). Эта оценка историографических трудов Новикова тем более характерна, что издатели «С.-Петербургского вестника» в дальнейшем очень сдержанно отнеслись к его масонской деятельности. Так, по поводу масонского сочинения «Крата Репоа, или Посвящение в древнее тайное общество египетских жрецов», изданного в Москве Н. И. Новиковым (и впоследствии конфискованного при его аресте), Брайко писал: «Есть люди, которые под сими завесами древности ищут иные важные тайности, но они, может быть, весьма ошибаются, не признавая преимущественного сияния света (т. е. науки, — *И. М.*), наши времена освещающего» (ч. IV, с. 369).

Эта рецензия вызвала резкую отповедь на страницах новиковского масонского журнала «Утренний свет». В одной из программных статей журнала «Письме Н. Н. Иностранца к издателям „Утреннего света“» ее автор, вероятно сам Н. И. Новиков, обвинил рецензентов «С.-Петербургского вестника» в недобросовестной критике, в верхоглядстве, в неспособности подняться до понимания масонских тайнств: «За несколько времени перед сим издано малое сочинение, под именем „Крата Репоа“, о тайнствах древних. Я слышал об оном весьма различные суждения. Читатели оные суть иные знающие, хотя их очень мало, кои молчат, или объявляют свое рассуждение так, как прилично рассуждающему человеку, под условием и с осторожностью, другие, представляя себя всезнающими и неправильно затвердя некоторые из различных наук ученые слова, говорят утвердительным и уверительным голосом, и понеже незнание их препятствует им при доказательствах и доводах, если б хотя мало были сговорчивы, почувствовать свое заблуждение, то заглушают они разумных людей и удерживают преимущество при неведящем, который заключает о справедливом или ложном по твердости голоса и по окончании речи».²⁷

И все-таки редакции «Утреннего света» трудно было парировать меткое замечание своего петербургского оппонента о том, что ныне «храм наук отверст, все части оных каждому известны, и оные в тогдашние (в древние, — *И. М.*) времена толь важные тайнства теперь почти уже ни от кого не скрыты, ибо что иное содержалось в оных, как что кошка и собака, которых они почитали за богов, не были боги, но точно были кошка и собака?»

Вместе с тем Г. Л. Брайко и его сотрудники не считали масонов своими врагами. Не приемля каббалистической зауми, они

²⁷ Утренний свет, 1780, ч. VIII, февраль, с. 176—182.

с явной симпатией относились к их программе нравственного раскрепощения человека.

Большинство исследователей русской журналистики XVIII в., начиная с Н. А. Добролюбова, высказывали вполне правдоподобное мнение, что «С.-Петербургский вестник» был насильственно закрыт екатерининским правительством.

Появление на страницах «С.-Петербургского вестника» переложения 81-го псалма Г. Р. Державина, вырезанного по распоряжению властей (ч. VI, с. 315), острой сатиры «на лица» В. В. Капниста (ч. V, с. 446—447), отдельных рецензий и сообщений в официальном отделе вызвало, по-видимому, охлаждение Екатерины II к журналу. Возможно, что в какой-то момент «С.-Петербургский вестник» находился даже под угрозой закрытия. Это заставило его издателей срочно перестраиваться.

«Некоторые обстоятельства побуждают издателей оного с переименованием года, переменить и план оного, о чем в следующем месяце пространно объявлено будет», — писали они в конце того номера, откуда была вырезана ода Державина (ч. VI, с. 387). Обещанного разъяснения в декабре 1780 г. не последовало, зато почти целый номер заняло сочинение С. Лещинского «Разговор европейца с островским жителем королевства Дюмоклы» — восторженный панегирик мудрому монарху, у которого и все вельможи являют примеры добродетели (ч. VI, с. 391—429). В последние полгода своего существования журнал совсем зачах.

Не эти ли причины побудили Брайко летом 1781 г. сообщить, что «разные непредвиденные обстоятельства, помешав порядочному „С.-Петербургского вестника“ изданию, принуждают издателей оного окончить оное седьмою, или нынешнего года первую частью» (ч. VII, с. 1).²⁸

К тому же дипломатическая деятельность Г. Л. Брайко оставляла ему все меньше времени для литературной работы. Императорским указом от 23 апреля 1781 г. он был переведен «в секретари осьмого класса из секретарей капитанского ранга», а 25 января 1783 г. назначен советником русского посольства в Венеции.²⁹

Характерно, что в скором времени покинули Петербург почти все участники кружка Львова—Державина. Указом от 23 апреля 1781 г. секретарь осьмого класса Николай Львов был назначен советником русского посольства в Дрездене.³⁰ В 1782 г. И. И. Хем-

²⁸ Характерно, что с 1 июня 1781 г. прекратилось, вероятно не без вмешательства властей, издание другого петербургского журнала — «Академические известия».

²⁹ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 5004 (1770—1796 гг.), л. 237; *Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2 (Германия и Италия)*. М., 1896, с. 265; ср.: *Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке*, т. 2. Варшава, 1897, с. 392.

³⁰ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 5004 (1700—1796 гг.), л. 237.

нищера отправили генеральным консулом России в Смирну с ее губительным климатом, где он вскоре и умер. В 1783 г. вышел в отставку В. В. Капнист и уехал в родовую деревню Обуховку, где жил безвыездно до смерти Екатерины II. «Изгнанный мурза» Державин был не в почете при дворе, и вскоре под благовидным предлогом, наградив должность Олонецкого губернатора, его отправили подальше от столицы под присмотр Тутолмина. Все это очень напоминает практиковавшуюся еще во времена Кантемира почетную ссылку, насильственное отстранение от литературной деятельности.

В «Собеседнике любителей российского слова» приняли участие почти все бывшие сотрудники «С.-Петербургского вестника», кроме... его редактора. Более того, из писем А. Р. Воронцова к брату Семену Романовичу, послу России в Венеции и начальнику Брайко, явствует, что последнему прямо запрещено было заниматься литературной, и в частности переводческой, деятельностью.

4 мая 1784 г. А. Р. Воронцов писал брату: «Я прошу Вас передать привет г-ну Брайко и уверить его, что я не оставлю без внимания ничего, что может послужить ему на пользу, а что Вы писали, что его для переводов будете употреблять у себя, то я не советую, особливо если здесь о сем проведуют. Оно столько может повредить, что Вы и представить себе не можете, ибо о нем и теперь бывают напоминания неприятные, так как и недавно то случилось, Вы знаете, что я ему сам добра желаю».³¹

Опасность, угрожавшая Брайко и его начальнику, была, вероятно, достаточно серьезной, потому что в одном из следующих писем А. Р. Воронцов снова повторял: «В одном из писем Ваших, упоминая о ненадобности Вам Лизакевича, что Вы на переводы можете употреблять Брайко, я считаю своим долгом Вам сказать, что если б о сем здесь сведали, это бы Вам нанесло значительный вред, ибо у Вас нет даже представления, как он здесь погублен. Как недавно объяснялись здесь по его поводу, некто его назвал. Оно б могло Вам прямо повредить. Вы знаете, сколько такие вещи иногда здесь действуют».³²

Для С. Р. Воронцова, который, как и его брат А. Р. Воронцов, находился в негласной оппозиции к правительству, и в частности был непримиримым противником Потемкина, назначение в 1782 г. полномочным министром России в Венецию было тоже своего рода почетной ссылкой.

Венеция в то время была «задворками» Европы, она сильно отстала экономически, ведущие отрасли ее промышленности пришли в упадок, традиционные рынки переместились в другие страны. Олигархический режим привел в скором времени республику к гибели, к австрийскому рабству. Правда, Венеция представляла некоторый интерес для русского правительства в ка-

³¹ Архив кн. Воронцова, т. 31. М., 1885, с. 436.

³² Там же, с. 441.

честве базы, где подготавливалось национальное восстание греков против владычества Турции, в ослаблении которой Россия была очень заинтересована. Этими вопросами в основном и пришлось заниматься на итальянской земле С. Р. Воронцову и его советнику. Посредничество между греческой колонией эмигрантов и Венецианским правительством требовало большого дипломатического искусства и такта. Помощи же из России ожидать не приходилось. Здесь сказывалась и бюрократическая неразбериха, царившая в Коллегии иностранных дел, а возможно, и прямое недоверие к опальному посланнику. В письме к брату от 13/24 января 1785 г. С. Р. Воронцов горько жаловался: «По тому, как с нами обращаются, мы совершенно бесполезны, нас информируют только об указах, изданных в России, и не отвечают ни на одну из наших депеш, даже не устаивают уверить нас в сих получении. Если нас держат только для того, чтобы получать новости, немногим более свежие, чем в газетах, в этом случае можно было бы лучше сэкономить деньги императрицы и держать только агентов... Знаменитая инструкция, которую мне дали при отъезде в Венецию, создана лишь для того, чтобы ввести меня в заблуждение, если б я не знал чувств императрицы».³³

Интересно отметить, что С. Р. Воронцов был, по-видимому, близок и с другими участниками державинского кружка. Об этом свидетельствует его многолетняя переписка с Н. А. Львовым.³⁴ Поэтому вполне вероятно, что еще в Петербурге он был осведомлен о взглядах издателей «С.-Петербургского вестника» и относился к ним с одобрением.

В 1784 г. С. Р. Воронцову наконец удалось добиться перевода посланником в Англию, столь заманчивую для ее давнишнего поклонника. Как только вопрос об отъезде в Лондон был решен, он настойчиво писал одно за другим письма к А. А. Безбородко и к брату с просьбами добиться того, чтобы вместе с ним перевели в Англию и Г. Л. Брайко.

В январе 1784 г. С. Р. Воронцов обращался к канцлеру: «...я столько имею причин быть довольным Григорием Леонтьевичем Брайко, что мне весьма прискорбно будет с ним расстаться. Затем прошу Вас сделать мне действительное одолжение не разлучать меня, если меня переведут в другое место. Как он по именному указу определен в Венецию, то Коллегия перевести его не может, затем-то и прошу Вас: Вы одни мне можете помочь в сем деле, которое мне весьма нужно, и коим меня паче всего обяжете».³⁵

А через год, в начале 1785 г., он снова писал: «Кончая мое служение, я осмелился рекомендовать господина Брайко <...> который мне был в великую помощь. Препоручаю его в Ваше по-

³³ Там же. т. 9, с. 19—23.

³⁴ См.: ЦГАДА, ф. 1261 (Воронцовых), оп. 3, д. 714.

³⁵ Архив кн. Воронцова, т. 16, с. 173.

кровительство, как человека, который заслуживает Вашу заступу».³⁶

Чуть ли не в каждом письме к брату С. Р. Воронцов напоминал о Брайко: «Мне так важно иметь возле себя Брайко, что я уверен, Вы окажете мне дружбу, если это только будет возможным доставить мне это удовлетворение <...> (Место посланника в Америке, — *И. М.*) было бы наградой для Лизакевича, а я имел бы тогда на его место Брайко. Если возможно, только Вы сможете это сделать, и Вы меня невыразимо обяжете».³⁷

Однако выполнить эту просьбу было совсем не просто. «...на первый случай тому пособить не можно, а когда я увижу возможность, то постараюсь, чтобы к Вам Брайко перевели; я бы и для Мишеньки (сына С. Р. Воронцова, — *И. М.*) желал, чтоб он у него мог по-русски впредь учиться», — писал в ответном письме А. Р. Воронцов.³⁸

После отъезда С. Р. Воронцова в Лондон Брайко с 19 июля по 16 декабря 1784 г. был аккредитован при Венецианском правительстве в качестве поверенного в делах.³⁹ Петербургские недруги не забыли о нем. Когда новым русским посланником в Венецию выехал А. И. Криденер, они поспешили «дурно рекомендовать» ему Брайко, «хуже самого изверга».⁴⁰ Правда, благодаря всем тем же Воронцовым все уладилось, и барон Криденер был «очень учтив» со своим советником. Казалось бы, печальный опыт должен был научить Брайко осторожности, и все-таки, сообщая С. Р. Воронцову 9 января 1785 г. (28 декабря 1784 г. по старому стилю) в Лондон о восстании румынских крестьян в Трапсильвании, он не мог удержаться от смелых суждений о причинах их возмущения против иноземных феодалов: «...последние два номера гамбургских газет содержат в себе страшное описание разорений, производимых в Семиградской земле мятежниками, коих число полагают до 15 тысяч. Судя по упомянутому описанию *сии должны быть очень раздражены помещиками тамошними*, ибо они одних их искореняют, не различая ни возраста, ни пола».⁴¹ Одиноко тянулись дни опального литератора на чужбине, вдали от родины, от друзей. «Теперь я совершенно оскудел северными новостями, — жаловался он в письме к С. Р. Воронцову 8/19 февраля 1785 г. — Никто ко мне оттуда ничего не пишет».⁴²

³⁶ Там же, т. 9, с. 423.

³⁷ Там же, с. 5—6.

³⁸ Там же, т. 31, с. 441.

³⁹ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», д. 6576 (1770—1796 гг.), л. 18—20, ср.: Представление графа С. Р. Воронцова правительству Венецианской республики (1785 г.). — В кн.: Архив кн. Воронцова, т. 9, с. 402.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 5.

⁴¹ Там же, л. 11. (Курсив мой, — *И. М.*). Только после кровопролитных боев австрийским войскам удалось подавить это восстание, во время которого были сожжены 264 дворянские усадьбы.

⁴² ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 27 об.

И снова в марте 1785 г. С. Р. Воронцов писал брату: «Посылаю Вам письмо бедного Брайко. Вы увидите, что он очень просится уехать из Венеции и, если есть возможность поместить его куда-нибудь, льщу себя, что Вы будете иметь милость сделать это. В отношении Парижа это невозможно, он разорится на квартиру, стол и одежду. Если б он был один, это еще бы куда ни шло, но он женат и у него двое детей (сын Михаил и дочь Ева, — *И. М.*). Если бы была надежда перевести его в Лондон, он будет терпеливо ждать».⁴³

Распрощавшись с надеждой добиться перевода Брайко в Лондон, его влиятельный друг предпринял последнюю попытку хоть чем-нибудь ему помочь и просил брата: «Бедный Брайко пишет мне, что он готов отправиться в Россию и вся его надежда на Вашу протекцию. Так как Вы знаете лучше меня все заслуги этого человека, я Вам скажу только, что, живя с ним, я нашел его чрезвычайно честным человеком. Я убежден, что Вы позаботитесь о нем и что он не обманется в своих ожиданиях».⁴⁴

Наконец хлопоты старшего Воронцова увенчались успехом, и Брайко с чувством искренней благодарности писал Семену Романовичу: «...я ему (т. е. Александру Романовичу, — *И. М.*) всем одолжен; он всегда меня жаловал и ныне милостиво призирает на меня; вся моя надежда и упования на его и на Вашего сиятельства милости, полезные коих действия я опытом дознал. Я имею, милостивый государь, сердце и душу, умеющие истинно ценить ваши ко мне благодеяния. Коему я предан, тому прямо предан, хотя ниц и сир, но стяжал благородный образ мыслей, которым не устыжусь хвалиться пред целым светом; приписывающий мне иной чувствительно обидит меня».⁴⁵ 4 мая 1787 г. он уже писал А. Р. Воронцову из Петербурга, посылая ему «для апробации» свой «российский перевод обще с подлинником» заключенного в Киеве торгового договора России с Францией. С одобрения Воронцова он намеревался отдать этот перевод в печать.⁴⁶

Однако в России Брайко пробыл недолго. 30 августа 1789 г. последовал новый указ: «Ее императорское величество высочайше указать изволила на очистившееся смертью статского советника Г. И. Полетики (давнего приятеля и корреспондента Брайко, — *И. М.*) при Венской миссии место советника посольства отправить из Коллегии иностранных дел находящегося в оной обер-секретарем канцелярии советника Брайко <...> Граф Иван Ос-терман».⁴⁷

⁴³ Архив кн. Воронцова, т. 9, с. 30.

⁴⁴ Там же, с. 44.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 17 об.—18. В своих письмах к А. Р. Воронцову Брайко называл его не иначе, как «милостивым благодетелем», себя же именовал «дышущим одними милостями Вашего сиятельства человеком» (там же, л. 1, 2).

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 30.

⁴⁷ Архив внешней политики России, ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 2/6, д. 3140, л. 1—2. 26 сент. 1786 г. за долголетнюю службу Брайко

О дипломатической деятельности Г. Л. Брайко в Вене почти ничего не известно. Из его нескольких писем этого периода к русскому наместнику в Польше, писателю и переводчику Я. И. Булгакову, с которым Брайко был близко знаком с давних времен, явствует только, что он содействовал Булгакову в пополнении его замечательной библиотеки и коллекции картин (погибших во время пожара Москвы в 1812 г.).⁴⁸

В Россию Брайко больше не вернулся. Летом 1793 г. он умер в столице Австрии, оставив жену, двух малолетних сыновей и двух дочерей без средств к существованию, «в сущем сиротстве». ⁴⁹ Однако Екатерина II не захотела помочь семье опального литератора. «Малое имущество покойного мужа моего, — писала Анна Ивановна Брайко 29 декабря 1796 г. в прошении к Павлу I, — трудами и крайней бережливостью нажитое, не на долгое время послужило для содержания всего немалого семейства нашего. Удовлетворяя обязанностям матери, пекущейся о благосостоянии детей своих, жертвовала я охотно собою и в сем намерении вступила в партикулярное служение для надзирания за детьми, надеясь тем самым своим доставить пропитание; но, к несчастью, по слабости моего здоровья в сем предприятии не могла успеть, и, наконец, испытав троекратно утруждать всеподданнейшими прошениями блаженную и вечной славы достойную памяти государыню императрицу, родительницу Вашего императорского величества о изъявлении монаршего мне и семейству моему милосердия, удостоверилась, что единственно несчастью моему приписать я должна лишение меня щедроты и милости ее величества». ⁵⁰ Указом Сената в 1797 г. А. И. Брайко было пожаловано именованье, а ее сына Михаила приняли на казенный счет в кадетский корпус. ⁵¹

был пожалован орден св. Владимира 4-й степени (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето Р. X. — 1792-е. СПб., 1792, с. 36; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р. X. — 1793-е. СПб., 1793, с. 38).

⁴⁸ См. письма Г. Л. Брайко к Я. И. Булгакову из Вены от 22 июня/3 июля 1790 г. и 16/29 сентября 1791 г. — Отдел рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 41 (Булгаковых), папка 7, № 38, л. 1—3. Брайко и раньше, в Венеции, много содействовал в пополнении коллекций книг, картин и эстампов Воронцовым и другим своим вельможным друзьям и покровителям. Правда, сначала он пытался отказываться от таких поручений, просил А. Р. Воронцова «не переводить деньги на покупку картин, ибо, не будучи знаток в них», боялся ошибиться в выборе. Но потом он, по-видимому, стал вполне сносным ценителем старой живописи (см.: ЦГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 4, 5, 7, 9, 10, 14 об., 22 об.—23, 24 об., 25).

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37022, л. 1—2. Заметим, что еще в Венеции Брайко долго и тяжело болел (см.: там же, ф. 1261, оп. 3, д. 385, л. 16, 24).

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 37022, л. 1—2.

⁵¹ Архив Государственного Совета. Т. IV. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента гражданских и духовных дел. СПб., 1892, стб. 655; ЦГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 40151, л. 1—3.

Непродолжительное участие в литературной жизни России, долгое пребывание за границей, недоброжелательство властей и обусловили, вероятно, тот факт, что на полтора столетия имя Г. Л. Брайко было предано забвению. Конечно, и теперь в его биографии есть еще очень много неясного. Но и те материалы, которые удалось обнаружить, свидетельствуют, что редактор одного из интереснейших русских журналов XVIII в., талантливый переводчик, критик, историк и дипломат Григорий Леонтьевич Брайко заслуживает памяти потомков.

«Мы желали положить, — писал он, обращаясь к читателям «С.-Петербургского вестника» в ноябре 1778 г., — основание делу, которое люди, счастливее и сильнее нас, приведут когда-нибудь в надлежащее совершенство, ибо несомненно, что после нас будут времена, в которые русские журналы и другие на сем языке сочинения в аглинских, германских и французских городах читаться станут так, как ныне иностранные читаются в российских» (ч. II, с. 408).

Г. Н. МОИСЕВА

ЭКЗЕМПЛЯР „ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ“
РАДИЩЕВА В АРХИВЕ ВОРОНЦОВЫХ

Во время следствия над А. Н. Радищевым императрица Екатерина II пыталась выяснить, кто был единомышленником автора, сколько экземпляров «крамольной» книги было напечатано и кому они отданы.¹

Ни в следственном деле, ни в списке тех, кому подарена книга, не фигурирует имя графа А. Р. Воронцова, президента коммерц-коллегии, начальника и покровителя А. Н. Радищева. Но уже в то самое время, когда велось следствие над Радищевым, в Петербурге ходили упорные слухи о том, что в издании «Путешествия из Петербурга в Москву» принимал участие А. Р. Воронцов.

В 1798 г. саксонский посланник Георг фон Гельбиг, проживавший в России в 80—90-х гг. XVIII в., составил записки о событиях, происходивших в те годы при дворе Екатерины II. Первоначально он озаглавил их «Исторические черты и известия, касающиеся до жизни и правления императрицы Екатерины II». Записки Георга фон Гельбига впервые были опубликованы в Гамбурге в 1798 г.² 21-й пункт этих записок посвящен А. Н. Радищеву. Любопытно отметить, что отрывок, относящийся к А. Н. Радищеву, в России был впервые опубликован в 1858 г.³ А полный текст записок Г. Гельбига, напечатанный в Тюбингене в 1809 г., в русском переводе появился в 1887 г.⁴

Важно отметить, что в архиве Воронцовых хранятся записки Г. Гельбига, переписанные на бумаге конца XVIII в. в русском

¹ См.: *Бабкин Д. С.* Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, с. 150—153.

² *Helbig Georg fon.* Züge zu einem Gemahige des russischen Rechts unter der Regierung von Catherine II, gesammelt bey einem vieljahren Aufenthalt indemselben. — *Minerva*, 1798, juli. Bd III, S. 12.

³ Исторические черты и известия, касающиеся до жизни и правления императрицы Екатерины II. Записки Георга фон Гельбига. Пер. и примеч. кн. Н. Голицына. — Библиографические записки, 1858, № 23, с. 729—735.

⁴ *Гельбиг Г.* Русские избранники и случайные люди в XVIII веке. Пер. и примеч. В. А. Бильбасова. — Русская старина, 1887, т. X, с. 25—28.

переводе, произведенном неизвестным нам лицом из гамбургского журнала «Минерва» 1798 г.⁵

Записки Георга фон Гельбига интересуют нас в данном случае лишь в связи со слухами о причастности А. Р. Воронцова к изданию «Путешествия из Петербурга в Москву». Гельбиг пишет: «Императрица (Екатерина II, — Г. М.) долгое время была того мнения, что граф Александр Романович Воронцов, великого ума человек, брат известной княгини Дашковой и российского посла в Лондоне (Семена Романовича Воронцова, — Г. М.), брал участие в сочинении сей книги».⁶

Мы не располагаем прямыми доказательствами, подтверждающими известие Гельбига о том, что А. Р. Воронцов «брал участие в сочинении» «Путешествия из Петербурга в Москву», но то, что он очень много сделал для облегчения тяжелой судьбы А. Н. Радищева во время суда и сибирской ссылки, общеизвестно. Именно вследствие этого отношение к нему Екатерины II резко изменилось, и А. Р. Воронцов в 1791 г. был вынужден уйти в отставку, продолжавшуюся до восшествия на престол Александра I.

Но если даже не принимать во внимание сообщение Гельбига о причастности А. Р. Воронцова к созданию «Путешествия», то трудно допустить, что начальник и покровитель А. Н. Радищева совершенно ничего не знал об этом его сочинении. В 80-х гг. XVIII в. Радищев опубликовал в печати «Письмо к другу, жителствующему в Tobольске» и «Житие Федора Васильевича Ушакова». В Архиве Воронцовых сохранились незаконченный трактат Радищева («Опыт о законодательстве»), его выписки из исторических источников, черновые наброски ряда исторических трудов. Все эти данные с очевидностью свидетельствуют об огромном уважении А. Р. Воронцова к А. Н. Радищеву не только как к человеку, но и как к писателю. Поэтому трудно представить, что А. Р. Воронцов не проявлял интереса к главному труду А. Н. Радищева 80-х гг. — «Путешествию из Петербурга в Москву». С другой стороны, зная об отношении А. Н. Радищева к А. Р. Воронцову, маловероятно, что один из первых экземпляров «Путешествия», вышедших из домашней типографии Радищева, не был подарен Радищевым своему начальнику и другу.⁷ Это тем более маловероятно, что Радищев подарил свою книгу

⁵ Центральный государственный архив древних актов, ф. Воронцовых, № 2819, л. 1—25. Доказательством того, что рукопись из собрания Воронцовых — перевод из этого журнала, является заглавие записок, совпадающее с гамбургской публикацией 1798 г. В издании 1809 г. в Тюбингене записки Г. Гельбига получили новое название, точно переданное в русском переводе В. А. Бильбасова 1887 г., — «Русские избранники и случайные люди в XVIII веке».

⁶ ЦГАДА, ф. Воронцовых, № 2819, л. 11 об.

⁷ Д. Н. Анучин писал о том, что Радищев не мог не подарить экземпляр книги А. Р. Воронцову и Е. Р. Дашковой, см.: Анучин Д. Н. Судьба первого издания «Путешествия» Радищева. М., 1918, с. 21.

людям, с которыми он был связан значительно меньше (О. П. Козодавлеву, П. И. Трубецкому, Г. Р. Державину).

В семейной библиотеке Воронцовых, хранящейся в настоящее время в Одессе, не имеется печатного издания «Путешествия из Петербурга в Москву» 1790 г. Объяснение этому следует, по-видимому, искать в обстоятельствах, сопутствовавших появлению книги. Как мы помним, уже через две недели после выхода «Путешествия» начались аресты и был издан указ о конфискации отпечатанных экземпляров книги. Во время следствия выяснялся вопрос о единомышленниках Радищева и был составлен список тех, кому сам автор подарил книгу (которая была возвращена в Тайную экспедицию). В этих условиях, когда А. Н. Радищев, находившийся под следствием в одиночной камере, не назвал ни одного имени своих «сочувственников», взяв всю вину на себя, А. Р. Воронцов, опасавшийся тяжелых последствий судебного разбирательства «дела» Радищева, постарался, как можно думать, уничтожить прямые следы своего отношения к крамольной книге, за которую ее автору угрожала смертная казнь.

Д. Н. Анучин, основываясь исключительно на слухах и не располагая документальными данными, писал, что печатный экземпляр «Путешествия» Радищева, «бывший в библиотеке графов Воронцовых, купленной в конце прошлого века (за 3½ тыс. р.) антикваром Ключковым, <...> был продан (как говорят, за 800 р.) петербургскому коммерсанту М. А. Силицыну».⁸

Ошибочность этих утверждений опровергается выявленным материалом — рукописной копией печатного издания «Путешествия», появившейся в Архиве Воронцовых в начале XIX в.

В «Реестре рукописным книгам и бумагам, хранящимся в кабинете М. С. Воронцова в Петербурге», под № 9 названо: «Путешествие из С. П. Бурга в Москву, известное сочинение Радищева с эпитафией: чудище обло, озорно, огромно, с трезвонной и лайей».⁹ Этот «Реестр» переписан на бумаге с водяным знаком 1816 г. и литерами «АО».

Рукопись «Путешествия из Петербурга в Москву» из собрания Воронцовых, обнаруженная И. Ф. Мартыновым в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР,¹⁰ имеет следующие филигранные: «Pro Patria» с литерами МГСММ и годами 1815, 1816 и 1817;¹¹

⁸ Там же, с. 37.

⁹ Архив Ленингр. отд-ния Ин-та истории, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, № 1327, л. 26 об.

¹⁰ БАН, Тек. пост. № 137, л. 1—324. Рукопись поступила в 1939 г. из библиотеки ЛОИИ (из собрания Воронцовых). Выражаю признательность И. Ф. Мартынову за сообщение мне сведений об этой рукописи.

¹¹ Клепиков С. А., Кукушкина М. В. Филигрань «Pro Patria» на бумаге русского и иностранного происхождения. (Материал для датировки рукописных и печатных документов). — В кн.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению, т. I. Л., 1965, с. 83—192, № 75.

«Pro Patria» с литерами КГКОСН и годом 1816,¹² вензель из букв ЛП в круге, обрамленном двумя ветвями, с литерами УФЛП и годом 1815;¹³ медведь с секирой на плече под короной с литерами ЯБМЯ и годом 1816.

Рукопись написана скорописью одним почерком. Переплет картонный, оклеенный бумагой, с кожаным корешком. На корешке вытеснено золотом: «Путешествие из Петербурга в Москву». Имеется старая пагинация (теми же чернилами и почерком, которыми написана рукопись) — пронумеровано 645 страниц.

Заглавие: «Путешествие из Петербурга в Москву. — Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй... Тилемахида, том II, книга XVIII, стих 514. — В Санктпетербурге, 1790 года». На последнем л. 324: «С дозволения Управы благочиния» (л. 2).

«Два манускрипта, писанные к графу Якову Александровичу Брюсу. К дежурному генерал адъютанту» (л. 2 об.). Далее на л. 3—4 переписаны указы Екатерины II петербургскому главнокомандующему Я. А. Брюсу от 13 июля 1790 г. о производстве дознания и суда по делу А. Н. Радищева и от 13 июля 1790 г. о конфискации отпечатанных экземпляров «Путешествия из Петербурга в Москву» и о запрещении печатать его впредь.

Копии двух указов Екатерины II, помещенные на л. 2 об., переписаны не с издания 1807 г.,¹⁴ а с «манускриптов», т. е. рукописей, как это и обозначено в книге. В этом нет ничего удивительного, так как в Архиве Воронцовых имелась к этому времени копия всего следственного дела, заверенная подписью Радищева.¹⁵

Рукопись «Путешествия из Петербурга в Москву» является исправной копией с печатного издания 1790 г. Она переписана в начале 20-х гг. XIX в. для библиотеки М. С. Воронцова, который в 1818 г. вернулся в Петербург из Парижа (где после Отечественной войны 1812 г. был командиром оккупационного корпуса). 7 мая 1823 г. М. С. Воронцов был назначен повороссийским генерал-губернатором. В июле 1823 г. библиотеку и архив Воронцовых переводят в Одессу. «Реестр рукописным книгам и бумагам, хранящимся в кабинете М. С. Воронцова», составлен в Петербурге. Таким образом, дата переписки «Путешествия из Петербурга в Москву» устанавливается довольно точно: не ранее 1818 г. и не позднее начала 1823 г., что подтверждается и водяными знаками бумаги.

Интерес, проявленный М. С. Воронцовым к сочинению А. Н. Радищева, официально запрещенному властями (что было подтверждено при издании сыновьями А. Н. Радищева собрания его сочинений 1807—1811 гг.), может быть элементарно объяснен

¹² Там же, № 283.

¹³ Там же, № 311.

¹⁴ Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807, с. 135—136.

¹⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, № 864.

уважением М. С. Воронцова к памяти отца С. Р. Воронцова и дяди А. Р. Воронцова, покровителя А. Н. Радищева. Этот фактор, разумеется, необходимо иметь в виду. Но, если учесть, что, помимо «крамольной» книги Радищева, в архиве Воронцовых при М. С. Воронцове появляются и другие «потаённые» книги, запрещенные властями и расходящиеся в рукописных копиях, как, например, мемуары Екатерины II, записки Е. Р. Дашковой и ряд других секретных документов, то исследователям русской общественно-политической мысли начала XIX в. следует, по-видимому, более внимательно отнестись к М. С. Воронцову как политическому деятелю.

Э. ХЕКСЕЛЬШНАЙДЕР

ОТКРЫТИЕ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ РАДИЩЕВУ В ЛЕЙПЦИГЕ

В последние десятилетия совместными усилиями ученых разных стран (прежде всего ученых СССР и ГДР) был собран и проанализирован большой материал, свидетельствующий о тесных культурных связях русского и немецкого народов в течение трех веков. Многие факты культурных взаимоотношений и литературных взаимосвязей сегодня известны не только среди специалистов, но благодаря инициативе и популяризаторской деятельности многих литературоведов и историков и среди более широких слоев общественности обеих стран.

Свидетельствуют об этом и памятные места, посвященные русским и советским писателям в ГДР: А. С. Пушкину и В. А. Жуковскому в Веймаре, А. М. Горькому в городах Херингсдорф (на о. Узедом) и Бад Зарове. Известностью пользуется и дом-музей М. В. Ломоносова в городе Фрейберге, где великий сын русского народа в 1739—1740 гг. учился в горной академии.

Теперь знаменитый своим революционным историческим и культурным прошлым и богатый давними русско-германскими традициями, Лейпциг также обладает местом, напоминающим о пребывании А. Н. Радищева, великого просветителя, писателя и революционера, в стенах города в 1767—1771 гг. 3 ноября 1974 г. была открыта на улице Хайнштрассе, 8, одной из самых оживленных улиц в центре города, мемориальная доска знаменитому выпускнику Лейпцигского университета.

В связи с 225-летием со дня рождения А. Н. Радищева и в день открытия традиционных Дней советской книги в ГДР состоялось торжественное заседание общественности города Лейпцига. Организаторами выступили городской комитет культурбунда ГДР (организации художественной и научной интеллигенции), совет города Лейпцига и Лейпцигский университет им. Карла Маркса. В традиционном зале старинной ратуши в праздничной атмосфере собралось около 1000 человек, представители города и университета, среди них и группа советских писателей и искусствоведов. Автор настоящей заметки выступил

с торжественным словом о Радищеве и его времени; читались отрывки из произведений поэта.¹ После чествования участники радищевских торжеств собрались перед домом № 8 на улице Хайнштрассе, где в студенческие годы Радищев жил вместе со своими друзьями. Д-р Р. Герке, советник по делам культуры совета города Лейпцига, один из инициаторов чествования, и В. Ежов, член коллегии Государственного комитета Совета министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, открыли мемориальную доску, созданную лейпцигским скульптором Хансом Йоахимом Фёрстером (Hans Joachim Förster). На гранитной плите золотыми буквами написаны на немецком языке слова:

ALEXANDER
NIKOLAJEWITSCH RADISTSCHEW
1749—1802
RUSSISCHER SCHRIFTSTELLER
AUFKLÄRER REVOLUTIONÄR
WOHNTE
1768—1771
IN DIESEM HAUSE

(Александр Николаевич Радищев 1749—1802. Русский писатель, просветитель, революционер жил в 1768—1771 гг. в этом доме).

Мемориальная доска прикреплена к дому, где Радищев жил дольше всего во время своего пребывания в Лейпциге: русская студенческая колония располагалась в 1767—1771 гг. в трех квартирах, точнее, даже в четырех, а не в двух, как полагают такие исследователи, как П. Гофман и А. Г. Татаринцев.²

Первым, хотя и кратковременным (не больше месяца) местом жительства Радищева в Лейпциге была гостиница «Голубой ангел» («Blauer Engel»), переименованная в конце XVIII в. в «Hotel de Russie». Ныне там стоит ярмарочный дом «Петергоф» (Peterhof).³ Отсюда студенты со своим гофмейстером Бокумом переселились в дом на Йоханингассе, 8, за городской стеной. Дом, владельцем которого был купец Крейхауф, во время второй мировой войны разрушен.⁴ Здесь, по предположению П. Гофмана, вероятно, встречались Радищев и Гёте;⁵ здесь в основ-

¹ См.: *Хексельшнайдер Э.* Чествование А. Н. Радищева в Лейпциге. — Рус. лит., 1975, № 3, с. 246—247.

² См.: *Hoffmann P.* Radišev in Leipzig. — In: Karl-Marx-Universität Leipzig, 1409—1959. Beiträge zur Universitätsgeschichte. Bd I. Leipzig, 1959, S. 197, 200; *Татаринцев А. Г.* А. Н. Радищев в Лейпциге. — Zeitschrift für Slawistik, 1974, Bd XIX, H. 5, S. 629.

³ *Hoffmann P.* Russische Studenten in Leipzig 1767—1771. — In: Deutschslawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, S. 339.

⁴ Там же, с. 339.

⁵ Там же, с. 347—348.

ном и развернулись события знаменитого студенческого «бунта» против Бокума.

В течение 1768 г. в связи с конкурсом Крейхауфа (как полагает П. Гофманн) студенты переселились в центр города, на Хайнштрассе, 8.⁶ Дом этот принадлежал купцу Карлу Паулу Рабенхорсту (Carl Paul Rabenhorst), который его продал, видимо, в 1775 г. Д. Хольдерридеру (D. Holderrieder), бургомистру города Наумбурга. По данным Лейпцигского городского архива можно доказать, что, несмотря на частые смены владельцев и изменения номеров, именно здесь жили русские студенты.⁷ В доме в последние десятилетия размещалась частная пекарня (которая и сейчас еще находится там), сам дом охраняется как памятник архитектуры. Дом Хайнштрассе, 8, состоит из переднего, двух боковых и поперечного здания. Они образуют совместный комплекс с маленьким двором, о котором кабинет-курьер Михаил Яковлев в январе 1771 г. после возвращения из Лейпцига в Петербург писал: «Дом, в котором живут, построен тесно и высоко, двор же имеет в длину 4, в ширину 2 сажений, и находящиеся в оном посторонние жильцы льют изо всех этажей всякую нечистоту, от чего по тесноте двора спирается эта вонь так, что в комнате дверей отворить не можно».⁸ Здесь в очень бедной обстановке жил на втором этаже А. Н. Радищев со своим другом А. М. Кутузовым: «У них одна комната посредственной величины и спят в той же комнате и сделанной в стене глухой от полу и до потолка перегородке такой величины, как кровати стать могли, и от того что воздух не может порядочно проходить, всегда сырость».⁹

Жадный Бокум обкрадывал студентов, где и как только мог, что и отметил Яковлев в докладной записке: «В бытность мою в Лейпциге, усмотря на порядочное господина майора Бокума вверенных в его смотрение молодых господ дворян российских содержание, не мог я без примечания это оставить <...> И в каком видел я их худом состоянии, а именно худобу покоев их, постель, белья и обуви, содержание в пище».¹⁰ Недаром в связи с такими условиями жизни Радищев часто хворал. Во время визита Яковлева студенческая колония численно уже уменьшилась, остались из 18 студентов только 7, а именно: А. Радищев, А. Кутузов, А. Рубановский, С. Янов, И. Насакин, В. Зиновьев и Д. Олсуфьев. А. Несвицкий и Ф. Ушаков умерли в 1770 г. в этом доме (о чем сообщалось в местной прессе); М. Ушаков еще в 1768 г. уехал в Россию; В. Трубецкой и П. Челищев еще до приезда Яковлева были Бокумом отправлены в Петербург.

⁶ Там же, с. 348.

⁷ Ср. письмо директора городского архива Тиме советнику по делам культуры города Лейпцига Герке от 10 мая 1974 г.

⁸ Старцев А. Университетские годы Радищева. М., 1956, с. 87.

⁹ Там же, с. 87.

¹⁰ Там же, с. 86.

Несмотря на скромные, даже бедственные внешние условия жизни, годы жительствова на Хайнштрассе, 8, несомненно, были для Радищева в научном отношении весьма плодотворными; ведь именно тогда он очень серьезно занимался и написал первое, не дошедшее до нас научное сочинение.

Может быть, именно с инспекцией Яковлева и его докладной запиской А. В. Олсуфьеву был связан переход, теперь уже четвертый, в новую квартиру: в дом Томазиуса на рынке.¹¹ Полагаем, что переселение (в прошлом не замеченное исследователями), вероятно, состоялось не раньше, чем в 1771 г., так как рапорт Яковлева был датирован 11 января 1771 г.¹² Это и была последняя лейпцигская квартира А. Н. Радищева.

¹¹ Leipziger Adreß-, Post- und Reise-Calender. Auf das Jahr Christi MDCCLXXI. Leipzig, с. J. 1771, S. 91.

¹² Старцев А. Университетские годы Радищева, с. 86.

В. Д. РАК

ОБ ОДНОЙ ОШИБОЧНОЙ АТРИБУЦИИ

Некоторое время тому назад Г. П. Шторм высказал предположение о принадлежности А. Н. Радищеву статьи «Путешествия», напечатанной в 1797 г. в тринадцатой части журнала «Приятное и полезное препровождение времени».¹ Атрибуция писателю такого масштаба, как А. Н. Радищев, нового произведения (сколь бы оно ни было мало по объему) — это чрезвычайно ответственный шаг и событие огромной важности в литературоведении; она сопряжена с большой научной ответственностью и требует тщательнейшего исследования всех доводов «за» и «против», особенно если нет прямых документальных свидетельств, подтверждающих авторство. Особой осторожности требует опубликование атрибуций в массовой печати, так как после этого они оказываются часто очень живучими даже в тех случаях, когда позднее обнаруживается их несостоятельность, и продолжают долго переходить из одного популярного издания в другое в качестве доказанного факта, а также проникают в педагогическую практику.

Между тем, выдвигая свою гипотезу, Г. П. Шторм не привел ни одного сколько-нибудь убедительного с точки зрения текстологии доказательства в ее поддержку. Главным основанием для того, чтобы приписать указанную статью Радищеву, послужил для него комплекс якобы радищевских идей, которые он в ней усмотрел. Из приводимых цитат и пересказа содержания статьи с полной очевидностью вытекает, что этот комплекс состоит главным образом из общих мест Просвещения XVIII в. Не убедительно звучит и ее сопоставление с девятым параграфом записки «О законоположении», так как в конечном итоге оказывается, что «удивительная общность их основных идей»² сводится лишь к тому, что в обоих сочинениях говорится о пользе путешествий в целях самообразования и изучения чужеземных нравов и за-

¹ Шторм Г. «Нам вольность первый прорицал...» — Лит. газета, 1973, № 34, 22 августа.

² Здесь и далее в кавычках без ссылок приводятся цитаты из статьи Г. П. Шторма.

конов. Эта мысль была настолько банальна, что, наверное, в XVIII в. трудно было бы найти того, кто ее не разделял. При отсутствии серьезных доказательств ни в коей мере не придает убедительности гипотезе указание на то, что в Илимске Радищев получал «Приятное и полезное препровождение времени» и что редактор этого журнала П. А. Сохацкий «был, видимо, близко знаком с Радищевым через своего земляка и приятеля М. И. Антоновского».

Свою аргументацию Г. П. Шторм заключает словами: «От решающего вывода воздержусь только из принятой в таких случаях осторожности». Они, впрочем, не отвергают основного тезиса статьи: «Итак, наиболее вероятно, что это все-таки Радищев, расширивший рамки избранного им жанра и одновременно заявивший о верности своему „Путешествию“ как книге наилучшей „для тех, кто умеет ее читать“». Однако именно в данном случае осторожность не помешала бы исследователю, так как эта «неуценная, скорее всего радищевская, необыкновенная статья» еще тринадцатью годами ранее была напечатана в журнале «Покоящийся трудолюбец» под заглавием «Общие примечания о путешествиях».³ Достаточно самого беглого сличения текстов, чтобы установить, что в «Покоящемся трудолюбце» и «Приятном и полезном препровождении времени» напечатаны разные переводы одной и той же иностранной статьи. Эта статья, имевшая на французском языке заглавие «Observations générales sur les voyages», принадлежала перу маркиза Мазона де Пезе (Masson de Pezay, Alexandre-Frédéric-Jacque, 1741—1777). В «Приятном и полезном препровождении времени» она была переведена, по всей вероятности, по перепечатке в многотомном французском издании «Занимательное собрание путешествий в стихах и прозе».⁴

То обстоятельство, что статья «Путешествия» оказалась переводной, особенно наглядно демонстрирует легковесность аргументации Г. П. Шторма, который для большей убедительности своей точки зрения лишил всех иностранцев, живших в XVIII в., способности любить свою страну, чтобы, исходя из этого ложного тезиса, сделать следующий вывод в подкрепление своей гипотезы: «Текст статьи как будто не вызывает сомнений в том, что это не перевод, а произведение оригинальное, русское и притом выстраданное. Иностранцы так о своей земле не писали».

В переводе, напечатанном в «Приятном и полезном препровождении времени», опущены все те места оригинала, которые в 1797 г. должны были звучать радикально. Так, например, не

³ Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. 2, с. 125—134.

⁴ Recueil amusant de voyages, en vers et en prose; faits par différens auteurs, auquel on a joint un choix des épitres, contes et fables morales qui ont rapport aux voyages, vol. 1. Paris, 1786, p. 7—21; 2-nd ed., vol. 1. Paris, 1787, p. 7—21. Первую публикацию этой статьи и источник, которым пользовался переводчик «Покоящегося трудолюбца», установить не удалось.

переведен занимающий в подлиннике несколько страниц проект, предлагающий искать мыслящих молодых людей, которых стоило бы посылать в путешествия за границу на счет государства, среди учащихся незнатного происхождения, выходцев из бедных семей. Попутно опущены также насмешки над дворянскими неучами и светскими шалопаями.⁵ Вряд ли после этого можно говорить о верности идеям «Путешествия из Петербурга в Москву», которую Г. П. Шторм обнаружил в этой статье! Переводчик «Покоящегося трудолюбца» в свое время, напротив, воспроизвел все соответствующие места подлинника, причем в отдельных случаях их русифицировал, придав им тем самым ббльшую полемичность и злободневность.⁶

В 1797—1798 гг. в «Приятном и полезном препровождении времени» было помещено несколько переводов, выполненных, по всей видимости, разными людьми, но из одного и того же источника, из которого, в частности, была, очевидно, заимствована и статья «Путешествия». Среди них есть переводы, подписанные криптонимом «И», которым, по сведениям Д. Кобеко, пользовался В. С. Подшивалов.⁷ В том числе этим криптонимом подписан перевод другой статьи Масона де Пезе.⁸ Вопрос о переводах из «Занимательного собрания путешествий» и лицах, их осуществлявших, должен стать предметом самостоятельного исследования. Однако уже сейчас видно, насколько поспешным и необоснованным было следующее заявление Г. П. Шторма: «Ни редакторы журнала — П. А. Сохацкий и В. С. Подшивалов, ни кто-либо из его сотрудников, судя по их тематике и стилю, не могут оспаривать у Радищева авторство этого анонимного сочинения».

Таким образом, вся «аргументация» Г. П. Шторма — это сплошная цепь произвольных, ничем не подтверждаемых построений, конструируемых при полном небрежении правилами атрибуции.

⁵ Recueil amusant de voyages. . . , vol. 1, p. 9, 12—17.

⁶ Покоящийся трудолюбец, 1784, ч. 2, с. 126—128, 130—131.

⁷ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I. М., 1956, с. 400.

⁸ Восхождение солнца: Вид Женевского озера. — Приятное и полезное препровождение времени, 1797, ч. 15, с. 3—13. Оригинал: Lever du soleil, vu des bords du Lac de Geneve. Promenade sur le lac. — In: Recueil amusant de voyages. . . , vol. 1, p. 309—321.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. К., переводчик 11
 Абляева Н. Г. 149
 Август (Октавиан) 16
 Азадовский М. К. 224
 Айдарова В. Н. 100
 Александр I, император 118, 119, 123, 138, 143, 145, 240, 243
 Александренко В. Н. 235
 Алексеев М. П. 115, 116, 200, 223
 Алексеев П. 105
 Алексей Михайлович, царь 48
 Алексей Петрович, царевич 207
 Алпатов М. А. 149, 170
 Алтышуллер М. Г. 114, 115, 131, 132
 Андерсон В. 222
 Аничков Д. С. 110, 111
 Анна Ивановна, императрица 110, 160
 Антоний Марк 108, 177
 Антоновский М. И. 115, 252
 Анучин Д. Н. 243, 244
 Аргамаков А. В. 152
 Аргамаков С. 161
 Аргамакова В. А. 152
 Аргамакова Ф. С. см. Радицева Ф. С.
 Арндт Б. Ф. 225, 231, 233
 Арсений Могиланский, митрополит 226
 Асмус В. Ф. 144

 Бабкин Д. С. 26, 40, 51, 83—85, 88, 91, 94, 115, 137, 153, 156, 242
 Бантыш-Каменский Н. Н. 132, 235
 Барклай Дж. 100, 107
 Барсков Я. Л. 29, 46, 91, 93, 149, 154
 Барсов А. А. 13, 20, 111
 Батеньков Г. С. 32
 Батюшков К. Н. 128, 129
 Бахерахт А. Г. 231
 Бахтин М. М. 73, 81
 Бебель Г. 224
 Безбородко А. А. 154, 237
 Бекетов П. П. 231
 Белинский В. Г. 139
 Белосельский-Белозерский А. М. 7
 Белявский, адресат послания Е. Станевича 119
 Белявский М. Т. 170—172
 Беницкий А. П. 129
 Берков П. Н. 4, 18, 19, 33, 56, 70, 101, 193, 202, 228
 Бернадский В. Н. 50
 Бернулли И. 225
 Берх В. Н. 203
 Бестужев А. А. 32
 Бецкий И. И. 190

 Бёрк Э. 8
 Бильбасов В. А. 242, 243
 Бирюков П. И. 142
 Благой Д. Д. 105, 224
 Бланд И. И. 197
 Бланд И. Я. 197
 Бланд С. Ф. 185, 195—197
 Бланды 197
 Бленд И. И. см. Бланд И. И.
 Близендорф, гувернантка, 203
 Блэкстон В. 111
 Блэр Х. 11, 15
 Бобров С. С. 114—125
 Богданович И. Ф. 171, 225, 228, 233
 Боголюбовы, племянники А. А. Радицева 153
 Богомолов, Ефим 91
 Бокум Г. Г. 76, 248, 249
 Болтин И. Н. 105
 Бонуар 37
 Бордес 36
 Борн И. М. 124
 Боян 133
 Брайдон П. 23
 Брайко А. И. 240
 Брайко Г. Л. 225
 Брайко Е. Г. 239
 Брайко М. Г. 239, 240
 Браун И. 226
 Брежинский А. П. 131
 Бровцын Т. 157
 Брут, Марк Юний 31, 32, 36
 Брюс Я. А. 145
 Бужинский Г. 109
 Бужо Л. 208
 Булатницкий Е. 203
 Булаховский Л. А. 110, 112
 Булгаков Я. И. 240
 Бурк см. Бёрк Э.
 Бэкон Ф. 108
 Бюшинг А. Ф. 227

 В. С., переводчик 11
 Вавра Я. 184, 185, 187—189, 191—193
 Вальц И. И. 93, 154
 Вевер Х.-Л. 184, 186
 Вейтбрехт И. Я. 225, 231
 Вениаминов П. Д. 111
 Вергилий 134
 Веселитский В. В. 102, 103, 108, 110
 Виланд Х. М. 229, 231
 Виноградов В. В. 104, 106, 108
 Винокур Г. О. 103, 112
 Виньерон Ж. 202, 203
 Витофт Т. 157
 Вицман А. 193
 Воейков А. Ф. 130

- Волконский Ф. Ф. 158
 Волчков С. С. 103
 Вольтер Ф.-М. 166—169, 171
 Воронцов А. Р. 81, 82, 152, 162, 236, 238—240, 242—244, 246
 Воронцов М. С. 152, 238, 244—246
 Воронцов С. Р. 197, 236—239, 243, 245
 Воронцовы 7, 40, 41, 44, 240, 242—245
 Востоков А. Х. 124—131
 Вяземский А. А. 156, 161
 Вяземский П. А. 128, 129, 130
 Гавриил, епископ Тверской 168
 Гайдн Ф. Й. 87
 Гайо де Питаваль Ф. 206, 218—220, 224
 Галаган Г. Я. 139
 Галактионов А. А. 53, 65
 Галинковский Я. И. 134, 135
 Галлер А. 232
 Гамалея С. И. 226
 Гамбергер Г. Хр. 227
 Гардер Х. Б. 33
 Гаттерер И. Х. 227
 Гейм И. 195
 Гейнекций И. Г. 13
 Геллерт Хр. 76
 Гельбиг Г. 242, 243
 Гельвеций К.-А. 34—36, 39, 55—58
 Гердер И. Г. 15, 46, 63, 146—148
 Герке Р. 248, 249
 Герцен А. И. 38, 70, 145
 Гершель В. 120
 Гёте И. В. 248
 Глинка С. Н. 226
 Глинка Ф. 136
 Гнедич Н. И. 129, 135
 Гюмон-Дзюбанова Н. М. 101
 Годунов, Борис 48, 157
 Годунов С. С. 157
 Голенищев-Кутузов П. И. 118
 Голицын Д. А. 167
 Голицын Н. 242
 Голохвастов П. Д. 137
 Гольбах П.-А. 55
 Гольденвейзер А. Б. 142
 Гомер 11, 133, 134—136
 Гораций 16, 127
 Горький А. М. 247
 Гофман П. 248, 249
 Грез Ж.-Б. 230, 231
 Греч Н. И. 225
 Грибоедов А. С. 33
 Григорий Назианзин 106, 107
 Григорий, предок А. Н. Радищева 151, 156, 164
 Гримм Ф.-М. 74
 Громыко М. М. 196
 Грот Я. К. 110, 227, 231
 Грубер Т. 189
 Гуковский Г. А. 3, 6, 17, 26, 27, 52, 67, 77, 80, 81, 109, 169, 170, 182, 224
 Гуппель А. 190
 Гурьянов В. П. 71
 Данилов М. 157
 Данилов Н. 160
 Данилов Р. 157
 Дашкова Е. Р. 243, 246
 Девиленев 93
 Деволан Ф. П. 116
 Демосфен 8
 Денисов А. П. 224
 Державин Г. Р. 97, 98, 108, 115, 126, 131, 134, 225, 230, 231, 235, 237, 244
 Десницкий С. Е. 104, 105, 107, 110, 111
 Дидро Д. 56
 Дикенсон, английский купец 195
 Диоген 34
 Дмитриев И. И. 119, 128, 129
 Добровский Й. 185—188, 193, 195, 196
 Добролюбов Н. А. 225, 231, 232, 235
 Долгорукий И. М. 119
 Доктуров, дьяк 158
 Дьякова М. А. 230
 Евгений (Болховитинов Е. А.) 134, 225
 Евдокия Федоровна, царица 159
 Евсюков Я. 165
 Ежов В. 248
 Екатерина II 34, 42—44, 46, 47, 49, 50, 59, 73, 118, 123, 134—144, 166—169, 171, 174, 176, 179—181, 183, 186—191, 193—197, 211, 226, 227, 235, 236, 240, 242, 243, 245, 246
 Елеонский С. Ф. 105
 Елизавета Петровна, императрица 20, 23, 42, 110
 Елизаветина Г. Г. 70
 Елизарий, предок А. Н. Радищева 151, 156, 164
 Еспов Н. 165
 Ешевский С. В. 228
 Жуковский В. А. 127, 136, 247
 Заиченко Г. А. 55
 Замятнин Ф. 159
 Западов В. А. 19, 29, 30, 36, 45, 59, 91, 93, 94, 131, 140
 Зверев И. 165
 Зиновьев В. Н. 249
 Зыбелин С. Г. 110, 111
 Иванов И. И. 37, 233
 Измайлов Вл. 119

І. П., переводчик см. Павел, перомонах

Каган Ю. М. 224

Калигула Гай Цезарь 62

Калмыкова А. М. 137, 145

Каменский З. А. 53

Кавт И. 65

Кантемир А. Д. 135, 236

Канвист В. В. 135, 136, 230, 235, 236

Карамзин Н. М. 9, 64, 70, 72, 103, 104, 107, 108, 110, 112, 114, 119, 123, 126—128, 129, 130, 131, 136, 167, 171

Карл V 208, 209

Карякин Ю. Ф. 117, 118, 141

Катения П. А. 136

Катон Марк Порций 36, 37

Кассий 108

Квинтилиан Марк Фабий 14

Кирпичников А. И. 200—202, 204, 222, 224

Клейст Х. 232

Клепиков С. А. 244

Клочков, антиквар 244

Ключевский В. О. 76

Княжнин Я. Б. 50, 225, 226

Кобеко Д. 253

Кобенцл Л. 186—188

Ковелин, дяк 159

Козодавлев О. П. 169, 244

Коллинз, английский ученый 121

Кольбер Ж.-Б. 230

Кондильяк Э. 55

Кондорсэ Ж. А. 118

Константин, предок А. Н. Радищева см. Радищев К. Е.

Коллан Б. 174, 175

Кочеткова Н. Д. 3, 117, 170

Крейхауф, купец 248, 249

Криденер А. И. 238

Крылов И. А. 140, 175

Кугушев Я. 165

Кук Дж. 119

Кукушкина М. В. 244

Кулакова Л. И. 11, 19, 29, 30, 36, 45, 53, 56, 60, 70, 113, 115, 140

Кунай см. Радищев К. Е.

Купреянова Е. Н. 21, 142

Куракин Ф. С. 158

Курбатов П. П. 167

Курганов Н. Г. 103, 199—224

Курций Руф Квинт 78

Кутузов А. М. 20, 21, 70, 75, 77, 79, 80, 93, 194, 249

Кутузов М. И. 143

Кюхельбекер В. К. 127, 136

Лакомб де Презель О. де 206, 223

Лампадиус В. 187

Ланге И.-П. 215

Лаштин И. И. 63

Левик В. В. 33

Левин В. Д. 106, 108

Левшин П. Е. (Платон) 8, 13, 14

Лейбниц Г. В. 64

Ленин В. И. 144, 145

Лехтблау Л. Б. 106, 109

Лецинский С. 235

Лизакевич, переводчик 236, 238

Линкург 46, 141

Литовченко Е. И. 99, 103, 105

Литта Ю. П. 188

Локк Дж. 55, 56, 65, 122, 123

Ломоносов М. В. 8, 9, 11, 17—27, 39, 47, 91, 96, 100, 107, 108—111, 123, 125, 135, 202, 207, 209, 212, 247

Лонгинов М. Н. 40, 83, 89, 95, 96, 152

Лонгинов Н. М. 152

Лопухин А. А. 195

Лопухин И. В. 37, 38

Лотман Ю. М. 40, 53—55, 57, 69, 106, 130, 134, 135, 144, 146

Лузянина Л. Н. 6

Лукреция 36

Луппол И. К. 53

Львов Н. А. 230, 231, 235, 237

Любомиров П. Г. 149, 150

Любомиров П. Р. 82

М. К. 168

Мабли Г.-Б. 46, 100, 107

Майер Я. 183

Макогоненко Г. П. 12, 21, 44, 53, 54, 56, 67, 69, 70, 83, 85, 93, 95, 96, 113, 117, 118, 136, 144, 194, 199

Малиновский А. Ф. 132

Мальцева И. М. 103, 107

Мандельштам О. Э. 82

Марат Ж.-П. 143

Марин В. В. 152

Марин С. Н. 152

Марина Е. В. 152

Маркс К. 56

Мармонтель Ж.-Ф. 166—177, 179—182, 206, 211

Мартынов И. Ф. 225, 244

Масанов И. Ф. 253

Маслова Е. М. 214

Масолов Е. 165

Масон де Позе А.-Ф.-Ж. 252

Матковская И. Я. 146

Мейер Д. И. 139

Меншиков А. Д. 203

Мерлин, помещик 161

Мерсье Л.-С. 37, 175

Меценат, Гай Цильний 16

Миллер Г.-Ф. 40, 47, 225, 233

Мильтон Дж. 109

Миних Х. 160

- Мишкина Н. Ф. 32
 Мирабо О.-Г. 8, 176
 Михаил Федорович, царь 158, 163
 Михайлов Иван 118
 Модзалевский Л. Б. 13, 18
 Моисеева Г. Н. 242
 Молотков А. И. 103, 107
 Молчанов А. Е. 71, 160
 Мольер Ж.-Б. 5
 Момджян Х. Н. 56
 Монгольфье, братья 119, 120
 Монтескье Ш.-Л. 46, 139, 140, 142
 Морозов П. О. 233
 Мурзанова М. Н. 207
 Мыльницков А. С. 183
 Мюллер Макс 147
- Нагай см. Радищев Нагай
 Наполеон 117, 122, 144
 Нарезный В. Т. 127
 Нартов А. 223
 Насакин И. Я. 249
 Невзоров М. И. 119
 Неккер Ж. 230
 Нерон Клавдий Цезарь 16, 62
 Несвицкий А. В. 249
 Никандров П. Ф. 53, 65
 Николай I, император 145
 Новиков Н. В. 224
 Новиков Н. И. 30, 54, 76, 115, 145, 167, 187—191, 194—196, 198, 202, 203, 234
 Норберг, шведский капитан 195, 196
 Нордстет И. 103
 Ньютон И. 122, 123
- Овидий 116
 Олсуфьев А. В. 250
 Олсуфьев Д. А. 249
 Оранский, принц 106
 Орлов В. Н. 124, 126
 Орлов О. В. 4
 Остерман И. А. 239
 Остроухов П. 183
 Осман 133, 134
- Павел I, император 143, 154, 188, 240
 Павел, иеромонах 13
 Павел, священник 10
 Паллцин А. А. 126, 127
 Паллас П. С. 195
 Панчулидзе А. 165
 Пенле Ж.-Р. де 206—211
 Пестель И. Б. 187, 188, 195
 Петр I, император 19, 20, 22, 23, 36, 48, 74, 75, 118, 123, 137, 172, 207, 227, 228
 Петров К. А. 71
 Петров Н. И. 226
- Петрова З. М. 103, 107
 Писарев А. А. 131
 Питаваль Ф. см. Гайо де Питаваль
 Питт У., Старший 8
 Пифагор 141
 Платон 14
 Платон, митрополит см. Левшин П. Е.
 Плимак Е. Г. 53, 117, 118, 141, 146
 Плутарх 31, 32, 39
 Пнин И. П. 124
 Погожев В. П. 71
 Подшивалов В. С. 253
 Позняков, дьяк 160
 Покровский С. А. 53, 141, 146
 Поленов В. А. 126
 Полетика Г. И. 239
 Поликарпов Ф. 103
 Политковский Ф. Г. 104, 111
 Померанцева Э. В. 224
 Попиллий 108
 Попов С. 160
 Попов Ф. 225
 Поповский Н. Н. 13, 18
 Посников З. Н. 152
 Посников П. Н. 152
 Потемкин Г. А. 235
 Походяшин Г. М. 195, 196
 Походяшины 195
 Прозоровский А. А. 177, 178, 195—197
 Прозоровский С. В. 158
 Прокопович Ф. 9, 109, 110
 Прокудин М. 168
 Пугачев В. В. 140
 Пугачев Е. И. 142, 143, 144, 194
 Пушкин А. С. 64, 78, 89, 126, 170, 176, 247
 Пушкин И. М. 157
 Пуцин И. И. 32
 Пыпин А. Н. 169
- Рааб Х. 193
 Рабенхорст К. П. 249
 Радищев А. А. 153
 Радищев Абрам В. 156, 160, 164
 Радищев Авдей В. 156, 164
 Радищев А. И. 157
 Радищев А. К. 156, 159, 163
 Радищев А. Н. 150, 151, 155, 156, 161, 162
 Радищев А. П. 149
 Радищев Афанасий (больш.) П. 156, 164
 Радищев Афанасий (меньш.) П. 154—156, 160, 163, 164
 Радищев Василий Абрамович 156, 164
 Радищев Василий Александрович 151, 157

- Радищев В. К. 156, 159, 160, 163, 164
 Радищев Григорий Елизариевич 157
 Радищев Григорий Емельянович 156, 164
 Радищев Г. П. 156, 164
 Радищев Д. А. 156, 160, 164
 Радищев Д. Е. 150, 151, 156, 164
 Радищев Е. П. 156, 164
 Радищев Е. У. 156, 164
 Радищев И. Г. 156, 164
 Радищев И. Н. 150, 151, 155, 156, 161, 162
 Радищев К. Е. 149—152, 156, 164
 Радищев К. И. 152, 163, 164
 Радищев М. А. 156, 164
 Радищев Михаил Н. 150, 151, 153, 154, 161, 162
 Радищев Моисей Н. 155, 156, 161, 162
 Радищев Нагай 149—152, 156—158, 164
 Радищев Николай Авдеевич 156, 164
 Радищев Николай Александрович 26, 124, 149—152, 157
 Радищев Николай Афанасьевич 154—156, 160—165
 Радищев Н. Д. см. Радищев Нагай
 Радищев П. А. 93, 131, 149—154
 Радищев П. Г. 156, 164
 Радищев П. К. 155, 156, 159, 160, 163, 164
 Радищев П. Н. 155, 156, 161, 162
 Радищев С. Н. 150, 151, 155, 156, 161, 162
 Радищев Т. А. 156, 159, 164
 Радищев Т. П. 156, 160, 164
 Радищев У. А. 156, 164
 Радищев Я. И. 158, 159
 Радищева А. В. 153
 Радищева Н. Н. 155, 161, 162
 Радищева Фаина Н. 155, 161
 Радищева Федосья Н. 155, 161, 162
 Радищева Ф. С. 152, 155, 161, 162
 Радищевы 154—156
 Радлов Э. Л. 53
 Рак В. Д. 199, 201, 208, 251
 Раушенбах Б. Э. 203
 Ревякин А. И. 224
 Рейналь Г. 34, 74
 Ресто П. 206, 212
 Робеспьер О.-Ж. 176
 Рогов И. М. 53, 194
 Родышевский М. 110
 Рожиссар де 218, 224
 Роллен Ш. 108
 Рондо П. 206
 Рубановская А. В. 61, 71
 Рубановская (Радищева) Е. В. 151—154
 Рубановский А. В. 70
 Рубановский А. К. 249
 Руссо Ж.-Ж. 5, 34, 35, 36, 39, 46, 56, 69, 70, 76, 109, 139, 142, 169
 Рылеев К. Ф. 31, 32, 241
 Саблье Шарль 37
 Салтыков Б. М. 157
 Севинье М. де Рабютен 74
 Семевский В. И. 170
 Семенников В. П. 111, 115, 116, 141, 194
 Семенов М. П. 214
 Семенов П. 201, 203, 206, 214, 215, 217
 Сепников Г. И. 175
 Сервантес М. де 78, 223
 Сеченов Д. 110
 Синецкая М. А. 244
 Синецкая П. Т. 202
 Сиповский В. В. 166
 Скафтымов А. П. 26, 101, 102
 Скворцов А. 76
 Скворода Г. С. 168
 Смирнов С. К. 13
 Смит А. 111
 Солон 141
 Сорен Б.-Ж. 67
 Сорокин Ю. С. 101, 104
 Сохацкий П. А. 252, 253
 Спектор М. М. 53
 Срезневский И. И. 103, 106
 Станевич Е. 119
 Старцев А. И. 12, 22, 73, 75, 140, 249, 250
 Стасов В. В. 137
 Степанов В. П. 202
 Степанов Н. Л. 73
 Степанов Ф. 157
 Стерн Л. 17
 Стриттер И. Г. 195
 Стурдза А. С. 127
 Сулковский Ф. 229
 Сумароков А. П. 9, 126, 127
 Сумарокова М. Л. 161
 Сухомлинов М. И. 45
 Сцевола Муций 36
 Тарановский Ф. 140
 Татаринцов, секретарь 160, 165
 Татаринцев А. Г. 17, 75, 194, 248
 Татищев В. Н. 40, 47, 49, 105
 Тацит Корнелий 10, 11
 Тебиев Б. К. 241
 Теплов В. Е. 207, 208, 211, 212
 Террассон Ж. 23
 Тиберий Клавдий Нерон 62
 Тиверий II 166, 168, 169, 177
 Тирсо де Молина 222
 Тит 177
 Тодль Э. Г. 32

- Толстой Л. Н. 137—148
Траян 200
Тредиаковский В. К. 39, 100, 104, 106—108, 111, 113, 114, 125, 134, 135, 212
Троицкий С. М. 44, 203
Трубецкой В. П. 249
Трубецкой П. И. 244
Тургенев А. И. 127, 128
Туголмин Т. И. 236
Тучков С. А. 115
Тынянов Ю. Н. 73
- Уваров С. С. 135, 136
д'Увиль А. 200, 222
Ушаков М. В. 249
Ушаков Ф. В. 5, 10, 12, 16, 22, 41, 42, 52, 56, 58, 59, 69, 75, 76—79, 243, 249
- Фальконе Э.-М. 74
Федер И. Г. Г. 227
Федор Иванович, царь 48
Федоров В. И. 4
Феофан см. Прокопович Феофан
Фёрстер Х. Й. 248
Филиппов Л. А. 53
Финкельштейн Н. А. 81
Флоринский К. 110
Фокс Ч. Дж. 8
Фонвизин Д. И. 9, 10, 13, 23, 24, 44, 49, 101, 106, 108, 111, 152
Франклин В. 119
Франц, австрийский император 186
Францев В. А. 185, 188, 195, 196
- Хамицаева О. А. 224
Хвостов Д. И. 134
Хексельшнайдер Э. 247
Хемницер И. И. 230, 231, 235, 236
Херасков М. М. 106, 108
Хольдерридер Д. 249
Хотек И. 188
Храбровицкий А. В. 153
- Царевский А. А. 92
Цицерон Марк Туллий 8, 11, 14, 16, 17, 108
- Чартог А. В. 165
Челищев П. И. 249
Чулков М. Д. 131, 203, 205, 206, 224
- Шалikov П. И. 107
Шанский Н. М. 103
Шарыпкин Д. М. 166
Шевырев С. П. 13, 18
- Шепиковский С. И. 73
Шиллер Ф. 5, 33, 34, 39
Шинкарух В. И. 53
Шишков А. С. 126, 127, 132, 133—135
Штейнпресс Б. С. 87
Штернберг И. 183—198
Шторм Г. П. 83—88, 90—94, 154, 251—253
Шуликов С. А. 152
Шумилов В. Н. 92, 93
- Щабельский П. К. 166, 168, 176
Щербатов М. М. 137, 168, 169, 227, 228
Щипанов И. Я. 41
- Эзоп 233
Эйхенбаум Б. М. 114, 139, 140
Эмин Ф. 107
Энгельс Ф. 56
Эразм Роттердамский 25, 228
Эрнести И. А. 11, 13—17
- Юлий Цезарь, Гай 31
Юнг Э. 20
Юстиниан 166, 177, 179, 181
- Яворский Стефан 109
Якобий И. В. 161
Яковлев М. 249, 250
Янов С. Н. 22, 73, 75, 79, 249
- Barrat G. 144
Bittner K. 63, 146
Boyer A. 201
Ducry S.-J. 201
Ferrara Francesco 120
Grasshoff 53
Hainsworth G. 223
Hanuš J. 185
Henri IV 206
Hoffmann R. 12
Lenel S. 166
Lezay Andrieux 34
Louis XIV 206
Lurivière Ch. 168
Masaryk Th. 52
McConnel A. 69, 146
Mendelssohn Moses 53
Meusel J. G. 12
Raquelaure A.-G.-J.-B. 200
Schmidt H. 146
Stefánek J. 184
Steinhausen G. 73
Stötzer U. 15
Witkovski T. 69, 70

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
I	
Н. Д. Кочеткова Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века	8
Ю. М. Лотман. Из комментариев к «Путешествию из Петербурга в Москву»	29
Г. Н. Моисеева. Русская история в творчестве Радищева 1780-х годов	40
Л. Н. Лузянина. Литературно-философская проблематика трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии»	52
Г. Я. Галаган. Герой и сюжет «Дневника одной недели» Радищева. Вопрос о датировке	67
Р. М. Лазарчук. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра	72
А. Г. Татаринцев. К вопросу о творческой истории оды «Вольность» Радищева	83
А. А. Алексеев. Старое и новое в языке Радищева	99
М. Г. Альтшуллер. Поэтическая традиция Радищева в литературной жизни начала XIX века	113
Г. В. Краснов. Лев Толстой и Радищев	137
II	
А. Г. Татаринцев. Неизвестные родословные документы Радищевых	149
Д. М. Шарыпкин. Радищев и роман Мармонтеля «Велизарий»	166
А. С. Мыльников. Иоахим Штернберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева	183
В. Д. Рак. «Присовокупление второе» в «Письмовнике» Н. Г. Курганова	199
И. Ф. Мартынов. Журналист, историк и дипломат XVIII века Григорий Леонтьевич Брайко	225
Г. Н. Моисеева. Экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева в архиве Воронцовых	242
Э. Хексельшнайдер. Открытие мемориальной доски Радищеву в Лейпциге	247
В. Д. Рак. Об одной ошибочной атрибуции	251
Указатель имен	254